



*Ан Ци  
Серебряная куница с  
крыльями филина*

# Ан Ци

## Серебряная куница с крыльями филина

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69571105](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69571105)*

*SelfPub; 2023*

### Аннотация

Прекрасный приключенческий роман начинается вроде с простого дела с которым обратились в детективное агентство "Ирбис", но для того, чтобы решить все вопросы и найти загадочно пропавшую Эрну пришлось немало потрудиться и поездить. Зато нас ждут великолепные описания уголков Франции и Рождества в Мюнхене. Интересно погрузиться в психоанализ и узнать можно ли перепрограммировать человека. А также совершить экскурс в историю и узнать что за диковинный зверь на старинном медальоне. Всех ждет живое и увлекательное повествование.

# Содержание

# Ан Ци

## Серебряная куница с крыльями филина

### 1. Агентство Ирбис

—

Пётр Андреевич, спасибо, что Вы меня сразу согласились принять! – посетитель совершенно явственно волновался. – Я в такой страшной тревоге и растерянности... Я, понимаете, совершенно не по этому делу. Никогда не сталкивался с подобными вещами, не знаю, что предпринять. Я убежден – надо срочно действовать, но как? Я инженер, я любую машинку почию, от зажигалки до монитора, но такое! А Вы юрист. Вы ведь юрист дипломированный, а не только этот... как его...

– Частный сыщик? – рыжий парень с густой шевелюрой и ржаными усами, в чёрной спортивной рубашке и серых брюках, засмеялся. Веснушки запрыгали на его щеках, весёлые серые глаза с пушистыми ресницами округлились, брови сделались домиком.

Посетитель сидел в приёмной агентства под названием «Ирбис», протянув ноги к печке. Перед ним была именно печка, а не камин, и её чугунная дверца излучала сухое теп-

ло. Это было очень приятно в такой холодный осенний день, и хозяин, он же бывший следователь Пётр Андреевич Синица, взял да отворил дверцу совсем. Пламя загудело, отразившись в зеркале с деревянной рамой. Отблески заплясали на фигуре барса из бронзы на письменном столе и стёклах больших книжных шкафов, расположенных от него по левую руку. Синицинская рыжая шевелюра засветилась колдовским нимбом.

В приёмной было полутемно. Горела только настольная лампа со стеклянным зелёным абажуром.

– Подождите, Сева. Можно, я Вас Севоёй буду называть? Я всё-таки постарше, мне за тридцать, а Вы вместе с кем-то из маминых школьных, то есть я хочу сказать,

с детьми её школьных, МИЭМ кончали? Мама позвонила, и я время назначил. Успокойтесь! Положите вот тут на столик свой портфель и расскажите всё по порядку.

– Точно! – посетитель, прижимавший к сердцу объёмистый портфель с блестящими замками, рассеяно воззрился на свои руки, шумно вздохнул и опустил его на пол. Настоящий верзила, с широкими плечами и мощной шеей спортсмена, на голову выше своего визави, сидевшего в кресле, он был чисто выбрит и одет в добротный синий костюм. Весь его ухоженный вид, красивый галстук, даже вышеупомянутый дорогой и модный портфель совершенно не вязались с несчастным выражением длинноватого лица с крутым подбородком.

– Пётр Андреевич, тут такая петрушка. Мне двадцать шесть. У меня два друга есть. Один – Вовка, это он из МИ-ЭМА, его мама, слава богу, меня к Вам послала, а то я... Ну да ладно. Вот. А другой – Пашка. Он сейчас за границей. С ним мы в школе учились. Ваша мама как раз в Мюнхен улетала, да... Сплошные мамы... Но с Вовкиной – тётей Ирой и Катериной Александровной всё в порядке, а у Пашки Мухаммеда мама пропала! Просто так исчезла без следа. А он в Базеле и ничего не знает ещё. А я не знаю, как быть... И объяснить даже нелегко – никто не верит. И навредить я боюсь...

Злосчастный Сева почувствовал, что запутался, и в отчаянии махнул рукой.

– Стоп, – Пётр Синица, давно переставший смеяться, поднялся и положил руку ему на плечо, – Сева, Катерина Александровна – моя собственная мама, Ира – её подруга, мама Вашего одноклассника Вовы. А Мухаммед?

– Мухаммед – Пашка Мухаммедшин. Его мама – Эрна Александровна. Вот она и пропала. Я сейчас, Пётр Андреевич. Извините. Я уже собрался. Я расскажу.

Севка Польских и Мухаммед отучились вместе с первого по десятый. Они сидели на одной парте, делали вместе уроки, ездили к Севке на их дачу, Севкин папа брал ребят на рыбалку, возил на машине на Селигер. Пашка ночевал иногда дома у Севки и лопал там с удовольствием свежие щи с бородинским хлебом, а на второе домашние котлеты с обя-

зательным картофельным пюре и квашеной капустой.

Младший Польских с предками был в хороших отношениях. Папа инженер-строитель и мама – заведующая районным детским садом не особенно наседали на парнишку. «Да что я там забыла в этой школе?» -говорила мама, пропуская очередное родительское собрание. Впрочем, сын вполне пристойно учился и обычно огорчений не доставлял. Севка с удовольствием смотрел по вечерам с «папкой» хоккеей, по-маленьку канючил, чтобы выпросить у «мамули» денежку на кино, кафе, а потом и на электронные штучки, охотно трепался на тему «а что тебе подарить на день рождения, сыночек?» или «джинсы хочешь? Пойдём, померишь!» Но с любой своей передрягой он бежал скорей к Мухаммеду.

А у Мухаммеда не было ничего. Бог ты мой, какие там квартиры-дачи-машины? Они жили в огромной коммуналке в комнатёнке, выходящей окнами во двор-колодец без единого деревца. Сразу за дверью за ширмой помещалась узкая Пашкина кровать, покрытая шотландским пледом. Над круглым столом висела лампа с вовсе уже не модным оранжевым абажуром, но маме нравилось, и она не хотела её менять. Слева всю стену занимало чёрное лакированное пианино фирмы Шрёдер и большой коричневый шкаф, слегка отодвинутый вперёд, потому что за ним мама на ночь раскладывала кресло-кровать. Пашкин велосипед висел на стене в коридоре. Там же стояли две пары лыж – до седьмого класса – мамины подлиннее, Пашины покороче, а потом уж

мамины, как и были, Пашины – подлиннее.

Да, тот, кто приготовился услышать историю о родителях алкоголиках, ошибся. У «Мухаммедов», правда, не было ничего, зато у Паши была Мама.

Сева в этом доме про папу ничего не слышал. Он с удивлением осознал, что до сих пор понятия не имеет, что у них стряслось. Были они женаты, нет ли? Если папа умер, он бы, наверно, знал. Во всяком случае, единственная роскошь в комнате – деревянные чешские застеклённые полки – принадлежала маме. В бывшем барском особняке, переделанном в доходный дом, сохранились высоченные потолки, они и позволяли иметь эти книжные трёхметровые стеллажи. Здесь в два ряда стояли диковинные книги на трёх языках. Тут можно было увидеть академические собрания сочинений классиков, поэтов серебряного века, античные трагедии, а рядом любимых маминых англичан – Диккенса, Теккерея и Шеридана, Филдинга, Мэриотта, Вальтер Скотта и Голсуорси.

Бальзак, Стендаль, Мопассан, Бомарше, Гюго и Мольер – на французском, немецкие и австрийские прозаики – на немецком, книги по истории искусств, философы, историки – Карамзин, Соловьев, Тарле, даже Иловайский в твердых хороших переплётах радовали библиофильский глаз.

Отдельно несколько полок занимали сочинения Фрейда и Юнга, Шарко и Бехтерева и многих, многих других. Тут уже полно было толстых специальных сборников – трудов Акаде-



мии Наук, авторефератов диссертаций, научных статей, отчётов и докладов конференций.

Севка в детстве имел весьма отдалённое представление, чем таким занималась Пашина мама. Точно врач. Определённо, работала она одно время в больнице – когда Севин папа болел, ей звонили, спрашивали совета. Но тогда он – шалопай, подросток – мало что понимал. Папу оперировали, и вроде всё обошлось. Нет, он помнил – это были «мужские дела», потому его – мальчика никто в известность ставить и не спешил. А потом настали новые времена, и Эрна Александровна стала где-то консультантом.

– Они, знаете, Пётр Андреевич, очень, очень скромно жили. Но Пашка всегда в выглаженной рубашке и брюках со стрелочками ходил. А мама его... Я Вам тут фотографии принёс, сами увидите. Только помню, однажды разговор взрослых слышал, это на выпускном было, и родители пришли нас поздравить. Она шла с букетом цветов, а в стороне целая группа из класса «А» стояла. Мы-то «бэшники» были. Да, так вот. Мужики на неё смотрят, и один говорит: «Это доктор Мухаммедшина, я её знаю. Интересно, не намазана, не расфуфырена, вовсе не красавица, а все обернулись!» А другой: «Нет, она подкрашена, но в самую меру. И одета со вкусом. Элегантная женщина!».

Он покопался в портфеле и вынул пачку фотографий, затем выбрал из них одну. На ней была изображена женщина среднего роста лет сорока пяти в светло-сером англий-

ском костюме. Не толстая, не худая. Густые пушистые слегка выющиеся тёмные волосы с несколькими высветленными прядками аккуратно подстрижены. На ногах изящные туфельки на небольшом каблуке. В руках вместо дамской сумки – кейс. Серьги, три тоненьких цепочки на шее, что ещё? Да ничего. Ничем непримечательное лицо. Действительно, не красавица. Вот только глаза – большие, спокойные, умные совершенно медового цвета. Необычные какие глаза! Господи, и на кого-то страшно похожи!

– Так, Сева, это правильно. Вы мне обязательно о них всё подробно должны рассказать. Каждая мелочь может пригодиться. Мы потом ещё раз с помощниками к этому вернёмся, если, конечно...

– Что, Вы думаете, её нет в живых? – помертвел молодой человек и привстал со своего места.

– Да нет, господь с Вами, если она просто скоро сама не найдётся! Слушайте, мы ещё до главного не добрались. Что стряслось-то?

– Ну, понимаете, года три назад у Эрны кто-то умер и комнату ей оставил. Да не здесь, а в Питере. Вот они две эти комнаты продали, своих денег добавили, ещё призаняли и купили двухкомнатную хрущёбу. То-то радости было! Кстати, Пашка тогда уже кончил университет, у Эрны Александровны очень много работы стало, оба начали часто по командировкам ездить. Она медик, доктор наук, долго работала урологом. А потом стала специализироваться на сексопа-

тологии. И вот, знаете, теперь я у них стал иногда ночевать, да не один... Тут такое дело. Я до сих пор с родителями живу. Мы с Зинулей решили: можно, ясное дело, снять квартиру, я хорошо зарабатываю, она тоже, но уж лучше мы подождём пару лет, а потом поженимся и свою купим. Поэтому мы откладываем.

– Сева, а Зина это...? – движением руки остановил его Пётр.

– Моя девушка, её Зина Горошек зовут. Я вижу, Вы уже улыбаетесь. Все улыбаются! Самое интересное, она, правда – горошек. Маленькая такая, мордашка круглая, но палец в рот не клади! У неё свой косметический салон, она врач-косметолог. Ну, по правде говоря, не салон, а салончик. Она там днюет и ночует, всё сама и каждую копейку для дела бережёт. Вот я Вам сейчас фотографию покажу! – Сева вытащил солидный бумажник и открыл его. На плотном кусочке фирменного картона, вставленного в пластиковое окошко, весело улыбалась очаровательная курносая девушка с великолепным цветом лица. Сева с гордостью поглядел на фото, затем бережно его спрятал и снова заговорил. – Словом, когда Мухаммедов зимой в Москве нет, мы обычно живём у них. Летом-то у Зинули дача. Сами понимаете, мы у Мухаммедов всё знаем – я и Зинуля. С другой стороны, и квартиру, когда надо, всегда на меня оставляют – цветы полить, за почтой следить ну и т. д. Ключи запасные тоже у меня. В этот раз вот что получилось: Пашка уже полгода в Швей-

царии, у него отличный английский и немецкий, он там работу нашёл, у него контракт на два года. Мы договорились, что «ответственным по маме» остался я. И уж если что, Эрна сразу ко мне. С компьютером тоже я помогаю, она нормальный пользователь, но, если что посерьёзней, мне всегда звонит. И теперь я для неё должен был кое-что по статистике инсталлировать, ей для работы надо было. Ну, как всегда, условились ещё раз созвониться заранее, подтвердить, что у нас обоих нечего не изменилось. Я и звоню – никто не подходит. Домой – никого. Мобильный – не отвечает. На работе то же самое – никто ничего не знает. Коротко говоря, я обзвонился, начал очень беспокоиться и, наконец, просто сам пришёл. Ключ, как я уже сказал, у меня есть.

А дома всё в полном порядке, всё на своих местах и, как всегда, блестит и сверкает. Только видно, что цветы не поливали денёк-другой. Вот и всё. Что делать? Ну, я ушёл! – Сева замолчал и нахмурился. Пётр внимательно смотрел на него и ждал продолжения. – С тех пор прошла неделя, Пётр Андреевич! Я всех, кого мог, опросил. Сами понимаете, навёл справки, куда в таких случаях обращаются, если человек пропал. Нигде её нет, а в милиции говорят – взрослый человек имеет право Вам о своих планах не сообщать, Вы ему никто! Рано ещё подавать заявление. Вот так. Я пока Паше не звонил, потому что он... Но это другая история.

Молодой инженер торопливо рассказывал о случившемся. На его лице отражалась тревога и огорчение. Но вдруг

лоб его разгладился, и на губах появилась улыбка.

– Я все – Мухаммедов, Мухаммедов. А Пашка говорил, что маму в школе дразнили по-другому. Ее там Мухой называли. И понятно – девочку как-то не с руки Мухаммедом, – поднял он глаза на Синицу и примолк.

Директор «Ирбиса» тоже помолчал. А потом кивнул.

– Хорошо, я понял, – мы сейчас паузу сделаем, так как наши с Вами сорок пять минут истекли. Я должен заняться другими неотложными делами, а с Вами дальше ребята поработают. Я у нас – «начальник конторы», а сейчас придут мои ассистенты. Они всё запишут, Вы оставите свои телефоны, и мы договоримся о следующей встрече. Да, имейте в виду, заявление в милицию у Вас всё равно не примут. Нужен запрос с работы. Ну, это мы всё позже организуем. А от Вас нам требуется сначала поручение и доверенность.

– Так, значит, – „Муха»? – переспросил Синица в заключение. – Ну что же, так дело и назовем. Внятно и лаконично. Ничего лучшего не надо.

Пётр Андреевич встал, пожал Севе Польских руку, повернулся было, чтобы уйти, как вдруг спросил.

– Ваша Зинуля какого, Вы сказали, роста?

– Я... нет, не сказал. Она маленькая очень, метр пятьдесят два, а что? – изумился Сева неожиданному повороту разговора.

– Э, разве это маленькая! Горошек, говорите? – он улыб-

нулся.

В это время лёгкий скрип двери и хлопанье крыльев заставили вконец растерявшегося Севу оглянуться. Из глубины приёмной к нему кто-то шёл... нет, шла! Вот же юбка.

Девочка лет десяти в клетчатом платье с белым воротником мелкими шагами направилась к нему, приветливо улыбаясь. На плече у неё, как ни в чём не бывало, сидел пёстрый попугай Лори и вертел головкой с желтым крючковатым клювом. Настольная лампа и пламя печи освещали хорошо только небольшой круг. Девочка заговорила, попугай щёлкнул клювом, крупное полено распалось с треском на угольки.

Когда Сева Польских снова повернулся, «начальник конторы», как и полагается «неуловимому сыщику», исчез. Девочка выговорила несколько слов, которых он не расслышал, но она уже стояла в круге света и протягивала ему руку. Всеволод всмотрелся. На него глядело вполне взрослое маленькое миловидное личико в облачке белокурых волос.

– Здравствуйте, я помощница Петра Андреевича Лукерья Костина, можно Луша, – услышал он.

– Лукер-р-р-р-ья, кр-р-р-р-асные пер-р-р-ья, пр-р-р-роверь, пр-р-роверррь, – вдруг отчётливо протрещал попугай и смолк.

## **2. Доктор Эрна Мухаммедшина. Прием**

У Петра Андреевича Сеницы с утра была деловая встре-

ча, закончившаяся ко взаимному удовольствию сторон. Клиент рассыпался в благодарностях, жал ему руку и лепетал.

– Слушайте, это отлично, что Вы мне настоящее завещание нашли! Но главное, я так рад, что это не она... Это было бы для меня... ну, Вы понимаете!

И переходил на свистящий шепот. Наконец он иссяк и вручил директору «Ирбиса» гонорар. Ему непременно хотелось это сделать самому и непременно наличными. Клиент еще раз поблагодарил, раскланялся, и Петр остался один.

Он не любил возиться с дензнаками. Но ничего не поделаешь. Ему удалось только выговорить себе евро в качестве платежного средства. Теперь Синица упихивал толстый красивый конверт с тиснением и фирменным логотипом заказчика во внутренний карман пиджака. За этим занятием и застал шефа его ассистент Олег Майский, пришедший обсудить текущие дела и распоряжения.

– Петрус, что там у тебя? Не влезает? Так засунь в стол!

– Шалишь, в стол. Тогда уж в сейф, но вообще ты прав, какая-то ерунда. Это мы денежку за дело о завещании для Коростылева получили. И раз ты здесь, то положи, пожалуйста, весь «миллион» на валютный счет конторы. Сам Коростылев еще приглашает нашу бражку в Зеленоград на дегустацию.

– Хорошее дело! – одобрил его слова Майский. – Приятно иметь дело с ресторатором. Это тебе не сексопатолог.

– Ты хочешь сказать, от сексопатолога дегустаций не до-

ждешься? Можно попробовать, если ты настаиваешь, только вопрос в том, что именно. Олег покраснел как девушка, замахал руками и Синица, смеясь, замолчал. Тогда Майский снова заговорил.

– Кстати, шеф, как я понял, мы за дело этого Севы беремся без разговоров. Он же «блатной»! Его к тебе знакомые послали?

– Ты что это придираешься с утра? – удивился Синица.

– Луша вчера закинула невод и не нашла на него ничего. У нас нет на этого Севу никаких противопоказаний. И знакомым помочь тоже святое дело! А то сразу – блатной!

– Петя, я шучу. Я что хотел сказать: я все кивал с умным видом, когда мы это дело между собой предварительно обсуждали. Ты тоже сейчас веселишься как знаток. А я, честно говоря, понятия не имею, что делает такой врач. Как он работала, эта Эрна?

Крупный мужчина в светлом плаще подошёл к неприметному серому дому, толкнул тяжёлую дверь, вошёл в вестибюль и оглянулся.

«Тут должен быть вахтёр. Или, или регистратура. Это поликлиника, в конце концов, или... Опять – или. Заклинило меня на этом «или»! А потому что нервничаю. И стесняюсь безумно. Как я ей расскажу? Господи, да ещё женщина! Хорошо, хоть не молоденькая... Костя сказал, ей должно быть за сорок. Он откуда-то её давно знает. Э, стой! Вот сра-



зу два лифта, а рядом таблички. Ага: «Консультация «Ариадна». Доктор медицинских наук Э. А. Мухаммедшина. Третий этаж. Он вызвал лифт. Где-то наверху закричало, и мужчина в ожидании кабины постарался взять себя в руки. Он снял большие роговые очки и протёр стёкла.

В сыроватом пустом вестибюле было пусто, чисто и тихо. Суматошный сентябрьский осенний день, ветреный и промозглый, с бесконечными телефонными звонками, расписанием занятий, обсуждением «нагрузки» преподавателей, конференций, диссертаций подчинённых и результатов зачисления студентов на первый курс остался, наконец, позади. Он пригладил седоватый ёжик волос над выпуклым лбом и скомандовал своему лицу принять независимое и спокойное выражение. Из лифта он вышел уже решительным шагом, откинув голову назад.

Перед дверью с табличкой «Ариадна» мужчина остановился, достал конверт, на котором наискось синим фломастером была начертана цифра семь, опустил в прорезь на манер почтового ящика и позвонил.

Через несколько минут дверь отворилась. Пожилая маленькая медсестра поздоровалась и, ни о чём не спрашивая, проводила его в небольшую комнатку-предбанник, в которой кроме стула, вешалки, откидного пюпитра для письма и ещё одной двери напротив не было ничего.

– Раздевайтесь, пожалуйста, и подождите. Вас вызовут, – вымолвила она и оставила его одного. Щёлкнул замок.

– Эрна Александровна, Вы просили напомнить!

Ладный брюнет небольшого роста вошёл в кабинет и затворил за собой дверь. Женщина, сидевшая в глубине комнаты за письменным столом, оторвала глаза от компьютера. Над дверью на небольшом табло высветился номер шесть.

– Да, Эдик?

– Я говорю, Вы просили напомнить про «седьмого». Он пришёл, это тот самый ректор от Константина Антоновича. Сейчас у Вас «повторница» девушка, а потом он.

– Эдик, ты с ума сошёл! Ты бы ещё его по имени отчеству назвал! Ради бога – полная анонимность!

– Да я его и ведать не ведаю – имени-отчества. Надо же мне пациента как-нибудь назвать? Константин Антоныч тогда при мне Вас просил, вот я и... да Вы не беспокойтесь! Его сестра в «одиночку» проводила. Оттуда он прямо к Вам.

– Хорошо. Пусть заполнит опросный лист и выберет себе имя. А мы с тобой после «шестой» делаем перекур. Скажи Рае – мне чай и бутерброд с сыром. Ну и себе...

Эдик, молодой практикант, окончивший недавно ординатуру, растворился за одной из дверей, ведущий в просторный кабинет, а Эрна Мухаммедшина на минуту прикрыла глаза.

«Что-то сегодня голова чумная. Болит? Нет, скорее, кружится. И устала. Ну, ничего. Ещё только три человека. Из них два «повторника». С ними всегда легче. Последний – во-

обще одно удовольствие, у него всё налаживается, в следующий раз пусть приходят вдвоём, и вообще сделаем перерыв! И «шестая» – тоже не страшно.»

Эрна щёлкнула мышкой, проглядела пару таблиц и удовлетворённо вздохнула.

– Так, эта даже под своим настоящим именем, зовут Ритой, не стесняется, значит уже полдела.

Эрна нажала кнопку, табло засветилось зелёным цветом: «следующий!», и в комнату, улыбаясь, вошла тоненькая девушка в джинсах.

### **3. Свидетельница Зина Горошек**

– Севочка, я доехала до Чистых прудов и вышла. Что? Нет на трамвае, мне так удобней, а теперь куда? Хорошо, я заворачиваю. Это – какая? Бывшая «Чернышевского»? Надо улицу перейти? Ох, здесь такое движение! Ты, главное, мне скажи, когда в переулочек. Нет, Маросейку я хорошо знаю, она и была Маросейкой. Как, забыла? Это ты забыл, мы же здесь поблизости жили, когда я маленькая была. Подожди, вот и магазин. А потом? Два раза налево? – Очень хорошенькая девушка в яркой красной куртке и чёрных брюках, прижимая к ушку рукой в замшевой перчатке мобильный, быстро шла по узкому переулочку. Она свернула во двор, пересекла его и опять завернула налево за облезлый и грязный флигель. – Ой, Севочка, я нашла! Да какой там адрес! Это про-

сто теремок, почему ты мне не рассказал? Ладно, мы с тобой позже поговорим. Я уже звоню, пока!

С этими словами она выключила и сунула в сумку телефон, взбежала на высокое крыльцо и позвонила в дверь с вывеской: «Агентство Ирбис».

Домик, перед которым стояла Зина Горошек, был и вправду достоин упоминания. Теремок не теремок, но как же это он уцелел в современной Москве? Двухэтажный дом, как прежде говорили, стоял на подклети. К единственной входной двери фасада вели целых десять ступенек. Добротное кирпичное крыльцо, дубовая дверь, аккуратно оштукатуренные стены, а пуще всего двускатная черепичная крыша делали его похожим на уютный жилой особняк. Под крышей имелись два окна, забранные красивой узорной решёткой. И Зина подумала, что «домик – крошечка, наверное, вполне вместительный, несмотря на свои размеры. Любопытно, живут тут или работают?»

Прошло минуты две. Наконец входная дверь зажуужала и отворилась. Зина вошла в прихожую и толкнула ещё одну дверь.

Большая комната, открывшаяся перед ней, ничем не напоминала ни гостиную, ни избушку на курьих ножках. В ней стояли три письменных стола: один побольше и два поменьше. Всё остальное – удобные стулья, кресла для посетителей, книжные шкафы светлого дерева, – выглядело тоже вполне обычно. Только вместо фронтальной стены взгляд упирался

в большие плотные шторы из толстого гардинного полотна, опускавшиеся от пола до потолка.

«Ой, нет. Не так уж и обычно!» Около самого большого из столов, украшенного бронзовыми фигурами животных, располагалась настоящая голландская печь, облицованная бело-голубыми изразцами. В верхней её части в нише лежали напиленные полешки, а на полке пониже булькал большой пузатый чайник с деревянной ручкой. Перед печкой был прибит к полу лист металла, отливающий красной медью.

Зина перевела глаза на стену. Там висело несколько портретов. Мужчина и женщина средних лет, держащиеся за руки. На заднем плане горы с языками снежников на хребтах. Рядом лошади под седлом -каурая и гнедой. Пониже – девушка в белом халате немного постарше Зинули. Рыжеватые волосы забраны под докторскую шапочку. В центре же прямо над столом в матовой металлической раме помещался портрет собаки – крупной серой с белым лайки с голубыми глазами. Под портретом висел пергамент, на котором китайской тушью была выполнена кисточкой какая-то надпись.

Зина подошла ближе. «Детективное агентство «Ирбис», – прочла она. До назначенного времени оставалось три минуты. Комната была пуста, однако...

«Кто-то ведь впустил меня» – подумала девушка и сказала в эту пустоту:

– Здравствуйте, я пришла по вызову Петра Андреевича. Моя фамилия Горошек. Через три, вернее, две минуты два-

дцать секунд будет точно шесть пятнадцать, когда я должна...

– Зинаида Михайловна, здравствуйте и садитесь. Спасибо, что Вы так точны. Извините нас, пожалуйста. Я спускаюсь, я иду, я уже здесь! Услышала она голос, раздавшийся откуда-то сверху. Шторы с лёгким шорохом раздвинулись, образовав метровую щель, и она увидела лестницу, уходящую на антресоли, и спускающегося с неё человека.

«Нет, это не может быть шеф, сам Пётр Андреич! Сева сказал, он молодой и рыжий. А этот... чёрт знает, есть ему пятьдесят или поменьше, но уж ничего рыжего тут не ночевало!»

Худой довольно высокий мужчина был лыс как бильярдный шар. Он был одет в синие джинсы, клетчатую рубашку и вязанный красный джемпер. Его живые тёмные глаза за стёклами очков приветливо улыбались. Когда он подошёл, Зина поколебалась, но на всякий случай спросила.

– Пётр Андреевич?

– Нет, конечно. Я его помощник, второй ассистент. Я, вообще говоря, биохимик. Тут у нас и лаборатория есть. Мы экспресс-анализы сами делаем. А если уж что-то сложное, то... Ох, что это я Вам голову морочу? Пётр Андреевич подъезжает, он уже на Земляном. Вы понимаете, Зинаида Михайловна, мы всё делаем вместе, то есть общие вещи каждый должен уметь. Мы друг друга заменяем, если надо, но у нас и специфика своя, а то как же! Я, например, на трапеции

не умею. Или там жонгляж... А Луша, та в газовой хроматографии ничего не смыслит или... Да что там, она и с бинокляром обращаться не обучалась, не то, что с электронным микроскопом!

Зина слушала, не перебивая, эту необыкновенную тираду. А «биохимик», тем временем, подвёл её к письменному столу поменьше.

– Зинаида Михайловна, это мой. Мы с Вами сейчас заведём на Вас карточку.

Он отомкнул ящик и достал ноутбук, и тогда Зина осознала, что на столах нет привычных глаз компьютеров.

– Простите, как Вас зовут? Вы меня величаете по имени отчеству, а я даже и обратиться к Вам не могу.

– Что я за рассеянный жук! Даже не представился. Меня зовут Олег. Олег Майский.

– Разве бывают рассеянные жуки?

– Так, видите ли, моя фамилия...

– Ох, как это я сразу не догадалась? Но у меня в голове возник только месяц май. Значит, Олег... Ну так вы меня, пожалуйста, тоже Зиной зовите, а то я не привыкла. Да, Олег, а как же Вы меня просто так впустили? У вас тут никакого мужичка с кобурой не видно. Даже консержки, и той не завели!

– Бездельников не к чему плодить. Я сказал уже – мы всё сами. Зиночка, всех секретов я Вам всё равно не открою. Но «просто так» сюда к нам войти нельзя. Вы пока мне на сло-

во поверьте, хорошо? Майский включил ноутбук в сеть. Его пальцы забегали по клавиатуре. На экране появилась... Зинаина фотография и надпись: Зинаида Михайловна Горошек. А под ней большая таблица.

– Это... Олег! – воскликнула Зина, – я Вас вижу впервые в жизни, я здесь никогда не была, так откуда тогда вот... вот... – Руки Зины были заняты сумкой и телефоном. Она зачем-то его из нее достала по рассеянности, и как раз собиралась снова туда сунуть. Поэтому на своё изображение, таинственным образом возникшее на дисплее, она возмущённо указывала подбородком. И так как Майский, несколько озадаченный её энергичным протестом, улыбаясь, молчал, продолжила с не меньшей эмоциональностью. – Вы что же, следите уже за нами? Или только за мной одной?

– Что Вы, Зиночка! Не сердитесь. Ну, какая, к дьяволу, слезка? Посмотрите, ведь это фотография, которую Ваш Сева носит с собой. Мы её сканировали и ввели всюду, куда требуется. Поймите, вот придёт к нам девушка и скажет, что она Зина. Как мне это проверить? А бывают всякие варианты. Да и, как Вы убедились, входное устройство тоже правильно сработало. Я дал ему команду впустить Зину Горошек, и Вы вошли!

– Уф! Извините. Очень уж вышло неожиданно. Я до сих пор никакого опыта, никаких контактов с такими делами... С пропажами, розыском, детективами никогда дела не имела. Я ведь не из пугливых. Только... Да ладно, чепуха, давай-



те работать, – с облегчением рассмеялась Зиночка и уселась рядом с компьютером.

– Вот и хорошо. Это я виноват, не предупредил, – добродушно развёл руками Олег. – Мы сейчас всё, что нужно внесём, а тем временем шеф прибудет. Тогда чай будем пить. Чайник готов, я сейчас заварю, и Луша придёт! У нас земляничное варенье есть, пахнет офигительно!

– У Вас и так тут пахнет необычно... и впрямь теремок, даром, что с виду контора как контора. Чем это...? Знаете, просто опасно, можно расслабиться, так и контроль над собой потеряешь!

– Не пугайтесь, это травами пахнет, ну и печкой. Я травы разные собираю. А теперь серьёзно! Зиночка, я Вам буду задавать вопросы. Но Вы совершенно не обязаны отвечать. Процедура такая – Вы сначала принимаете решение, отвечать или нет. И единственная просьба – если согласны, то говорите правду.

– А если не согласна?

– Вы так и скажете, а я в таблицу внесу. Для этого есть коды, например, «БК», что значит, без комментариев, затем «НС» – нет сведений, ну и т. д. Вы готовы? Тогда начали.

Зинуля быстро и толково отвечала про «год рождения-профессию-образование» и прочее. Но порой она энергично качала головой, разводила руками или пожимала плечами, и тогда в таблице появлялись прочерки, БК и НС.

Минут через десять всё из-за тех же штор в комнату один

за другим вошли рыжий и весёлый Пётр Андреевич и крошечная Луша. За окнами совсем стемнело. В удивительной «конторе» под завыванье осеннего ветра сделалось необыкновенно уютно. Когда таблица была закончена, трое соратников объявили, что всё готово, и все они вместе сейчас отправятся за таинственную занавесь пить чай, а потом уж Пётр Андреевич собственной персоной побеседует с Зиной о пропавшей Эрне Мухаммедшиной<sup>1</sup>.

Из-за штор, между тем, слышалось порой тихое бормотание, пощёлкивание, свистение, а то и поскрипывание дерева, и бульканье ручейка.

«Что бы это могло означать?» – пронеслось в голове девушки. – «Где-нибудь в другом месте я подумала бы про «экологическую» музыку» – звуки леса, успокаивающие нервы. Но здесь...»

И когда перед ней совершенно бесшумно, словно из ничего появилась вдруг большая пушистая японская лайка с голубыми глазами, широкой грудью и мощными лапами и ткнулась влажным носом в её левую руку, Зина уже даже не удивилась.

#### **4. Эрн Мухаммедшина продолжает прием**

– Здравствуйте, садитесь, пожалуйста. Меня зовут Эрн

---

<sup>1</sup> В книге «Черный портер» описано еще одно расследование, которое проводило агентство «Ирбис»

Александровна. Где Вам удобнее? Осмотритесь и выбирайте не спеша. У нас с Вами будет неторопливый разговор. Мне надо, чтобы Вы себя чувствовали комфортно.

– Здравствуйте, доктор. – Пациент, несмотря на все принятые здоровые решения, заметно спал с лица. Он остановился посередине просторного помещения, не зная, куда девать руки, и огляделся.

– Я врач, да ещё с большим клиническим опытом, это верно. Но сейчас я буду для Вас не доктор, а консультант. Если потребуется осмотр, мы это устроим. А сначала я должна разобраться. Смотрите, Вы можете просто сесть со мною за стол. Другой вариант – Вы садитесь в кресло за ширмой, так что мы друг друга не будем видеть. Иногда так легче рассказывать о себе. А ещё Вы можете прилечь на кушетку. У меня тут есть подушки на любой вкус. Свет тоже – яркий или нет, как прикажете... Кстати, как мне Вас называть, Вы уже выбрали? Вы же заполнили наш вопросник?

– Я... да, я написал... «Константин Эдуардович». Я в детстве, знаете, такое имя хотел. Как Циолковский! А потом почувствовал себя страшно глупо. Да ещё вспомнил, что сам от Кости пришёл, от Антоныча то есть. Ну бред. Раз уж Вы моего начальника и однокашника знаете, он Вам доверяет, и я приперся со своими трудностями... Доверять так доверять. И потом, я хоть и не Мона Лиза или президент США, но тоже... Если захотеть, вычислить меня не так трудно. Ну, короче, я – Владлен Николаевич. Президентом США Ряби-

нину Владлену Николаевичу стать бы не получилось. Президент по закону должен родиться в Штатах, Владик же по рождению и воспитанию был москвич, в Москве окончил физфак МГУ, распределился в крупный московский ВУЗ, защитил одну за другой две диссертации, всю жизнь преподавал физику и рос, проходя одну обычную ступень за другой. Он сделался своевременно доцентом, затем профессором, заведующим кафедрой физики и... Тут, надо сказать, «ветер перемен» вмешался в его упорядоченную жизнь достаточно радикально. Нет, ещё проректором, не будучи особым карьеристом, способному, надёжному, ответственному доктору наук вполне можно было стать. Особенно если ты понимаешь правила игры, не конфликтен и с кем надо, конформен. Но вот дальше... Ректорское кресло как генеральские погоны требовало совсем других амбиций, связей, влиятельных покровителей! Ничего такого Рябинин не имел и стать совсем большим начальником не мечтал. Только было такое время, помните? Нашим людям вдруг показалось, что образование – это не особенно важно. Мы, мол, как-нибудь и без этих, «больно умных учёных» обойдёмся! В институтах зимой тогда сделалось холодно и грязно. Преподавателям платили гроши, а поток абитуриентов уменьшился в разы. Народ побежал, куда глаза глядят. Долго ли коротко ли – «серьёзные дяди» ли замешкались, делили что-то другое, продавали-покупали, «Парад планет» в эти дни как раз образовался или в Книге судеб стояло его имя, только рек-

тором вследствие обширного инфаркта своего предшественника сделался Владлен Николаевич Рябинин, пятидесяти четырёх лет от роду, женат, детей нет, член почившей в бозе КПСС, по уши влюблён...

Эрна Александровна, эта история довольно давно началась. Я ещё тогда кафедрой заведовал. Ей было около тридцати, она только защитилась и из МИФИ к нам перевелась. Там ей доцентство не светило, а у нас года через три беспорочной службы это вполне реально. Надо, само собой, наукой заниматься, публиковаться, делать методические работы и... Впрочем, неважно.

Мне она понравилась сразу, но не больше. Флирт, правда, постепенно начался, не без того. У нас, как положено, что-то отмечали регулярно. Да и «престольные праздники» не забудьте вроде седьмого ноября и первого мая по старинке или новых этих... Словом, повод выпить по рюмочке, смотаться в ресторан и потанцевать всегда найдётся. Это, знаете, очень располагает, многие кафедральные романы так начинались. Но я человек осторожный. И она держалась корректно, никаких инициатив, ничего сверхэмансипированного в ней не было. Она, кстати, замужем тоже, я с ним знаком... В общем, я с ней танцевал, провожал пару раз домой, предпочитал её общество другим, и только. Ничего тогда у нас не случилось.

А через некоторое время я проректором, а потом и ректором стал. Мы с Ниной перестали видеться постоянно. И ещё – у неё не было детей, и тут вдруг узнаю, что она ушла в

декрет! Ну конечно, я её потом долго вообще не видел. Позвонил – поздравил, она в ответ тоже позвонила, и всё. И вот приходит она снова на работу, получает, наконец, своего доцента и приглашает всех коллег в ресторан. А я кафедру себе тоже оставил, когда большим боссом стал, чтобы окончательно не забуреть, да и положено по этикету... В общем, меня, разумеется, тоже пригласили, а я, хоть и занят был чрезвычайно, но явился. И вот с этой вечеринки что-то сдвинулось во мне. Я ей на следующий день позвонил, и мы встретились первый раз вдвоём – отправились в Пушкинский музей, потом на выставку Филонова. В следующий раз – в кино, она выбрала Годара. Потом гулять. Я её стал с работы встречать чуть не каждый день – ждал где-нибудь в подворотне как мальчишка. Пытался чем мог помочь – всё как раз исчезало, пустые полки в магазинах, инфляция чудовищная, а у неё малыш! Она мне потом сказала, что вовсе не была уверена, что готова на большее пойти, на развитие, так сказать, отношений! Ты мне, мол, раньше страшно нравился, но ты тогда осторожничал – как бы чего не вышло, а теперь я остыла. Мне приятно, конечно, твоё внимание, но... не знаю, не знаю!

Время шло, мы виделись уже постоянно, я сделался постепенно необходим, у нас образовалась какая-то своя общая жизнь, но хотите верьте, хотите – нет, полгода, целых долгих полгода – никаких близких отношений! А потом... Я и сейчас не знаю... Может, она меня пожалела? Она говорила:

«Ты так трогательно заботишься обо мне!» С мужем-то у неё не очень ладно стало, он вплотную занялся коммерческими делами, когда социализм начал рассыпаться, и они здорово друг от друга отдалились. Ну и однажды Нина всё-таки пришла ко мне!

Я уже в то время без неё совершенно не мог жить. Лекцию читаю, и вдруг накатывает горячая волна, в глазах темно, язык просто не слушается. Или в ректорате, в министерстве на коллегии, ещё где-нибудь среди больших бонз – что-то отчаянно важное происходит, я сам должен выступить или на вопросы ответить, принять какие-то решения, а я ничего, просто ничего не соображаю! Не слышу, что они говорят! Думаю, только о ней одной. Даже и не думаю вовсе, а горю, голова гудит, ощущение такое, будто воздух вокруг горячий, да ещё и красноватого цвета!

Он замолчал. Вытащил зачем-то авторучку, поискал что-то глазами на столе, но спохватился и раздражённо засунул её обратно. На лбу Рябинина появились мелкие капельки пота, а небольшие серые глаза за стёклами массивных очков сделались беспомощны и печальны.

Женщина, сидящая напротив, и не подумала его торопить. Она тоже сняла очки и тихонько вздохнула.

– У меня в горле пересохло. Я сейчас чаю попрошу. Присоединяйтесь! Или я Вам клюквенного морса могу предложить.

Владлен Николаевич с облегчением задвигался в кресле и

ухватился за брошенный спасательный круг.

– Эрна Александровна, вот зачем Вы спросили? Я сразу вспомнил! Я не пил и не ел с полудня. Но я потерплю, не в первый раз.

– Совсем не надо терпеть. У нас на втором этаже кругло-суточное кафе. Я распоряджусь, если хотите. У них отличные острые сосиски «гриль» с зеленым салатом.

– С удовольствием. А сейчас Вашего морса, если можно. Звучит очень соблазнительно.

Эрна позвонила по телефону, а Рябинин за это время передохнул. К его удивлению, пока она доставала из холодильника морс, наливала его в пузатый бокал, на что потребовалось всего несколько минут, в дверях появилась давешняя немолодая сестра с едой, и в воздухе разлился аппетитный дух жареного мяса. Сестра резво накрыла небольшой лёгкий столик на колёсах, подкатила его к ним и исчезла. Тогда они вместе перекусили и начали болтать о бесконечных реформах в высшем образовании. Владлен даже, незаметно разгорячась, заметил, что с этой чрезвычайно консервативной сферой обращаться следует очень осторожно, традицию необходимо беречь, новаторство дозировать аккуратно, уметь и тактично. Потому что наломать дров проще некуда, ломать не строить и... Тут он решительно положил вилку, сделал последний глоток и объявил.

– Знаете что, я, пожалуй, отправлюсь «за занавеску». Свет мы, действительно, сделаем не слишком ярким, и я начну. –



Эрна села по другую сторону от полупрозрачной ширмы, выключила верхний свет, отрегулировала специальную лампу, и потому видела теперь только его силуэт. Записей она при этом первом разговоре делать не стала. А пациент сначала говорил медленно и довольно громко. Затем он заволновался, голос его стал прерываться, понизился и под конец он почти шептал.

– Это для меня просто превратилось в кошмар! Я так её люблю! И она! Я теперь уж не сомневаюсь, что и она! И – ничего! Вы понимаете, никогда! И ни разу!

– Владлен Николаич, Вы уже сделали самое важное дело и преодолели главные трудности. Теперь у нас с Вами будут «рабочие» разговоры, и я стану задавать вопросы. Вы не устали?

– Устал безумно! У меня даже руки-ноги болят, будто после физической работы.

– Так и должно быть. Шутка ли – всё это рассказать постороннему человеку, переступить через самого себя! У нас с Вами есть ещё четверть часа до следующего пациента, но если хотите, мы закончим прямо сейчас.

– Нет, давайте я отвечу, если смогу.

– Хорошо. Сначала подведём итоги. Вы считаете, у Вас самого всё в порядке. Я буду называть вещи своими именами: у Вас никаких проблем с потенцией, Вы любите Нину, она – Вас. Интимные отношения между Вами с её стороны совершенно добровольны. Она не боится и не стесняется чрезмер-

но. Вы с ней нежны. Половой акт длится достаточно долго и повторяется неоднократно. И несмотря на всё это оргазма у неё никогда не бывает.

– Всё изложено совершенно точно.

– Хорошо. А скажите, пожалуйста, ей не больно?

– Не знаю... я не спрашивал. Но почему, ведь она же...?

– Вы хотите сказать, она взрослая женщина, даже и ребёнок есть. Ну и что? Ей может быть тем не менее больно по тысяче причин, и, в отличии от мазохистов, для обычного человека этого достаточно для аноргазмии.<sup>2</sup> Ещё вопрос. Вы разговариваете во время близости? Если да, то постарайтесь вспомнить, о чём?

– Ох, ну и вопрос! Не могу же я.

– Извините, наверное, я тоже уже устала. Голова сегодня тяжёлая, и работы было много. Я по-дурачки это сформулировала, я поясню. Видите ли, человек сложно организован. Он реагирует на разные вещи. И реакции эти тоже разнообразны. Вы мне рассказали о Нине. И я заметила, что это она захотела пойти, к примеру, на выставку Филонова, а не в бар или на дискотеку. Потом посмотреть фильм «артхаус». Потом Вы бегали по Москве и искали для неё даже в тяжёлые времена не только продукты, которых тогда не было, но и книги, верно? Вы ни разу не помянули, что она... Слушайте, Вы же большой начальник. Ну чего проще ожидать, что Вы ради неё поспособствуете, так сказать, кому-нибудь поступить

---

<sup>2</sup> Аноргазмия – отсутствие оргазма (при) после полового акта

в институт, или постараетесь ей зарплату повысить?

– Нет, что Вы, бог с Вами! Нина? Да никогда!

– Вот именно! И по всему поэтому я рискну предположить, что она человек тонкой душевной организации. Может это быть? Может. Вот я и спрашиваю, может также быть, что Вы с ней вообще не говорите в эти минуты или, не дай бог, в том числе просто от смущения, или от того, что раньше с Вами в этих ситуациях были совсем другие люди – я хочу подчеркнуть – не хуже, не лучше – но другие! – Вы с ней говорите примерно так. Я сейчас огрубляю, но Вы поймёте.

– Детка, мне неудобно, подвинься влево. А теперь повернись. Нет, ещё. Ну вот теперь отлично! Какая у тебя задница, просто класс!

– Нет, я не так, но... Я никогда не задумывался над этим, а это важно? Я подумаю, мне нужно сообразить...

– Конечно, Владлен Николаевич, ведь мы только начали. Я ещё о многом Вас попозже спрошу. Я хочу, чтоб однажды и Нина тоже пришла. А что касается того, важно или не важно... Вы удивитесь, но на этот вопрос нет однозначного ответа. Кому-то совершенно не важно! Кровь стучит в висках, безумное возбуждение таково, что всё идёт на тактильном уровне. Слова просто не слышны. Прикосновения, запахи – да, остальное всё чепуха. А для другого человека достаточно не попад сказанного слова, и всё к чертям собачьим летит. Ну хорошо, а скажите...?

Они поговорили ещё несколько минут, а затем в комнате

зажегся верхний свет, Владлен вышел из-за ширмы и, близоруко щурясь, стал собираться на выход.

– Давайте сразу договоримся о следующей встрече, а то у меня, Вы сами понимаете, дел хватает, так я сразу её в ВИП – категорию переведу, – сказал он, прощаясь. – Спасибо Вам. У меня на душе легче стало, и знаете, почему? То, о чём мы сегодня говорили, для меня неожиданно и нетривиально прозвучало. Пусть простые вещи, но я о них не думал. Всего хорошего. Побегу Косте звонить. Хорошо, что он меня убедил к Вам обратиться.

## 5. Дело Мухи

Прошло несколько дней с того времени, как Синица и его команда начали работу по новому делу. Ирбисовцы энергично бегали по разным адресам, вели переговоры с соседями Эрны, встречались с сотрудниками пропавшей, осматривали ее квартиру. То и дело Петр и Сева Польских звонили друг другу, а Севина невеста снова забегала в «теремок», как она с удовольствием стала называть их рабочее место. Ее улыбочивое личико становилось озабоченным. И она серьезно и подробно рассказывала обо всем, что могла вспомнить о привычках и характере матери Севиного школьного друга.

Настала пора подвести первые итоги. Петр собрал своих сотрудников и усадил их за стол.

– Ребята, давайте сначала просто обменяемся впечатлени-

ями, поделимся – кто что накопал по новому делу,

– А потом я, как всегда... Гениально! – дополнила Луша.

– Подведу итоги, – с разбегу не удержался начальник, но тут же и осекся. – Э, Лукерья Арнольдовна, разве я такой надутый индюк?

– Пётр Андреевич, это я для создания нормальной рабочей обстановки.

– Ох, ты меня сбила с мысли. Да и немудрено, когда у человека такое зубодробительное сочетание имени-отчества.

– Ещё скажите, что я маленькая, а уже такая ехидная! А про имя моего папы я Вам не рассказывала?

– Нет, Луш, а что такое?

– У нас, цирковых, всегда в ходу были звонкие имена. Обязательно с претензией на иностранность. Это ещё с тех времён пошло, когда все работали под итальянцев: «Всемирно известный цирк Чинезелли!!! Только одна гастроль!!!» Папу назвали Арнольдом, и он это имя просто терпеть не мог. Поэтому, когда я родилась, он маму упросил. Сам мол, выберу имя. Ты не вмешивайся. Ну и выбрал! Модного он ничего тогда не хотел. Слишком избитых Тань с Наташами тоже. И теперь все, ну просто все новые знакомые рано или поздно, но спрашивают, как это получилось, что у меня такое необычное имя?

– Ладно. Завуалированные извинения приняты. Объявляется пятиминутная готовность. Сконцентрировались? Олег, перестань. Ничего с рыбой не случится. Закончим и по-

жарим. Лады? Итак. Пропала доктор Эрна Александровна Мухаммедшина. Лукерья, у тебя краткая биографическая справка готова?

– Конечно, шеф. Прочитать?

– Давай.

– Эрна Александровна Мухаммедшина, доктор медицинских наук, уролог, затем сексопатолог родилась в Москве в \*\*\* году в семье военной переводчицы Киры Фёдоровны и артиста оперетты Александра Николаевича Мухаммедшиных. Отец Эрны через три года умер от эмфиземы лёгких. Тогда Кира Фёдоровна вторично вышла замуж за инженера-маркшейдера метростроевца Семёна Цаплина.

– Сколько лет было девочке в это время? – спросил Олег.

– Только пять. Они жили на Каляевской, и отчим тоже переехал туда. Я все сведения о прописке у друзей шефа из «органов» получила. И тут первая странность. В милиции имеется акт обследования школы номер 69, где Эрна училась. В ней в подвальном этаже возгорание произошло.

– Что произошло?

– Не придирайтесь, пожалуйста. Это же язык протокола. В общем, ничего страшного. Электрический чайник задымился и салфетку поджёг. Приехали пожарные и милиция и установили, что там в маленькой комнате живут старенькие нянечки и ученица шестнадцати лет девятого класса «Б» Эрна Мухаммедшина.

– Вот так штука! Отлично. С самого начала есть за что за-

цепиться, – обрадовался Пётр. – А сколько она там прожила и почему, и...

– Нет, Пётр Андреевич. Больше никаких сведений.

– Ладно, давай дальше. Мы этим непременно займемся.

– Трудовой стаж у Эрны начался сразу после школы. Она поступила в роддом имени Грауэрмана в регистратуру. А через год её перевели в родильное отделение медсестрой.

– Без окончания курсов? Странно. А где она в это время жила?

– В крошечном общежитии при этом роддоме. Когда я удивилась, работник архива мне объяснил, что в те времена так бывало. Очень многим было хронически негде жить. И учреждения, если могли, заводили себе – кто маленькое общежитие, кто – гостиничку.

– Значит, какой-то конфликт дома, полный раздрай. Иначе она бы с матерью жила. Судя по всему, тогда ей жить и не на что было. Я всё жду, когда ты про высшее образование начнёшь. Наверное, она поступила на вечерний?

– А вот и не угадали! Ещё через год она поступила на дневной в медицинский. Эрна вышла замуж еще студенткой. Но этот брак продлился недолго. Сын родился уже после разрыва с мужем. Жила Эрна в общежитии, а потом получила небольшую комнату в коммуналке. Там они оставались с сыном до недавнего времени, как нам Сева Польских рассказал.

– На дневной! Это будет вторая зацепка. Обязательно вы-

ясним, как бедняге это удалось? Человек, вроде, абсолютно без поддержки и без гроша. Надо же что-то есть! – заметил Сеница.

– А стипендия?

– Что ты, Лушенька! Стипендии и сейчас крошечные, и тогда были чисто символические – деньги на проездной, на кино и мороженое, – грустно улыбнулся Олег. – Давай дальше.

– У меня уже совсем немного осталось. После института Мухаммедшина была распределена в институт имени Вишневского в отделение урологии. Она защитила сначала кандидатскую, а потом докторскую диссертации. Когда началась перестройка и открылись возможности частной практики, она начала работать как сексопатолог. В интернете у неё отличный профессиональный рейтинг. Эрна – одна из лучших специалистов по борьбе с импотенцией, аноргазмией и вагинизмом<sup>3</sup>. Потом Эрна Александровна возглавила профильный сексопатологический филиал медицинской фирмы «Асклепий». Она у них оперирует как уролог тоже, правда на другой территории.

– Ладно, пока остановимся на этом, – кивнул Пётр и продолжил. – Поговорим о другом. Совершенно ведь загадочная история! Никаких следов насилия или кражи в квартире. Никаких требований от возможных похитителей. Нет пока никакого сколько-нибудь правдоподобного мотива её исчез-

---

<sup>3</sup> вагинизм – спазматическая судорожная реакция мышц влагалища



новения. Я, по крайней мере, такового не обнаружил. Предположений-то сколько хочешь, я по ходу дела их изложу. Скажу только, что на похищение с целью вымогательства не похоже. Эрна зарабатывала хорошо, но они всё ещё отдают долги за квартиру и живут нормальной жизнью.

– То есть не откладывают каждый грош в кубышку? – уточнил Олег.

– Вот именно. А у неё даже машина только служебная. И моя первая мысль – проблемы, связанные с профессией. Человек, занимающийся сексопатологией, становится конфидентом многих чрезвычайно деликатных секретов. Эти вещи посерьёзней, чем венерические заболевания. Те хоть можно вылечить.

– Ты это про импотенцию? Так Эрна, вроде, и с ней тоже справлялась.

– Да, Олежка. Но ты представь себе, например, мужика, про которого начинают где-нибудь, скажем, на работе, шептаться, что у него с этим делом непорядок. Я думаю, что один повесится, а другой, если узнает, кто источник – убьёт! А уж сколько историй о непозволительных интимных делах ей приходится выслушивать! В этом направлении мы будем обязательно работать. Расскажи, кстати, о твоих первоначальных результатах.

– Я, ребята, сначала ходил к ней на работу. Дома автоответчик у Эрны Александровны просто дымился. И обрывали телефон коллеги и пациенты. Сразу стало понятно, что они

в полном недоумении. Я снял с дисплея телефоны и навёл справки. У неё в «Ариадне», где она консультировала как сексопатолог, ассистент Эдик Дёмин и две медсестры. Одна из них Рая, много старше Эрны, работает с ней очень давно и пришла тоже из института Вишневого. Есть ещё и инженер -технический помощник. У них много современной сложной аппаратуры, – начал Олег.

– Об этой Рае ещё Зина Горошек говорила. Она действительно очень опытная, пришла в урологию сразу после курсов и бессменно там работала позже, как операционная сестра, пока не ушла вслед за Эрной, – добавила Луша.

– На первый взгляд, не так уж много сотрудников?

– Так это не всё. Она два раза в неделю оперировала в «Асклепии», о котором Луша упоминала. А ведь есть ещё институт Вишневого и...

– Слушай, ты не пугайся, – вмешался Синица, – я тебе быстро приоритеты выделю. Ты сам с кого собираешься начать?

У неё научный руководитель был ещё кандидатской из «Вишневого» некто профессор Маркин, они потом и дальше сотрудничали. Я в интернете посмотрел. А по текущей работе это Эдик. Он толковый и въедливый, он...

– Олег, ты собрался с нашей потерпевшей статью писать или оппонировать на защите? – ехидно возвысил голос его начальник.

– Так она и докторскую уж осилила, как ты знаешь. Вер-

нись с неба на землю. Нет, брат, мы в первую очередь с медсестрой Раей побалакаем. Луша говорит, эта Рая в урологии прямо после курсов начала работать. Наша «пропавшая девушка» туда впервые попала после завершения высшего образования. И к этому времени такая вот Рая, которой сейчас за шестьдесят, уже два десятка лет там оттрубила, сделала свою сестринскую карьеру и стала под конец операционной сестрой. Она по сравнению с зелёной девчонкой была уже опытни́шим специалистом и, возможно, ей очень помогала. Не зря же они дальше всегда были вместе.

– Пётр Андреевич, Эрна пришла тоже с некоторым опытом. Она же перед институтом успела поработать в роддоме. Кстати, вероятно, ей везде потом легче было: и в учёбе, и на работе, – заметила Луша.

– Я бы тоже так на твоём месте думал. Но, как ни странно, такой опыт перед академическим обучением в медицинском образованном кругу вовсе не приветствуется. И его называют – фельдшеризм!

– Это что ещё такое? – поинтересовался Олег.

– А когда вместо следования новейшим достижениям науки и современным веяниям идут наработанным, часто эмпирическим путём, почерпнутым у старших товарищей.

– Хорошо, я понял. В профессиональном кругу начинать надо с Раи, – подытожил Олег. Завтра же приступаю.

– Луша, а удалось найти близких друзей Мухаммедшиной? – повернулся к ней Пётр.

– Я за это время встретила с двумя женщинами. Из них подругой можно назвать только одну. Я о ней от Зины Горюшек узнала. Её зовут Ольга Леонидовна Северцева. Они с мужем математики. Их дружба не очень давняя. Она длится только лет десять. Значит, Ольга о прошлом Эрны не слишком много знает.

– А как они познакомились?

– Знаете, как это бывает: кто-то из коллег попросил Эрну устроить Северцеву в хороший роддом. Она поздно забеременела, после тридцати. И всё сначала протекало не слишком благополучно. А они с Эрной друг другу понравились и начали уже после родов Ольги просто так встречаться. И что она говорит?

– Она страшно беспокоится. Растеряна и очень хочет связаться с сыном Мухаммедшиной Пашей. Думает сама обратиться в милицию, потому что понимает... Эрна человек одинокий, и поскольку Паша в Швейцарии ничего не знает, то получится, что её никто и не ищет.

– Как тебе показалось, она искренне переживает? – спросил Олег.

– Да, я считаю, Ольга к Эрне действительно хорошо относится. Но, конечно, нужно, как мы обычно делаем, дубль провести. Посмотрим, что она расскажет Вам или шефу.

– Хорошо, ты узнала что-нибудь у неё об отце Паши? И вообще, была у Эрны, как у прочих смертных, личная жизнь? До сих пор я слышу ото всех только о работе, – ска-

зал Синица.

– Эрна была замужем, как я уже сказала, но очень недолго. Муж был тоже врач. Детей он не хотел, зато очень стремился побыстрее и побольше заработать. Когда Эрна забеременела, он сказал, что ей следует сделать аборт, а сам уехал вольнонаёмным в Афганистан. Эрна подала на развод. И надо же такому случиться! Её муж попал там в плен и погиб, так что она овдовела, не успев развестись. Кстати, у неё девичья фамилия.

– Значит, они носят имя не Пашиного, а Эрниного отца, – задумчиво пробормотал Пётр. – Но это, как ты сказала, история давняя, а что теперь? Неужели она всё это время была одна?

– Нет, у Эрны были романы. Как правило, постоянно существовал какой-то мужчина, – возразила Луша.

– Она влюбчивая?

– Нет, так не скажешь. Это были серьёзные истории, и долго.

– Но без матримониального завершения?

– Она решительно больше не хотела замуж.

– А её кавалеры?

– Они все были женаты.

– Вот тебе и мотив!

– Ольга говорит, что это всегда совершенно мирно заканчивалось. И вот ещё что. В последнее время у Эрны ничего не было. Она очень много работала и страшно выматыва-

лась. И... Северцева сказала одну странную вещь, – Луша улыбнулась и замолчала

– Ты что это, Лукерья? Что-нибудь неприличное? Так мы можем отвернуться, а ты, пожалуйста, продолжай. Ничего не поделаешь, работа такая, – засмеялся начальник.

– Да нет, она сказала: говорят, мол, порою гинекологи-мужчины теряют интерес к женщинам. А Эрна – уролог и сексопатолог. Так, может, она на них смотреть уже не могла?

– То есть на нас, мужиков? – уточнил Сеница.

– Извините, Пётр Андреевич, я вовсе не хотела! – запротестовала Луша.

– Брось, я тебя просто поймал, не тушуйся. Всё может быть. Но у тебя была ещё одна собеседница? Да, некая Ани-та Таубе. У неё своё турагентство. И как поговорили?

– Да никак. Она меня выставила вежливо и непреклонно примерно через десять минут. Я, правда, немного с мужем её успела пообщаться.

– Не страшно. Мы найдём ход и вернёмся. Это даже интересно. А за десять минут какие впечатления? – оживился Сеница.

– Маленькая деловая жёсткая женщина. Денег много и давно. Умная, хорошо образованная, без предрассудков.

– Беспринципная?

– Так сказать у меня пока нет оснований. Но подругой ты её не назвала?

– Она, видите, вроде родственницы. Они знают друг – дру-

га всю жизнь. Матери ещё дружили со студенческих лет. Ну а она беспокоится?

– Анита? Да она не то, что бездушная... Она, конечно, проявляет участие, даже начала справки наводить. Она Эрне должное отдаёт...

– Но?

– Мне кажется, она Эрну не любит. Не лежит душа.

– Вот тебе и ещё мотив. Деловая, жёсткая, денег много! Кто знает, что стоит между ними? А если именно она командовала убрать Эрну куда подальше? Пока не знаешь ничего определённого, всё возможно. Например, Эрна ведь и сама могла...

– Что? Покончить с собой? – предположил Майский.

– Нет, Олег, я хотел о другом, хотя и это вообще не исключено. Я вот о чём подумал. Она могла чего-то очень испугаться. А поэтому срочно из города уехать или залечь на дно. И ни единой душе ничего не сказать.

– Подождите, Пётр Андреевич, а как же сын? Этот в Базеле? Ему что, вообще до лампочки? – удивилась Луша.

– Сева говорит, что сын – хороший парень. Но избытком внимательности не страдает и не из тех, кто постоянно беспокоится и держит руку на пульсе. Он может и недели через две проснуться и позвонить. А тут с ним ещё беда приключилась. Он лежит в больнице в тяжелом состоянии. Ладно, о нём потом. А сейчас немного ещё о мотивах.

– Так ты говоришь, Лукерья, никаких актуальных мужи-

ков нет? – переспросил Синица.

– Так, по крайней мере, рассказала подруга Северцева. Значит, не стоит искать причин в «личной жизни».

– А я тебе скажу, что это совершенно не довод. Вот, скажем, на самом деле актуальный мужик есть, но это секрет именно от Ольги! Или же всё-таки мужик, но неактуальный, – возразил ее шеф.

– Выясни, пожалуйста, ты у этой Ольги, кто был последний герой, – добавил он. – Не исключено также, что выплыло прошлое, и кто-то отомстил.

– Короче, ребята, план такой. Лукерья, ты продолжишь работу с «девушками». Поговори снова с Ольгой. А потом проведем дубль. Олег пойдет. На твою Аниту Таубе мы вначале напустим Севу. Пусть он нас рекомендует, объяснит, что мы профессионалы и работаем по его заданию. Олег в первую очередь займётся Раей. Нас интересуют последние пациенты. Пусть подумает, нет ли какой-нибудь горячей истории, информации или медицинского прокола. Словом, кто мог бы иметь зуб на Мухаммедшину? И составим вопросник наш обычный. Что уяснить в первую очередь, что – во вторую. А я сам займусь прошлым.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался Олег.

– Видишь ли, сейчас эпоха эдакого «чёрного передела». Был такой термин, речь шла о земле, а мне просто нравится, как это звучит. Дело в том, что люди совсем недавно получили право наследовать недвижимость, ценности и про-



чее. И отстаивать разные права, о которых прежде никто не думал. Сева сказал, помните? У нас и в компьютере записано: Мухаммедшины были бедные как церковные мыши и жили в коммуналке. Но всё же она не сирота. Может, у покойных родителей имелся где-то участок земли, поросший бурьяном, который был сто лет никому не нужен, а теперь стоит миллионы, и Эрна – законная наследница? Или лежит какая-нибудь «Пастушка» Ватто, этюд Камиля Каро в банке на её имя?

– Петя, это уж ты хватил. В банке? Это из «ихней жизни»! – усмехнулся Майский.

– Ты, Олежка, мыслишь прежними категориями. Посмотри, юная Луша не удивляется. В этом смысле жизнь «нашенская» с «ихней» понемногу уравнивается. Но я просто, как ты понимаешь, сбацал риторическую фигуру. Если не нравится, придумай что-нибудь другое. А идея понятна.

– Пётр Андреевич, мне очень неудобно, но... давайте сделаем перерыв, а? – жалобно попросила Луша. – Уже семь часов. Олег Николаевич мне строго запретил дома есть, потому что он наловил рыбы и уже даже почистил! А я принесла картошечки. Она в печке стоит. Укроп свежий с малосольными огурцами тоже есть и...

– Немедленно прекрати! У меня слюноотделение от твоих стенаний началось как у собаки Павлова. Я всё понял. Ужинаем! Нет, братцы, вы только посмотрите на нашего Лорда. По-моему, он не просто понимает, но скоро сам говорить

начнет.

– Собака, до тех пор спокойно лежавшая у ног Петра, при слове: «ужинаем» встала, поглядела на хозяина, затем на Олега и неторопливо, но уверенно направилась в кухню

## **6. Первое появление Аниты Таубе**

Анита с утра была в плохом настроении. Сотрудники один за другим рапортовали ей об «отказах». Семья из трёх человек не может лететь в Египет – заболел пятилетний сын. Молодожёны поругались. Поэтому «она», рыдая, простонала, что «он» отказался от Турции наотрез! И, наконец, целая группа из шести человек из большой фирмы, продающей автомобили, не берёт отпуск, как раньше собиралась. У них неожиданно счастье привалило – большой заказ. Значит, надо срочно работать. Им шеф пообещал, что он премирует их поездкой в Дубае. Но только не сейчас, а потом. И все эти туристы заплатили только аванс. А она уже перевела деньги за рубеж. Ведь билеты заказаны, отели зарезервированы, и всё такое! Конечно, она застрахована, но пока это кампания заплатит! А банк, как водится, тянет с кредитом.

– Дома сломалась кофейная машина. На работе кто-то бросил опять окурочек в цветочный горшок с ее любимой бромелией. Кому бы голову открутить?

– Что, Дима? – недовольно обернулась она к помощнику, ответственному за финансы, вошедшему в кабинет.

– Если опять отказ, лучше и не начинайте. Все останетесь без премии по итогам квартала!

Бухгалтер Крайко сделал сочувственно-понимающее лицо.

– Анита Сергеевна, кто-то Вас по личному делу добивается. Говорит, друг детства некоего Паши Мухаммедшина. Зовут Сева. Говорит, очень важно. Как прикажете, соединять или послать к...? – Дима вопросительно поглядел на шефицию.

– Как, говорите, зовут? – рассеянно переспросила начальница и добавила невпопад очень тихо. – Столько отказов, и всё на курортных направлениях: египетских, турецких...

– Сева – зовут! – удивился Крайко. – Но я не расслышал, на каких направлениях?

– Польских! – в это время включилась Анита.

– Что Вы, Анита Сергеевна, – растерялся Дима, – у нас вообще нет Польши. Мы же туда не возим!

– Да нет, это фамилия. Я его действительно знаю с детства: Сева Польских. Можете соединять.

Она сдержанно, но приветливо поздоровалась с молодым человеком, внимательно выслушала его, задала несколько вопросов, а затем вздохнула.

– Значит, до сих пор никаких следов?

– Ни малейших, – подтвердил Сева.

– А с Пашей в Базеле приключилась эта история.

– Вот именно, Анита Сергеевна, он в больнице! И поэтому

я решил обратиться к людям, которые действительно умеют искать. Глава этого агентства профессиональный юрист. И я к ним пришёл не с улицы, а по рекомендации наших общих с Мухаммедшиными друзьями. Теперь детективы пытаются разобраться, поэтому они к Вам...

– Да я понимаю! Им нужно узнать об Эрне как можно больше. А я, возможно, вообще единственный человек, который...

– Хорошо, я согласна, – оборвала она себя на полуслове, – девочка снова может прийти, пусть только позвонит, я назначу время. Сам понимаешь, я человек занятой.

Сева в ответ принялся ее благодарить, но в это время запиликал внутренний телефон, в дверь требовательно постукали, а на дисплее замигал сигнал: «срочное сообщение!» Анита быстро извинилась и распрощалась, мысленно обзвав себя бессердечной толстокожей свиньёй. «Эрна, дочь маминой подруги и её собственная... м-м-м... Ну конечно, тоже подруга, а кто ещё! Так вот: она пропала. Неизвестно, жива вообще или нет, Анита же занимается бестрепетно своими делами и не может уделить Севе нескольких минут.»

– Ничего, я Севке перезвоню. Детективы стоят, наверно, уйму денег. Я скажу, что он может на меня рассчитывать. А девочке, Лукерье этой, постараюсь, что могу, рассказать.

И, успокоив растревоженную совесть этими соображениями, Анита Таубе, подняв трубку, одновременно села к компьютеру. Тут же повторился стук в дверь, и она, сделав лю-

безную мину, разрешила:

– Да, пожалуйста. Заходите!

## **7. Консультация «Ариадна» и ее пациенты**

Эрна Александровна делала ультразвуковое обследование, когда в сестринской зазвонил телефон.

– Консультация «Ариадна». Здравствуйте, я Вас слушаю, – услышала она голос Раи.

– Что? Нет, она в процедурной. Нет, не раньше, чем через полчаса. Как Вы сказали, доктор Ерофеев из восьмой онкологии? Да, конечно, одну минутку, я сейчас запишу телефон. Не беспокойтесь, я обязательно передам.

«Глеб! Даже плохо помню, когда мы с ним в последний раз общались», – удивилась Эрна. – «Что ему от меня надо? Не иначе, по делу. У кого-то аденома простаты. Если у него самого, так он ко мне не пойдёт. Ладно, сам перезвонит, бес с ним, а не позвонит – ещё лучше. Хорошо – моего нового мобильного у него нет. Как-то не очень уютно, что женился он на нашей этой девочке, лаборантке-практикантке. Про меня она не знает, а узнает, не дай бог, так неведомо, как отреагирует. У меня никаких эмоций это не вызывает, а её я не хотела бы огорчать или портить их отношения.»

Но Эрна напрасно надеялась. Она не отзывалась на просьбу Ерофеева позвонить – закрутилась, да ей и не особенно хотелось. И поэтому Глеб звонил сам ещё раза три, пока од-

нажды не отловил её в кабинете. Надо отдать ему должное, он не стал тянуть кота за хвост и изображать любезного кавалера, что решил проявить внимание или снова поухаживать за бывшей подругой. Кратко изложив свои трудности, он вздохнул.

– Я долго стеснялся. Только ты с этой стороны обо мне, если уж не всё, так многое знаешь. Остальное я тебе расскажу. Я тебе полностью доверяю. Может мне нельзя помочь? Что ж, тогда ты мне так и скажешь. А я буду думать, как мне с этим жить. Но я должен попытаться. Моей жене только двадцать семь. Нельзя же ей...

– Хорошо, я согласна. Попробуем. Подожди, я посмотрю, как у меня со временем, – выслушав его, просто ответила Эрна.

– Эдик? У нас есть в четверг что-нибудь? – обернулась она к Демину. – Даже для одного пациента? Ну, хорошо-хорошо. Тогда в пятницу. Подожди-ка.

– Глеб, если хочешь, я всуну тебя до приёма. Ты можешь в пятницу в четверть девятого быть у меня? Что? На машине? Да нет, это у Красных ворот, во дворе недалеко от метро. Всё, мы записываем. Жди ещё минуту.

– Эдик, запиши, пожалуйста, на пятницу на восемь пятнадцать: Ерофеев Глеб Сергеевич. Что? Нет, остальное потом.

– Глеб? Всё в порядке. Я тебя жду. Если что не так, немедленно сообщи, я для тебя на час раньше притащусь, а у меня сейчас очень напряжённо. В среду оперирую, в четверг вы-

ездная консультация с утра, а потом приём и т. д. И вот что. Не дёргайся. У меня есть хорошая аппаратура для диагностики и классные препараты. Ты же понимаешь – надо разобраться: то ли у тебя какая-то патология, зараза в латентной форме, то ли что ещё? Эскулапы сами лечиться не всегда любят, и ты не исключение. Что касается самого неприятного, чего ты боишься, то я с этим тоже научилась бороться. Обязательно станет лучше!

– Слушай, Эрна, ты даже не представляешь, как я тебе благодарен! Я прекрасно понимаю, ты могла меня далеко послать, да ещё посмеяться. В самом деле, что за наглость такая. Звонит «бывший», женился на молоденькой, проблемы с потенцией, а ты должна помогать! Да так ему и надо!

– Перестань. Это звучит скучно, но я, правда, прежде всего врач, так себя ощущаю. Кроме того, у нас с тобой рассолось совершенно безболезненно обоюдно.

– Сформулировано для меня не слишком лестно. И всё равно: спасибо, спасибо! Слушай... вот ещё что. Мы с женой потихоньку друг от друга, не сговариваясь, с нашими доморощенными фрейдистами пообщались. И такую оскоми-ну заработали! Может, ты однажды, если будет время, нам поставишь мозги на место? Просто пойдём все трое в хороший ресторан и поболтаем. Расскажи ты нам, ради бога, что устарело, а что всё ещё актуально и почему.

– Глеб, ты нахал. Тебе пальчик протянешь... Да ладно, успокойся, я подумаю. А теперь пока, до пятницы.

Глеб Сергеевич Ерофеев положил трубку и зажмурился. На душе у него было давно и безнадежно скверно. Но после звонка Эрне он и впрямь почувствовал облегчение. Забрехала даже робкая надежда.

«Сегодня он придет домой и скажет жене. Она, бедняжка, намучилась достаточно. И сам тоже, конечно. О господи, как вспомнишь...»

## 8. Супруги Ерофеевы. Предыстория

Жена Глеба Марина семейные трудности полностью осознала и попыталась с ними справиться сначала сама. Она обратилась к специалисту.

Марина встала с коричневого диванчика, прошлась по коридору и вернулась. Женственный полноватый юноша и немолодая пара напротив покосились на неё. Юноша заёрзал, вздохнул и уткнулся в газету, а «супруги», как мысленно окрестила она плешивого мужчину лет пятидесяти и его худенькую подругу, снова оживлённо зашушукались.

– Гена, нет, а ты уверен, что это не вредно? Анализ твой психический... Может, уйдём, а Ген? – услышала Марина возбуждений шепот. – Что они с нами делать станут? Мы с тобой на шестом десятке...

– Да не бойся Валюша. Деньги у меня есть, а чего ещё? Митяю-то помогло! Вон в Америке, по телику говорят, все к ним ходят. Надо – не надо, а идут! И нам, глядишь, по-



может, – стараясь понизить по возможности голос, забасил мужчина

– Ген, а оно не больно? – снова забеспокоилась женщина.

Марина, чтобы не рассмеяться, отвернулась, как вдруг дверь открылась и совсем молоденькая девчушка в белых брючках и майке тоненьким голоском пропищала:

– Ерофеева Марина Васильевна! – и вопросительно посмотрела на вмиг смолкнувшую «Валюшу».

– Это я, – откликнулась Марина.

– У Вас есть квитанция об оплате? – строго отозвалась сестричка.

– Да, пожалуйста, – Марина протянула ей чек с бледно отпечатанной четырёхзначной цифрой и закорючкой подписи.

– Проходите!

«Могла бы тоже «пожалуйста» сказать за такие деньги», – подумала Марина.

Евгения Гриценко порекомендовали друзья их семьи Кулаковы. Эти симпатичные люди, старые знакомые Глеба, значительно старше Марины, хоть и не настолько, как муж, давно заметили, что у них что-то неладно, и не очень удивлялись. Они не знали, конечно, что к чему. Но если жена на двадцать один год моложе мужа, это не мудрено. «А у Ерофеевых такая хорошая девочка – малышка, и сами... Стараются, видно, не раздражаться, однако напряжение растёт. Они и цапаются!»

И однажды Надежда Кулакова решила с Мариной погово-

ритель по душам.

– Мариночка, я сейчас хорошую книжку читаю. Там о разных делах: семейных проблемах, мужской психологии, нашем критическом возрасте и нервозности. Ох, это, само – собой, не про Вас! – спохватилась сорокаторёхлетняя Надя.

– И не про Вас, Надюша, тоже! – вежливо возразила Марина.

– Ладно, оставим комплименты. Я что хотела сказать. Вы для меня с Глебом всё равно молодожены, пусть и три года женаты. По сравнению с нами, сами понимаете. И я вижу, Вы ещё не притёрлись, или кризис у вас какой-то. Слушайте, дело житейское! Сейчас, слава богу, не то, что двадцать лет назад. Психоанализ амнистировали. Немного позже генетики, но лучше поздно, чем никогда. Мне про одного консультанта рассказали. Он точно с медицинским образованием, что уже хорошо. У нас же такой специализации не было – можно бог знает на кого нарваться. Давайте, я адрес дам. Попробуйте. А может, у Вас какой невроз?

Этот вот специалист стоял сейчас у окна к Марине спиной, сцепив руки на пояснице. На звук открывшейся двери он обернулся, поздоровался и предложил ей сесть на высокую табуретку без спинки.

– Слушаю Вас, – сухо процедил он и уселся в свою очередь напротив молодой женщины в скрипучее коричневое кресло.

– Здравствуйте! Видите ли, мне сказали, Вы можете по-

мочь разобраться. Я три года замужем, и в последнее время у нас очень ухудшились отношения. Ничего такого... тривиального, вроде: «пьёт-бьёт-гуляет» за этим нет. На такие вопросы просто не стоит тратить времени. Но у нас есть свои особенности, бесспорно. У моего мужа это второй брак. Мне недавно исполнилось двадцать семь, а он... – она запнулась и смущённо посмотрела на собеседника.

– Постарше, вероятно? – помог ей уже не так хмуро Гриценко.

– Ему через месяц будет пятьдесят восемь, – у Марины вырвался лёгкий вздох, а Евгений Николаевич неожиданно для себя присвистнул. Затем, поглядев в заведённую для Марины карту, он добавил.

– Марина Васильевна, так Ваш муж, возможно, страшно ревнует? Вы работаете?

– Я микробиолог по профессии и сейчас в дневной аспирантуре. Мама нам с дочкой помогает, и поэтому я могу... Но это всё не существенно! Глеб вовсе не ревнивец, он, знаете, о себе весьма высокого мнения. Нет, тут другое. У нас... – Она собралась с духом и, глядя поверх головы Гриценко, решительно проговорила. – У нас, то есть у него вот уже полгода почти ничего не выходит. Ну, Вы понимаете. Я... у меня до Глеба не было ничего такого. Я в этом не разбиралась. То есть, я хочу сказать, я не знала, как должно быть! Сейчас я понимаю, с самого начала тоже было не просто. Но теперь!

Бывший фтизиатр Евгений постарался сделать непрони-

цаемое лицо. Восемь лет оттрубил он после института в противотуберкулёзном диспансере и решил однажды, что палочки Коха в дальнейшем обойдутся без доктора Гриценко. Ему надоела опасная плохо оплачиваемая работа. Он навёл справки, покрутился среди преуспевающих коллег, спрашивал бывших однокурсников. И решение пришло. Полгода лекций, курс повышения квалификации, и готово! Новоиспеченный психоаналитик взял кредит, разместил рекламу в популярных изданиях, снял помещение и вскоре обзавёлся клиентурой. И всё-таки он ещё не привык! Во всяком случае – не совсем.

Он с жалостью и изумлением слушал сидевшую перед ним молодую красавицу. «Боже мой, двадцать семь лет! Так хороша, классическое сероглазое лицо с шелковистыми каштановыми волосами, стройная фигура, образованная, неглупая, и подумать только, без пяти минут шестидесятилетний муж – импотент!» Между тем, она продолжала.

– Евгений Николаевич, я хочу понять, может, я сама виновата, разобраться, где я не права, а не он. Сначала поискать свои ошибки, а не чужие.

«Ещё того не легче,» – с огорчением подумал Гриценко, – «да она просто какая-то святая. Послала бы она этого перечника! Но ничего не попишешь, надо было работать. Деньги зарабатывать! Компания, что сидит у него на шее, обедает каждый день, не пропускает ни одного, да!»

– Марина Васильевна, Вы заняли очень разумную пози-

цию, – сказал он, подавив легкий вздох. – Мы немедленно приступим к анализу Вашей ситуации, и, естественно, начнём именно с Вас. Нашу цель я могу сразу обозначить. Это овладение Вами «Принципом Реальности.» Под этим мы – я разумею: мы, психоаналитики – понимаем проблемы управления.

Гриценко встал и с возрастающим воодушевлением начал вещать. Затем он принялся мерить шагами свой небольшой кабинет, порою помогая речам указующим перстом.

– Каждый из нас делает то, что заставляют его делать, порой совсем без его ведома, собственные *либидо* и *мортидо*. И чем более Вы реалистичны, тем безопаснее сможете их удовлетворить. Я сказал: проблема управления. Чем же, спрашивается, Вы должны управлять? Я Вам скажу: тремя группами сил – собой самой, другими людьми и природой.

«Ох, прямо-таки и природой,» – пронеслось в голове слегка ошарашенной происходящим Марины. – «Интересно, сам он – что же, повелитель стихий?»

– К счастью, мы имеем в себе нечто, что позволяет нам справляться с этой трёхликой действительностью. Эта система называется «Эго», – ворвался в её непокорные мысли настойчивый голос Гриценко. – «Эго» – сознательная часть психики, находящаяся в контакте с внешним миром, а также с «Ид» и «Суперэго»

– «Остапа понесло» – с ужасом процитировала Марина совершенно беззвучно, но Евгений всё же заметил. Он оста-

новился на всём скаку, подозрительно взглянул на пациентку и оборвал, наконец, свою речь.

– Вы получите от меня руководство для работы дома, там все новые для Вас термины объяснены. Это ничего, если поначалу не всё понятно. Нам предстоит такая большая работа! Нужно будет заняться анализом Ваших сновидений, выяснить влияние на поведение вас обоих различных комплексов. «Комплекса кастрации» и «Эдипова комплекса» – на Вашего мужа, а «комплекса Электры» – на Вас. И это только начало!

Минут через тридцать раскрасневшаяся, раздражённая, умотанная Марина, не помнившая своих снов и не любившая разговоров об её убогом провинциальном детстве, наконец, поднялась со своего места. У неё на неудобной табуретке безумно затекла спина.

– Евгений Николаевич, извините, но мне надо спешить за дочкой. Давайте об остальном в следующий раз поговорим. Она поспешно простилась с Гриценко и выскочила вон.

«Боже мой, «комплекс кастрации», и это только начало! Нет, скорей прочь отсюда. Забыть весь этот кошмар, как страшный сон. Что-то, однако, не давало ей покоя и вертелось в голове, словно назойливая муха. Этот тип со своими амбициями имеет наивность думать, что никто не имеет понятия о его «терминах». Тоже мне – Бином Ньютона: Эго, Суперэго, либидо! Но было ещё нечто... А, вот! Что такое «Ид»? Надо пойти в библиотеку или позвонить профессору

Ревде. Это слово она, правда, слышит впервые.»

Дома уютно пахло молочной рисовой кашей и горячим какао. Мама кормила Танечку на кухне. Она быстро собралась, чмокнула Марину в щёку и убежала. А Марина, уложив девочку, принялась готовить ужин к приходу мужа.

Готовить она не любила. Ей это было вовсе неинтересно. Но отличница Ерофеева, в девичестве Дюжева, всё привыкла делать на совесть. Она быстро убедилась, что поваренные книги – ненадёжные руководства. В них отсутствовали обычно важные детали, нарушались пропорции ингредиентов, и поэтому результат выходил плачевный. Но проделав на своём веку уйму лабораторных работ по органической и неорганической химии, она хорошо умела чисто воспроизвести опыт. «И раз по книжке не получается... Ну и что?» Она попросила маму и двух подруг точно записать, взвесить и измерить, всё, что делалось при изготовлении блюд, которые нравилось Глебу и особенно хорошо у них удавались. И тогда дело пошло на лад! «А сейчас она соорудит индюшачьи отбивные в кляре и подаст их с этим отличным рисом «басмати». Ещё зелёный салат и...»

Прозвенел звонок. Она побежала открывать. Глеб вошёл, распространяя запах мороза и снега. Марина потянулась поцеловать его, но муж отстранился со ставшим уже привычным выражением смущения и раздражения.

– Идёт мокрый снег, у меня всё пальто влажное. Возьми, пожалуйста, дипломат. Я поужинаю быстро и сяду за работу.

Скоро отчёт и...

«Это он хочет сказать, вернее, дать понять, что чем скорее я лягу спать, тем лучше. Чтобы я его не ждала. Чтобы не думала... Не надеялась? Господи, как оскорбительно! При чём тут я? Нет, так дальше продолжаться не может!» Молодая женщина сжалась, лицо её окаменело. Она попробовала что-то сказать, горло от обиды перехватил судорожный спазм. Муж, не глядя на неё, раздевался. Но молчание, а затем сдавленные всхлипы заставили его, наконец, поднять глаза.

Его молоденькая красавица жена, его нежная Марьяша, гордая прекрасная Мнишек с искажённым от горя лицом, заливаясь слезами, прислонилась к дверному косяку и пыталась унять рыдания.

Глеб бросил пальто на пол и подхватил её на руки. В несколько шагов он донёс жену до комнаты, уложил на диван и укрыл тёплым пледом.

– Подожди, я сейчас! Я тебе принесу чай или что-нибудь такое, – бормотал он, – и мы спокойно поговорим.

Он снова выскочил в коридор, чтобы пройти на кухню, но наткнулся на свою брошенную одежду и нагнулся. На полу прямо под Марининой курткой лежала какая-то квитанция. Глеб повесил пальто на вешалку, затем поднял полупрозрачный листок и прочитал: «Консультация «Брак и семья». Доктор Е. Н. Гриценко. Психоанализ и коррекция неврозов».

Он задумчиво посмотрел на сегодняшнее число и фамилию пациентки, сунул в карман листочек и пошёл включать



чайник.

Марина ещё немного поплакала и затихла. Она выпила чаю с лимоном, и, хотя зубы ещё иногда стучали по стеклу от всхлипываний, но ей определённо полегчало. «Он хочет поговорить? Конечно, это много лучше, чем ставшее в последнее время привычным враждебное молчание и глухое раздражение. И потом. Он снова стал такой нежный! Вот он опять пришёл и уселся на край дивана. А что это у него в руках?»

Глеб, улыбаясь, показал ей квитанцию, и Марина покраснела. Она ничего не рассказывала о намерении посетить Гриценко. Да нет, вроде, он не сердится.

– Малыш, будем признаваться? Ты не пугайся, я, как старший товарищ, первым и начну, – услышала от мужа она.

За несколько недель до описываемых событий Ерофеев сидел в приёмной перед уверенной в себе брюнеткой лет тридцати в модных очках без оправы и поёживался под градом выстреливаемых вопросов. Не успел он ответить на последний, как последовал очередной.

– Дорогой коллега, скажите, Вы когда-нибудь имели дело с моим предметом? Интересовались? Ах, нет. Ну, тогда слушайте внимательно. Я не сомневаюсь, что Вам можно помочь. Вот Вы гематолог.<sup>4</sup> Это просто классическая ситуация – сапожник без сапог. «Сам с усам», сам себя и выле-

---

<sup>4</sup> специалист по болезням крови

чу. Ну, признайтесь, Вы так думали? Я мальчишкой-то читал Фрейда, только, знаете, перевод был отвратный. Мне попался некий древний фолиант с буквами «ять». Уж не знаю, Вы про них слышали или нет. Были такие до революции. Читать было трудно – я и бросил. А у нас это во времена моей учёбы не поощрялось, вот и не было новых поступлений. Сам же я, как Вы верно заметили, совсем из другой области. Так вот. Поскольку моя жена меня много моложе, то я предполагаю у себя по этому поводу невроз. Поэтому к Вам пришёл по совету своего брата. Скажите, пожалуйста, Вы свою концепцию основываете на теории Фрейда?

– Я бы назвала Фрейда, Абрагама и Клейна, если говорить о понятии *либидо*. Потом следует упомянуть прежде всего Лу Андреас-Саломе, которая сделала колоссальный вклад в понимание анальной эротики. Затем Юнга и Адлера, Карен Хорни и...

– Подождите, Алла Юрьевна. Это Вы уж того. Даже я, знаете, совершенно определённо слышал, что, во всяком случае, Юнг своего великого предшественника жёстко критиковал. Имя Адлер мне тоже знакомо, и насколько я помню...

– Ох, Глеб Сергеич, так мы с Вами очень далеко заберёмся. Ну конечно, последователи и даже его собственные ученики Фрейда критиковали! Наука же не стоит на месте. Вы считаете, что у Вас невроз, а причина его – разница в возрасте с женой. А на самом деле, может, детская сублимация! И нам нужно в первую очередь заняться Вашими детскими

переживаниями, вытесненными бессознательными стремлениями, которые обнаруживает содержание снов. Потом перейдём к взаимоотношениям с мамой. И так шаг за шагом найдём причину невроза.

– Скажите, пожалуйста, можете Вы ко мне приходиться три раза в неделю? Я понимаю, что каждый день для Вас, наверно, трудно. Но надо действовать. Ведь что такое – невроз? Это болезнь, признаком которой является чрезмерный расход энергии на непродуктивные цели. Он вызывает в свою очередь невротическое поведение, которое Вам порой может помочь сосредоточиться на чём-либо другом, а вот ближним какого?

– Да, ближним... Тут я с Вами согласен. Одна компенсация Inferiority Complex<sup>5</sup> чего стоит. Что скрывать, я понимаю, у меня то, что раньше называли неврастенией, теперь – невротической депрессией, только хрен редьки не слаще. Ещё немного, и моя жена меня бросит, или ещё того хуже – сама заболит. Хорошо, я подумаю и Вам позвоню. У нас маленький ребёнок, и я должен о визитах к Вам дома поговорить, – ответил тогда собеседнице в первый свой приход Ерофеев.

– Так вот, я тоже уж побывал. «Подвергся», так сказать. И даже не один раз.

– Что, неужели у Гриценко на Фрунзенской? – приподня-

---

<sup>5</sup> Комплекс неполноценности

лась от изумления на подушках Марина.

– Да нет, мою «аналитичку» зовут Меньшикова. Гарик посоветовал, говорит – толковая дама. Я тебе, если хочешь, расскажу всё подробно. Я после каждого этого... м-м-м... сеанса ходил в библиотеку. Поработал в читальном зале, домой взял литературу. И теперь вполне готов грамотно потрепаться.

Он скинул ботинки, забрался под пушистый чёрный с красным плед и обнял жену. Она положила голову ему на плечо.

– Ну, раз ты теперь такой подкованный... Знаешь, у меня очень тягостное, неприятное впечатление.

– Что, жулик попался?

– Нет, не думаю. И сам психоанализ я вовсе не считаю жульничеством и чепухой, только понаслушалась там такого! Ну не лезет ни в какие ворота! Вот, например, скажи, пожалуйста, как ты относишься к этому «комплексу кастрации»? Ведь они считают, он есть у всех? У всех мальчиков! Ты когда-нибудь боялся в детстве или в юности, что тебя кастрируют?

– Нет, не было такого. Было, да и есть на инстинктивном уровне желание защитить нижний этаж от удара, например, в игре или в драке. То есть бессознательное понимание уже у ребенка – в случае чего будет очень больно, тут надо беречь. Но никаких кастраций.

– Вот! Для меня это прозвучало сомнительно. Но, как ты

понимаешь, я с мальчиками такие темы не обсуждала. Статистики у меня нет. Зато по поводу другой генеральной идеи – невроза у девочек от зависти к обладателям пениса, вот тут-то уж у меня есть, что сказать! – Марина покраснелась и села. А муж рассмеялся.

– Вот как? Ну давай!

– Итак, никакого пениса я отродясь иметь не хотела! И обе мои сестры, и близкие подруги – никто из нас, ей, богу, никто! Что за удивительная мысль, будто все – заметь, опять-таки, все девочки – испытывают комплекс неполноценности по этому поводу и мечтают его иметь? Бесспорно, что это чушь, откуда ж она взялась?

– Согласен! И вправду – ерунда. Пусть даже, чтобы это доказательно опровергнуть, надо таким вопросом специально заниматься, но я – взрослый человек, врач, ничего подобного до сих пор от живых людей не слышал. Как я тебе докладывал, я тут почитал, что переведено. Именно сейчас. В студенческие времена такого не было. И мне тоже этот «комплекс кастрации» и «мечты о пенисе» бросились в глаза.

– Но что касается девочек. У меня есть одна идея! Видишь ли, Фрейд, очень серьёзный добросовестный учёный. Он, конечно, это не просто так с бухты-барухты утверждал. А ведь время было совершенно другое! С приличными порядочными женщинами обсуждать такие темы было крайне затруднительно. Почти невозможно! Не зря у Фрейда большинство работ посвящено мужской сексуальности. Ты пред-

ставь себе тогдашние семьи. Люди имели много детей. Большинство, даже из привилегированных слоёв – сколько получалось, сколько бог пошлёт. И вот я подумал о девочке, воспитывающейся среди братьев. Пока они все маленькие, их одевают-раздевают-купают вместе. И тут, если она одна не такая как остальные, другие дети могут удивляться, смеяться над ней, дразнить. Тогда девочка, просто чтобы отстали, может и впрямь непременно захотеть иметь эту самую отсутствующую колбаску. Это очень сильный стимул – быть как все, в особенности, если ты маленькая и слабая.

– Если Фрейд при лечении невротиков встретил такую девочку, а потом случайно ещё одну – бывают ведь странные совпадения – то он мог решить, что это закономерность. А, как я уже говорил, раздобыть сведения о женщинах – о девочках, возможно, тем более – было трудно. Значит, материала для сравнения у него было мало.

– Да, у тебя вполне логично выходит. Но мальчики? Ты не встречал, скажем, его рассказов о себе самом? Неужели у него был «комплекс кастрации?» – недоверчиво наморщила лоб Марина.

– Слушай, ты права! Нет, я ничего такого не встречал, но я прочёл только... сейчас тебе скажу: три книжки и несколько статей. И то – где читал внимательно, а где пролистал. Но раз он был так уверен, да ещё считал, что и у всех то же самое... Тогда у него самого, должно быть, был этот страх. Хотя нет, постой, может, только у тех, у кого невроты? Маринка, не у

всех же невроты, понимаешь? Есть ведь и здоровые люди? – Глеб притянул её к себе и поцеловал.

– Знаешь, мне иногда теперь кажется, что и нет – вздохнула в ответ бедняжка Марина, и слёзы снова показались в её печальных глазах.

– Девочка моя, ну не надо. Я понимаю, это из-за меня. Я тебе обещаю, у нас всё наладится. У нас всё ещё обязательно будет хорошо! – уговаривал её муж.

«Верила она ему? А как не поверить? Ведь очень хочется! Верить, что, если уж не прямо сейчас. Ну хорошо, пусть попозже. Но непременно все станет хорошо!»

## **9. Плотный обед с психоанализом на десерт**

Небо было затянуто серыми тяжёлыми облаками, и потому уже в четыре часа стало сумеречно, темновато даже для февраля. Глеб с Мариной вышли из метро «Новокузнецкая» и осмотрелись.

– Мы договорились около цветочного киоска. Вон тот аквариум с вечными голландскими розами. О, смотри пожалуйста, тут и самурайские цветы имеются! – Глеб взял Марину за руку и подвёл к домику из стекла и металла. – Малыш, ты постой здесь, укройся от ветра, а я подойду к проезжей части. Эрна приедет на машине.

Сверху сыпалась снежная крупа, и холодало просто на глазах. Узкая оживлённая улица была забита, как обычно, авто-

мобилиями, которые двигались в темпе катафалка. Глеб остановился у фонаря так, чтобы его трудно было не заметить. И вскоре около него притормозил небольшой вёрткий слегка припорошенный снегом голубой жучок. Водитель открыл дверцу, и женская фигурка в белой с серым шубке до колен и такой же шапочке ловко выпорхнула наружу.

– Привет, давай мне скорей руку, а то ты тут утонешь, – бросился Глеб на помощь Эрне, увязая в сугробах.

– Это ты утонешь, а у меня высокие сапоги, – засмеялась она, но всё-таки позволила себя извлечь из снежной кучи и препроводить на тротуар.

– А где Марина?

– У киоска. Прячется от ветра и любуется на свежие ирисы. Пошли, я нам заказал столик. Заведение называется «Грильяж» чёрт знает почему. У нас там был банкет, когда один сослуживец защитился. Мне понравилось. Интересно, что ты скажешь?

И они заторопились по улице по направлению к Серпуховке. Ветер подгонял их, забирался за ворот и проникал в рукава. Хотелось в тепло, и все трое были рады-радешеньки оказаться скорей на месте.

– Ну, ещё немножко, а теперь в арку между колоннами, – Глеб толкнул дверь и, со словами «в ресторан первым идёт кавалер», вошёл в вестибюль.

Заведение и впрямь было на должном уровне. Паркетный пол блестел между тёмно-вишнёвыми коврами. Нарядный



зал сиял зеркалами и светильниками, как рождественская игрушка. Деревянные ореховые панели обрамляли витые полосы тёмного золота, по которым поднимались пестролистные тропические лианы, а на столах стояли живые цветы. Небольшой джаз негромко играл приятную ненавязчивую мелодию.

К вошедшим тотчас подскочил молодой человек, помог дамам раздеться, осведомился, заказано ли у них, и проводил к столику с накрахмаленными салфетками. Обслуживали тут только мужчины.

– Девочки, давайте сначала как следует поедим. Я голодный. Выбираем самое лучшее. Я недавно получил гонорар от очередных заклятых друзей-фармацевтов. Так что у нас никаких проблем! – бодро возвестил Ерофеев, потирая руки.

«Ишь ты, – развеселилась Эрна, помнившая своего «бывшего» если и не прижимистым, то, во всяком случае, весьма экономным, – времена меняются. Вот что значит хороший заработок и молодая жена!»

Они с удовольствием начали вместе рассматривать коричневые книжечки меню, обсуждать обед и советоваться с официантом.

– Что будем пить? Я предлагаю к мясу Бордо.

– Отлично, принято. Кофе потом закажем?

– Обязательно! Они хорошо варят по-турецки. Я пробовал. Вы мороженое хотите?

– Я нет, – покачала головой Марина. – А давайте к кофе

возьмём ликёр! Тут есть несколько, вот мы все разные и попробуем!

– Прекрасная идея. Итак, молодой человек, мы готовы, – обратился Глеб к очередному вышколенному красавцу.

Когда заморили червячка, согрелись и порозовели, Эрна решила, что пора начинать.

– Что ж, мои дорогие, приступаем. Я подумала, как нам построить беседу. Мне приходилось в нашем институте много раз курс повышения квалификации вести.

– И я два раза была слушательницей. Только это ещё была чистая урология, – вставила Марина. – Я была к Вам в институт распределена, получила «лаборантку с высшим», как это часто практиковалось. Вы меня, желторотую, конечно, не замечали. Извините, Эрна Александровна, я Вас перебила, – спохватилась она.

– Нас однажды познакомила Ваша начальница, и я с тех пор знала Вас в лицо, – спокойно заметила Эрна.

– А потом кто-то рассказал мне, что Вы вышли замуж за моего знакомого гематолога, – кивнула она в сторону Глеба, который во время этого разговора еле заметно напрягся.

Заметив это, Эрна решила лучше поскорей перейти от прошлого к настоящему.

– Давайте, я Вам расскажу самое главное о Фрейде. Фрейд полагал, что душевная жизнь, это последовательный непрерывный процесс. И к ней так же, как и к другим естественным процессам, применимы законы сохранения. В душев-

ной жизни Фрейд выделяет три уровня: сознание, предсознание и подсознание – бессознательное. Он считает, что все психические процессы связаны между собой. Каждая мысль, чувство или действие имеют свою причину, вызывающуюся сознательными и бессознательными намерениями и определяются предшествующим событием. Если они кажутся нам не связанными с предшествующими мыслями и чувствами, то эти связи нужно искать в нашем «бессознательном». «Бессознательное» же и «предсознательное» отделено от сознательного особой психической инстанцией – «цензурой».

– Точно, моя аналитичка объясняла, что «цензура», мол, вытесняет у тебя в область бессознательного собственные чувства, мысли и понятия, если сам ты их не приемлешь. А еще не даёт этому бессознательному вылезти, – вспомнил Глеб.

– Молодец, – похвалила его Эрна, – идём дальше. Основоположник утверждает: если твоё поведение кажется немотивированным, значит, мотивы кроются в этом «бессознательном». Но они обязательно есть! И задача психоаналитика – их найти». Вот человек испытывает некую потребность. По мере её нарастания растёт напряжение. Он стремится удовлетворить потребность и, тем самым, сменить напряжение релаксацией. Действует, ищет способ, но неправильно, результат чем-то ему не подходит. И тогда аналитик должен помочь эту потребность, она же – инстинкт – удовлетворить в оптимально форме.

– Вы знаете, раз уж мы заговорили о терминах... Мой консультант без конца поминал *либидо* и *мортидо*. В целом, понятно, но всё равно, если бы Вы мне уточнили! Учиться, так учиться, – попросила Марина.

– Пожалуйста. Фрейд пытался всё разнообразие человеческих инстинктов свести к двум группам: те, что поддерживают жизнь – сексуальные, а разрушающие жизнь – деструктивные. Обе группы, по его мнению, обладают энергией. И вот либидо – это энергия, присущая инстинктам жизни. Либидо – это по-латыни «желание»?

– Совершенно верно. А *мортидо* – агрессивная энергия деструктивных инстинктов. Этимология этого слова тоже понятна, да? И сейчас приведу ещё один термин. Это – «катексис» или процесс помещения вышеупомянутых энергий в разные сферы психической жизни, идеи и действия.

И Эрна рассказала, что, по мнению Зигмунда Фрейда, катектированное либидо не может перемещаться к новым объектам. Оно укореняется в той области психической сферы, которая его привлекла и удерживает. Если представить либидо, как определённую сумму денег, то катексис – процесс покупки, вкладывания денег в ценности. Чем больше вложено денег в одни ценности, тем меньше их остаётся для других.

– Психоаналитик ищет непропорциональность катектирования либидо и старается перераспределить его. Вообще же обнаружение и канализация психической энергии с его точ-

ки зрения – одна из основных проблем понимания личности.

– Знаешь, чего не слышал, того не слышал, «катексис» этот я до сих пор еще нигде не встречал, – покачал головой Глеб. – Маринка, запоминай!

– Ты уже переел сухмени? Может, хватит? – спросила Эр-на.

– Ой нет, Эрна Александровна. Пожалуйста, рассказывайте дальше! -запротестовала Марина, а Глеб кивнул.

– Ну хорошо. Значит так. В структуре личности Фрейд выделяет отдельные, которые в переводе обычно называют: «Оно», «Я» и «Сверх-Я» или «Ид», «Эго» и «супер-Эго». Я принесла свои записки. Некоторые вещи буду просто читать, чтобы не перевернуть формулировки. Вот, слушайте! – Эрна открыла тетрадь.

«Оно» или «Ид» – это первоначальная, основная, центральная и вместе с тем наиболее архаичная часть личности. «Оно», считает Фрейд, «содержит всё уникальное, всё, что есть при рождении, что заложено в конструкции – кроме всего прочего, следовательно, те инстинкты, которые возникают в соматической организации и которые в «Оно» находят первое психическое выражение в форме, нам неизвестной» – это цитата. И далее: «Оно» служит источником энергии для всей личности, и вместе с тем, «Оно» целиком бессознательно. Однако, мысли или чувства, вытесненные из сознания в бессознательное «Оно», по-прежнему способны влиять на психическую жизнь человека. При этом со временем сила этого

влияния не уменьшается. «Оно» можно сравнить со слепым и глухим диктатором, власть которого не ограничена, но, однако, властвовать он может только через посредников.

– Ох, я как раз Вас собиралась спросить, что такое «Ид». Теперь понятно, – удовлетворённо заметила Марина.

– Ну как, не устали ещё от терминов? – с сочувствием осведомилась Эрна.

– Мы – нет. Вот если ты устанешь, слопаем десерт, а потом устроим обсуждение, – предложил Глеб.

– Хорошо. Тогда переходим к «Я». «Я» в отличие от «Оно» находится постоянно в контакте с внешним миром. «Я» защищает «Оно» как кора дерева, но при этом питается его энергией. «Я» накапливает опыт с помощью памяти, избегает опасных раздражителей, адаптируется к раздражителям умеренным. Но, главное, «Я» осознаёт мир посредством активной деятельности и может перестроить его себе на пользу.

И вот, развиваясь, «Я» постепенно обретает контроль над требованиями «Оно». «Я» решает, удовлетворить инстинктивную потребность немедленно или отложить это до благоприятного момента. Таким образом, «Оно» реагирует на потребности, а «Я» – на возможности.

«Я» находится под постоянным воздействием внешних – среда – и внутренних – Оно – импульсов. Нарастание этих импульсов сопровождается напряжением, чувством «неудовольствия». Уменьшение – релаксацией, чувством «удоволь-

ствия». Фрейд считает, что «Я» стремится к удовольствиям и старается избежать неудовольствия.

«Супер-Я» развивается из «Я» и является судьёй и цензором его деятельности и мыслей. Это хранилище выработанных обществом моральных установок и норм поведения. У него три основных функции - совесть, самонаблюдение и формирование идеалов

В качестве совести «супер-Я» судит, ограничивает, запрещает или разрешает сознательную деятельность. Самонаблюдение возникает из способности «супер-Я» (независимо от «Я» и «Оно») оценивать деятельности по удовлетворению потребности. А формирование идеалов связано с развитием самого «супер-Я».

Основная цель взаимодействия всех трёх систем – «Оно», «Я» и «супер-Я» – поддерживать или (при нарушении) восстанавливать оптимальный уровень динамического развития душевной жизни, увеличивая удовольствие и сводя к минимуму неудовольствие.

От напряжения, испытываемого под воздействием различных внешних и внутренних сил, «Я» оберегает себя с помощью защитных механизмов. А это – вытеснение, отрицание, рационализация, реактивные образования, проекция и регрессия.<sup>6</sup> Я на них подробно не буду останавливаться. Но

---

<sup>6</sup> **Вытеснение** – удаление из сознания мыслей, чувств и намерений действовать, потенциально вызывающих напряжение. Однако вытесненные в бессознательное, эти «комплексы» продолжают действовать на душевную жизнь и поведение человека и постоянно ищут выхода «наружу». Поэтому для удержания их

если хотите...

– Еще как хотим! – почти в один голос отозвались супруги Ерофеевы.

– Да погодите, ребята! Я вам просто отдам свои бумажки. Так вот. Наиболее же распространённый защитный механизм – это сублимация. С ее помощью либидо и мортидо трансформируются в различные виды деятельности, приемлемые для индивида и общества. Разновидностью сублимации может быть интеллектуальная деятельность, творчество, спорт. Фрейд считал, что эта сублимированная энергия создаёт цивилизацию. А «механизмы запретов» – это способы, с помощью которых «Я» защищает себя от внутренних и внешних напряжений.

---

в бессознательном требуется постоянный расход энергии. **Отрицание** – это попытка не принимать за реальность события, нежелательные для «Я». Примечательна способность в таких случаях «пропускать» в своих воспоминаниях неприятные пережитые события или заменять их вымыслом. **Рационализация** – это нахождение приемлемых причин и объяснений для неприятных мыслей и действий. Естественно, что такие «оправдательные» объяснения мыслей и поступков более этичны и благородны, нежели их истинные мотивы. **Реактивные** образования – поведение, противопоставляемое желанию. Это явная или неосознанная инверсия желания. **Изоляция** – это отделение психотравмирующей ситуации от связанных с ней душевных переживаний. **Проекция** – подсознательное приписывание собственных чувств, качеств и желаний другому человеку. **Регрессия** – соскальзывание на более примитивный уровень поведения и мышления. Даже здоровые люди, чтобы защититься от стресса курят, пьют, делают рискованные вещи. Рационализация – это нахождение приемлемых причин и объяснений для неприятных мыслей и действий. Естественно, что такие «оправдательные» объяснения мыслей и поступков более этичны и благородны, нежели их истинные мотивы



Теперь немного о психоневрозе. Это, в его понимании, проявление защиты сознательной части душевной жизни от неприемлемых переживаний и стремлений. Например, с вытеснением он связывает некоторые симптомы истерии, импотенцию, фригидность, психосоматические заболевания: язву желудка, астму. Для невроза навязчивых состояний характерны изоляция и реактивные образования.

Принципиальная цель психоанализа состоит в том, чтобы усилить «Я», сделать его более независимым от «супер-Я», расширить поле его восприятия и усовершенствовать его организацию, чтобы оно могло освоить новую порцию «Оно».

– Стоп, я слегка обалдел, – откинулся на спинку стула Глеб и в ответ на иронический взгляд Эрны, тотчас поправился.

– Погоди, я, само собой, про всякие релаксации и сублимации слышал, просто надо же и остальное переварить. Ты мне скажи, структурирование личности, это самое – «Я»-»Оно»-»супер-Я» ещё актуально?

– Нет, сейчас считают эту тройственность очень примитивной. Современные психоневрологи полагают, что эта модель не соответствует процессам в человеческой психике и ей самой.

– Однако, знаешь, вытеснение и сублимация... Вообще, многое звучит не так глупо, – задумчиво возразил он.

– Господи, ну конечно! Не надо вместе с водой выплёскивать и ребёнка. Фрейд на своём пути был абсолютным но-

ватором и сделал колоссальный прорыв. Ведь он едва ли не впервые в истории психологической мысли обратился к изучению главных вех человеческой жизни – рождению, взрослению, любви и смерти. Ты не забывай, он работал в начале... Ой, я чуть не сказала – прошлого. А надо уже сказать позапрошлого века!

Эрна оживилась. Ее глаза блестели. Она с явным увлечением продолжила.

– Ну, хорошо. Термины мы ввели. Едем дальше. Одним из открытий Фрейда считается воздействие полового влечения на человеческую психику, в особенности на её становление. Причём главный конфликт, о котором идёт речь, это половое влечение младенца – мальчика к матери и ревность к отцу. Соответственно, у младенца-девочки – наоборот, влечение к отцу и ревность к матери. Под знаком этого конфликта формируется характер, темперамент индивида, весь его психологический облик.

– Эрна Александровна, я вообще стараюсь, услышав это, вести себя прилично. Не кричать: «чушь, не может быть!» Только вот вопрос. А если нет никакого отца? Ну, нету? И девочек, например, растит одна мать? К кому тогда влечение и к кому ревность? Также и наоборот! И что с психикой? Никакого становления? – возмутилась Марина.

– Я с Вами согласна. И Ваш вопрос как раз про меня. Вот у меня не было никакого отца! Отчим, правда, лет с шести появился. Только тут было не влечение, а отвращение. Я уж

не говорю о том, что не было и ревности к маме, но всегда можно сказать, что я этого не осознавала.

– Эрна, а дети... младенцы то есть, ну и потом... Растут это они, и что? Как они с его точки зрения это самое влечение – бог ты мой, половое влечение к своей маме или отцу – обнаруживают? – с недоумением спросил Глеб.

– Ты попал в точку. Я хочу сказать, здесь узловым моментом его представлений о развитии неврозов. Видишь ли, он считал, что эти влечения по мере развития индивида загоняются в подсознание под влиянием общепринятых норм социальной жизни. Этот вытесненный комплекс Фрейд у мужчин и назвал – «Эдипов комплекс», а у женщин – «комплекс Электры». Ну а потом при нормальном развитии эти инфантильные представления благополучно вытесняются в «бессознательное» и сублимируются. Но иногда это происходит не полностью. И тогда «ущемлённый» комплекс проявляется в виде странных, некорректных поступков, оговорок и сновидений. В более же тяжёлых случаях – в форме невротических расстройств. Их причина – недозволенные обществом влечения. Они всю жизнь терзают человека и проявляются во взаимоотношениях с другими людьми.

– Девочки, вы обе настроены критически по отношению к классику-австрийцу, а ведь бывают же инцесты, и не так редко. Причём наверняка куда чаще, чем это становится известно. Это же почти всюду подсудное дело.

– Эй, по-моему, ты путаешь божий дар с яичницей! – воз-

разила Эрна. – Мы говорим не о том, что взрослые проделывают с детьми в разных видах. Нет, речь идёт о детском сексуальном развитии.

– А скажите, пожалуйста, как современная наука смотрит на эти идеи Фрейда? – вставила Марина.

– Так и хочется ответить – слава богу, не подтвердилось! Нет, в самом деле. Современные биофизики, например, опровергли представление, что любые человеческие мотивы, в конечном счёте, представляют собой превращённую форму полового влечения. Современные психологи с помощью самых тонких экспериментов не смогли обнаружить никаких устойчивых доказательств того, что содержание снов обнаруживает суть вытесняемых бессознательных стремлений. И, наконец, Фрейд и его последователи, как показали долговременные эмпирические исследования в области возрастной психологии, непомерно преувеличили роль ранних детских переживаний в становлении человеческой психики.

– Слушайте, но ведь этих психоаналитиков и сейчас пруд пруди. Особенно в Америке. Совсем недавно где-то читал, что, мол, у всякого уважающего себя штатника имеется свой психоаналитик.

– Психоаналитиков достаточно, и не только в Америке. Этот метод лечения неврозов, усовершенствованный, конечно, продолжает в конкретных случаях работать. С помощью грамотно выстроенных бесед постараться выяснить, не было ли в прошлом у невротика какой-либо травмы, о которой он

сам мог забыть, не придать ей значения и т. д. Постараться разобраться самому и помочь разобраться и преодолеть её пациенту – всё это применяется и сейчас. Иногда очень даже успешно. Несомненно, бывают такие травмы и в раннем детстве, в том числе в интимной сфере. Только...

– Мне кажется, дело в широчайших обобщениях некоторых частных случаев на всё человечество, – заметил Глеб. – И я так думаю. В чём-то Фрейд, как любой живой человек, просто заблуждался. А порой распространял диагнозы нескольких конкретных невротиков на всех остальных, в том числе – здоровых людей.

– Итак, ребята, введение закончено, – подытожила Эрна. – Это очень коротко, но, по-моему, о самом важном. У меня горло пересохло. Я предлагаю, и правда, перейти от «горького» к «сладкому». Глеб, скажи официанту, пусть они мне теперь сварят твой хвалённый кофе. И, знаешь, я возьму ещё миндальный крем и птифуры.

– Сей секунд! «Мы славно поработали и славно отдохнём!» – подмигнул Эрне Глеб.

– Глебушка, это что – цитата? – поинтересовалась Марина.

– Это Высоцкий. Помнишь такого? Ты не знаешь, наверно, это мы...

– Ох, ну ты и скажешь! Конечно, знаю.

– Ладно вам. Смотрите, нам принесли. И Эрна с удовольствием принялась уплетать нежную палевую трясучку, хва-

лить действительно отличный кофе и весело болтать о том, о сём.

С памятного посещения ресторана миновало несколько месяцев. Потянулись обычные будни. Глеб работал, сдавал отчёт, возился с машиной, гулял с ребенком. Но три раза в неделю неуклонно, как бы ни был занят, посещал ставшую ему быстро привычной, «Ариадну». У него была небольшая аритмия, это он знал. Но нашлось ещё и воспаление почечных лоханок, и кое-какие другие хворобы. Его исследовали, лечили, гормональные анализы сменялись «андрогинной» терапией, наступил черёд корейского массажа в совокупности ваннами из горных трав. Наконец, Мухаммедшина занялась его кровообращением в органах малого таза и заставила записаться в спортклуб и сбросить вес. Он и раньше никогда особых алкогольных проблем не имел. Теперь не пил вовсе.

А дома стало налаживаться. Марина тоже раза два приходила в консультацию. Она ничего не рассказывала об этих беседах. Но в выходной, когда им удавалось отдохнуть и хорошо провести время, она, напротив, наливала себе хрустальный гранатовый бокал красного вина. А затем надевала синий кружевной пеньюар, хитро застёгивающийся всего на одну пуговицу. А под ним абсолютно ничего! При каждом шаге он распаивается и обнажает её стройные ноги! Серые глаза ласково блестят!

Она уводила мужа в спальню, и всё получалось! Ну, может, и не совсем идеально. Но постепенно лучше и лучше.

Однажды, после прекрасного субботнего вечера с прогулкой, ужином, Вивальди дома на диване, а за ним вполне гармоничным продолжением в спальне, Глеб уснул. Он был типичный «жаворонок» и, если удавалось, с удовольствием часов в десять укладывался, чтобы проспать до утра. Дочка тоже давно была в кроватке, а Марина в пол-одиннадцатого чувствовала себя совершенно бодрой. Ей надо было сдать статью в «Вопросы микробиологии». Если примут, будет третья публикация для защиты. Еще она выступит с докладом на конференции в Питере в ВИЗРе, доложит свои результаты.

Она включила компьютер, открыла свой лабораторный журнал и углубилась в работу. Писалось на удивление хорошо. Она увлеклась, и поэтому телефон услышала не сразу.

– Маринка, как дела – зазвенел в трубке голос задушевной подружки Динки. – Я уж подумала, что ты спишь!

Они работали раньше вместе, только Дина была постарше. Дина Жилина и сейчас продолжала трудиться в институте как флеболог.<sup>7</sup> Это была жизнерадостная хохотушка, которую любили пациенты за хороший характер и побаивались коллеги за острый язычок. Но Жилина умела, когда надо, молчать как могила. И потому вовсе не трепливая Ерофеева рассказывала ВСЁ только одной Динке. Она в Москве, пока

---

<sup>7</sup> врач, специалист по сосудистой терапии и хирургии.

училась, и позже на работе ни с кем больше близко не сошлась. В родном Рыбинске остались две школьные подружки, но с тех пор прошла, как ей теперь казалась, целая жизнь. Да, Динка была «в курсе». Ничего удивительного, что в ответ на довольный голос и заверения, что «всё путём», настроение – лучше не надо! Дина недоверчиво протянула.

– Всё будет путём, если ты уйдёшь от своего пенсионера!

Дина была глубоко уверена, что подруга совершила ошибку, и «старый перечник» её охмурил. А теперь или новую нашёл на стороне, или окончательно вышел в тираж.

– Есть ещё вариант – завести себе нормального молодого друга! – продолжала Дина.

– Прекрати, хулиганка, ты же знаешь прекрасно, что я его люблю! Перестань дурачиться, у нас в интимных делах всё образовалось! – перешла на шёпот Марина.

– Ты хочешь сказать, Ерофеев исполняет супружеские обязанности? Уж не знаю, как к этой новости относиться. Я так надеялась, что ты образумишься. Хотя Таньку жалко. Да ты меня не слушай. Я известная охальница, – смилостивилась подруга.

– Ну, объясни. Он что, просто отдохнул или эту Виагру пьёт? Ему же нельзя, ты говорила.

– Нет, он проходит комплексное лечение. Я тоже по мере сил участвую. И знаешь, кто помог? Она – доктор наук, у нас тоже работала. Раньше была чистым урологом, а потом ещё в институте сексопатологией занялась. Теперь у неё своя



консультация в «Асклепии».

– Да кто это? Назови фамилию.

– Эрна Александровна Мухаммедшина.

– Не может быть, что ты говоришь! Его «бывшая»?

– Что-о-о?

– Как, ты не знала? Об этом многим у нас было известно, их встречали в городе то там, то здесь года два. Марин, да ты что? Это же до тебя было! Я тебе точно говорю, у нас есть общие знакомые. Мариночка! Ох, я идиотка! – пыталась Дина исправить положение в ответ на молчание в трубке. Но через несколько секунд раздались короткие гудки, и больше к телефону никто не подходил.

В воскресное утро Глеб проснулся как всегда рано. Но хмурый день располагал ещё подремать. Он завернулся в одеяло с головой и так и сделал. И только в девять, поднявшись и увидев, что в спальне он один, надел халат и отправился на кухню. Там тоже не было никого.

– Девочки? – позвал с недоумением Глеб, – вы где?

Ему никто не ответил, и он с нарастающей тревогой обошёл всю их двухкомнатную квартиру. Он заглянул в шкаф и не нашёл Марининых и детских вещей. Не было коляски. Не было и пальто на вешалке. Зато на столе в столовой лежала записка. Жена ушла.

Дня через два в консультации «Ариадна» зазвонил телефон. Разгневанный мужской голос требовал позвать немед-

ленно Мухаммедшину. Он разговаривал со всеми на высоких тонах. Чего-то настырно добивался от старшей сестры. Скандалил с ассистентом, а когда, наконец, прорвался и Эрна Александровна подошла, обрушился на нее с упреками.

Несколько его фраз, и на ее лице отразилось выражение брезгливого изумления. Она слушала Ерофеева, порой коротко отвечая на его громы и молнии. «Нет», «зачем мне это надо?», «ты не в своем уме», «полная ахинея!» – доносилось до сотрудников, пока она с явной досадой не положила трубку.

– Это пациент. Вы все его знаете. Он выбрал имя Иван Долгов! Его курс лечения почти закончен. Так вот. Придет продолжать – пожалуйста. В строгом соответствии с планом. А в остальном – никаких частных разговоров. Меня к телефону более не звать. Меня нет, и не будет. Сегодня я уже не вернусь. Понятно?

– А как же! Но, шефа! Мы скажем – сегодня нет. А он захочет узнать – когда? – удивился Эдик непривычному тону своей начальницы.

– И вы ответите – для Вас никогда! – отрезала Эрна Александровна, повернулась и ушла.

– Эдик, ты меня сразу зови. Я привычная, – Рая потихоньку наставляла молодого смущенного Демина, не отрываясь от основного дела. – Лариса эта, ну помнишь? Рябинина жена, базарная тетка, толстая такая! По телефону хамила. Потом сюда явилась. Сначала-то меня не было. Но однажды ей

не повезло.

Она как раз принялась орать, Эрну вызывать – я на нее смотрю в упор, и ни слова. Она вопить! У вас тут не консультация, а бордель! Я все молчу. И тут она: «Доктор Мухаммедшина – грязная сводница! Я здесь все разнесу, запомните надолго меня!» А я снимаю трубку и очень громко – милиция? В консультацию «Ариадна» ворвалась хулиганка. Пришлите, пожалуйста, наряд. А ты сержант, передай, будь ласка, начальнику – его хирургу, доктору Мухаммедшиной угрожают. Так если что не так, резать будет некому. И некому зашивать!» Ее, Ларису эту, как ветром сдуло! Испарилась в момент, словно не было ее, а бабища – будь здоров. А ты говоришь, Иван!

## **10. Снова Анита Таубе. Серый изверг. Настоящий кураж.**

«Проклятые пробки! Если ты работаешь в центре, добираться можно и нужно только на метро. Я зареклась на машине ездить, а сегодня, как назло, бес попутал. Не хотелось с сумкой с проспектами таскаться. И продукты собралась купить. А теперь эта девочка... как её? Луша! Не иначе стоит она у дверей, потому что никого дома нету.»

Анита заехала в гараж, припарковалась и, бормоча себе под нос и чертыхаясь, поспешила к выходу, увешанная пакетами и свёртками.

В первый раз Лушу в дом впустил муж. Алексей Николаевич поговорил с ней по телефону, поохал по поводу пропажи старинного друга семьи – Эрны Мухаммедшиной и добродушно предложил:

– Конечно, приходите! Мы с Вами чайку попьем, покалякаем немножко, а потом и жёнка с работы вернётся.

«Жёнка» и вправду прибыла примерно через час и быстро похерила домашнюю идиллию. Она увидела хорошенькое личико и круглые наивные серые глаза, а рядом своего благоверного, распустившего хвост веером. Алексей Николаевич уже выпил рюмочку и собирался приступить ко второй. Он как раз рассказывал гостье, как он, автор проекта знаменитого реактора...

– Алексей, ты не хочешь представить мне свою знакомую? – холодно спросила его лучшая половина в самый разгар захватывающей истории.

– Ниточка, это скорее, твоя знакомая, это, видишь ли... – он замялся, а Анита зло подумала, что «шестой десяток не прибавил мужу находчивости. Это сколько ж может быть лет вертихвостке? Самое большое – шестнадцать? И домой явилась! Ну, понятно! Ведь сама она собиралась после работы в спортивный клуб, а потом с подругами в баню. Но не получилось, всё пришлось отложить на завтра, на субботу. И на тебе, ишь, уютно расположились, ну и парочка!»

И тут заговорила «вертихвостка». Она встала, и Анита искренне изумилась, увидав целиком её пропорциональную,

но крошечную фигурку.

– Лукерья Арнольдовна Костина, представитель детективного агентства «Ирбис», – красивым звонким голосом с отличной дикцией вымолвила она.

«Нет, не шестнадцать. А что ещё за детективы? Втёрлась к Алексею в доверие! Что, впрочем, совсем не трудно. Да может, и врёт. Или от «Вокруг света с нами!» веет ветерок? Это такие ловкие ребята. Разместились напротив и пытаются клиентуру нашу переманить.»

...Хотела бы попросить Вас рассказать о Вашей подруге Эрне Александровне. Мы работаем по поручению... , – донесли до Аниты слова «наглой девицы», но она уже слушала в пол уха.

«Да, понятно. Это не «очередная» Алексея. Это что-то другое. Только что за бесцеремонность, явиться к ней в дом без спроса и приглашения. Бог знает кто!»

– Эрна пропала? Мне звонили. Если нужно будет, мы родные и друзья примем меры. Да. Да, я поняла, но она не уполномочивала меня рассказывать незнакомому человеку о своих делах. Ах, Вы полагаете, Вам будет трудно работать? Но это меня уже не касается. А теперь, прошу меня извинить. Я после работы дома хочу отдохнуть!

Таубе тогда выставила «детективицу» без малейшего сожаления. Но теперь другое дело. Теперь она обещала. И опаздывает, а Анита ненавидит необязательность. Сама без-

алаберности и непунктуальности не выносит и другим не прощает. Ну, положим, она не опаздывает ещё. Сейчас ровно половина.

«Так, у нормальных людей гараж прямо в доме, а тут тащись через дорогу... Уф-ф-ф! Вот и подъезд. И девочка тут как тут! Я ворчу-ворчу, а сама думаю, что малышка, небось, явится через полчаса. Это я всегда заранее прихожу – переоденусь спокойно, приготовлю поесть... Что ж, однако, молодец! Запишем ей плюс одно очко.»

– Здравствуйте, Лукерья Арнольдовна. Я сейчас открою, заходите, – улыбнулась Анита и впустила гостью в квартиру.

Как только дверь отворилась, на пороге появился бархатный крупный кот. Он потянулся, заурчал и принялся крутиться около ног хозяйки, трогать её лапой и тереться о ноги.

– Отстань, Феликс, – Анита между делом погладила антрацитовую спинку. – Это он требует своего тунца. Представляете, серый негодяй ест только консервированного тунца в собственном соку!

– Подумать только, – подивилась Луша, – а если вдруг тунца нет?

– О, это не его заботы! В крайнем случае этот тип соглашается на креветки или курицу-гриль. Но курицу... ай, да хрен с ним, – пожалала плечами Таубе и покорно полезла в холодильник.

Они немного поговорили о пустяках, перекусили, и Луша попросила не обращаться к ней так официально, если

можно. Она должна, конечно, представиться полным именем, как ассистентка главы агентства – господина Сеницы. Но ей всё-таки только двадцать пять. Тогда усталая Анита несколько смягчилась. И спросила, как будет полезнее для дела: отвечать на вопросы, или рассказать, что ей самой кажется существенным. Малышка со своей стороны заметила, что с удовольствием послушает сначала, и спросила, можно ли включить диктофон.

– Ради бога! – разрешила опытная Таубе, которой пришлось не раз давать интервью.

Девушка достала плоскую коробочку и положила на стол. Она смотрела на Аниту и думала: «да, эта женщина сегодня держится с ней иначе. Но всё равно не покидает ощущение, что собеседница застѣгнута на все пуговицы. Если она даже что скажет... Так только то, что сама захочет. Только то, что нужным сочтёт сказать.» И словно отвечая её мыслям, Анита задумчиво произнесла.

– Мне вчера Ваш главный звонил, мы с ним немного поговорили. Я сама тоже обдумала, что может пригодиться. Откровенно говоря, ума не приложу, какую корысть можно из нашей Эрны извлечь. Имущество? Квартира в семье была, но отчим умер куда позже Киры. Его дочь от первого брака оттяпала эту квартиру целиком. Она оформила опеку. Потом поздно стало судиться. Да Эрна не стала бы. Дача? Дачи не было. Хотя, постойте! Была дача! У стариков – дедушки и бабушки, только они её давно продали.

– Анита Сергеевна, Вас Сева Польских первой назвал и рассказал, что Вы дружили с Эрной всю жизнь. Значит, Вы с самого детства знаете её историю. Мы одну странную деталь выяснили. Может, это недоразумение, но у нас есть сведения, что она школьницей почему-то в своей школе в подвале жила. Какие у неё отношения были с родителями, что за детство?

Анита подумала немного, коротко вздохнула и начала.

– Понимаете, сказать, что мы дружили всю жизнь, было бы неверно. Но знали мы друг друга, правда, с самого моего рождения Эрна старше немного. Наши матери познакомились в войну в Ташкенте в эвакуации. Они обе были студентки. И вот они действительно были близкие подруги. Мама Эрны, тётя Кира – я её всегда так называла – была блестящая женщина. Очень красивая, талантливая, весёлая, хорошо образованная. На фортепиано играла, пела, рисовала. Эрна от неё унаследовала интерес к иностранным языкам. И это, может, единственное... – Она запнулась. Потом решительно тряхнула головой. – Их обеих уже нет в живых. Моя мама тоже недавно умерла. Не особенно приятно и порядочно говорить о человеке, которого нет. Он не может защититься. Ну, да делать нечего. Не врать же, в конце концов.

– Вот Вы говорите, родители. Отношения с родителями, детство! Если не стараться выразиться помягче, не было у Эрны ни отношений этих, ни родителей в настоящем смысле слова. Не было, конечно, и детства! Вот такого, о кото-



ром обычно так охотно повествуют благополучные люди. Ну, такого, что у всех(!) лишь безоблачным, беззаботным и бывает. Это был заброшенный, никому не нужный одинокий ребёнок. Придёшь к ним, бывало, она сидит в углу. Плохо одетая, неухоженная, замкнутая, молчаливая девочка. Эрна маленькая не слишком к себе располагала. Она не была хорошенькой. Ласковой и весёлой она тоже не была. Поэтому к ней мало кто подходил. К тому же люди часто сторонятся чужой беды.

Таубе горько усмехнулась и недобро сузила глаза.

– Слышали, наверное? Идиотские ремарки – «как у каждого ребёнка», «как все дети» и прочее подобное. Кажется, ну как не понять, что это полная чепуха. «Каждый» – что ребёнок, что взрослый – разве что дышит, ест и ходит в туалет. А остальное у всех по-разному. Если у Вас, к примеру, были любящие папа и мама...

Крошечная собеседница еле заметно передёрнула плечами, но Анита отчего-то сразу внезапно замолчала.

– Я сирота, цирковой подкидыш, – спокойно и просто ответила она на вопросительный взгляд хозяйки. – Шапито уехал, а меня московским гастролерам – воздушным гимнастам в номер подкинули. В Сочи отличный цирк раньше был, вроде московского. Большое капитальное здание. Туда все лучшие артисты съезжались. А на окраинах иногда ютились шапито. Ну вот. Цирковые, знаете, особый народ. Там государство в государстве. В комплексный номер нужен был ре-

бёнок. В нём разные артисты работали – не только гимнасты, но «баланс», клоуны. И ещё «дрессура» – пудели белые и чёрные, гусь и петух. Я была куколка такая – смешная, только начала говорить. Они меня и взяли к себе. Меня гусь в тележке сначала по арене возил. Купили документы... И уже только много, много лет спустя я узнала, кто мои родители и как всё вообще получилось. Бог ты мой, зачем я Вам всё это рассказываю? – она растерянно подняла опущенную голову. И тут серые Лушины глаза сделались ещё больше.

А на Аниту действительно стоило поглядеть. При первых же словах девушки: «цирковой подкидыш» она схватилась за сигареты. Чиркнула пару раз зажигалкой и тут же забыла про неё. И теперь незажжённая сигарета торчала у неё во рту. Нарядные, украшенные стразами очки с палевыми стёклами сползли на кончик носа и карие с прозеленью глаза Таубе смотрели на Лушу с совершенно неожиданным материнским выражением. Это было похоже на ледяную корку, растаявшую под тёплыми лучами. Она уже собралась было возразить, но в это время зазвонил телефон.

– Господи, поговорить не дадут, – с досадой воскликнула Анита и хлопнула трубку на рычаг. Но не тут-то было! Не прошло и нескольких секунд, как мобильный, лежащий на столе заиграл венский вальс и зажужжал как осенняя муха. Покосившись на дисплей, на котором появилось улыбающееся лицо парня с Анитиными глазами, но светлыми волосами, Таубе взяла плоский, похожий на черепашку аппарат

и совершенно другим тоном заговорила. – Тимочка? Здравствуй, мальчик. Ты где? Уже на стадионе? Ах, вот оно что... А Мэй? Ну да, я понимаю. Видишь ли, у меня сейчас деловой разговор, но раз такое дело – приводите, конечно. Нет, папа в командировке, ей придётся самой. Да, можешь. Не за что, целую тебя. До вечера.

Лушенька, – с виноватым видом начала она, выключив телефон, – сейчас сюда через пять минут явятся «бандиты». Их у меня целых две штуки – девочка и мальчик. Они близнецы. А мама у них... Кинодокументалистка! Интересно, можно так сказать, или нет? По крайней мере, она тут у нас представляет агентство новостей из Гонконга. И по сему, работает не 24 часа в сутки, как говорит обо мне мой муж, а, верно, никак не меньше тридцати. Сын мой – это он сейчас звонил – тренер нашей олимпийской надежды по теннису Каринны Жеймо. И вот: у Каринны соревнование, у невестки Мэй – съёмки, а няня бандитов подхватила грипп и лежит дома с температурой. Вся компания живёт в соседнем доме. Я думаю...

В передней раздался звонок. Анита пожала плечами и пошла открывать, а Луша осталась раздумывать, что теперь предпринять. Следует ей вежливо откланяться, или воспользоваться возможностью познакомиться поближе с Анитой, предложить помочь с малышами и остаться. Она выбрала второе. Но хозяйка решила иначе. Она появилась на кухне в сопровождении очень красивой, гибкой черноглазой моло-

дой китайянки, одетой в лиловую замшевую куртку и мягкие сапоги, и двух таких же черноглазых детей. Вся компания без перерыва щебетала по-английски.

– Луша, ничего не поделаешь, придётся перенести наш разговор, – с налёту тоже на языке покорителей морей обратилась Анита к своей маленькой посетительнице.

Луша сделала умное лицо и в который раз пообещала себе немедленно заняться своим разговорным английским. «У них в эстрадно-цирковом училище с языками было не очень. Да и сама она, если откровенно говорить, прилежанием не отличалась. А теперь вот... Нет, она, когда кончала двухгодичные курсы «розыск и защита» усердно посещала семинары по языку, но этого абсолютно недостаточно!» Фразу Аниты она кое-как поняла, но ответила по-русски. Впрочем, и всё черноглазое семейство было, как теперь говорят, «билингва».

Луша и Мэй поздоровались, познакомились и попрощались почти одновременно. Мэй, поставив на пол сумку с детскими манатками, убежала. А пятилетние карапузы сперва повели себя прилично. Они степенно разделись и повесили свои разноцветные вещички на специально сделанные внизу крючки. Потом в задумчивости осмотрелись.

Потерявшая на минуту бдительность Анита убрала сумку и стала накрывать для детей на стол.

Надо достать ежедневник и посмотреть, когда найдётся ближайшее «окно», чтобы снова договориться с Лушей, –

подумала она, а затем громко скомандовала:

– Мелкие! Руки мыть и ужинать, быстро! Вам даётся на всё про всё три минуты!

Но «мелкие» уже имели на счёт времяпрепровождения особое мнение. Они посмотрели друг на друга, потом на свою решительную родственницу и вдруг дружно схватились ручками за кота. Девочка цапнула его за острые настороженные ушки, а братишка уцепился за длинный хвост и потянул его вверх.

Луша как раз направилась в коридор одеваться. Хор из четырёх голосов моментально изменил диспозицию. Феликс взвыл и выпустил когти. Малыши – дружно заплакали. Анита принялась виртуозно ругаться, правда, не нарушая приличий.

Влетев в кухню, Луша обнаружила такую картину. Феликс, вырвавшись из рук маленьких мучителей, вскарабкался по оконной занавеске вверх. Следом он перебрался на полку под самым потолком, где стояла обливная керамическая ваза с засушенными цветами.

Кот оттуда орал склочным и пронзительным мявом. Близнецы в ответ перестали плакать, зато взамен принялись весело вопить.

– Ой, лихо ты моё! – причитала Анита, глядя на это безобразие. – Серый изверг сам слезть не может! Он боится! А Алексей в командировке. Ведь какая вредная тварь – спускается на твоих плечах, не иначе. Если даже мы лестницу

добудем, мы его не достанем. Я – метр с кепкой, а вы ещё меньше! Он, Феликс клятый, Алексеев любимчик, и когда он тут устраивает концерты, то Алексей...

– А ему только и нужны плечи? – вклинилась задумчиво Луша.

– Алексей высокого роста, мой сын тоже. Они его достают. Вот не дашь Феликсу курицу – ему нельзя курицу – так он всегда туда лезет!

И тут коту, видно, надоело только всё орать да орать. Он решил повернуться к зрителям и хлестнул себя хвостом по бокам. Тяжёлая ваза зашаталась и сверзилась с высоты. Анита окаменела. Клопики инстинктивно отшатнулись. Зато маленькая ассистентка Костина качнулась на один шаг вперёд. Одно неуловимое движение, и увесистый терракотовый копус оказался каким-то чудом невредимым в её руках.

– Анита Сергеевна, Вы не могли бы близнецов забрать от окна? – совершенно невозмутимо попросила она.

Деморализованная Таубе, не задавая вопросов, ухватила сопротивляющихся детишек и оттащила к противоположной стенке. Тогда Луша подошла к занавеске. Около неё прямо под полкой с котом стоял узкий современный кухонный шкаф из дерева и металла. Девушка поставила на него высокий металлический стул, оглянулась и на стул взгромоздила табуретку. Вся конструкция, неустойчивая и ненадёжная, слегка колебалась. До кота, впрочем, оставалось уже недалеко.

– Вы считаете, он поймёт и на табуретку соскочит сам? – простонала Анита, из последних сил удерживая малышей.

– Плечи, говорите? Будут ему плечи! – тихо, но отчётливо вымолвила Луша и вместо ответа взлетела по своей удивительной пирамиде вверх. Маленькие изящные ножки мелькнули в воздухе. Её руки взметнулись ввысь. «Пиль!» – командовала она, и «серый изверг» безропотно перешёл к ней на плечи. Девушка сделала пируэт и легко, без видимых усилий спрыгнула вниз.

Анита отпустила «бандитов», потом молча схватила Феликса, впихнула в ванную и захлопнула дверь. После этого она подошла к Луше.

– Слушай, Лукерья Арнольдовна! Ты, мать моя... какая там «ассистентка господина Сеницы»! Какой «цирковой подкидыш»! Да ты ж просто – УКРОТИТЕЛЬНИЦА! Защитница диких младенцев от домашних КОТОВ!

И маленькая деловая жесткая женщина, наклоняясь к своей крошечной посетительнице, крепко её поцеловала.

## **11. Ирбис. Дела семейные и служебные**

Осеннее солнце нехотя выползло на небо. Иней на пожухлых листьях лениво начал таять. И через часок на улице стало веселее. Воздух, ещё, а впрочем, может, уже? – морозный, определённо, бодрит. И Пётр, вдыхая запах прелой листвы, с удовольствием предвкушал, как сейчас доберётся до «кон-

торы». Там всегда чисто, тепло, пахнет чем-то из Олеговых травок, а то сухими белыми грибами или Изабеллой. Сегодня Олег печёт оладушки с яблоками к завтраку. А кофе сварит сам Пётр. И они с Лушей будут кофе, но Олег – тот чаёвник. Он и тётя Муся любят не спеша две-три чашки выпить. И для этих благородных целей у тёти Муси имеются сушки. Сушки, звонкие и лёгкие, с маком! Просто прелесть, что у него за семья! Кто это сказал, что семья – непременно женатые люди? Если подумать, так у них и по ролям всё подходит. Вдова тётя Муся – бабушка. Лушка – крохотная кнопочка – дочка. А они с Олегом? Они – два отца? Подумать надо.

Как бы там ни было, они сейчас позавтракают все вместе, всей семьёй. Это, кстати, в будний день редко кому удаётся. Да, позавтракают они, и за работу.

Пётр взбежал на крыльцо, набрал код, отворил первую дверь, потом приложил магнитную карту к сканнеру, и вторая тоже открылась. Он прошёл сразу во внутреннюю часть дома, откуда слышались голоса.

– Общий привет честной компании! – объявил Пётр. – Я прибыл и готов приступить к священнодействию. Никто не хочет присоединиться к нам с Лукерьей Арнольдовной? Эй, я вам говорю! Олечка! Да оторвись ты на секунду. Кофе в виде исключения? Нет? А тётя Муся? Тогда насыпаю, как всегда.

С этими словами Синица включил кофемолку. Мария Тимофеевна, она же тётя Муся, которая о себе говорила, что



она в агентстве по хозяйственной части, тем временем накрыла на стол. Из сияющей чистотой кухни доносились аппетитные запахи, к которым скоро присоединился аромат свежемолотых кофейных зёрен.

– Интересно, мы все работаем, как пчёлы, а Лукерья ... Лукерья, ты что шепчешься с бедными бессловесными тварями?

– Пётр Андреевич, это кто же бессловесный? Лушенька отлично разговаривает, Петенька тоже не отстаёт. А Муся ещё совсем молодая. Вот она и твердит своё: «Лукер-р-р-ья, пер-р-ья...» Я как раз её учу.

Луша, сидевшая перед большой затейливой вольерой с попугаями, внушала что-то тихонько роскошному какаду с ярким хохолком. Эту белую самку с чёрным клювом, глазами-пуговками и торчащими жёлтыми перьями на головке, придававшими ей удивлённый вид, звали, вообще говоря, – Мария. Но она появилась в агентстве в честь дня рождения тёти Муси. И с тех пор никто её иначе, как Мусенька не называл. Луша голоса не повышала, потому что твердила этой Мусеньке: «Скажи: привет! Пётр Андреич пришёл! Ну, скажи, пожалуйста! Сразу столько «р». Разве тебе не нравится?» Она занималась этим добрых полчаса, но Муся только крутила головкой. Она охотно склёвывала кусочки банана из рук учительницы, поглядывала на красавца самца ара Петеньку и молчала. Ничего не поделаешь, следовало, видно, пока занятие прекратить – шеф пришёл, услышит и сюрпри-

за не выйдет. Девушка разочарованно вздохнула и встала. А Муся как раз слопала ещё кусочек. После этого она вместо Петеньки покосилась на Лушу. Жёлтые перья её встали дыбом. И вдруг на всю комнату раздалось: «Не нр-р-равится, не нр-р-равится, не нр-р-равится!» Маленькая учительница всплеснула руками: «Она просто издевается!» Попугай удивился, сделал маленькую паузу, но ненадолго. «Лукер-р-р-рья! Не нр-р-равится!» – снова проговорила птица.

– Детка, не обращай внимания, – под общий хохот попытался утешить Лушу Олег, – не всем же иметь хороший вкус! На Петю ты тоже несколько не похожа. А Муся из вас двоих явно предпочитает его!

– Пётр, да ты, никак, принял мои слова на свой счёт? – поднял брови Майский, в ответ на протестующий жест Синицы. – Уж не думаешь ли ты, что любая дама, даже какаду...

– Ох, садитесь, всё готово, олады остынут! – утирая слёзы от смеха, ласково проворчала тётя Муся.

После завтрака демократия, равенство и братство закончились. Тётя Муся принялась убираться. А Синица с ассистентами перешёл к себе в кабинет.

– Петя, Сева Польских нам перевёл аванс. А сегодня пришло письмо по электронной почте, он нас просит с первым следующим платежом подождать до конца месяца, – сообщил Олег.

– Подождём! Ну, ребята, кто первый? – спросил Пётр и

сам себе ответил. – Давай, Олег. Ты с тётей Раей поговорил?

– У меня для «застольного периода» пока немного. В компьютер я о сотрудниках всё занёс, что накопал. Толково поговорил с Эдиком. И установил очень любопытную фигуру среди пациентов. Ситуация многообещающая. К ним люди обращаются на основе строгой анонимности. Они завели такую систему: ты сам – конечно, если хочешь – берёшь себе псевдоним. И всё дальнейшее происходит уже под псевдонимом. То есть, врачи и сёстры тебя только так называют, все сведения о тебе – что в компьютер, что в картотеку – заносятся тоже так. Никто не знает настоящих имён. Ни телефонов, ни адресов, ничего. Но незадолго до исчезновения Эрны Александровны явилась к самому концу приёма разгневанная женщина, тут же назвалась и устроила форменный скандал.

– Её там неправильно лечили? – спросила Луша.

– Не угадала! – довольно усмехнулся Олег.

– В таком случае, нарушение врачебной этики? Разглашение информации? Просочились сведения о её проблемах?

– Вовсе нет, пациенткой была не она, а муж. Эта дама заявила, что доктор Мухаммедшина разрушила её семью. Грозила всеми смертными карами. А для начала судом. И подумать только, что её муж назвал своё настоящее имя! Это тем более удивительно, что он фигура заметная. Ректор известного технического университета.

– А почему же пострадала семья? Его не вылечили?

– Снова не угадала! Видишь ли, о его делах я ничего не узнал. Эдик нем как рыба. Он мне назвал имена, поскольку баба орала, как одесская торговка. Её имя и имя её мужа не слышал только глухой. А с чем там обратился супруг, придётся самим разузнавать.

– Вот так история! Очень интересно. Но при чём тут Эрна, ты так и не сказал. В чём её обвиняют?

– Муж ушёл от этой мегеры.

– Муж ушёл? Постой, к кому? К Эрне? – удивился Пётр. Эдик сказал, поначалу покинутая жена несла невнятицу. Он подумал, что она, возможно, толком не знала, кто её счастливая соперница. Всё это надо будет нам уточнить. Но, кажется, просто у него была другая женщина. Возможно, имелись трудности. Эрна их успешно преодолела. А он на радостях и ушёл! Но всё это одни предположения.

– Хорошо! Вполне перспективное направление. Давай дальше. Только почему ты ни слова не сказал о Рае?

– Понимаешь, она за два дня до пропажи Эрны взяла отпуск. Я звонил домой – не подходят. Как только вернётся, я сразу её возьму за жабры.

– Бог ты мой, она что же – на целый месяц?

– Нет, не пугайся. Около недели. Это отгулы, переработка и прочее такое. Скоро придёт. Сейчас же совпало, выходные, праздники! Хорошо, я Эдика дома нашёл, а то тоже бы пришлось ждать.

– Да, время нам терять не приходится. Ну ладно, а теперь

Луша. Ты как, готова?

– О, у меня полно новостей. Я с «единственной подружкой» Северцевой хорошо поговорила. А у Таубе уже целых три раза была. Могу теперь про детство Эрны объяснить, что к чему. Помните, мы удивлялись, отчего она в подвале школы жила? Так вот.

И она рассказала, как красивая и весёлая молодая женщина Кира родила ребёнка, потому что так получилось. Как ребёнок этот своим родителям скорее мешал, но пока живы были бабушка и дедушка Эрны со стороны матери, всё шло своим чередом. Девочка была ухожена и накормлена, хотя жила семья очень бедно. Она даже научилась свободно и бегло говорить по-французски. Но Кира вышла замуж за Сашу Мухаммедшина, потому что у неё что-то не получилось с кем-то другим. А Саша был в недавнем прошлом боевой офицер, по профессии артист, эффектный мужчина и очень влюблён. Он уговорил Кирочку! Но мужем оказался нерадивым. Ребёнка Саша не заметил. Общительный и легкомысленный, он убегал в театр на репетиции, а возвращался с ватагой друзей и навеселе. Жена стала раздражаться. А он со своей стороны скоро остыл. Он видел – Кира его совершенно не любила.

Старики умерли один за другим. Дела в семье пошли совсем плохо, и, наверное, Мухаммедшины просто вскоре б разошлись, но здоровье Саши, получившего на войне несколько ранений, быстро ухудшалось. У него развилась

эмфизема лёгких. А он продолжал курить, любил выпить, лечиться же, напротив, терпеть не мог. Поэтому их супружеская жизнь кончилась иначе. Александр Мухаммедшин стогрел быстро, он просто совсем ещё молодым сошёл в могилу.

Вокруг Кирочки всегда роились поклонники. Она преподавала французский в военной академии. А после работы рада была развлечься.

Если удавалось договориться с соседкой по коммуналке, она оставляла ужин Эрне и убегала на весь вечер.

Ей было уже за тридцать. Иная женщина, оставшись одна с ребёнком, страдала б от одиночества и тревожилась за будущее. Ведь после войны свободных мужчин было значительно меньше, чем женщин. Но красавице Кирочке, окружённой всегда вниманием, не особенно и хотелось связывать себя, заниматься хозяйством, сидеть дома. Ещё меньше желала она детей, которых скорей всего бы ожидал новый супруг. Танцевать, ходить на каток и лыжи, бегать на концерты и выставки было куда приятней. Бог знает, как могла сложиться её судьба. Но Кира опять встретила настойчивого мужчину. Её снова уговорили! Она вышла замуж во второй раз.

Горный инженер Семён Цаплин был старше Киры. Он один раз уже был женат и страшно неудачно. Едва избавившись от вульгарной, горластой, склочной бабы, на которой его угораздило жениться вскоре по окончании института, он, было, дал себе зарок остаться холостяком, и довольно дол-

го держался. Но не зря говорят – лучше не клянись. Цаплин влюбился по уши. И хоть ему советовали друзья подумать, говорили – у неё ребёнок, зачем тебе чужие дети? Он не слушал, а вернее не слышал. «Чужие дети» Семёну и впрямь вовсе не требовались. Он и к своей собственной дочери от первого брака не испытывал особой привязанности. А тут девчушка, уже не такая маленькая, чтобы вызывать умиление, некрасивая, застенчивая... Но это даже не самое страшное! Хуже, что безумно ревнивый Цаплин, глядя на маленькую дурнушку, хочешь не хочешь, каждый раз вспоминал, что один-то мужчина кроме него – отец этой Эрны – точно был в жизни его жены! И приходил в холодную ярость!

Он держался с ребёнком неприязненно, придирчиво, мог под настроение и руки распустить, и застенчивая печальная девочка отчима избегала.

Прошло несколько лет, семья переехала на Арбат. Там им пришлось жить вместе со старым свёкром. Впрочем, этот шестидесяти шестилетний крепкий седой высокий мужчина сам себя определённо не считал стариком. Он был вдовцом и извлекал из этого положения максимум всевозможных удовольствий. Он и при жизни жены никогда себя не стеснял. Всегда имел кого-то на стороне, хоть собственную домработницу, но имел. Что уж говорить теперь, когда на работу ходить больше не надо, сын достаточно зарабатывает, невестка очень неплохо готовит, а на пенсию вполне можно и того... Да, невестка! Очень красивая женщина. Только этот довесок

у неё... Ну, ничего, пусть убирает квартиру, бегают за покупками. Да мало ли дома дел! Так прошло ещё несколько лет.

Эта Эрна, вот странное имя, совсем не такая как её мать, никакого сходства. Но глядишь, тоже подрастает. Вытягивается, оформилась уже, грудки у неё, – стал подумывать старый негодяй, глядя на одинокого беззащитного ребёнка. Раньше думал, зачем она тут нужна? Теперь пригодится!

Он начал ловить Эрну в коридоре, бормотать гадости и тискать. Свет не горел. Коридор был длинный, за поворотом чулан. Девочка смертельно боялась. Стыдилась ещё больше. Ей даже в голову не приходило пожаловаться. Кто стал бы её слушать? Кто бы ей поверил? И однажды...

Эрне давно не хотелось после школы домой. Но зимой на улицах холодно, рано темнеет, и бродить одной тоже страшно. Поэтому она старалась задержаться в школе, засиживалась, где можно, пряталась в пустых классах, в физкультурном или актовом зале, забиралась в библиотеку. Она садилась на корточки, обнимала себя руками под коленками и зажимала глаза.

Надо было успеть выскочить, пока школу на ночь не запрут. Уйти сейчас? Всё равно до мамы не досидишь, она возвращается часов в семь вечера, и то если с работы идёт прямо домой. А вдруг «этот» куда-то уже ушёл, а «другого» – отчима ещё нет? Тогда можно немножко спокойно дома побыть и почитать. И уроки пора делать...

В школе в подвальном этаже имелись крошечная комнат-



ка, тесная как пенал. Вдоль стен в ней стояли узкие походные кровати, застеленные серыми солдатскими одеялами, между ними – тумбочка. У самой двери ютился шкафчик, он же кухонный стол. И это всё.

Убогий скарб жительниц этой хоромины хранился в задвинутых под кровати ободранных чемоданах. В комнатке обитали две пожилые нянечки, выброшенные из колхоза на московский берег социалистическими и военными штормами. Директор, которая жила тут же при школе в отдельной и вполне приличной квартире, сумела их приютить и, что было, может, ещё важней, отстоять перед бесчисленными проверками разного начальства от милиции до райкома.

Эта директор или директриса, как её иногда именовали, была примечательная женщина. Анна Григорьевна Одицова, крупная, полная, громкоголосая, резкая и не терпящая возражений была исключительно порядочным человеком. Поселить нянечек при школе, тоже мне подвиг! А если они из раскулаченных семей? Или возьмём учителей с фамилиями, которые образованный человек сразу опознаёт как немецкие. Например, Циммерман, Мюллер, а то даже Шиллер! В самом деле, Шиллер, что это за фамилия? Вы скажете: ну как же? Фридрих Шиллер – великий немецкий романтик, поэт и драматург. И учительница немецкого Виктория Ильинична Шиллер, она уж не родственница ли? Давайте, спросим! Но это образованный человек. А информированный? А осторожный? Да ещё когда на дворе «дело врачей»? И глубоко-

ко верующая православная директриса Одинцова, та, что во всех бесконечных анкетах, несмотря на опасения близких, неуклонно писала в графе «социальное происхождение» не индифферентное «из служащих», а чистую правду – «из дворян», не терпела несправедливости. Если учитель – талантливый математик, то пусть у него «фамилия», пусть у него даже прозвище, и вполне заслуженное прозвище – «нос», Анна Григорьевна его с удовольствием возьмёт на работу. И пока он справляется на отлично, волос с его головы не упадёт.

В её школе вовсе не было особого либерализма. Все полагающиеся организации – партийная, комсомольская и пионерская – исправно работали. Соблюдался строгий порядок. Ученики на переменах гуляли парами под присмотром дежурных. Но начиная с восьмого класса учителя обращались к ученикам только на «Вы».

Нянечки, тётя Глаша и Тётя Паша, вечерами подрабатывали, как могли. Паша – так же нянечкой в соседнем роддоме. Тётя Глаша помогала директрисе по дому. Когда дочь Анны Григорьевны вышла замуж и уехала с мужем-моряком в Мурманск к месту службы, внучек остался у бабушки, а тётя Глаша переселилась в освободившуюся комнату, ухаживать за малышом.

А нянечка тётя Паша осталась одна на своей солдатской кровати. «Ну, чисто барыня», говорила она весело. Только недолго это продолжалось.

Тётя Паша подметала как-то после уроков в актовом зале и заметила девочку в углу. Большая уже девчоночка. Сидит тихонько, думает – не заметят. В другой раз натолкнулась она на неё в пустой школе, потом в третий. Узнала у пионервожатой обиняками, как зовут. А затем и подошла, позвала к себе, напоила чайком с сухариками. Вкусные были сухарики, не везде такие найдёшь, с изюмом. Нянечка потихоньку разговаривать начала с девчонкой, осторожно спрашивать. Эрна сначала плакала и молчала. А потом рассказала...

Вот поэтому, когда как-то раз под вечер в пятницу мама с отчимом отбыли, как обычно, в гости, а старший Цаплин, отужинав, обернулся к Эрне и, сладко улыбаясь, сказал: «Опять мы с тобой одни остались, но вдвоём никогда не скучно, верно?» Девочка выскочила в коридор, схватила с вешалки пальто и выбежала на тёмную зимнюю улицу.

До школы было недалеко. Она обогнула здание с тёмными окнами, пробралась во двор и согнулась у единственного освещённого подвального окошка, наполовину утопленного в землю. Ох, только бы дотянуться до стекла! Окошко было забрано редкой металлической решёткой. Получилось! Но если тётя Паша слушает радио, тогда стучи -не стучи!

Было ветрено, сухой снег скрипел под ногами. Из переулка слышались голоса подгулявших парней. Она от испуга застучала сильнее. И тут наконец в окне появилось встревоженное старческое лицо в морщинках и круглых очках, обрамлённое совершенно седыми волосами, закрученными лу-

ковичкой на затылке и заколотыми пластмассовым рябеньким гребешком.

Дома её не сразу и хватились. Цаплины пришли поздно. Утром они решили подольше поспать. Когда встали – то да сё, свёкор что-то пробормотал и ушёл гулять, а Цаплины за-собирались в кино. Вернулись они под вечер и сели ужинать. И было уже девять, когда зазвонил телефон. Одноклассница Лида спросила Эрну, чтобы узнать задание по геометрии. Только тогда Кира заглянула в комнату, в туалет, на кухню, поискала на вешалке пальто, коротенькие зимние сапожки и... не нашла никого и ничего. Тут она начала спрашивать – мужчины реагировали вяло и без интереса. Придет, куда она денется, твоя Эрн! Шляется, небось, где-то с подружками.

Долго ли коротко ли, выяснилось понемногу, что девочки нет со вчерашнего дня, она не ночевала. Не объявилась она и завтра.

Кира собиралась в воскресенье на концерт, но делать нечего, надо было что-то предпринять. Ведь в понедельник могут позвонить из школы и начать задавать вопросы. Она в первый раз подумала, что не знает, собственно, никаких подружек дочери. Да и есть ли вообще подружки? Эта, что звонила насчёт уроков? Но кто она такая, и как её фамилия? А другая просит иногда помочь с математикой и физикой. Эту, кажется, зовут Ира. Поискать, что ли в комнате её телефон?

Она вошла, пошарила на расшатанном закапанном чернилами письменном столе с зелёной настольной лампой и

томиком «Трёх мушкетёров», выдвинула его единственный ящик. Там лежали в беспорядке ручки и карандаши, школьные тетрадки, тонкие и потолще, и ещё одна в клеёнчатом переплёте с выведенным крупным ученическим почерком названием – «дневник». Кира наугад открыла эту посередине. Полистала и изменилась в лице. А потом молча оделась и вышла из дома.

Пока Кира медленно шла к школе, то, как ни короток был путь, она по дороге поняла, что выхода из создавшегося положения нет. Жить негде, муж дочку едва терпит и не скрывает этого, объясниться с ним вряд ли выйдет. Развестись, разъехаться сложно, да и неохота. И когда она пришла, достучалась и, не зная толком, как себя вести, начала неприятный разговор с девочкой и старушкой, когда Эрна наотрез отказалась возвращаться, мать не очень её и уговаривала.

Трудно теперь восстановить заново, каким образом это утряслось, только Эрна осталась жить в каморке. Мать поначалу иногда заходила, немножко – очень скромно – помогала, а потом перестала.

Тётя Паша стала брать по выходным ночные дежурства в своём роддоме. На нищенскую зарплату нянечки и её скромный приработок нельзя было прожить вдвоём, хоть директор Одинцова и подкармливала покинутую девочку. А она, очень способная, но раньше учившаяся небрежно, стала внимательной и старательной чрезвычайно. Старенькая её форма, из которой она уже выросла, сияла белыми воротничка-

ми, а в дневнике сделалось красно от пятёрок.

И когда по школьному двору потекли ручьи, на водосточных трубах и на крыше повисли сосульки, а воробьи подняли гвалт перед подвальным окном, склёвывая рассыпанные крошки, Эрна решительно сказала тёте Паше: «Бабуленька, поговори ты, пожалуйста, с сестрой-хозяйкой. У вас там всегда народу не хватает. Она придумает что-нибудь, а я буду тебе помогать. Вот увидишь, я смогу! Ты же сама говоришь, дело нехитрое! Пусть заплатят нам немножко больше. А через год я кончу школу и смогу зарабатывать как взрослые. Вот тогда мы заживём!

Тётя Паша всплакнула – девочке бы учиться да учиться, но делать нечего! На следующий год надо Эрне новую форму, надо сапоги, а летом что носить? Словом, попросила она в своём родильном отделении. И, начиная с апреля, стали они по вечерам ходить работать вдвоём.

Эрна понемногу училась. Она сперва выполняла самое простое – подай, принеси, убери – потом начала присматриваться и быстро перенимать, что можно, у опытных медсестёр. К окончанию школы она превратилась в умелую помощницу, да уже не нянечки, а акушерки.

Эрна получила хороший аттестат, в котором были только две четвёрки – по русскому и по географии. К этому времени всякие контакты у неё с семьёй окончательно прекратились. Об институте нечего было и думать. Но в роддоме её знали и ценили. И с удовольствием взяли в штат. Правда, без окон-

чания курсов медсестрой не получилось. Эрна поступила в регистратуру. А по вечерам, как и прежде, подрабатывала помощницей акушерки. Получалось так хорошо, что заведующая отделением пошла и поговорила с директором. И через год её всё-таки взяли. Это называлось – «исполняющая обязанности». Нашли обходной манёвр.

Пока Луша рассказывала, в кабинете стояла полная тишина. Незаметно вошла Мария Тимофеевна, хотела полить цветы, но заслушалась и молча села около двери на стул. Пётр Синица отвернулся к окну. Олег морщился, по его лицу пробегала гримаса отвращения. Когда Луша замолчала, Пётр спросил:

– У тебя всё?

– Нет, об этом есть ещё немного, но у нас время кончается.

– Ты права, «застольный период» на сегодня почти исчерпан. Скоро начнётся «ножной». У всех что-нибудь намечено. Сделаем перерыв. А то руки чешутся дать в рыло, да некому.

Он заходил по комнате, потряс головой, потом стукнул кулаком по тяжёлой папке.

– Вот что, дорогие мои. Я тоже рос без отца. Я нечего о нём не знал. Очень страдал от этого. Мне часто и по-разному было тяжело. Но меня все любили – и моя мама, и бабушка. И жил я у себя дома. А эти! Боже, какие... Нет, не хочу о них даже говорить. Знаете, есть там у Севы деньги, нет ли, но я теперь своим долгом считаю Эрну найти. И пока не найду, не успокоюсь. Землю рыть буду! Всё, простите, братцы, за па-

фос. А теперь пора. Разбежались. Каждый знает, что дальше делать. Встречаемся вечером. Тогда дослушаем Лукерью. А я тоже покумекаю и вам доложу.

– А, Луш, ты что? – скосил он глаза девушку, заметив ее движение.

– Пётр Андреевич, – Луша, до сих пор державшаяся хорошо, подняла глаза и стало видно, что они у неё на мокром месте, – мерзкая история, всем тошно стало. Мы даже забыли, что в ней для нас пока ничего нет.

– Ребёнок прав, – пожал плечами Майский. – Злодея ещё никто не нашёл. Мотива нет!

– Не называй так нашу девочку, она обидится! – улыбнулся шеф.

– Ничего подобного, мне даже приятно. Но как раз Вы от меня, если честно, не так уж и отличаетесь! – возразила Луша.

– Вот тебе и на! А я недавно тешил себя мыслями, что мы с Олегом тебе вроде папаш. Ну да! Тётя Муся – бабушка, мы – отцы...

– А я, значит... ?

– Раньше бы сказали – сын полка, – вставила тётя Муся.

– Тогда уж дочь! Нет, я предлагаю: «Барсик». А что? Ирбис – это снежный барс, Лушенька наша – Барсик! – Олег изобразил руками нечто круглое и пушистое.

– Ладно, мы объявим для Луши конкурс и учредим призы. Но шутки в сторону. Осталось десять минут. Давай коротко,



и двинулись.

– Пётр Андреевич, я сказала, что с подругой Северцевой поговорила. Так вот, я «последнего героя» нашла. Его зовут Глеб Сергеевич Ерофеев. Он врач – гематолог. У них был роман, который года два длился, а потом иссяк.

– А он женат? – заинтересовался Пётр.

– Вот тут и начинается самое интересное. Он был тогда женат и снова женат теперь. И как это понимать?

– Он человек... м-м-м... зрелый. Ему сейчас пятьдесят восемь. Это она, чтоб меня не обидеть. Сама хотела – «старый» сказать, -хмыкнул Олег.

– Я хотела сказать, что он даже Эрны был значительно старше! – возмутилась Луша. И продолжила... – этот Глеб имел давно семью, когда с Эрной познакомился. Он из тех, кто никогда не упускает возможности с кем-нибудь закрутить. Словом, они познакомились, встречались какое-то время и мирно разошлись. А потом он встретил совсем молодую девушку Марину. Она недавно закончила институт и работала «лаборанткой с высшим» тоже в Эрнинском институте. Он влюбился, да она ещё и забеременела. Тогда Глеб развёлся и вскоре на Марине женился.

– А вторая жена знает про Эрну? Ей, возможно, это было бы неприятно. Небось, этот гусь утверждает, что он образец супружеской верности, и только её неземная красота и нежная юность заставили его позабыть о своих обетах?

– Знает или нет, неизвестно. Но тут есть сюрприз ещё

лучше. Северцева говорит, недавно Эрна ей рассказала, как вдруг ей позвонил давно глаз не казавший Глеб и обратился как пациент!

– А что с ним приключилось?

– Я, конечно, тут же спросила. Но Эрна в таких делах всегда соблюдала полную врачебную тайну.

– Лушка, молодец! Просто гремучая смесь – любовь, соперничество, ревность, уязвлённое самолюбие, и в довершении что-нибудь жизнеутверждающее, урологическое. О, тут можно ожидать осложнений. Отлично. Работаем!

– Они быстро оделись и вышли, каждый по своим делам.

– Лорд, лежать! Ты остаёшься! – на прощанье скомандовал Пётр и скрылся. Собака безропотно улеглась и жалобно посмотрела на тётю Мусю.

– Не горюй, пойдём я тебе... Эх, он не разрешает! Ну, ничего, через час тебя кормить. Тогда получишь, собаченька. Я тебе косточку припасла. Не всё ж только из банок этих!

И Мария Тимофеевна отправилась на второй этаж

## **12. Страшное известие. Опер Володя Расторгуев**

Часы показывали без четверти восемь, когда Пётр Синеца оторвался от дисплея и подумал: «пора!». Он закончил сегодняшний отчёт, составил план на завтра, просмотрел новые данные, внесённые в вопросники и таблицы дела о пропаже Мухаммедшиной, заведённого по просьбе Севы Поль-

ских. Рабочее название у этого дела было: «Муха». И стандартные графы, строчки и столбцы по методике, принятой в агентстве, начали за прошедшие несколько дней постепенно заполняться.

«Завтра займусь «дублями». Пошлю к Северцевой Олега. А сам к Таубе схожу. Но попозже. У Аниты Таубе наша малышка теперь лучший друг. Надо не переусердствовать. Она может начать рассказывать то, что мы хотели бы слышать. С другой стороны, Анита – занятой человек. Как бы ей просто не надоело тратить время. Станет злиться. Это нам пока тоже не нужно.»

Пётр завёл железное правило, по которому с теми, кого он считал важным источником сведений, обязательно разговаривали порознь двое сотрудников и сравнивали потом свои впечатления. Когда требовалось, они разыгрывали ещё и разные роли.

Сегодня заключительный аккорд – обсуждение итогов дня – уже состоялся, оставалось только попрощаться и разойтись. Пётр выключил компьютер, вытащил актуальную флешку и убрал в сейф. Он шёл по коридору по направлению к столовой, когда раздалась мелодия «однозвучный колокольчик» – позывные мобильного телефона Олега. Ребята сидели за столом и ждали шефа, чтобы перекинуться несколькими словами, перекусить, если кто захочет, и до дому. Он предложил их сегодня развезти на машине. Все устали.

Синица толкнул дверь. Он услышал голоса вперемешку с бормотаньем попугаев, нежным: «ку-ку», и чириканьем и собрался уже осведомиться, какая Лушенька запела, в пёрышках или в джинсах, но шуточные слова замерли у него на губах. Олег и Луша обернулись ему на встречу. На их лицах явственно написан был ужас.

– Что случилось? – встревожился Пётр. Олег медленно опустил телефон на стол и наморщил лоб.

– Петя, это Эдик, ассистент Эрны Мухаммедшиной. Ему сейчас из милиции позвонили. Её нашли.

– Господи, ты хочешь сказать, нашли тело?

– Да, то есть, нет, но...

– Ох, уже лучше!

– Пётр Андреевич, – не выдержала Луша, – тут не знаешь просто, как сказать. Всё – хуже. Тело, действительно, нашли. Только не Эрну. Раису Матвеевну Кулешову, ту самую медсестру – доверенное лицо, убили ударом стилета в сердце!

– Володька, здорово, тебе деньги нужны? Как – кто? Эй, да я это, зануда – следователь, пташка – канашка! Как месяц с тобой не пообщаешься, ты уж не узнаёшь!

– О, привет, Петруха, орёл ты мой! Так уж и орёл! Синицей тебя назвать было бы банально. Что это за разговоры с места в карьер про презренный металл? Ты ограбил банк и заделался Робин Гудом?

– Я такой специальный Робин Гуд,

только для отставных майоров, оперативников. Слушай, Володька, мы во что-то вляпались. Я не хочу моим соратникам одним следующим этапом работы поручать. Вернее, он должен проходить под самым серьёзным контролем настоящего профи. И это ты. Если согласен, Олег тут сидит рядом со мной. Он оформит документы, и ты снова «на договоре». Хочешь – с завтрашнего, хочешь – с сегодняшнего дня.

– Петя, я готов. Молодой интересный пенсионер в твоём распоряжении.

– Кстати о пенсии, как твои конечности?

– Левую продолжаю разрабатывать, болит часто – зараза! А правой владею отлично. Я теперь в своём клубе занимаюсь спортивной стрельбой. И, знаешь, результаты много лучше, чем у здорового были при всяких служебных проверках.

– Очень надеюсь, что стрелять тебе не придётся. Ты когда к нам сумеешь прибыть?

– Да хоть сейчас. У тебя есть, где машину поставить?

– Обижаешь! У меня подземный гараж на шесть персон.

– Ну да, ты же у нас новоиспечённый автовладелец. Вот тебя до сих пор туда нелёгкая и не заносила. На шесть? Красиво живёшь. Тогда жди, выезжаю в твой «Ирбис».

Когда Пётр работал на Петровке следователем, Володя Расторгуев был сотрудником уголовного розыска, отдела по расследованию тяжких насильственных преступлений. Они были хорошо знакомы, встречались часто по работе, в общих компаниях, имели немало общих же приятелей, хоть и не за-

вели личных дружеских отношений.

Затем Пётр Андреевич решил, что ему настала пора отправиться в собственное плавание и стать капитаном. Он уволился, открыл «Ирбис». А через два года в случайном разговоре на старой работе узнал, что Володя Расторгуев в УГРО больше не служит. На расспросы ему поведали, как Расторгуев был тяжело ранен в перестрелке с бандитами, полгода провалялся в больнице, получил инвалидность, ушёл на пенсию и бедствует с семьёй и двумя детьми, кое-как перебиваясь с хлеба на квас на зарплату жены – учительницы истории.

«Подумать только, как не повезло! Ему ведь только слегка за сорок. Надо Володьку разыскать, узнать, чем помочь. Он где живёт?» – огорчился Пётр.

Но Расторгуевские координаты для него долго не могли найти. Народ в отделе уже частично сменился, частично... да что скрывать, стал бывшего коллегу-бедолагу подзабывать.

Синица, потихоньку свирепея, начал горячиться.

«Да что ж это, мужики, такой парень был золотой, отзывчивый, исключительно порядочный. Неужто, никто его не навещал? Не позвонил хотя бы?»

Наконец с грехом пополам домашний телефон Расторгуева отыскался. Тогда Синица, недолго думая, позвонил и попросил разрешения посоветоваться с Владимиром по важному делу.

Приехав, он постарался не заметить отчаянной бедности,

лезущей из всех углов в Володиной двушке, где друг у друга на головах ютилось всё семейство. Пётр объявил, что он с работы и зверски хочет есть, что он, как незваный гость никаких претензий к хозяевам не имеет, поэтому, если никто не возражает... И поставил спортивный синий баул на кухонный стол.

Синица опять же постарался не заметить, как дети и Лиля Расторгуева пытались скрыть, что обрадовались, когда на кухонный стол из объёмистой сумки гостя посыпались пакеты с пакетиками. Запахло свежезажаренной курицей, зеленью, теплыми пирогами. За сыром и ветчиной последовали фрукты, за фруктами бутылка хорошего вина, воздушные ароматные пирожные, диковинные конфеты! Было вполне понятно, что такое тут давно не видали. И приятно, что они не стали чиниться, а охотно сели за стол, с удовольствием поужинали, ласково ухаживали за гостем, и друг за другом, шутили и смеялись, рассказывали анекдоты. Словом, вечер получился отличный.

А после ужина Пётр попросил Володю побеседовать с ним с глазу на глаз. Лиля отправила детей делать уроки, сама ушла на кухню, а мужчины остались в «комнате общего назначения», как выразился Володя.

– Вот, брат, школьники мои в маленькой, а мы с Лилькой в этой и спим, и едим, и работаем, когда... – он запнулся, – когда есть работа.

Лиля-то к урокам должна готовиться, так, что... Да, впро-

чем, я не жалуясь. Всегда может быть хуже, – добавил он.

– Работа будет, Вольдемарчик, за этим я и приехал. Если ты согласишься, то мы тебя возьмём консультантом. У меня отличная совершенно нестандартная команда. Так сложилось, что я могу себе позволить выбирать, чем нам заниматься. И мы до сих пор брали дела, которые нам всем интересны. И только порядочную клиентуру.

– Ты хочешь сказать, что в отличие от адвоката-защитника, что обязан защищать любого мерзавца...

– Вопрос принципиальный для состязательности сторон, для отправления правосудия, чтобы адвокат искал смягчающие обстоятельства для каждого преступника. Но я не адвокат. И главное, я на вольных хлебах. Могу, пока, по крайней мере, придумать себе некую миссию и следовать ей. Я совершенно не настроен швыряться деньгами, но средства у меня есть. Посему за гонорами не гонюсь, хотя мы работаем вовсе не бесплатно. Наши услуги стоят дорого. Иногда дорого чрезвычайно! Но когда человек в беде, когда у него нечем платить, то мы устраиваем совет вождей и... Э, да ты постепенно во всём сам разберёшься! Я что, собственно, хочу сказать: нас, постоянных сотрудников, всего трое. Есть ещё пожилая женщина «на все руки». Она убирает, готовит, ухаживает за животными...

– Петро, у тебя там что, и зоопарк? Или, как теперь стало модно, филиал в деревне с лошадами, овечками, а то и коровами? – заморгал глазами Володя, с возрастающим изум-



лением слушавший бывшего сослуживца.

– Не волнуйся, до коров пока ещё не дошло. Но мы устраиваем себе хорошую жизнь, как мы её понимаем. У нас в агентстве уютно, а поскольку все мои любят живность, мы себе её и завели. И ещё разные штуки. Ты сам увидишь.

– А другие понимают хорошую жизнь по-иному?

– А ты как думал? Можно, например, получив солидные деньги, устраивать по этому поводу регулярно попойку и надираться до положения риз, можно закатываться в бордель или купить... ну, не знаю! Дурацкую дорогую машину, самолёт!

– Ты против автомобилей? Но у тебя есть машина!

– Конечно, есть! А в агентстве ещё одна – служебная, разъездная. И мои ассистенты не только имеют права, но действительно хорошо водят. Только это нормальные машины. Они современные и красивые, но практичные и надежные. Купленные для дела, а не для пижонства. Ну, и для отдыха, само собой. Мы про отдых не забываем. – Синица замолчал.

Он подумал, что впервые, пожалуй, рассказывает постороннему человеку о том, как задумано агентство, что там к чему и почём. Пусть не всё, но формулирует важные для себя самого вещи. Потом он глянул на собеседника и заметил смущённо-выжидательное выражение его лица. «Ох, я осёл! Раскукарекался, затоковал как тетерев, а парень с тревогой ждёт. Волнуется, может, я уже передумал? Или вообще пустобрёх?»

– Я тебе всё – мы да мы! Что касается ребят, то мой дуэт – совершенно разные персонажи. Они очень многое знают и умеют, но оперативного опыта у них нет. До сих пор от них требовалась, в основном, коммуникабельность, интеллект, аналитическая работа, лабораторные исследования, лицедейство. Разные разности. Я думал о том, чтобы не было и особенно опасно. Они оба курсы закончили, это помимо высшего образования, но им ещё учиться и учиться.

Видишь, в концепцию моей конторы входит по мере необходимости приглашать всех, кто нужен для конкретного дела. И вообще, всех, кто нужен. А теперь я считаю, нам нужен консультант. Скорее даже, консультант-тренер, своего рода. Давай соглашайся, и мы с тобой обсудим программу. Ты будешь их учить. Кроме того, сейчас мы работаем по делу «Орловские рысаки». Там не известно пока, как сложится. Если я прав, вполне невинно. Если нет... тогда нельзя им лезть, они как розыскники ещё зелёные. Под твоим наблюдением – другое дело. Что скажешь?

С тех пор Расторгуев сделался постоянно-повременным, как он говорил, участником Синицинской команды. Они вместе отыскивали для него ещё полставки на преподавательской работе в Юридическом институте на заочном отделении. По вечерам он вёл секцию карате в спортивном клубе. Это были копейки, но Володя чувствовал себя человеком, в трудовую книжку которого чин чином внесено рабочее место. Зарабатывал он теперь достаточно. Месяц назад он даже

купил себе подержанную, но вполне приличную «Шкоду». А когда «Ирбису» требовались ещё специалисты по его профилю, этим теперь занимался Расторгуев персонально.

Расторгуев, как обещал, явился в „Ирбис» и сразу приступил к работе. Его ввели в курс дела. Они обсудили сложившееся положение. И Володя, записав в блокнот, что он считал нужным, положил ручку и повернулся к Петру.

– Ты, Пётр Андреевич, совершенно грамотно рассудил, что дело принимает серьёзный оборот. Надо и самим не подставиться, и официальному следствию не навредить. Я так понял, ты хочешь поиск продолжать, не смотря на возникшие... м-м-м.. осложнения?

– Непременно! – кивнул Петр.

– Не забудь, мы представления не имеем, есть ли хоть какая-то связь между этими двумя событиями. А если есть, так может это из-за бедной Раи исчезла её начальница, а не наоборот.

– А кто-нибудь из вас уже попробовал там понюхать, или решили не рисковать?

– Я запретил ребятам делать резкие движения. Узнал только по своим каналам, где нашли и когда. – Тут Петр замаялся и искоса поглядел на Лушу. – Лу, будь добра, попроси Марию Тимофеевну нам перекусить приготовить. И скажи обязательно, что у нас гость. Что-то живот подвело, и вам с Олегом чай никогда не мешает.

Когда крошечная девушка вышла, он подождал немного, услышал удаляющиеся шаги, а потом пояснил.

– Тут, видишь ли, какое дело. Едва мы об этом говорить начинаем, ребёнок плачет! Она ещё не обстрелянная. У нас до сих пор «убойных» дел не было. Я посчитал – это наше одиннадцатое. Всё предыдущие, да ты частично знаешь...

– Я понимаю, – поддержал его Володя, – споры о наследстве, разводы, кражи, или эти «Орловские рысаки», с которых я начинал – подлог, мухлёж с чистокровными и выбракованными животными...

– Вот именно, Лушка справится постепенно, я не сомневаюсь. Надо просто подождать. Она же такая молодчина. Храбрая, удивительные вещи умеет, надёжная, словно... Не подберу даже сравнения!

– Я бы и сказал, словно Швейцарский банк, только эстетическое чувство не позволяет! Такой очаровательный эльф и прозаическое учреждение, – засмеялся ему в тон Расторгуев. – Но давай не будем отвлекаться, а то она вернётся. Так что?

– Нашли Раю в подвале дома, где она жила, рабочие-ремонтники. Убили, похоже, профессионалы. Одним ударом, точно в сердце, она наверно, и вскрикнуть не успела. После этого просто отнесли вниз и там оставили, не особенно стараясь замести следы.

– А где убили, у неё дома?

– По всей видимости, нет. Есть показания племянницы

Жанны, что тётя вышла в спешке из дома и не вернулась. И если сопоставить все даты и данные – вскрытия, звонков по телефону, рассказа Жанны, то выходит, убили сразу на лестнице в подъезде. Видишь, я вытянул только кое-что. Но очень немного. Они что-то знают про Эрну тоже, но меня посвящать в это не хотят.

– Погоди, Петя, говорят это же убийство. Вдруг твоя Эрна замешана? Я понял так, что Жанна ее упомянула.

– Олечка в учебно-познавательных целях и среди белого дня, без всяких романтических глупостей пошёл и взглянул на дом. Он почти пустой. Со дня на день там начнут капитальный ремонт. Я подумал, что обычный поквартирный опрос людей – кто что видел и слышал – в выселенном доме вещь не слишком обнадёживающая.

– Олег, а подъезд куда выходит? – обернулся к Майскому Володя.

– Подъезд-то? Прямо во двор. Там, Володь, двор небольшой, закрытый со всех сторон. Он, в свою очередь, ведёт на оживлённую улицу. Два соседних образуют с домом Раи Кулешовой заглавную букву «П». И от одного из них в их двор выходит глухая стена. В другом тоже никто не живёт. Там склад и приёмный пункт – большая химчистка и прачечная. Но это тебе не гастроном. Они не работают круглые сутки. Всё было закрыто.

– Ты прав, со свидетелями при всём при этом будет не густо. Но ничего, попытаемся! Да, Петь, а ты сказал, Рая живёт

с мужем. Так почему же не сразу спохватились?

– Просто стечение обстоятельств. Гадам или очень повезло, или они хорошо рассчитали. Муж после работы сразу уехал вместе с семьёй дочки в глухую деревню. Всего на пару дней! Так и вышло, наложилось одно на другое. На работе – отпуск, дома никого.

– Петя, задача ясна, и я сразу побегу. Сам понимаешь, с каждым днём, с каждым часом вероятность найти достоверный источник уменьшается по экспоненте. Ключи от костюмерной у Тимофеевны?

– Ключи у неё. Со всем согласен, кроме – «сразу побегу». О, вот и Луша.

– Тётя Муся зовёт к столу! – приветливо сказала, войдя, маленькая Костина, а её шеф поддержал.

– Очень кстати. Через полчаса отправишься, Расторгуев, а сейчас мы спокойно вместе немного посидим. Идёт?

Некоторое время спустя из небольшой будки, похожей на трансформаторную, стоящей метрах в двадцати от самого теремка, как удачно назвала домик, где помещалось агентство Ирбис, энергичная хорошенькая Зина Горошек, вышел мужичок в телогрейке. Помятые брюки в пятнах пузырились у него на коленях. На голову по самые брови была надвинута солдатская серая шапка с оборванным левым ухом. Шея замотана полосатым шарфом. А на спине болтался небольшой рюкзачок, из которого торчала початая бутылка.

Осенью темнеет быстро. А этим вечером от туч было ещё

темнее обычного. Погода портилась. Задул северный ветер порывами. Похолодало так заметно, что всё вокруг покрылось инеем, и тротуары засверкали в электрическом свете. Прохожие ёжились и торопились в тепло.

Мужичок вышел на Садовое кольцо, добрался пешком до Курской и сел в метро, стараясь держаться подальше от контролёров. От него явственно несло перегаром. На станции «Проспект Мира» он вышел, подземным переходом пересёк улицу, несколько минут двигался по прямой, а потом свернул в узкую арку во двор.

Выходившие туда окна были темны. Следовало поэтому ожидать, что и внутри полная темень. Но тут ему повезло. Уличный фонарь, торчавший из-за стены, точно спичка из коробка, ярко освещал маленький пяточок. Мужичок внимательно осмотрелся.

Двор этот, совершенно безлюдный и пустой, был аккуратно и старательно прибран. В нём был только ухоженный небольшой палисадник и коричневые мусорные баки, огороженные крашеной фанерой. На искрящемся инее отчётливо виднелись следы метлы.

«Ёлки-моталки, сколь ж раз они убирают? Какие-нибудь несчастные таджики, не иначе. Подморозило час назад, не раньше. Значит, совсем недавно. И значит, дворник тут чуть не целый день ошивается. Может, и приютился неподалёку. И пусть даже кроме него по вечерам ни души... Так, а это что?»

Мужичок подошёл к газону и наклонился. Он увидел около бортика две солидные кучки и отчего-то очень ими заинтересовался.

«Ещё дымятся. Собака большая. Бродячая собака? А если нет? Тогда и хозяин должен быть поблизости.»

Он обошёл двор. Подошёл к подъезду и подёргал единственную дверь – она была заперта. Просто заперта на замок, без всякого кода и домофонов. Тогда он двинулся вдоль левой глухой стены и вдруг остановился и присвистнул. Там, где два дома сходились углом, оказался небольшой зазор, совершенно не видный со стороны. В нём была устроена скамеечка, сделанная из ящиков и досок, заботливо застеленная обрывком одеяла. Скаты крыши защищали её от снега и дождя, стены – от ветра.

«Очень интересно! Такой закуточек, и собака, и дворник! Вот тебе и «ни души»!»

Мужичок ещё раз внимательно осмотрелся. Затем вышел на улицу и потрюхал к близлежащему ларьку. Там день и ночь торговали сигаретами, пивом и разной дребеденью. Около палатки толклись, по обыкновению, дежурные местные пьянчужки.

Он полез за пазуху, долго рылся, потом вытащил горсть мелких денег и купил пачку сигарет. А затем достал не спеша стаканчик и оглянулся. Круглый столик нашёлся так же кстати, как добрая компания. Когда на столик шмякнулась четвертушка чёрного с чесночной сарделькой, а из бутыл-



ки в пластмассовый стаканчик многообещающе булькнула прозрачная жидкость, две засаленные, замызганные фигуры сделали неуверенный шаг вперёд. Счастливый обладатель поллитровки ухнул, опрокинул стакан, выщёлкнул сигарету и.. к нему тут же услужливо потянулись аж сразу две грязные руки с огоньком.

– Эх, хорошо! Вот это спасибо, ребята. Закурить не хотите? Угощайтесь. Я Жорка! А вас как звать? – и он широким жестом протянул им открытую пачку.

– Как не хотеть! Они взяли по сигарете, и еще по одной, которую сразу заложили за ухо. Забормотали благодарно, зачиркали зажигалками. Ещё бы они не хотели закурить! Но воспалённые их глаза на бледных лицах с небритыми щеками не отрывались от вожделенного напитка.

– А мы Гриша и Кеша, Жорик, Гриша и Кеша! Гляди-ка, вечер какой холодный, прямо зима. Да ты ужинай, на нас не смотри. Мы и правда, покурим.

Вежливость была соблюдена, следующий ход за пришельцем, но он невозмутимо налил себе, хлопнул ещё одну стопочку и закусил. Пахнуло мясным и водочным духом. Алкаши судорожно сглотнули слюну. И тут, откуда ни возьмись, вывернулась бродячая мелкая собачонка и принялась крутиться вокруг них и скулить. Это была жёлто-сизая от грязи, но вполне упитанная дворняжка. Великое множество здешних ларечников беспрестанно её кормило. А спать можно было без помех в подземном переходе. Там сухо, тепло, и

никто не гнал. Чем не житьё! Сейчас ей есть даже не больно и хотелось, но привычка – вторая натура. Запахло сарделькой – проси! «Пусть лучше лопнет поганое брюхо, чем пропадает хороший харч!»

Жорик отщипнул кусочек хлеба и бросил на асфальт. Шавка понюхала и отошла.

– Балованная, шалава! Развелось их! Чего ты их приваживаешь, только гадят. Ты посмотри на неё, не жа-ла-ет! А рабочему человеку... – алкаш потолще и постарше, заросший рыжей щетиной махнул рукой.

– Верно говоришь, Гриша, это сколько на них денег тратят! Они, поди, не работают, а жрут и жрут, – поддержал его сварливо товарищ, но тут и Жора вмешался в разговор.

– Э, не скажи, на них можно дюже хорошо заработать, если с умом. Породистую сучку поймать, найти кобелька, случить, а щенков продать!

– Пойма-ать? Слямзить? Это можно! – захихикал беззубый Кеша. – Только кто у нас купит за настоящие деньги? Разве на Птичке толкнуть?

– А что? Хоть бы и на Птичке? Я, мужики, во дворик по малой нужде завернул, – он повернулся и показал, куда именно, – такую там собачину видел! Руки прям зачесались. Один ошейник за две банки можно загнать! Зверюга давай с цепки рваться да лаять. Я подхватился. Тут гаркнули на меня, а кто, с испугу не разобрал, побёг! Но зло взяло. Узнал бы, чья, так увёл. Вот пол-литры не пожалел бы!

Глаза у Гриши заблестели, словно мокрые осколки стекла.

– Идёт, коли не шутишь! Стакан... нет, два стакана, – поправился он, – нам с Кешкой прямо сейчас! Я тут всех знаю, я.. мы... Да, а потом за суку – две поллитры! Я те её смаю! Мишкина эта собака, туда другие не ходят, эти новые хозяева дворнику приплатили, и он следит. Мишка Паровоз рядом живёт. Он ихнего прораба возит. И сторожить подрядился, когда они тут чего оставляют – технику, кирпич там... Иначе стырят в момент!

Жорик слушал, не перебивая, но времени не терял. Он извлёк из рюкзака ещё два пластмассовых стаканчика, налил в них пальца на три водки и подвинул собеседникам. Они мигом смахнули угощение и крякнули.

– А ты что же? Давай по третьей! – спросили в один голос повеселевшие собутыльники.

– Я-то? Не, третью ещё не заработал, – усмехнулся он. – А как псину зовут?

– Джерька! – заторопились Кеша и Гриша, – Джерри её Мишка назвал.

– Понял, – кивнул Жорик, – а фраер почему

– Паровоз? Так он машинистом служил, и сам – Мишка Возчиков. Потому и прозвали паровозом.

– Ага. Служил машинистом, теперь служит у новых хозяев... И дворник тоже, ну, этот... туркмен...

– Мурат? Он не туркмен, а таджик. Они в подвале ночуют.

– Тоже во дворе?

– Не в этом, в соседнем, где котельная. Там и живут, четверо лбов. И убирают, кто где. Мурат у зубодёров, Иса в магазине, а другие...

– Да хрен с ними, ты мне лучше скажи, да неужто вправду суку сведёшь? Ведь если сторожат круглый день, дворник землю роет и хозяева бдят... А что вообще за хозяева такие? Почему зубодёры?

– Жорик, суку тебе сведём, про зубодёров узнаешь, только надо бы и пузо согреть. Горло тоже... Что-то хрипим! – просипел он и захихикал.

Жора разлил остатки, и бутылка опустела. Физиономии бродяг погрузнели. Но новый знакомец хлопнул Гришу по плечу.

– Не робей, ребята, я парень не жадный. Пошли за уголок, там есть забегаловка «После бани». Вон голубенькие огонёчки мелькают. Сядем в тепле, возьмём супешник, картошечки, и пивом залакируем. Там и поговорим.

Он застегнул рюкзачок, замотал шарф вокруг шеи и впросительном глянул на друзей, которые закивали с энтузиазмом. Тогда он двинулся в сторону голубой вывески, а пьянчужки, обрадованные неожиданной удачей, радостно затрусили за ним.

### **13. Олег Майский делает дубль. Подруга Северцева**

Олег вышел из метро и растерянно осмотрелся. Слева был

раньше кинотеатр, справа гостиница. Он давно не был «на Выставке», как для себя на старый манер называл эти места, и ничего тут теперь не узнавал. Понастроили новых зданий! Некоторые симпатичные, другие нет. Ну, хоть, «Останкинская» отовсюду видна!

Ему надо было направо, потом опять направо. Идти всего ничего. Район хороший. Люди, к которым он шел, вполне благополучные. Дом, наверное, с фокусами. Майский таких не любил.

Здание, однако, оказалось добротным, не старым, но и не новым, без всяких выкрутасов. Когда код сработал, Олег даже подумал, что лифт и грязноватый подъезд могли быть и попримитивней. Зато квартира, куда его радушно впустили, выглядела хоть куда. Майскому по работе и у знакомых приходилось видеть жилье людей с достатком, да и просто богатых. И нередко думать – нет, такого сам себе с приплатой не пожелаешь. Нелепых этих огромных загородных домов, безвкусных и аляповатых, с тюремными их заборами с колючей проволокой. Громоздких квартир нуворишей, любительски переделанных «по моде» и от того еще более неуютных. Но такую...

Высокие потолки и соразмерные, просторные, но не слишком, комнаты, коридор и кухня. Книжные шкафы из настоящего дерева, достигающие до самого потолка. Мягкие ковры на полу спокойных тонов, там, где надо. А там, где этого не требовалось – плитка или паркет. Все вокруг тут бы-

ло удобно, уместно, не кричало о себе, а тихо и вежливо говорило: мы, приборы, мебель, мягкие драпировки, комнатные растения, украшения и посуда, все мы – для тебя, тебе служим. Вовсе не наоборот.

Пока хозяйка дома приветливо улыбалась Майскому, предлагала тапочки и показывала, где раздеться, он, с удовольствием ощутил запах домашних пирогов. Хотя нет, это было что-то очень знакомое, похожее, но.

– Извините за нескромный вопрос, чем пахнет так приятно? Благоухание изумительное. Только это не тесто. Яблоки и корица без сомнения, но.

Хозяйка дома Северцева так и засветилась от удовольствия.

– Вот молодец! Действительно, не тесто. Я, хоть и очень люблю, но стараюсь есть меньше сдобы. Поэтому я напекла антоновки с корицей и сахаром. Если к этому еще ванильный соус добавить, пальчики оближешь!

– Слушайте, Вам, по-моему, можно одними пирожными питаться. Вам ничего не грозит! – галантно заметил Олег.

Северцева, в шелковистом платье цвета какао с молоком, облегающем худенькую фигурку, с ореховыми глазами и каштановыми легкими пушистыми волосами напоминала Олегу белочку. Бусики и серьги у нее были из прозрачного янтаря. Замшевые коричневые туфли, словно коготки, каблучками стучали по паркету. «Хвостика только не хватает», – подумал он.

Она держалась открыто и дружелюбно. Но когда заговорили об Эрне, сделалась грустной. Олег попросил разрешения записывать. Ее это нисколько не смутило. И он прошелся по всем пунктам, отмеченным Лушей, убедившись, что эта «подружка», в целом, и второй раз говорит то же самое и себе не противоречит. Он остановился на деталях, уточнил даты. Все совпало. Оставался последний вопрос. Луша его просто не задавала. Было решено, что раз женщины познакомились уже взрослыми, не спрашивать Северцеву про юность Эрны. Но по мере заполнения белых пятен, история загадочного поступления Эрны в институт перемещалась в вопроснике Синицы наверх, и наконец, заняла третье место. Теперь было решено спрашивать всех. Ну что ж, он и спросит. На этом «дубль» можно с чистой совестью закончить. От яблочка к чаю он не откажется, а потом домой.

– Скажите, пожалуйста, – обратился он к Ольге, – а как удалось Вашей подруге окончить институт? Я уж не говорю про конкурс. Про субъективные трудности. Но ей негде и не на что было жить. Какой Медицинский? Для нас это загадка. Сева Польских ничего об этом не знает. Сослуживцы тоже. А Вы? – спросил Олег без особой надежды на ответ. И добавил. – Мы ищем зацепку. Надо понять, кто мог стать ее врагом. Поэтому для нас все важно и интересно.

Его собеседница удивилась. Сдвинув брови, она пробормотала:

– Действительно! Вдруг... Хотя нет, не может быть. – И

Майский насторожился, а потом услышал. – Вы знаете, мне она рассказала. Я Вам сейчас объясню, и судите сами. Такое не забудешь.

Эрна тогда жила в общежитии при роддоме в клетушке вместе с такой же горемыкой акушеркой, «разведенкой» лет на пятнадцать старше себя, но тоже бесприютной. Житье у них обеих было «постоянно временное», полулегальное. До большого скандала. Но ее товарка прожила так уже четыре года. Ей все что-то обещали. А обещанного, как известно.

Так вот. Жили они дружно и были всегда под рукой. Само собой разумелось, если возникала нужда, так ночь-полночь или нет, обе были всегда готовы вскочить и бежать на подмогу. Ну, а роддом есть роддом! То у самих что-нибудь, а то «по Скорой» к ним привозили. И Эрна неслась, если звали, а по ходу дела продолжала учиться и расти.

Заметив безотказную и сноровистую молодую сестричку, врач со „Скорой» предложил ей подежурить в ночную смену в «Склифе». И подработать. Деньги были всегда нужны. Она согласилась. На одном из таких дежурств все и произошло.

Это была красивая новая вишневая волга с мощным мотором и удобным салоном, отделанным под замшу. Ее противотуманные фары, заднее стекло с подогревом, автоматическая зажигалка и другие приятные новомодные штучки, радовали сердце автовладельца, еще не избалованного потоком дорогих заграничных машин. Проректорский лимузин несся к Рижскому шоссе на бешеной скорости, асфальт бле-



стел под луной. Валерий Иванович Лозовой включил радио и закурил. Он немного приоткрыл боковое стекло, и морозный воздух, ворвавшийся в окно, приятно охлаждал ему лицо.

Свидание на даче сегодня совсем выбило его из графика. На банкете по поводу присвоения звания коллеге нужно обязательно появиться. Мало того, он ведь приглашен с женой. А жена – председатель профкома института. Собственный секретарь парткома ему тоже настоятельно советовал быть паинькой. Шеф в последнее время на него зол, не надо дразнить гусей. Но эта молоденькая балерина просто свела с ума Валерия Ивановича. Как было отказаться, когда она позволила и промурлыкала.

«Лерик! Я расстегиваю одну пуговку, теперь другую, а сейчас я.» Ну, он и сорвался. Бросил все, покидал в машину разную еду и через полтора часа, зарывшись лицом в густые душистые, пахнущие лавандой волосы маленького танцующего бесенка, ничего уже не соображал. Какие, к лешему, неотложные дела?

Теперь следовало поторопиться, и Лозовой выжимал из новой тачки, что мог. Она неслась – любо дорого, его любимая лошадка. Не зря деньги плачены, и деньги немалые – экспортное исполнение, да сверху пришлось добавить, как водится. Вот он и летел. И почему не лететь?

На дорогу грех жаловаться. Свежезасфальтированная узкая лента, бежала от военного завода, прячущегося в лесу, мимо двух-трех деревенок и дачного поселка к оживленной

магистрала. Пустынная в это время дня, она не доставляла хлопот.

Момента, когда машина сделалась «неуправляема по рулю» он не заметил. Опытный водитель, Лозовой знал – такое бывает на большой скорости. Передние колеса отрываются от земли, автомобиль летит на одних задних. Этого одного достаточно для аварии. Но часа за три до описываемых событий пьяненький водила подрезал молоковоз. Цистерна опрокинулась, все остались целы, но дорога на морозе превратилась в каток. Мужички подрались сначала, потом помирились и сговорились событие обмыть. Обошлось же! Из деревни пришлепал трактор. Молоковоз увезли. И тогда в ранних зимних сумерках все снова стихло.

Бедовые мужички остались целы. Валерию не так повезло. Хотя – как посмотреть на вещи. Вишневая новая красавица разбилась всмятку словно яйцо. Ее хозяин вылетел из кабины и, с переломанными костями, ударился вдобавок о бортовой камень. Но подоспела вовремя помощь, да какая! Минут через десять компания инженеров с упомянутого завода вместе с их же военврачом, собравшаяся на подледную рыбалку, охая и ругаясь, высыпалась на дорогу из черной полковничьей Волги.

Они на шинели осторожно погрузили Лозовова в машину. Они прилетели в Москву так быстро, как сумели. Они догадались на первой же станции ГАИ по телефону связаться со Скорой помощью и спросить, куда лучше доставить постра-

давшего в катастрофе. Врач, находившийся рядом, грамотно описал его состояние и оказал первую помощь. И все-таки, когда Валерий Иванович оказался, наконец, на операционном столе, хирург с досадой покачал головой.

– Сделаю, что могу, но нет почти никакой надежды. Страшно много крови потерял. А у него такая редкая группа! Прямое переливание надо бы сейчас, да где ж найдешь.

– Гена, – бросила ассистентка, – погоди, давай спросим. Эта группа как раз у нашей Эрны.

– Это кто такая?

– Эрна? Девочка на подхвате, помнишь? Темненькая такая. Из «Грауэрмана» к нам приходит на дежурства. Мы у всех данные собрали как раз на такой случай.

– Так нельзя же ее заставить. Крови надо много, – пожал плечами тот.

– Заставить – нет. Но спросить?

Эрна немного подумала. Она была довольно выносливая девушка. Но бледная и худая. С таких харчей, что они с бабушкой могли себе позволить, особо не раздобреешь. Она знала, что крови нужно много. Знала, что это вовсе не всегда безопасно.

Дежурный врач Серафима Кириченко смотрела на нее в упор и молчала.

– Слушай, – начала она, – я тебе обещаю отгулы и талоны на питание. Заведующий наш устроит и с твоими из родилки договорится. А я с него не слезу, пока не сделает. Ты вправе

сказать – нет, но пострадавший умрет.

– Если «пострадавший умрет», то я сказать «нет», бесспорно, не вправе. Поэтому я говорю «да». Но только поэтому. Мне важно, чтобы Вы мою позицию понимали. Отгулы и талоны тут ни при чем! Эрна выпрямилась. Кровь бросилась ей в лицо. Кириченко глянула на нее и словно увидела впервые.

«Какое у этой Эрны выражение лица! Какая речь! Девушка из хорошего дома без хорошего дома. Странно...»

Но времени на раздумья у нее не было. Жизнь Лозова висела на волоске. Когда все было готово, к переливанию крови приступили немедленно.

И пациент выжил! Выжил здоровенный жизнерадостный полнокровный мужик слегка за пятьдесят, любитель хорошо покушать, выпить в меру, толковый врач, а также автогонщик и бильярдист. Но пуще всего неисправимый, убежденный и страстный бабник.

Валерия починили, могучий организм исправно боролся. А его счастливый обладатель сделался примерным «выздоровливающим». Он тщательно выполнял указания лечащего, а потом и спортивного врачей и удивительно быстро для такой передряги шел на поправку.

Если кто подумал, что Валерий Иванович раскаялся в своем легкомысленном поведении, тот жестоко ошибся. И пусть «балеринка» в больницах не появлялась и вскоре ускакала на гастроли, но ее сменила корреспондентка многотиражки

«Студенчество и спорт», а затем. О, тут догадливый читатель ожидает трогательной истории, романа Эрны – бедной девчушки, одинокой золушки и преуспевшего советского бонвивана. И история, действительно была. Да только товарищ Лозовой повел себя необычно и нестандартно.

Как поступает рядовой спасенный от смерти, тяжелой болезни или иных житейских тяжких невзгод? Жестокого безденежья, отсутствия крыши над головой, суммы и тюрьмы? Нет, он порой растроганный и благодарный, скажет «спасибо» от всей души. Может цветы, коньяк и духи подарить спасителю или спасительнице, руку пожать. Но нередко вскоре, закрутившись, благодетеля тут же забывает. А само происшедшее вовсе выкидывает из головы.

Как это ни странно, Лозовой, весьма небрежный чиновник, неверный муж и плохой семьянин, проявил непоследовательность и оказался человеком на редкость благодарным. Выздоровев, он нашел всех до одного участников своего возвращения на этот свет. Он устроил инженерам пирушку и вручил каждому из них именной спиннинг. Сделал подарки врачам. И не деньги совал, а тактично сумел узнать, кто что любит. И не пожалел времени и усилий раздобыть одной редкую орхидею, а другому – филателисту – марки Суринама и Сан-Марино. Орхидея и флакончик духов «Клима» были предназначены Серафиме. Она пробовала отказаться. Потом растрогалась. Даже немного прослезилась. А потом подняла на него глаза.

– Валерий Иванович, мы с Геной. я хочу сказать, с Геннадием Степановичем, Вашим хирургом сделали свою работу. Нам за нее не стыдно. То, что Вы как коллега, ее оценили, особенно приятно. Но, должна Вам сказать, всего этого было бы недостаточно, если б не медсестра, которая дала кровь. Она, знаете, после этого заболела. Истощение. Мы тут же собрали для нее, что смогли. Я раньше о ней ничего и не знала. И вот.

И Кириченко рассказала Валерию немного, что удалось узнать. Живет, мол, в общежитии, хоть москвичка. Похоже, круглая сирота. Наверно, нуждается ужасно.

Валерий Иванович задумался. Он расспросил Серафиму и записал имя и фамилию девушки.

– Родильный дом имени Грауэрмана? – переспросил он. Он разыскал ее уже на следующий день. Лозовой прикатил в убогое общежитие с конфетами и цветами, а кроме них с баночками и сверточками с домашней едой, приготовленными его собственной женой. Дело было, впрочем, обычное, в больницу всегда несли «передачи».

Черт знает, как бы все обернулось. Юная спасительница и донжуан! Но Эрна как женщина не понравилась Лозовому совершенно. Зато взрослый умный опытный и обаятельный Валерий Иванович, искренне благодарный и внимательный, сумел вызвать ее доверие. Она ему рассказала все. И тут проректор одного из московских мединститутов... Прожженный ведь, с одной стороны, был мужик, тертый ка-

лач! Пусть, может, не циничный, но и на «облако в штанах» совсем не похожий. Он, глядя на ее голубоватое личико с янтарными глазами, прикинув, что кровь этой сироты при живых родственниках бежит весело по его жилам, услышав спокойный будничны́й рассказ, увидев стенку, полную книг, учебники по акушерству и гинекологии, стерильную чистоту ее комнатухи, заговорил.

– Так, значит, ты работаешь медсестрой, тебе девятнадцать. А кем ты хочешь в будущем стать? – спросил он хмуро, и желваки заходили на его загорелом лице.

– Валерий Иванович, – Эрна вздохнула. Она устала от тяжелого разговора, – я ж Вам объяснила. Бабушка, которая меня приютила, и я сама. Ну что я могу «хотеть»? Я думаю, не пойти ли мне на завод? Там, говорят, и платят больше, а вдруг и комнату нам дадут? Хотя вряд ли. Я ведь «у них» все-таки прописана.

– Эрна, я въедливый такой, и, если что уж вобью в башку. Я о тебе в «Склифе» поговорил. И тут в роддоме, пока искал, с начальством твоим перекинулся парой слов.

– Да ты не беспокойся, – Лозовой рассмеялся, – заметив испуганное выражение ее лица, – я ж сам бугор. Если мне что надо, иду я прямо в самую главную дверь. Теперь ты мне скажи откровенно. Ты еще совсем птенчик. Но «взрослые» говорят, тебе прямая дорога в Медицинский. А что ты сама думаешь?

– Да кто же меня возьмет, и на что жить? – сказала тихо

она, прикрыв глаза. У нее больше не было сил.

– А это уж не твоя забота, – уверенно отрубил «бугор» и распрощался.

Затем он нашел коменданта общежития, пошептался с ней немного, сунул что-то в карман и быстро вышел.

Со следующего дня Эрне начали носить горячие обеды. Ей доставляли молоко, фрукты и хороший шоколад.

Соседка по комнате, разбитная, но не вредная баба, приговаривая:

– Муха, ты, девка, как хочешь, а штоб виноградного соку – вынь да положи! Иначе меня твой этот Лазовкин без соли съест! Втюхивала в нее непременно стакан утром и вечером.

– Лозовой, Ксюша, – терпеливо поправляла Эрна, но стакан выпивала. Через несколько дней она порозовела. У девушки улучшился аппетит. Дело пошло на лад.

На следующий год медсестра Мухаммедшина Эрна поступила на лечебный факультет Меда, получила комнату в общежитии и стипендию. У института имелся небольшой виварий. В нем нашлось место для бабушки. Работа было не трудная. Они ее делали вместе. А для дежурных вивария полагалось служебное помещение. Белые мыши, морские свинки и лягушки требовали круглосуточного ухода. Крохотная квартирка – бывшая дворницкая показалась тете Глаше настоящим дворцом.

Училась Эрна изо всех сил. Валерий Иванович ей гордился. Водил домой. Держался истинно по-отечески. Его жена



относилось к девушке тоже хорошо.

– Вот кончишь, – говорила она, – пойдешь в ординатуру. Валерочка посмотрит, где тебе лучше будет. И надо о жилье для тебя подумать. Тут можно по-разному поступить. Или он тебя куда устроит, где через три года ты квартиру получишь. Или – где деньги платят. Тогда вступишь в кооператив. И в ответ на робкие возражения девушки, что, мол, ей хочется попасть туда, где есть у кого поучиться, где специалисты и интересная и сложная лечебная работа, отмахивалась уверенно.

– Ох, это ты по молодости. Ты разве мало намучилась, девчоночка моя? И потом, я тебя не тащу с бумажками работать. Конечно, будешь врачом! Но первое дело – жизнь свою устроить.

И Эрна вздыхала и кивала. И правда, не грех было передохнуть. И бабушке дать пожить по-людски.

Идиллия кончилась на предпоследнем курсе. «Бугор» неожиданно занемог. Диагноз ему поставили верно. Но ничего сделать было нельзя. Рак печени унес его в несколько месяцев в лучший мир, в который он, правду сказать, мало верил при жизни. А терпеливая и снисходительная его жена года на два старше своего мужа, чей возраст близился к шестидесяти, постарела в одночасье на двадцать лет. Она сразу ушла на пенсию и стала делить свои печальные дни меж кладбищем, поликлиниками и церковью, куда раньше сроду не заходила

Бабушки к этому времени уже не было в живых. И Эр-на опять осталась совсем одна Она сжала зубы и продолжала старательно учиться. Подрабатывала, как могла, а потом встретила своего будущего мужа.

Олег озадаченно молчал. «Эрне повезло? Казалось бы, несомненно и грандиозно повезло, но ненадолго. Она вскоре вышла замуж – опять вроде хорошо, а это длилось еще короче! Рок какой-то. Однако, надо признать, история ее поступления в Медицинский теперь полностью объяснилась. И если все так, как рассказывает Ольга, в ней нет места для мотива исчезновения или убийства».

Заполняя свои таблицы, Майский вносил ответы в пустые клетки, отвечал на вопросы и записывал краткие выводы в пустые графы. Когда он показал Синице отчет, тот прочел, в свою очередь поспрашивал, удивляясь этой странной судьбе, а потом заметил.

– Я смотрю, ты всему этому поверил. Я пока тоже верю. И как раз потому, что чудно, хоть выдумать можно все, что хочешь. Скажи, кстати, тебе сама эта Ольга – как?

– Милая домашняя умная и интеллигентная женщина. Мне кажется, у нее в жизни все в порядке. И семья, и работа, и остальное. Я, знаешь, совершенно не сомневаюсь, что она не выдумывает. Вот, разве, Эрна.

– Точно! И это первая возможность. Эрна сочинила душещипательную историю. А зачем? Затем, что есть, что скры-

вать. Секрет должен быть. Как все обычные абитуриенты она поступить в институт и учиться никак бы не могла.

– Хорошо. Ты сказал – первая возможность. Есть еще и вторая?

– Она тебе не понравится. Тебе же Ольга симпатична. А, может, она опытная злодейка! Морочит нам голову, и делает это так удачно, что ты все съел с удовольствием и не поперхнулся. Но не огорчайся заранее. Такие ушлые ребята как мы наживку просто так не глотают. Проверим!

– Олечка, да не огорчайся, я сказал, ты ж не следователь. Если она тебя провела, это даже хорошо! Значит, как раз тут что-то есть! Тут и будем копать. Твоя задача была сделать дубль, и ты его сделал.

– А как проверим? – спросил действительно разочарованный и смущенный Олег.

– Да очень просто! Лозовой Валерий Иванович должен был проходить по разным сводкам. Автомобильная авария. Судебное разбирательство. Скорая помощь. Больницы, где он лежал. Эта самая группа крови. С нее и начнем. Редкая она у Эрна? И если – да, это уже полдела. Тогда, думаю, вполне возможно, что история верна.

– Ну, ты меня успокоил. Давай, я займусь, – хлопнул шефа по плечу Майский.

**14. Расследование смерти Раи. Собрание Группы – СГ.**

Затренькал телефон. Тетя Муся подождала немного. Она сосчитала и на пятом «динь- дилинь» сняла трубку. Видно, шеф один и занят. Не хочет отвечать на случайные звонки.

– Мария Тимофеевна, доброе утро! – раздалось в трубке в ответ на ее приветствие, – Это Расторгуев. Как Ваше здоровье, и вообще, как дела? Она добросовестно начала делиться с ним заботами, жаловаться на мелкие хворобы. Володя выслушал, посочувствовал. Они немного поболтали. Наконец, он стал вежливо закругляться.

– Ну, это не очень страшно, Вы на ночь пустырник попробуйте. Моя мама очень рекомендует. Да не за что! А что, честная компания вся разбежалась? Нет? Мне бы шефа! Вот, спасибо. Я что хотел сказать, Мария Тимофеевна, Ваша кулебяка – вещь незабываемая. Я как-нибудь снова попрошусь в «Ирбис» на ваши празднования.

– Вы, Володенька, всегда что-нибудь приятное скажете, не то, что мои нахалята. Эти всё подсмеиваются.

– Олег подсмеивается?

– Олег – человек солидный, это верно. А остальные...

– Не верю, они Вас все дружно любят. Оба Пети, обе Лушеньки, вот не знаю, может у Мусеньки плохой характер? В кого бы это?

– Зря я Вас хвалила, Вы не лучше. Мусенька – золотая девочка! Для попугая, конечно. Я переключаю на кабинет!

Пётр работал этим утром в конторе, разослав помощни-

ков по делам. Лорд лежал у его ног, положив свою красивую голову на мощные лапы. Пётр подумал как раз, что зашелся. Надо выбрать дело «на выход» и взять с собой собаку. Они оба нуждались в движении. Во второй половине дня придётся заняться финансовыми делами, значит снова сидеть с бухгалтером за письменным столом. И в это время зазвонил телефон.

– Расторгуев? Ну, наконец-то. Ты сам глаз не кажешь, а по мобильному таинственный такой! Ладно, шучу. Наши правила остаются в силе. Что нового?

В «Ирбисе» никаких важных разговоров по мобильным телефонам не вели. Впрочем, и по стационарной сети тоже этого избегали.

– Петя, я тебя хотел немного подбодрить. Ты говорил, что данных много накопилось. Но ниточки обрываются одна за другой. Так вот, появилась новая, довольно неожиданная. Я не хотел спешить. А теперь никаких сомнений не осталось. Скажи мне, где и когда. Я тебе флешку приготовил. «Письменно» всё получишь.

– Э, шалишь! Я «устно» тоже хочу.

– Ну, конечно! Обязательно и «устно» Петруха. Мы должны решить, как быть дальше.

– Давай переговорим, а потом ты доложишь на СГ. Знаешь, сделаем так...

– предложил Петр и, понизив голос, стал излагать Володе свою мысль.

Настенные ходики с маятником негромко закряхтели, потом заиграли «Ах, мой милый Августин!», повторили мелодию три раза и смолкли. Можно было этот автономный завод не использовать, тогда они отбивали бы только часы и половинки. Но Синица любил механические классические часы с перезвоном, свои выбрал у антиквара с особой тщательностью, отдал на реставрацию в отличные надёжные руки, а теперь с удовольствием слушал, как они ещё каждую четверть балуют его хрустальными колокольчиками.

Пётр сидел в кабинете в резном дубовом кресле, обитом зелёным бархатом, во главе овального стола. Кресло было фамильное. Оно принадлежало ещё деду его матери Екатерины Александровны Сарьян. Креслу было не менее ста лет, и Пётр всё собирался узнать подробнее историю этого раритета. По отцовской линии у его мамы были знаменитые предки. Но руки пока не доходили.

Секундная стрелка сделала полный круг, и дверь отворилась. В комнату вошёл Расторгуев.

– Здравствуй! Я пораньше. Не помешал?

– Что ты! Здравствуй, Володя. Садись. Ты знаешь, я сам с годами стал до тошноты пунктуален. Всюду прихожу раньше назначенного. До смешного: знаю, например, что в гости следует явиться на полчаса позже. Но не могу! Так я где-нибудь поблизости сяду в кафе и жду, чтобы не было неприлично.

Расторгуев засмеялся, порылся в карманах и вынул

небольшой предмет.

– Смотри, Петя, я тебе однажды обещал сюрприз. И он поставил на стол песочные часы в деревянном футляре. Их девичья стеклянная фигурка была наполнена снизу красноватыми крупинками.

– О, здорово, Володька! Очень наглядно для регламента и вполне в духе нашей «конторы». На сколько они рассчитаны?

– На пять минут.

– То, что надо. Я, когда диссертацию защищал, убедился, что пятнадцать минут, это очень много.

– Почему пятнадцать?

– Ты должен уложиться с докладом ровно в четверть часа, ни минутой больше. Дальше председатель имеет право тебя прервать. А это катастрофа – самые главные выводы и результаты нередко в конце.

– А у меня, – ответил Расторгуев, – совсем не было опыта рассчитывать точно время в подобных случаях, пока не начал преподавать. В самом деле, пятнадцать минут для информационного сообщения – много это или мало?

– Суди сам. Это шесть страниц машинописного текста. Поэтому я считаю, если каждый из нас на текущем СГ сделает сообщение величиной в два листа, будет нормально. Как раз твои пять минут. Затем ещё пять минут обсуждение. Нас четверо, итого, сорок минут. Следующие полчаса – общий анализ, и последние.

– Ценные указания! – прищурился Володя. – А что? «Царь я или не царь?»

– Надо понимать, это цитата. Только там, по-моему: «Я царь ещё!» Извини, если что не так, эрудит ты мой дорогой!

– Я шучу, Петь, ясное дело, нужен план дальнейших действий и координация. Очень хорошо, что ты следишь за чёткостью и дисциплиной.

– Спасибо на добром слове. А теперь с твоими часами будет и веселее.

В дверь постучали, появилась Луша, а за ней через несколько минут Олег. Синица довольно улыбнулся. Стрелки показывали без трёх минут девять. Сотрудники заняли свои места, немного помолчали, и часы начали бить. С последним ударом Пётр поднял стоявший рядом с ним серебряный с чернью колокольчик, позвонил и очень серьёзно, без улыбки сказал.

– Доброе утро. Все в сборе. Очередное текущее «Собрание Группы» объявляется открытым. Впервые на СГ на этот раз коллега Расторгуев. Регламент прежний. За ним слежу я. У нас для этого подкрепление – Владимир Григорьевич подарил «Ирбису» песочные часы. Протокол ведёт ассистент Майский. Вопросы есть?

Вопросов не было. Поэтому он продолжил.

– Несколько слов до начала сообщений. Сегодня у нас текущее и, вместе с тем, особенное СГ. Я считаю, предварительный этап расследования закончен. Надеюсь, сегодня мы



выдвинем основные версии. Попрошу всех очень внимательно выслушать итоговые сообщения по предварительным версиям и записать свои замечания. Слово имеет ассистент Костина. Прошу Вас, Лукерья Арнольдовна. У Вас есть демонстрационный материал? Проектор или доска нужны?

– Нет, спасибо, Пётр Андреевич. – Костина встала, положив перед собой папку с докладом. – Можно включать диктофон. Я начинаю.

Пётр перевернул песочные часы. Тоненькая струйка потекла вниз.

В промежутке времени между сегодняшним днём и последним СГ я работала над проверкой выделенных нами предварительно подозреваемых, которые имели внятные мотивы похитить или убить Эрну Мухаммедшину. Прежде всего, это герой последнего романа Эрны Глеб Ерофеев. Затем жена одного из «ВИП» пациентов, разгневанная тем, что от неё ушёл муж. Наконец, жена Ерофеева, хотя все мы считали, что это маловероятно.

Почему мы сочли подозрительным Ерофеева? Его покинула жена, узнав, что Эрна – его бывшая подруга. А он решил, в свою очередь, что Эрна из ревности выдала его жене, пожелав таким хитрым образом отомстить. Он примчался к ней на работу в «Асклепий», метал громы и молнии. Искал её, орал что-то на автоответчик её мобильного телефона. Даже угрожал. Это слышали сослуживцы.

Жена Глеба Марина тоже теоретически могла совершить

похищение. Она была возмущена тем, что муж привёл её обсуждать их интимную жизнь к прежней любовнице. Жена забрала маленькую дочку и ушла к дальним родственникам. В таком положении человек вполне может повести себя агрессивно.

Мы работали с Олегом Николаевичем. Он проверял алиби подозреваемых. Так вышло, что я начала с Марины. И, во-первых, не выдержал критики мотив. Оказалось, Марина вовсе не имеет претензий к Эрне Александровне. Она считает в ответе за всё единственно своего мужа. То есть, она рассудила вполне здраво: Эрна ей ничем не обязана. Она ей не сват, не брат и даже, строго говоря, не коллега. Вся история произошла до Марины. Глеб был тогда женат, но вовсе ещё не на ней! Значит, Марине смешно морализировать по этому поводу. У нее тоже с ним возникли отношения, когда он был не свободен. И потому она злилась исключительно на него, поставившего её в невозможное положение!

Олег Николаевич занимался, как я уже сказала, алиби Марины. Он установил, что в те два дня, в которые мы считаем наиболее вероятным похищение, заболела её дочка, и Марина вообще не выходила из дома. На наш взгляд, Марину можно из числа подозреваемых исключить.

Теперь Глеб. Он не сразу разыскал Марину, поселившуюся у тетки. Родителей ее он не хотел сначала пугать и вмешивать в их семейные дела. Но до ближайшей её подруги добрался довольно быстро. И та повинулась и честно рассказа-

ла, что это она случайно проболталась. Она даже вызвалась помирить супругов.

Луша покосилась на красную струйку, перетекающую из одного стеклянного параболоида песочных часов в другой. Всё в порядке, времени оставалось достаточно.

Подруга молодой Ерофеевой и ей честно рассказала, как было дело. Получив согласие – сквозь зубы, правда, но согласие! – добиться примирения Ерофеевых, злосчастная подруга, полная раскаяния, примчалась к Марине.

– Выслушай меня, ради бога, а потом делай что хочешь! – волнуясь, попросила она. – Я проговорила, мне страшно неудобно. Но, думаю, это даже лучше, в конечном счёте. Твой муж не знает, что ты со мной делишься интимными подробностями. Я с ним не могу быть так откровенна, как с тобой. Но тебе я обязана сказать всё, как есть, и скажу. Господи, мы чуть семью не развалили с тобой, две круглые идиотки!

– Ты же мне всегда твердила: «Брось его к чёртовой матери!». А теперь? – горько усмехнулась Марина.

– Твердила! От всей души твердила! А сейчас вижу, как вы оба на всю катушку страдаете, как у вас серьёзно, да и Татьяна! Подожди, а то я начну реветь.

Она потрясла головой, а потом с решительным видом продолжала. – Глеб зрелый мужик, и у него были романы, об этом нетрудно догадаться. Пусть не тебе! – она предупреди-

ла возмущенный жест Марины. – Я понимаю и помню, какая ты была желторотая. Другие в шестнадцать, да что там – в четырнадцать – такого навидались! А у тебя до него не было никого в твои двадцать два!

Да! Можно подумать, что человек жил-жил себе примерным семьянином и вдруг однажды встретил свою большую любовь! Бывает! Но на этот раз у нас не тот случай. С этим придется примириться и принимать вещи такими, какие они есть. А Эрна... Она была до тебя, так до тебя была, по крайней мере, и первая жена, ну и что?

Тут нервы у Динки всё-таки не выдержали, и из её глаз брызнули слёзы.

– Маринка-а-а, – заплакала она, – этот старый обормот тебя действительно любит! Он спал с лица, руки трясутся, а меня, по-моему, с удовольствием бы удавил! Прости ты его – окаянного, да и меня заодно!

– Но ты пойми, – уже сдаваясь, пробормотала Марина, – пойди к ней с этим и, вдобавок, привести меня! Как это ему в голову пришло? Представь себе, Эрна слушает, а сама вспоминает...

– А знаешь, – задумчиво возразила на это её подруга, – мне кажется, я могу его понять. С одной стороны, конечно, обратиться к Мухаммедшиной неудобно. Ну а с другой? Ты подумай, как ему тяжело переступить через себя и кому-то рассказать о своих проблемах этого рода. А она? Она-то ведь уже знает!

– Как? – изумилась Марина и привстала со стула. – Так ты – что, считаешь – и с ней?

– А ты – нет? – с облегчением расхохоталась собеседница. – Я-то не думаю, я просто в этом уверена на все сто! Он же болен. И болезнь прогрессировала. Теперь Эрна сама поставила диагноз и лечит его достаточно успешно. Ты говоришь: «И с ней!». Нет, это даже сравнить нельзя. Они понравились друг другу и встречались некоторое время, но быстро оба остыли. Тебя же он полюбил! Да с тобой – молодой, горячо любимой красавицей, дело шло, без сомнения, в сто раз лучше. лушай, – сказала она немного погодя, давай-ка ты, собирайся. Где Танькины манатки? Пора домой!

– С алиби у Ерофеева тоже всё обстоит благополучно. Его вообще тогда несколько дней не было в Москве. Он выезжал в Тулу на гематологическую школу. Занятия там проводились ежедневно, он ни одного не пропустил. И к тому же одним из них сам руководил. Источник утверждает, что Глеб всё время был на виду.

Мне осталось рассказать историю влюблённого ректора, его жены и возлюбленной. Тут дело было, на мой взгляд, посложнее. Конфликт произошёл не из-за утечки информации из «Асклепия» или неудачи лечения. Наоборот! У неё – у Эрны, то есть – всё наилучшим образом получилось! Она вылечила аноргазмию подруги ректора, Нины. Вы помните, он не скрывал свое имя. Я через Демина попросила разре-

шения с ним поговорить. И он мне взял, да все и объяснил про себя и свою девушку.

Эти двое и так любили друг друга, понимали и уважали, а тут у них ещё такая гармония получилась! Тогда Нина собралась с духом и всё рассказала мужу. После этого ректор ушёл из дома, снял квартиру и подал на развод. Он, видно, знал, с кем имеет дело, и никаких имён не стал называть. Просто сказал жене, что им надо расстаться и есть другая женщина. И вот тут началось.

Его благоверная, она из тех, кто бьет посуду, закатывает истерики, а может и физиономию расцарапать. Она затеяла собственное расследование. И нарыла! Только поначалу попала пальцем в небо. Эта женщина решила, что соперница – сама Эрна. Она скандалила, сыпала оскорблениями. И Эдик, который поначалу не понял, что случилось, постепенно разобрался. Он старался её переубедить. Но долго не получалось. Пока однажды жена не выяснила, кто её настоящая врагиня.

Однако, она продолжала приходить в консультацию и бузить. Теперь она считала, что там занимаются сводничеством. Но ректорша – скандалистка, вполне примитивная особа советского типа. Она, например, накатала жалобу директору «Асклепия». Всякие сложности явно не в её духе. Такая скорее кислотой обольёт, чем похищение организует.

– Наконец она перестала трепать нервы сотрудникам Мухаммедшиной, напоследок пообещав, что проклятая разлучница у неё ещё наплачется. Это она о ком? – поинтересовал-

ся Сеница.

– На этот раз – о Нине.

– А как с алиби? Хотя смешно думать, что она сама... Каждый мог ведь -теоретически чисто, по крайней мере – заказать похищение, – пояснил он. – Но пока оставим это. Так что?

– Безупречно, Пётр Андреевич. Вы правы, сама она Эрну точно не умыкнула. Всё интересующее нас время ректорша провела в процедурных кабинетах дорогой оздоровительной клиники. И Олег Николаевич разузнал весь её напряжённый график – полный и точечный массаж, фанго, душ Шарко, жемчужные ванны, сухой лёд, минеральные и грязевые обёртывания...

– Стоп, стоп! Лукерья, ты меня с ума сведёшь своей обстоятельностью. Убедила! Снимаем всех перечисленных персонажей, если ни у кого нет возражений. И что? Да ничего хорошего. Никакого мотива по-прежнему.

Пётр оглядел свою группу. Все молчали.

– Олег, выскажи свои соображения, пожалуйста. Не заметил ли ты чего? Может, у тебя возникли сомнения или что-то мелькнуло?

– К сожалению, ничего интересного, – уныло пожал плечами тот.

– Хорошо, тогда послушаем Володю, он мне уже кое-что многообещающее рассказал. Но только наметки. А сегодня приготовил сюрприз для всей компании. Так что, мы почти

в равном положении, – спокойно кивнул его начальник.

Расторгуев встал, подошёл к доске, укрепил на ней карту и взял в руки указку.

– Ребята, я очень внимательно слушал и всё думал, не найду ли какой связи с тем, что сам накопал. Но пока нет! – начал он. – Посмотрите, это увеличенная карта района, где жила покойная Раиса Матвеевна Калачёва. Такой дворик закрытый. В подвале дома её нашли. Парадная дверь справа маркирована красным. Всем видно?

Слушатели согласно загудели. И Олег спросил.

– Парадная, это понятно. А в левом углу двора почему синяя черта? Странная такая – врежется в дом.

– В ней всё и дело. Я как раз хотел рассказать. Я не буду сейчас время отнимать и объяснять свои трюки. Но мне удалось узнать, что там, где эта черта, есть зазор, и скамеечка устроена. На ней бомжики выпивают, но не только. Там ещё и водитель, он же сторож стройматериалов, сидит, пока его собака «гуляет». Я его нашёл. Милиция о нём не знает. Я им потом непременно расскажу. И этот вот сторож...

– Господи, он видел убийство? – не выдержала Луша.

– Нет, убийства он не видел. И ничего не слышал – выстрелов не было, а, судя по докладу судмедэксперта, удар ножом был вполне профессиональный. Жертва погибла мгновенно, без вскрика. Зато сторож очень хорошо рассмотрел машину, стоявшую во дворе вот здесь. Её со скамейки прекрасно видно.



Расторгуев кончиком указки ткнул в маленький автомобиль на карте.

В машину сели двое – женщина и мужчина. Женщина производила странное впечатление. У неё было отсутствующее выражение лица и заторможенные движения.

– И что же, – медленно напряжённо заговорил Синица, – сторож может эту женщину подробно описать?

Расторгуев, прежде чем ответить, выдержал небольшую паузу. А затем с расстановкой сказал, довольно улыбаясь

– Может, почему нет? Только это не требуется. Он её знает, эту женщину. Она врач, и некоторым во дворе охотно помогала. По просьбе своей сотрудницы, живущей там же – Раисы Кулешовой!

Синица, Майский и Луша Костина, не говоря ни слова, поднялись со своих мест. Одна две секунды стояла тишина, а потом заголосили все сразу.

– Кто увёз? Куда? Да говори же! – требовал Майский.

– Ой, значит, Эрна жива! – радовалась крохотная девушка.

– Володище! Ах ты, аспид, гений ты этакий! Молчал до самого конца! Ухватили! Хвост ухватили! Теперь понятно, когда похитили! А несчастная Кулешова помешала или увидела... Ох, ну дальше будет легче! – Пётр тряс руку Расторгуева и хлопал его по плечу.

Володя Расторгуев рассказал, что на этом их удачи ещё не кончились. «Водитель, он же сторож» взглядом профес-

сионала заметил и запомнил даже номер машины! Это было слишком уж хорошо. Поэтому сначала Володя решил, что номер вряд ли поможет. Он, наверно, либо фальшивый, либо сама тачка значится в розыске. Но, к его изумлению, неприметная машина, которая увезла в неизвестность доктора Мухаммедшину, оказалась преспокойно и легально зарегистрирована. По своим каналам он быстро узнал, что она принадлежит охранному агентству «Сапсан», где собралась крепкая команда из бывших спортсменов, владеющих боевыми искусствами, и отставников.

– Они не слишком и скрывались, вот чего я не понимаю! Куда отвезли и где Эрна, я пока и понятия не имею. Но кто был за рулём – скоро узнаю. Тут есть хорошая нить. Только, деньги потребуются, Петь!

– Без проблем! – ответил Синица.

– Теперь о «Сапсане». Я наслышан о них. Эти без всяких лишних сантиментов отметелят, кого надо, займут территорию, очистят территорию, увезут-привезут, не выпустят, и всё такое. Но! Там точно не калечат. О мокрых делах и речи нет. Они действуют до определённой черты. Я не могу себе представить, чтоб они зарезали Раю!

– Время покажет, Володька. В конце концов, всякое бывает. Похитили они, а убили...

Предположил Синица, а Олег поддержал.

– Да, убил кто-нибудь другой. Хотя логично думать, что убрали свидетельницу.

– Что же, послушаем Олега, а потом я вам доложу о своих скромных достижениях. Успех налицо. Сегодня герой дня, без сомнения, коллега Расторгуев, – Синица поклонился в сторону Володи. – Может, во время обсуждения мы на что и набредём, но по-прежнему не понятно, кому понадобилось Эрну убрать или ей отомстить. По-прежнему никто ничего не требует, ничего не происходит, а о ней самой ни слуху, ни духу...

И собрание пошло дальше обычным чередом. Они еще поговорили, поспорили, пока предусмотренное время не кончилось.

– Ладно, ребята, всем спасибо и большое «пока», – наконец сказал шеф. Мне надо подумать. А еще не терпится Володькин доклад спокойно почитать. Давайте все по домам!

С этими словами он пожал руки своим сотрудникам, повернулся и ушел к себе в кабинет. Прошло несколько часов. Петр читал, слушал записи, обдумывал информацию, делал себе заметки. Такую работу он называл для себя «реконструкцией». Убитая Рая встретила для чего-то у себя дома с Эрной, а Эрну после этого похитили. Что этому предшествовало? Как все могло получиться?

## **15. Последний день Раи Кулешовой**

– Эдик, давай ты доложишь по-быстрому о «застенчивых», мы должны за час управиться. Примем решения, и я

начну приём. Сколько их у тебя сегодня? – обратилась Эрна к своему помощнику.

Некоторые мужчины, пришедшие в консультацию, отчаянно стеснялись. Они всё-таки обратились за помощью, попали более или менее случайно сюда, но узнав, что консультант-женщина... Нет, это было просто выше их сил! В таких случаях Эрна применяла обходной манёвр. К пациенту выходил Эдик. Его задача была – выявить проблему. Только узнать, какие у кого жалобы и на этом остановиться. Никаких попыток воздействия, ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах! Тщательно зафиксировать, доложить, и всё. Зато такой человек, придя ещё раз, не должен был уже ничего сам объяснять. Он появлялся, и консультант инициативу брал на себя. Эрна могла при этом начать издалека, рассказывать о других подобных случаях, последить за реакцией, а потом незаметно перейти к вопросам. Иногда, правда, такой «застенчивый» больше не приходил. Сразу же не помогли, чуда не произошло, а деньги идут! Но чаще эта тактика себя оправдывала.

– Эрна Александровна, я Вам троих подготовил. Сейчас... вот: все трое выбрали имена. Первый – Глеб Успенский, сорок четыре года, женат, двое детей, постоянно есть кто-то на стороне. Проблемы с эрекцией. В начале полового акта долго ничего не получается. В последнее время жалуется, что, когда, наконец, пенис готов к коитусу, его партнёрша ничего больше не хочет. Второй... у него тяжёлая болезнь почек. С

эрекцией нет проблем.

– Постой, а этого как зовут?

– Виктор Кисловодский!

– Ты подумай, один начитанный, а другой, судя по всему, сосредоточен, бедняга, на лечении. Минеральные воды пьёт! Так что с ним?

– Он человек взрослый, тридцати шести лет и достаточно понимающий, но в то же время очень возбудимый. Он после ласк так устаёт, так выкладывается, что у него на остальное просто нет сил. Он же болен! Скажите, пожалуйста, а почему первый – начитанный?

– А видишь ли, был такой писатель – Глеб Успенский, сейчас совершенно забытый. Хорошо, а что с третьим?

– У третьего слишком быстрое семяизвержение. В последнее время его партнёрша стала отказываться от близости даже после ласк. И тогда у него появляются неприятные ощущения в промежности и в пояснице.

– Ну, его сперва на урологическое обследование. Простатит, небось. Не захочет ко мне, отправим к Коле Ремизову во Вторую Клиническую.

– Я так и думал. А с другими двумя? Почечник лечится и лечится у грамотных людей. Я навёл справки. Но жить-то надо, а он влюблён и женат недавно.

– Ты сначала проведи нашу обычную беседу. Пусть расскажет, как дело шло, пока был здоров. Может статься, причина совсем в другом. Всё подробно: с какого возраста поло-

вое влечение? Когда был первый оргазм? С какой партнёршей? Частота половых актов, длительность... ну, ты понимаешь! Мастурбацию не забудь. А то помнишь последнего невротика, которому внушили, что мастурбация к импотенции приводит? Как заметишь чувствительные точки, сразу остановись. Мне оставь. Я сама «глубокое зондирование» начну. Однако спроси сразу, можно с его женой побеседовать? Если да, пусть приходит, и чем раньше, тем лучше.

– Мне кажется, он от неё всё скрывает, потому что стыдится, – засомневался Эдик. – Я думаю, она ни при чём, – добавил он.

– Очень может быть! Знаешь, я один старый учебник вспомнила. Описывает это автор жалобы пациента. Жалуется человек на проблемы с эрекцией. Коитус протекает слишком быстро, ещё там что-то. Жена перестала получать удовлетворение. Затем, как водится, рассказывает о себе: половая жизнь с семнадцати лет, до женитьбы десять добрых связей, женился в 22 года на девственнице. В настоящее время ему тридцать два. За это время внебрачных связей было семь. С женой близость сейчас имеет ежедневно, раньше и по нескольку раз в день. А о жене говорит, что сексуальность у неё начала пробуждаться месяцев через шесть, а по-настоящему проснулась только девять лет спустя, в аккурат, когда он утратил способность продлевать половой акт. И тут начинается самое интересное. Автор-сексопатолог комментирует: мужчина, мол, находится в периоде физической и сексу-

альной зрелости. А жена его, что до брака была девственницей, несмотря на высокую активность мужа, проявила к нему некоторый интерес только через полгода, а всерьёз вообще лишь через девять лет. Это с несомненностью свидетельствует о невысокой половой темпераментности женщины. Дальше делается вывод о разнице темпераментов и «неправильном» поведении жены.

– А Вы не согласны? – поднял брови Эдик.

– Я «с несомненностью» могу на это сказать, что про эту женщину мы вообще ничего не знаем. Даже девственницей ли она была на самом деле, понимаешь? А уж про темперамент! Все умозаключения, все дальнейшие выводы и диагноз, всё – со слов мужа! Знаешь, чтобы не углубляться, ты подумай хоть вот о чём. Как она к этому мужу относится? Я уж не говорю о любви. Да, может, она его вообще едва переносит? Может, у неё есть кто-то другой, а то и другие? С самого начала был и всё прошедшее время, а как раз через девять лет и не стало? Наша область тонкая чрезвычайно. Не выслушав, по крайней мере, обе стороны, о партнёре судить вообще непрофессионально! Даже если тебе всё подробно рассказали, очень вероятно, что пациент добросовестно заблуждается. А уж как часто пациент умалчивает, а то и – тоже добросовестно, даже талантливо – врёт!

– Хорошо, вернёмся к нашим баранам. С «застенчивыми» в целом понятно. Можем разбежаться по своим делам, – подытожила Эрна и встала со стула.

– Ох, – поморщилась она и схватилась за спину, – нельзя долго сидеть, а то «болезнь Гончарова» подцепишь!

– Это что ещё такое? – удивился Эдик.

– Во всяком случае, как ты понимаешь, не венерическое! Гончаров – это русский классик, – улыбнулась Мухаммедшина. Вы в школе его три кита: «Обрыв – Обломов – Обыкновенная история» уже, наверно, не учили. Ты мне напомни, я тебе расскажу, когда будет время. Последняя вещь – очень поучительная и сейчас страшно актуальной сделалась. Но дело не в этом. Там главные герои попеременно стонут: «Поясница болит!». Совсем как я.

Она уже собралась выйти, как вдруг снова обернулась к своему практиканту.

– Знаешь, я всё забываю вам всем напомнить. Пункт номер пять внутреннего распорядка, пожалуйста, не забывайте! Всех касается, и совершенно без исключений! Очень тебя прошу, поговори с персоналом. Нас не так много, а всё-таки время от времени очередной пациент дома материализуется из тумана.

– Есть, Эрна Александровна, будет исполнено! Освежить в памяти людишек «пятое правило Мухаммеда» – никому ни в коем случае Ваших личных телефонов, не говоря уж об адресе без согласования с Вами не давать!

– Эдик взял под козырёк, собрался было ещё сострить. Но тут раздался негромкий гонг, и на табло замигала красная надпись: «Внимание! Срочно в смотровую». Эрна махнула



рукой и вылетела за дверь кабинета.

Когда она вернулась, уселась за стол и спросила как обычно.

– Раечка, кто у нас на очереди? Но, поглядев на свою верную помощницу, заметила замешательство на её добродушном полном лице. Мухаммедшина понимающе кивнула. – Не беспокойся, я про твою племянницу не забыла. Можешь её на следующей неделе в среду на три пятнадцать поставить. Я около трёх часов возвращаюсь после выездного приёма в Жуковском. С неё и начну.

– Вот спасибо, Александровна, дорогая! Я уж стесняюсь надоедать. Да больно девку жалко. Плачет! «Мало, мне того, тётя, что я такая бомбоша! Так ещё и лягушка!» И в рёв. Так и говорит прямо: бомбоша. Это Толик, что с ней... того... ну... этого... , так её припечатал. «Холодная ты», – говорит. Не хочет больше! Ох, я бы этого Толика поганой метлой! Да что ты будешь делать? Полная она, это правда.

– Да погоди огорчаться! Раечка, мы с тобой вместе разве такие беды видали? Помогали ведь? Помогали. Пусть приходит!

Одно подъездный облезлый домишко – трухлявый мухомор, где жили Кулешовы не имел никакого вида. Полуразрушенные убогие балконы на втором этаже и осыпающаяся штукатурка уродовали бы любую улицу. Но, к счастью, он стоял во дворе. Бурный людской поток, заполнявший пло-

щадь и широкие соседние магистрали несли мимо. И все неисчислимые «москвичи и гости столицы», спешившие в метро на Проспекте Мира, на рынки и в магазины, торопившиеся с работы и на работу, не видели старый гриб.

Домик был определён под снос. Жильцов лениво начали выселять. Нечего и говорить, что к чёрту на куличики они не хотели. Они сопротивлялись, писали жалобы, собрались уж с петицией прямо на Олимп к самому мэру, как вдруг всё переменялось, словно в сказке про Золушку и прекрасного принца.

Два энергичных азербайджанца родом из Ирана – братья Кямаль и Мурад задумали открыть в Москве стоматологическую лечебницу. Первым делом они нашли переводчицу – зубного врача, бакинку, лет пятнадцать назад перебравшуюся в Москву. Джамия Алиева знала весь город и его окрестности. Она обзвонила знакомых, дала объявления в газету, вывесила в интернете информацию, что требуются опытные специалисты. Предложила подавать заявления в письменном виде с приложением всех необходимых копий – диплома, послужных списков и т. д. И для начала они устроили конкурс документов. Через некоторое время было отобрано и приглашено на собеседование семнадцать человек. Их встретила троица экзаменаторов из трёх разных самых уважаемых в столице профильных учреждений, приглашённых протестировать кандидатов за хорошее вознаграждение. Но одной беседой дело не ограничилось. Претендентам предложили

провести контрольный приём пациентов-добровольцев, согласившихся на бесплатное лечение, но без гарантий. Таким образом, в конце концов, от начальных семнадцати оставили пять врачей. Остальных вежливо поблагодарили и отпустили. И повторили процедуру для зубных техников-протезистов всё с той же тщательностью и вниманием. Затем, уже с участием отобранных будущих сотрудников, нашли медсестёр. Наконец дошла очередь и до помещения.

Иранцы изучали подробно жилой и нежилой фонд. Обсуждали требования пожарников, нужды сан гигиены и энергетического обеспечения. Думали, покупать ли аппаратуру или брать в лизинг. Советовались со специалистами по недвижимости. С разными советовались. Пока не выбрали одного.

Этот ушлый живчик с брюшком в золотых очках развил бурную деятельность. Он подобрал несколько вариантов. Один из них – в Филях был, вроде, подходящий, да не хотелось им далеко! Маклер сначала объяснял, что для Москвы это вовсе не окраина, район завидный. Клиенты мялись. Наконец, однажды он пришёл с таинственным видом, поднял брови и спросил.

– Вы сказали: в центре, с хорошим сообщением, два-три этажа, верно?

– Совершенно точно, – подтвердили насторожившиеся клиенты.

– Вот и ладно! А не хотите ли целый домик? От метро пять

минут пешком, без соседей, трёхэтажный, лифта нет, но...

– Сделаем лифт! – дружно заголосили те. – А где?

– Подождите, деньги...

– Деньги есть! – прозвучал тут же бодрый ответ.

– Так, а связи?

– И за этим дело не станет!

И работа закипела. Разрешение от властей они быстро получили. Выяснилось, кстати, после грамотной заинтересованной экспертизы, что построенный в 1914 году на совесть с любовью домик сохранил вполне надёжный фундамент, а на нём прочный каменный каркас. Ему нужен толковый целевой ремонт. И тогда он наилучшим образом подойдёт для любой современной стоматологии.

Вот теперь жильцов начали действительно расселять с дорогой душой! Предложения делались подходящие с учётом всех и всяческих пожеланий. Новые владельцы выплачивали жильцам «подъёмные», выделили бригаду грузчиков и мебельный фургон. И потому люди перебирались быстро и охотно, да ещё с благодарностью свалившемуся на них с неба «иранскому капитализму», у которого оказалось такое благожелательное вполне человеческое лицо.

К тому моменту, о котором идёт речь, в доме оставалось только две не выселенных квартиры. Одна из них на втором этаже принадлежала пожилому мужчине, что жил по большей части у дочери. Новую свою он предназначал подростшему внуку, которого ждали со дня на день из армии. Старик

хотел, чтобы внук сам одобрил своё жильё. И новые хозяева проявили уважение к его сединам. Правда, они дали вежливо понять, что величина подъёмных будет обратно пропорциональна времени ожидания...

А на последнем этаже в маленькой двухкомнатной квартирёшке Кулешовых почти без коридора, с четырёхметровой кухней, куда выходила вдобавок дверь «сидячей» ванны, почти всё уж упаковали. Вдоль стен в столовой аккуратными штабелями стояли коричневые картонные коробки из-под спагетти и консервированных ананасов из соседнего гастронома с самым разным, за долгую жизнь набравшимся барахлом. Свою нехитрую мебелишку жильцы частью выкинули, частью продали. Осталось только самое необходимое – кухонная утварь, кое-что из одежды, да двуспальный складной диван.

Раиса Матвеевна Кулешова с мужем Сеней говорили: «Из всей будущей больнички нам больше всех свезло!» Для них на деньги, полученные за старую халупу, нашли трёхкомнатную квартиру. Конечно, подсобила ещё и дочь. Дом отыскали не особенно авантажный, но недалеко. Можно даже сказать, просто рядом – в Безбожном переулке! Там окна выходили во двор, имелся балкон – экая лепота! И все три небольшие комнаты, каждая примерно десять метров, отдельные, а не проходные. А значит вполне удобно и внуков оставить ночевать, и брата Семен Степановича из Щёлкова, когда тот приезжает в гости. Не надо будет больше на цыпочках проби-

раться мимо спящих в столовой на раскладушке в вечно подтекающий туалет. И самое, может замечательное – хорошая ванная и большая и удобная кухня. В самом деле, пусть для комнаты эти десять метров не бог знает что, но для кухни! Кухня – десять метров! Об этом раньше можно было только мечтать.

Кулешовы делали сейчас в новой квартире основательный ремонт, заказали мебель и назначили переезд через две недели на последнюю субботу месяца. Хлопот с переездом и ремонтом было нескончаемо много. Даже неутомимая и шустрая Рая поняла, что ещё немного, и она сляжет.

– Рая, да поговори ты со своей шефиной и возьми отпуск! – в который раз начал Кулешов. – Завтра мне после смены непременно в деревню надо. У отца забор завалился. Ты не управишься одна совсем, без меня.

– Верно, в деревню! Ох, забыла тебя спросить. Вы как договорились? Кто тебя везёт?

– Женька решил со всем семейством двинуть. Я, говорит, батя, тебе помогу, Ленку кашеварить поставим, а ребята на подхвате. Все воздухом подышим, собака побегает! Хорошего парня нам с тобой дочка в дом привела, грех жаловаться.

– И я его люблю! Сеня, я, как только услышала, что он по профессии-то... Нет, ты только послушай: красно-деревщик! Езжайте, я как-нибудь...

– Рая, поговори! – повторил муж.

– Сеня, что ты, не понимаешь? А Эрна как без меня? Нас

на полной-то ставке не так много, и другие все молодые. У них ветер в голове. Опыта маловато!

Вяло отругивалась она в ответ ворчавшему мужу

– Э, Раюша, молодые – может, и хорошо. Ты сама говоришь, что компьютер терпеть не можешь. Но куда теперь без него? А молодёжь...

– Я тебе так скажу, – прервала его Раиса Матвеевна, – я и верно, боюсь, ящик этот треклятый. Так я раньше шприцов боялась! Даже и сейчас. Как ты мне укол в зад пропишешь, враз и забоюсь! Но сама-то делать умею. И всегда была лучше всех из наших. Магнезию, масло ли колоть, внутривенные или капельницу поставить – меня все просили. Это теперь лекарства другие, иглы, инструменты... Да, так я говорю – если для дела надо, я всему научусь! А вообще, Степаныч, ты прав. Не сердись. Я возьму отгулы, – неожиданно согласилась Рая.

На работе назавтра всё устроилось неожиданно легко. Эр-на собралась на несколько дней на конференцию в Питер, приём отменили, а с текущими рутинными процедурами управлялись и остальные.

– Эрна Александровна, у меня прям отлегло! Я уж голову ломала-ломала! Как быть? За ремонтом проследить, то одно, то другое, бумажки оформлять, Степаныч на два дня уезжает, да внук! Через недельку уже зять отпуск берёт. Вы не сомневайтесь, мы сдюжим. Я не подведу.

– Раинька, успокойся. Ну, когда ты подводила? У нас с

завтрашнего дня два новых практиканта. Эдик их к делу пристроит. А там и мы с тобой вернёмся. Ты лучше послушай: для тебя к новоселью есть хорошая новость. С нового года я тебе зарплату прибавлю. У нас дела идут хорошо! Да, вот ещё что. У меня поезд вечером. Я решила спокойно собраться и немного передохнуть. Поэтому на работу в этот день не пойду. Мне надо покупки сделать, и я около вас буду находиться. Скажи своей племяннице – пусть зайдёт. Я с ней в домашней обстановке поговорю.

Раиса Матвеевна просияла. Она хорошо зарабатывала с тех пор, как ушла из государственной клиники и поступила к Мухаммедшиной в «Ариадну». Куда лучше своего мужа – водителя «Скорой помощи». Но деньги же никогда не мешают? И с непутёвой её племянницей, что всё стесняется прийти в консультацию, а только плачет, глядишь, ещё утрясётся. Ну и слава богу! И ладно!

– Рая, ну-ка слушай меня внимательно! Твоя Жанна – она девочка как девочка, но не семи пядей во лбу, извини за прямоту. Поэтому я лучше уж тебе объясню. У меня ощущение, что она кивать кивает, а понимает или нет... Так вот, видишь ли, в сексуальном отношении она не тёплая -не холодная. Мы этого пока не знаем, потому что у неё совершенно выраженный и несомненный вагинизм. Нужно будет её на кресле посмотреть, но и так ясно. И причина понятна. Мне пришлось, правда, потрудиться, пока я у неё это выудила. Она



школьницей перелезала через забор. И надо же такому случиться! Села прямо на штакетину и пропорола себе промежность. Её в больнице зашивали. И поэтому у неё спазмы. От страха, что с тех пор сидит в подкорке.

Всё, я побежала. Как вернёшься на работу, ещё поговорим. Скажи, чтобы больше не валяла дурака. Будет к нам ходить на лечение, и мы всё ей наладим. А если сумеешь, то договорись, чтобы и её остолоп Толик к нам явился. Я на него Эдика напущу. А потом сама вправлю мозги. Давай-ка мне щёчку, а теперь пока! Степанычу передай привет.

Всё это Эрна Александровна быстро проговорила на лестничной площадке, завязывая длинный шарф и перекидывая сумку через плечо. Кончено, дневная программа была выполнена. Дальше она собиралась, уже не торопясь, полчаса посидеть в кафе и за это время переключиться на другой ритм. Потом поехать домой, скорей всего, на машине. Да, пусть будет спокойно и комфортабельно. Она это может теперь себе позволить. Доклада у неё нет, гостиница в Питере хорошая. Программа тамошней конференции как раз такая, какой ей следует быть. Есть интересные сообщения, приедут люди, с кем надо встретиться, завязать контакты. Однако всё это вполне в меру, без цейтнота и нервотрёпки. И надо будет постараться расслабиться. Ну, так чтобы «приятное с полезным», чтобы вспомнить – кроме работы есть на белом свете и кое-что еще.

Дверь хлопнула, Эрна направилась вниз и спустилась на

один марш. Она взялась за перила, запорошённые белой строительной пылью, и тут, поглядев на свою руку, с досадой вспомнила, что забыла перчатки. Возвращаться ей не хотелось.

«Нет, лучше пойду, или я там застряну, а от моих планов приятно провести время до отъезда останется один пшик. Бог с ними, возьму дома другие. – Она замедлила шаги и оглянулась. – Действительно, дом пустой совсем. Неуютно. Скорее бы они переезжали. Влезут ещё бродяги или пьянчуги! Хотя Рая говорила, что подъезд теперь на ночь запирают.»

Раздался шорох, и Эрне сделалось не по себе. – «Кошка?» Борясь с чувством тревоги, она поспешила вниз. Дом с высокими потолками на каждом этаже имел по два лестничных марша. Было полутемно, свет ещё не горел. Ох, слава богу, вот и выход. Лестница не кончалась, а заворачивала в подвал. Там было уже совсем темно. Ещё два шага... она повернулась к лестничным ступенькам спиной и с облегчением взялась за ручку двери. В ту же минуту за спиной Эрны метнулась тень.

Раина племянница Жанна была самого высокого мнения о тёткиных знаниях и здравом смысле. Раечка, родом из посёлка под Рязанью, досыта хлебнула в детстве и в юности голодного лиха. Она так и не выучилась правильной литературной речи. Иное дело – работа! Своему сестренскому де-

лу она училась с неизменной старательностью всю жизнь. С трогательным усердием и честностью Рая всегда была готова подставить плечо, учесть разумные замечания, освоить новое. Из неё вышел прекрасный, незаменимый специалист.

Да, выросшая в Москве в сытой семье мосторговской продавщицы и таксиста Жанна, что с большим скрипом окончила школу, а теперь с лентой торговала в ларьке цветами, и в подмётки не годилась своей «простой, деревенской» тётке. И теперь она, возбужденная, раскрасневшаяся, с заплаканными глазами, сразу по уходе доктора бросилась с расспросами к тёте. Ей хотелось поделиться впечатлениями, разузнать всё, что можно поподробней, попросить хитрые медицинские слова растолковать. По всему поэтому прошло несколько минут, пока Рая заметила, что её любимая шефа забыла своё имущество. Длинные коричневые лайковые перчатки лежали в кухне на подоконнике рядом с сахарницей и банкой с чаем.

– Эва, Эрна-то! На улице – осень. Ей же в Питер. А там ещё холодней! Побегу, догоню скорее. Она не могла далеко уйти!

– Да может я, тётъ-Рай? – рыхлая Жанна приподнялась из вежливости со стула. Но увидев, что Раиса только махнула рукой, с удовольствием снова принялась за чай с печеньем. А Рая, наспех накинув клетчатое пальто, не глядя по сторонам, бежала вниз. Резвая и лёгкая на ногу несмотря на почтенный возраст, она в момент пронеслась через шесть пролётов.

Не будь Раиса Матвеевна Кулешова так расторопна, ну, отвлекись она на минуту, споткнись хотя бы... Тогда, пожалуй, странная пара успела бы выйти и ускользнуть. Машина – неприметный серый пикап – ждала её во дворе. Но судьбе было угодно иначе.

Они столкнулись лицом к лицу на площадке – Эрна Мухаммедшина с застывшим, ничего не выражавшим лицом, с остановившимся взглядом сквозь просветлевшие без солнца линзы очков, держащий её крепко под руку мужчина среднего роста и её бессменная помощница, единственная, может, после тети Паши родная душа.

– Эрночка, Вы... это... кто? – только и успела начать Рая. И мужчина тут же отпустил Эрну. На секунду он безмолвно неподвижно застыл. А затем сделал небольшой шаг вперёд, и Рая тотчас без звука словно куль осела на пол. Тогда он ловко подхватил тело и спустился в подвал. Эрна продолжала совершенно безучастно стоять у стены и смотреть прямо перед собой. Не прошло и трёх минут, как мужчина вернулся. Он на этот раз без помех вывел Эрну из подъезда и усадил в заурчавший автомобиль. Они сели на заднее сиденье. Водитель тотчас тронулся.

Только что шел дождь. Стояли лужи. Из-под колёс брызнула грязь. И широкогрудый мощный боксер, обнюхивавший рядом мусорный бак, начал недовольно отряхиваться. Машина вынырнула на улицу и затерялась

– Джерри, хватит уже, иди домой. Мой тебя потом целый

вечер! – раздался недовольный голос его хозяина. Со скамейки, совершенно скрытой между домами, поднялся плотный невысокий крепыш с поводком в руках.

Жанна допила вторую чашку чая и решила, что уничтожить всё оставшееся печенье неудобно. Тётя Рая не возвращалась. Её новый мобильный телефончик, красивый, современный, много лучше, чем у самой Жанны остался дома в стоящей тут же полураскрытой черной сумке. Пора было, однако, домой... Прошёл час, потом другой...

– В магазин она забежала или встретила кого? Или Эрне Александровне понадобилось помочь? Побегу я, дядя Сеня всё равно на дежурстве, вечером позвоню! – Жанна собралась, подкрасила губки, взяла сумку и, аккуратно затворив дверь, отправилась восвояси.

«Ну хорошо, – думал Петр по дороге домой, – ясно теперь, Мухаммедшину именно похитили и увезли. Пусть мы даже скоро узнаем, куда. Но почему? Никаких требований ни от кого! А значит... Да, поэтому я буду продолжать действовать по прежнему плану.»

На завтра он проснулся в шесть часов утра и, умывшись, вышел с Лордом на улицу. Было еще почти темно. Собака тихонько поскуливала от радости, предвкушая пробежку. А Синица подумал, что и он тоже не прочь немножко подпеть. Он ощущал знакомые мурашки по коже, когда работа ладилась.

«Э, да я тоже ищейка, иду по следу и доволен. Вот-вот цапну! – усмехнулся он и отцепил поводок. Они побежали вдоль безлюдного тротуара. Впереди был большой день и ответственный визит.

## **16. Синица приходит к Таубе. Дубль на высшем уровне**

Пётр Андреевич Синица, владелец и директор детективного агентства с названием, словно из детской книжки – «Ирбис», позвонил Аните Таубе и попросил о встрече. Голос у него был низкий, красивый, с волнующими интонациями. Он пригласил её в кафе и предложил выбрать место на свой вкус. А ей пришло в голову, что давненько не ходила она никуда вот так вдвоём с кавалером. И кавалер подходящий. Он так же, как она имеет собственное дело, крепко стоит на ногах! А сорок с хвостиком вовсе не возраст, да ей никто и не даст! И уж по сравнению с мужем, что не пропускает ни одной юбки, хотя ему не сегодня-завтра стукнет пятьдесят четыре, она просто девчонка.

В её голове мелькнуло важное соображение насчёт подходящей одежды. Она следила за своим гардеробом. С удовольствием подбирала комплекты, не забывая не только туфли и сумку в тон, но украшения, шарф и перчатки. На прошлой неделе Анита как раз купила жемчужно-серое платье, отделанное зелёной кожей под змеиную. К нему имелись тём-

но-зелёные сапожки и такая же сумка. Они отлично сочетаются с матовым золотом и бирюзой. И всё это подчёркивает глаза.

«Духи выберу вечерние от Шанель. Помаду поярче. О! Можно шляпу надеть, если ветра не будет. А что ветер? Он же меня на машине заберёт и привезёт?»

Отрезвление наступило довольно быстро. Аните надо было посмотреть и одобрить или забраковать проект рекламы, которая пойдёт в еженедельник «Отдыхаем с семьёй». Она открыла папку, подготовленную художником, и рассеянно бросила взгляд на рисунок. И вдруг без всякой связи с его содержанием подумала.

«Вечер с кавалером? О чём это я? Не иначе, совсем офанарела! Они пока ничего и никого не нашли. Этот Синица хочет со мной встретиться, чтобы попытаться за что-то зацепиться. Думает, наверно, неопытная Лукерья Костина могла нечто упустить. Тем временем, надежды на то, что Эрна жива, всё меньше и меньше. Прошло столько времени – о человеке ни слуху, ни духу. Надо ему срочно сказать, что я..»

Зажужжал мобильный, и только что помянутая Лушенька, после приветствий и извинений, спросила, куда и когда подавать машину.

– А кто будет за рулём? – осведомилась Таубе. И, услышав, что это ещё не решено, добавила.

Я шефа вашего не видала. Интересно, как я его узнаю? Как он выглядит, сколько хоть ему лет? – поинтересовалась

она. А услышав ответ, увяла окончательно и бесповоротно. Знаете, укротительница Вы моя дорогая, я устала и передумала из дома выходить. Скажите ему, пожалуйста, чтобы он пришёл прямо ко мне. Пусть позвонит, и мы договоримся.

Поэтому Пётр, приглашённый к ней после работы, стоял сейчас перед дверью Таубе с большущей чайной розой и маленьким вишнёвым французским тортом в руках. Муж Аниты Сергеевны отправился играть в теннис, близнецы бузили у себя дома под присмотром давно выздоровевшей няни. Ничто не мешало бы ей немного пофлиртовать. Но она решила наказать себя за неуместные мысли. Никакого нового платья! На ней были чёрные брюки и такая же блуза крупной вязки, открывающая шею. А на шее всего лишь серебряная цепочка с эмалевыми брелоками.

После работы она приняла душ и вымыла голову – хотелось стряхнуть усталость. И теперь волосы – густые, падающие на шею, не желали слушаться расчёски. Они слишком распушились. Щёки почему-то горели. Очки Анита сняла, собираясь подкрасить губы, и забыла! В общем, когда ровно в полвосьмого раздался перезвон домофона, она выглядела...

– Здравствуйте, – сказал высокий рыжий усатый молодец с жёлтой розой в нарядном целлофане и белым свёртком с надписью «Кондитерская Мерсье» и глянул на неё сверху вниз, – моя фамилия Синица. Я договорился с.. с Вашей мамой, наверно?



В коридоре было полутемно. Анита, среагировавшая в первый момент только на слова: «с Вашей мамой», чуть не ответила, что «понимаете, уже больше года как мамы с нами нет», как вдруг до неё дошло.

– Здравствуйте, Пётр Андреевич! Вас ведь так зовут? Я не ошиблась?

Пётр смотрел на молодую стройную обворожительную женщину с сияющими от улыбки золотисто-зелёными глазами сибирской кошки и ничего не понимал. Память у него была великолепная. Лукерья доложила, что Таубе живёт с мужем. У неё сын. Значит, дочкой Аниты она быть не может. Но не может же это быть лично железная хозяйка «Мечты»! Да ведь её сын совсем взрослый. Мало этого, у него уже свои дети. Даже если она родила его лет в шестнадцать...

Гость хлопал густыми ресницами и молчал, а Анита окончательно развеселилась. Она повела его раздеваться, взяла с благодарностью цветов и поставила в вазу, водрузила торт на стол и принялась его накрывать. Итак, она выглядела...

– Изумительно! – серые глаза Петра Андреевича светились непритворным восхищением. – Если бы я не знал хорошо моей Лукерьи, я бы подумал, что она преисполнилась чёрной зависти, а потому не сказала, что меня ожидает! Надо же предупреждать! Так, знаете, неподготовленного человека и с ног свалить недолго, а мне надо работать!

При ярком свете на большой хорошо оборудованной кухне, он заметил, правда, что ей больше не двадцать пять. Но

она была совершенно в его вкусе, ему такие женщины страшно нравились. И паспортные данные не имели к этому никакого отношения.

Шеф «Ирбиса» и владелица турагентства «Мечта» принялись флиртовать с удовольствием и со знанием дела и за этим занятием совсем не заметили, как протекло несколько часов. Они выпили хорошего рейнвейна и перешли на «ты». Договорились на следующей неделе, если ничего не стрясётся с малышами, сходить в Пушкинский, куда должны привезти выставку из Амстердамского музея Ван Гога.

– А можно даже в кино! – промурлыкал Пётр, и тут пробили часы.

Они делали это уже не раз: восемь, полдевятого... Так бывает: не слышишь, не замечаешь, и вдруг... Или целых десять ударов – всё же долго?

Анита как раз подумала, что готова с ним отправится не то, что в кино, а к чёрту на куличики. Например, на футбольный матч. Или куда там может захотеть молодой мужик? Хотя для футбола сейчас явно не сезон. Скорее для хоккея.

Фу, чушь какая! И что лезет в голову? А, пусть! Она человек, а не машина. Имеет право на слабости.

Но услышав часы и сообразив, что становится поздно, а через часок должен прийти Алексей, Таубе спохватилась.

– Петя, – обратилась она к своему «визави», державшего её уже за руку, – ты ничего не забыл? Посмотри на часы, уже десять, а мы...

«Петя», который тоже был не более, чем человек, и потому смотрел ей только в глаза, пожаловался было в ответ: «Это ты меня выгоняешь?» Но в следующую минуту всё понял.

– Мой учитель сказал бы, что я веду себя непрофессионально, – признался он.

– А я, знаешь ли, просто глупо, – отпарировала Анита.

– Только не говори, что мы не встретимся на следующей неделе!

– И не подумаю! Но я чувствую себя по отношению к Эрне свиньёй. Я тебе всё, кстати, хотела сказать, что, когда и, если у Севки кончатся деньги на поиски, он получит их от меня.

Она взглянула на Синицу серьёзно, совсем иначе, чем до сих пор. И добавила другим тоном.

– В пределах разумного, конечно. А теперь давай выпьем чаю или кофе, скажи, что тебе лучше. И спрашивай. Я сама ничего не придумала. А я честно пыталась, можешь мне поверить.

Он так и сделал, повторяя в целом то, о чём Анита разговаривала с Лушей. Они перебрали детские воспоминания, историю поступления Эрны в Медицинский, успехи и неудачи на работе, замужество...

– Я всё думаю, что мне сказать об её жизни. Общее впечатление сформулировать, – нахмурилась Анита.

– Ты считаешь её неудачницей? Это ужасное детство!

– Слово «неудачница» очень противное. В нём странным

образом содержится не то упрёк, не то обвинение. Хотя речь идёт о человеке, которому Фортуна не улыбается. Ведь если сам виноват, это ж называется по-другому!

– Тогда говорят – лентяйка, бездельница, развратница, лгунья, наконец, бездарь! – пожал плечами Пётр.

– Тоже, кстати, интересный вопрос. Человек не виноват, что его природа или кто там вместо неё, не наградила талантами. А если и наградила – это не его заслуга, – возразила она.

– А ты, пожалуй, права! – удивился Синица. – Но если «неудачницу» мы забраковали, то что?

– У Эрны была нелёгкая, да что там, просто тяжёлая судьба. Но ей нередко фартило в критические минуты. Взять хотя бы эту старенькую нянечку. Или историю с институтом. В конце концов, она защитила две диссертации, в последнее время работала успешно, хорошо зарабатывала. Но кроме бабушки... Я думаю, ей не везло на людей. Конечно, не всегда. Но удивительно часто. У неё почти не было друзей, хотя ничего плохого о ней не скажешь. Ведь она вечно кому-то помогала.

– Муж этот тоже... Вроде он её сначала любил! Ты знаешь, а её и другие любили! Да, мужчины её любили, это точно. Но второй раз замуж она не вышла?

– Петь, она не хотела. Говорила, что не хотела. Но значит, не нашёлся человек, который бы... Вот её мама тоже замуж не хотела выходить!

– А сын? Мы этим не занимались. Пока он в больнице, с ним нельзя ни поговорить, ни сообщить ему, что Эрна пропала. А он имеет право и должен знать. Однако он сам может быть причиной её исчезновения.

– Всё-таки я не понимаю. Если это похищение с целью шантажа, почему никто ничего не требует? Ведь шантажист чего-нибудь да хочет? От Паши или не от Паши. Нет, от кого? Если больше никаких близких?

– Тебя дома Нита называли? А мне больше нравится Ани. Ты не против? – внезапно спросил Синица.

– Пётр Андреевич, я вообще замечаю, что ты не предложишь, я пока только «за». Совершенно на меня не похоже, – прозвучал ласковый насмешливый ответ.

– Ани, я тебе хочу сказать, что мы очень сосредоточенно и интенсивно работаем по нескольким версиям. Первая мысль моя была – пациенты. Тут возможны разнообразнейшие варианты! Мотивов просто не перечить. Разглашение порочащей информации! Врачебной тайны! Настоящая врачебная ошибка! Разочарование, несбывшиеся надежды на излечение! Мнимая врачебная ошибка! Я не буду дальше перечислять. Скажу просто, что пока ничего не подтвердилось. Затем ближнее окружение. Однако у женщины, у которой нет ни мужа, ни друга, у которой сын лежит в коме, а она об этом не знает, сыскать это окружение оказалось вовсе не просто. Вот ты говоришь – у неё друзей почти нет. Верно! Мы кроме Ольги Северцевой и тебя других не нашли.

– И нас с ней заподозрили? – Анита вытащила из пачки последнюю сигарету. – Хорошо, что ты, Петь, не куришь. А то пришлось бы сейчас бежать на угол.

– Мы вас не заподозрили, а должны были проверить, как любого, я подчёркиваю – любого! Близко связанного с ней человека. И что же? А ничего. Едем дальше. Мамы её и отца нет в живых, о сыне мы уже говорили, мужчины нет. Имущественных проблем не обнаружено, требований, как ты верно заметила, никто не предъявляет. Пятен в биографии мы не нашли. Может, есть семейные тайны?

– Ты опоздал, – Анита грустно улыбнулась. – О семейных тайнах Мухаммедшиных знала моя мама. А её больше года уже нет.

– Постой, ты это серьёзно? Были какие-то семейные тайны? – Пётр вскочил со стула и весь обратился в слух. Куда только подевался рыжий кот-мурлыка, шармёр и влюблённый кавалер. Перед ней стоял напряжённый, весь собравшийся жёсткий и решительный следователь с Петровки.

«Директор сыскного агентства! А я об этом даже чуть не забыла, -подумала Анита. – Как это однажды сказала о нём маленькая Луша? Шеф у нас похож на свою собаку. Сверху мягкий и пушистый. Но хватка железная.»

– Петенька, а ты знаешь... Ты сядь, не пугай меня. Я боевых искусств не изучала. И оружия, пусть и для самозащиты, тоже не имею.

– Прости. У меня вдруг такое чувство появилось... нет,

боюсь сглазить, – повинился он. – Так как?

– Мне сейчас вот что пришло в голову. У меня в старом шкафу сохранилась их переписка. Понимаешь, моя мама была человек старого закала. Она не выбрасывала письма близких друзей. А Кирочка была её закадычной подругой. И ведь мама мне на что-то пару раз намекала! Какой-то непозволительный роман... Но всё это при царе Горохе!

– Ани, ты мне это покажешь?

– Я найду. Я тебе обещаю. Я... Ох, нет! Ведь по-хорошему, я должна эти письма, напротив, уничтожить? – засомневалась она.

– Послушай, как же мы их будем читать? Это, всё-таки, не дело. Всё равно, что подглядывать в спальне в замочную скважину, – Анита брезгливо поморщилась.

– У нас нет другого выхода, – вздохнул Синица, – подумай, а вдруг там окажется ключ к исчезновению Эрны?

– Хорошо. Сделаем так. Я не стану выставлять личные письма напоказ и отдавать их тебе в агентство. Я их сама прочитаю. Но если они, правда, смогут помочь, тогда другое дело. Я тебе всё нужное скопирую. При жизни Кира Мухаммедшина своей дочерью не особенно много занималась. Большой долг накопился. Так пусть это пойдёт в счёт погашения.

## **17. Гром среди ясного неба. Французский след**

Анита позвонила Петру на следующий день прямо с утра. Голос у нее был напряженный. И уже через полчаса они сидели в кафе, и она, процедив, не глядя на официантку:

– Ну, принесите, пожалуйста, что-нибудь, мне все равно.

Все разминала сигарету и забывала ее прикурить. Таубе побледнела. Ее глаза без очков казались совсем зелеными. Она была ничуть не похожа на вчерашнюю фею.

– Петя, я полночи сидела с письмами. Мне надо скоро обязательно на работу. Давай, я тебе коротко расскажу. Вот папка. Я сделала копии, ты потом прочтешь.

Это удивительная история! Она романтическая, красивая, но одновременно печальная. Я всё думаю, а были бы они счастливы? В Союзе – маловероятно. Я не сомневаюсь – этот француз здесь жить бы не смог. Собственно, его скорее всего быстро посадили б и расстреляли. И Киру заодно с ним. А если б она осталась в Эльзасе? Вот тогда совершенно неизвестно!

Что я о ней знаю? Красивая способная весёлая, но легкомысленная и поверхностная, очень любившая развлечения. Но если рядом человек много старше, любящий, располагающий возможностью обеспечить жене достойную и интересную жизнь, а вместе с тем, не то, что умней её – она была во все не глупа – но мудрей? Если легчик был человеком, способным ею руководить, повести за собой и... Да! И «воспитать»! Она ж его тоже очень любила. Ей бы захотелось стать



такой, какой он мечтал её видеть! И он не позволил бы, я думаю, «не заметить» их общего ребёнка. Подумать только, он до встречи с ней и, вроде, позже так больше и не женился! По крайней мере, Кира так думала. Я так всем этим занят, так увлёкся... Но я же совершенно не знаю, имеет ли тайна появления Эрны на свет связь с её исчезновением.

«Эй, друг! Хватит бубнить себе под нос. Ты пришёл.» – С этими словами Пётр Сеница вошёл в агентство через заднюю дверь и поднялся сразу на второй этаж. Когда он разделся и заглянул внутрь, его глазам открылась такая картина. Все трое его соратников сидели на кухне вокруг большого стола. Перед ними высилась объёмистая кадучка. Головокружительно пахло смородиновым листом, укропом и горькими травами. На большом деревянном блюде лежали рыжики. Тётя Муся извлекала их из кадучки деревянным половником, а Олег с Лушей укладывали в стеклянную тару. Рядом выстроилась шеренга литровых сияющих банок.

– Луша, ты листочки не забывай, девочка, а когда банка полная, сверху обязательно тоже положи – один вишнёвый, один смородинный! И метёлку укропа. Вот умница!

– Мария Тимофеевна, картошка спеклась? Скоро шеф придёт..., – начал Олег.

– Уже пришёл, – прервал его Пётр и заулыбался, глядя на уютный кружок и радуясь, что сейчас к нему присоединится. – Уже пришёл и голодный как волк. И всё-таки, я сначала вам скажу пару слов. Уж очень не терпится.

В ответ ему зазвучали приветствия, междометия и замечания.

– А мы, Пётр Андреевич, вот рыжики солёные из моей деревни разбираем. А то неудобно кадушки каждый раз из подвала таскать.

– Петя! Я сейчас картошку печёную из печи притараню, и можно, я думаю, по рюмочке зверобоя? – вместо приветствия сказал Олег.

– Шеф, а у нас новости! Мы письмо получили! – заторопилась Луша.

Но Синица, возбуждённый и увлечённый своими сногшибательными открытиями, не слушал.

– Не-е-е, народы! Это у меня новости! Но сначала вы мне скажите. Кому-нибудь приходило в голову удивиться, отчего это Кира Мухаммедшина свою дочь Эрной назвала? Имя необычное – это полбеда. Но времена неподходящие были для таких имён. Я не говорю о том, что оно вовсе не славянское. В этом и тогда, и теперь мало кто понимает. Но сразу после войны шла так называемая «борьба с преклонением перед иностранным». «Французские булки» превратились в «Городские». Конфеты «Американский орех» остались орехом, но только «Южным». И прочая белиберда в таком роде процветала. Люди боялись, как огня ассоциаций с Западной Европой. И вдруг: «Эрна»!

– А может, в честь революционеров? Эрнст Тельман был такой, правда убей – не помню, кто именно, – внесла свою

лепту тётя Муся.

– Или в честь каких-нибудь предков? – осторожно предположила Луша.

– Да, самой Киры, или Александра, отца Эрны, этого актёра? – добавил Олег.

– Отца, говоришь? – обрадовался Синица и хитро подмигнул. – Тут ты брат, сам того не зная, в некотором роде попал в точку. Отца-то отца, только не Александра.

– Подождите, Пётр Андреевич! – заволновалась Луша и встала на цыпочки. Так, ей казалось, будет лучше слышно. – Я совершенно точно помню. Её отец умер, когда Эрна была ещё маленькая, но звали его – Александр Мухаммедшин!

– А вот и нет, моя дорогая. Отца Эрны – настоящего, а не паспортного, звали вовсе не Александр! – заявил Пётр Синица и обвёл удивлённых сотрудников торжествующим взглядом.

– А.., тогда как же его звали? – недоумевая, спросил Олег.

– Сейчас! Сейчас я тебе скажу. Ну, все приготовились? Теперь слушайте. Отцом Эрны был французский летчик родом из Эльзаса.

– Ты хочешь сказать, что Эрна незаконнорожденная, – протянул Олег, или у её мамы был роман на стороне. Ребёнок не от мужа. Но откуда...

– Откуда? До этого мы ещё дойдём. Это целая история. А вот «на стороне», тем более – незаконнорожденная? Вовсе нет. Вернее, всё это не так просто. Но девочка эта родилась в

законном и даже освящённом церковными таинствами браке. Как раз актёр Мухаммедшин по всем правилам божеским и человеческим мужем Киры вовсе и не являлся!

– Посмотрите-ка, что я принёс! – он открыл синюю папку и вынул из неё несколько листков. Это выдержки из писем Киры – матери Эрны её близкой подруге Рите Пёрышкиной. Анита Таубе нашла для нас её переписку со своей покойной матерью и скопировала то, что может быть для нас важно. Просто прочтите сначала, а потом мы поговорим, – сказал он.

Все тотчас склонились над этими страницами и принялись читать.

«Ритуля, дорогая моя, как тебя не хватает! Так хочется тебе рассказать... ну ничего, я напишу, а ты скорей отвечай. Сегодня в Академии был вечер. Его устроили для приехавших в гости французских лётчиков, которых мы военные переводчики помогаем принимать. Советские ассы – принимающая сторона – французского не знают. Поэтому они очень рады нашему участию.

Сначала была, как водится, торжественная часть. А потом танцы. Для курсантов позвали девушек из Педагогического, чтобы было с кем танцевать. А офицеры всё меня приглашали наперебой. Курсанты-выпускники тоже пытались, да где там! Я даже устала. И тут объявляют вальс-бостон! А надо тебе сказать, что гости с начальством за отдельным столиком

на сцене сидели и разговаривали. И вдруг один, самый старший по званию, встаёт, просит у начальника кафедры полковника Смолина извинения и идёт в зал. Наш духовой оркестр начал играть, но почему-то ещё никто не вышел. Танец этот сложный. Стеснялись, наверное.

Словом, французский офицер спускается по лесенке со сцены, курсанты расступаются, он выходит на пустой паркет и.. идёт ко мне! Через весь наш зал! Нет, ты себе представляешь?

Я стояла к нему вполоборота и разговаривала. Я только что всем сказала, что хочу отдохнуть. Ни за что танцевать не пойду, пусть не просят. И тут тихо стало. Мой кавалер и собеседник тоже внезапно замолчал. Вижу, смотрит куда-то через моё плечо. Я оборачиваюсь... Батюшки-светы!

Ой, Ритуля, а он стоит и.. ах! От волнения я просто онемела, до того красивый! До меня как во сне дошло, что он сказал:

«Разрешите представиться, \*\*\*, не откажите в любезности протанцевать со мной этот тур вальса!»

Я положила руку ему на плечо, и мы начали первые. Постепенно и другие присоединились.

Он спросил, как меня зовут. Ну да, как Вас зовут, говорит, мадмуазель старший лейтенант? А когда я ответила, страшно обрадовался и сказал, что у меня чудесный, музыкальный французский. Что не только произношение парижское, но... Признайтесь, – спросил он, понизив голос – вы в Париже ро-

дились и воспитывались?

Потом он приглашал меня ещё и ещё и, наконец, попросил сесть к своему столу. Я отказалась. Говорю, мол, это по соображениям субординации неудобно. Тогда он отвечает.

«Вот как? Пожалуйста, обождите меня минутку. Никуда не уходите, обещаете?»

Полковник Смолин, тот разговаривает только по-немецки. Говорит хорошо, бегло, но с жутким скрипучим акцентом. Больше Смолин нипокаковски не умеет, и потому им переводил капитан с нашей кафедры Коля Кравчик. Он у нас занятия ведёт у первокурсников. Коля мне потом всё и описал.

Остальные лётчики, наш заведующий и старшие офицеры сидели и беседовали, кто уж как мог. На столе у них было шампанское и пирожные «корзиночка». Один из гостей поднял бокал и собрался тост произнести. Как вдруг подходит мой спутник и говорит вежливо, но голосом, совершенно не допускающим возражений.

—Застольная беседа без дам это всё равно, что французская кухня без фуа-гра. Я только что познакомился с преподавательницей фонетики. Мадмуазель говорит по-французски изумительно. Если она откажется составить нам компанию, я буду безутешен.

И вопросительно смотрит на начальника кафедры. Тот открыл рот, потом закрыл и сделал такое, понимаешь, движение одновременно подбородком и бровями сразу. Два стар-

ших офицера – политработник и картограф – снялись с места и полетели. Один – позвать меня немедленно к ним, другой – за стулом опять-таки для меня.

Ой, Ритуля, мне пора бежать. Потом доскажу. У меня кружится голова! Я влюбилась, как полоумная! Не смейся, на этот раз я серьёзно! До свидания, пиши, пиши, пиши!!!

P. S. Ещё не целовались... Твоя легкомысленная подружка.

... Встречаемся теперь каждый день. Не помню, писала ли я тебе, как его зовут? Эрнст! Удивительно! Ты же помнишь, конечно, Оскара Уайльда «Как важно быть серьёзным»? Моя самая любимая пьеса, в которой я в студии играла роль воспитанницы! Что это, судьба?

Мы гуляем, долго и далеко. Сначала едем на машине, а потом отпускаем шофёра и идём пешком. Бродим по улице Воровского и выходим на Садовое кольцо. Не спеша поднимаемся до Тверской, которая теперь Горького, а потом иногда обратно. До дома с мезонином в три окна в Воротниковском переулке, где я сейчас живу у тёти. А иногда от Садового по Мясницкой через Лубянку и Театральную площадь спускаемся к Охотному ряду к его любимому зданию Дворянского собрания. Я ему объясняю, что это теперь Колонный зал. Он удивляется. И просит меня рассказывать о Москве побольше. А сам не слушает, а всё смотрит на меня и глаз не отводит.

Моя мама говорит, это до добра не доведёт и плохо кончится. Говорит, между прочим, что у него наверняка во Франции есть семья. Я взяла и спросила. А он начал смеяться. Потом сказал совершенно серьёзно: «Я был и обычным молокососом, и взрослым жеребцом. Вовсе не святым. Грешил часто, порою каялся. Но женат не был никогда. Слово дворянина и офицера». Я сразу поверила. Ему нельзя не верить.

Эрнст просил познакомить его с моими родителями. Но мама забыла совершенно свой гимназический французский. А папа в реальном училище учил его вообще или нет, не знаю. Надо спросить. Правда папа хорошо помнит латынь. Только вряд ли это поможет им общаться.

Мы ходили вместе в Консерваторию. Эрнст чудесно слушает музыку. Когда во втором отделении пианист заиграл Шопена, на его глазах появились слёзы.

... Ритуля, мы всё-таки пришли к родителям на Каляевскую. Эрнст настоял. Он попросил меня переводить. Был очень таинственный и торжественный. Надел парадную форму. А когда обед и чаепитие под абажуром закончились, встал и сказал, что должен с мадам и месье Паскевич поговорить о важном деле, не терпящем отлагательства.

Интересно, что тебе пришло в голову, когда ты это читаешь? Так вот. Он по всей форме просил моей руки! Мне казалось, я сплю и вижу сон. Невозможно передать эту сцену. Невозможно в неё поверить. Я дрожащими губами перево-



жу. Мама слушает с каменным лицом. Папа волнуется ужасно, а потом начинает плакать. А Эрнст рассказывает, как он меня любит. Как он зрелый человек, никогда ещё не произносивших этих слов, просит меня составить счастье его жизни. Родителей просит нас благословить. И хочет, чтоб мы все уехали во Францию. Затем принимается повествовать, что он весьма состоятелен. Вполне может содержать семью. И предлагает папе в любой удобной для него форме наглядно в этом убедиться.

«Боже мой, – сказала тут моя мама, – Кира, надо прекратить этот сумасшедший дом. Ты член партии. Старший лейтенант Советской армии. Какая Франция?»

Потом она замолчала. Немного подумала и решительно добавила: «Не сомневаюсь, если мы в этом духе ещё немного поговорим, так нас посадят в тюрьму. Возможно, даже всех четырех».

... Эрнст уехал. Подумай только, я сейчас стала замечать что-то вокруг себя. Раньше ничего не видела. Московские улицы сделались куда оживлённее. Появились выписанные из армии по ранению, командированные с фронта, стали возвращаться эвакуированные. Мы в Академии смотрели кинохронику – Ялтинскую и Тегеранскую конференции.

... Ритка! Сегодня пятнадцатое сентября. Вышел долгожданный приказ о демобилизации. Все счастливы. Ожидают близких – родных и любимых. Я тоже, естественно. И в то же время, что скрывать: я в страшном волнении и трево-

ге. Мне передали, что скоро я должна получить от него известия. Скоро... Это скоро – целая вечность. Я перестала спать. Ты же понимаешь, как всё непросто.

... Рита, я сейчас это напишу, и когда увижу лиловые чернила на белой бумаге, то может, поверю. Ой, у меня пёрышко сломалось. Это плохая примета, да? Я пишу, стараюсь, с нажимом, как в школе учили, время тяну нарочно. Пёрышко вот выбирала долго, потом вставляла в ручку. Промокашку меняла в пресс-папье. А теперь тянуть дольше некуда уже.

Рита – я еду! Я еду переводчицей в оккупационную зону. Каким образом это устроилось, не имею понятия. Могу только догадываться. Этим и занимаюсь. Нас четыре человека. Штабные офицеры, сотрудник НКВД, а также военный переводчик старший лейтенант Паскевич. Я уже прошла инструктаж и получила нужные документы. Нас отправляют через три дня ночным экспрессом в Брест. Ты знаешь, я убеждённая атеистка. Я атеистка... Суеверная просто до полоумия. Риточка, моя дорогая, я сама не умею. Ты уж помолись кому надо за меня! ... Прошло полтора месяца. Это письмо я посылаю с оказией. Капитан медицинской службы Толя Ельник едет в Москву. Он сын старых друзей нашей семьи. Я отправлю тебе всего несколько строк. Не могу не написать. Написать подробно тоже не могу. Ведь ты поймёшь? Ну, конечно! Я не сомневаюсь.

Две недели и один день назад мы обвенчались. Было всего несколько человек. Меня к венцу вёл его племянник вместо

полагающегося по правилам моего отца. Он совсем мальчик. Куда моложе меня. Эрнст совершил невозможное. От меня требовалось перейти в католичество. Обычно это долгая морока. Но для него, просто как в Аленьком цветочке, «супротивного нет»!

Совершенно необыкновенное ощущение – я законная жена Эрнста, с записью в церковной книге и всем полагающимся по штату. Учитывая ситуацию, всё – моё чудесное шелковое белое платье со шлейфом и кружевами, моё обручальное кольцо с брильянтами – их я увидела вблизи впервые в жизни – мне пришлось после церемонии снять и оставить в Эльзасе в замке, где мы всё-таки провели вдвоём целых два дня. Как это удалось, я тебе расскажу при встрече. Я возвращаюсь к своим обязанностям. Сразу остаться с мужем мне, естественно, нельзя. Это сказалось бы на маме и папе. Эрнст будет теперь действовать по дипломатическим каналам. А потом приедет в Москву и меня увезёт. Когда он рядом, я верю в самые невероятные вещи.

... Риточка, прошло ещё около месяца. Я возвращаюсь. Вчера я была у врача в нашем госпитале. Сомневаться больше нечего. Не знаю, что будет со всеми нами. Удивляться тому, что я тебе скажу, не приходится. Радоваться очень бы хотелось, но я боюсь. Что, ты наверно и теперь опять догадалась? Новость, не удивительная для обычной замужней женщины. Для обычной – не удивительная. Только не для меня.

Я жду ребёнка!!! Мне однажды цыганка нагадала мужа и

ребёнка в сорок шестом году. Так и будет? Половина предсказания уже сбылась».

Несколько минут стояла полная тишина. Первым опомнился Олег.

– Петя, что и говорить, «скелет в шкафу» ты нашёл. Я точных дат не помню, но первое впечатление – по меньшей мере, двоемужество налицо. Или она успела развестись, когда за Мухаммедшина выходила? Не знаю, сказалось всё это на Эрне или нет. Такие вещи тогда могли очень просто кончиться тюрьмой. За связь с иностранцем...

– Пётр Андреевич, Олег Николаевич, подождите, что-то не то! – Луша включила компьютер, нашла дело Эрны и биографическую справку. – Ну конечно! Я сразу засомневалась, и вот, взгляните! Это не может быть тот самый ребёнок. Эрн-на Александровна гораздо моложе. Она же пятьдесят пятого года рождения.

– Лу, ты умница. Ты права. А я эмоциональный болван. Самое смешное, я это тоже помнил. Но вот же не сопоставил. Просто загорелся, как солома. Фантазия включилась, словно фонтан. Я напридумывал такие роскошные последствия! – расстроено протянул Синеца.

– Петь, не огорчайся. Ты поторопился. История такая красивая и... А чем она кончилась, ты не знаешь? Это ведь не всё? – Олег указал на выписки.

– Видишь ли, оказалось, у Риты Нестеровны был настоя-

щий архив. Требуется уйма времени. А Анита не может себе позволить столько читать. Она и сама под огромным впечатлением. Как дошла до этого места, так давай мне скорей звонить! Я прикатил, она мне отдала материал, и бежать по делам. Да, и знаешь, что...

– Эврика! – Пётр хлопнул себя по лбу, – а ведь Анита среагировала так же, как я! На нас словно какое-то затмение нашло.

– Как, неужели она тоже возраст не посчитала? – изумилась Луша.

– Вот именно! И это несмотря на их давнее знакомство. Она мне всё твердила: «Эрна – дочка этого Эрнста! Петя, ты подумай, теперь я понимаю, Кира назвала её в его честь. Не зря мама говорила, что Эрна не в мать не в отца!»

– Вы оба зафиксировали только ключевую информацию. И исключили фон. В цирке это очень опасно. Можно при прыжке с трапеции..., – начала Луша.

– Как говоришь, она сказала? – задумчиво перебил её Олег, – «Петя, ты подумай?» Это что же, вы со свидетельницей Таубе уже на «ты»? А если она окажется замешана? Как хочешь, это не дело!

– Свидетельница Таубе, свидетельница Таубе! – Пётр вскочил и забегал по комнате. – Что ты порешь? Мы должны раскопать это дело. Найти родственников. Близких не осталось? Найти дальних! До сих пор никаких успехов. Все нити обрываются. Всё ведёт в тупик. И вдруг такой след!

– Но мы же только что убедились, это не она, – растерянно возразил Олег.

– Да! На этот раз ребёнок была не Эрна. А что потом? Вы верите, что её имя – простое совпадение? Нет, я добьюсь, мы сначала извлечём всё возможное из писем. Вытрясем подробности из родных. А потом, я совершенно уверен, надо ехать.

Он остановился перед книжным шкафом, открыл дверцы, вытащил большой тяжеленный атлас и принялся его листать.

– Куда ехать, Пётр Андреевич? – спросила Луша, замороженно следившая за манипуляциями шефа с чёрным фолиантом.

– Как куда? В Эльзас, конечно! Мы же знаем, как француза зовут, знаем, что была сделана запись в церковной книге. А война, слава богу, кончилась. Значит, книга обязательно должна сохраниться!

– Петр Андреевич, только имя без фамилии... – заметила Луша

– Действительно! Мы знаем только, что это летчик из Эльзаса. Эльзас, наверно, большой! – поддержал ее Олег.

Но Петр был слишком увлечен. Он только отмахнулся. И со словами, «погодите ребята, не все сразу», возбужденно продолжил.

– Эх, жалко, французского никто из нас не знает. Для начала, хорошо бы в интернете пошарить, по телефону с муниципалитетом, скажем, поговорить. Или с мэрией? Я знаю,

что в Англии графства, а во Франции? Ну, ничего. Это понятная задача. Найдём толкового сотрудника с языком, и пусть разбирается. Теперь ясно, что надо делать. Олег, возьми нашу картотеку и займись. И Лукерья – живо родственников мне Паскевичей до седьмого колена вынь да положи. В темпе вальса! А вы как думали? Ишь какие, рыжики они солёные захотели!

Пётр сделал смешную сердитую мину, и его друзья с облегчением рассмеялись.

– Есть, шеф! «Бу ззелано!» А рыжиков давай всё же поедим, – сказал примирительно Олег.

– Само собой, поедим! Я и забыл, что голодный.

– Немудрено, перевозбудился, так не до еды. Только не возлагай сразу на это слишком больших надежд, чтобы не очень разочароваться.

– Да я понимаю. Но интересно же, и не тривиально! Мы быстро и энергично должны определить, где они обвенчались. Узнать, что это за человек. И постараться понять, есть ли связь... Ах, нет, всё остальное потом. Пошлём срочно почтовые запросы в официальные ведомства, и, как я уже сказал, если надо, сами поедим.

– Почтовые... – сморщилась Луша, – что-то я хотела? А, вот! Нам в агентство на Ваше имя сегодня пришло письмо. Я Вам всё хотела сказать, но Вы...

– Я тебя не слушал. Извини, пожалуйста. Я хорошо помню, ты пыталась. Там, понимаете, адрес отправителя:

Москва, гостиница «Савой». А сам отправитель подписался – Георгий Куприянов.

Увидев, что коллеги ответили на её рассказ недоумевающим взглядом, Луша добавила.

– Конечно, вы на это не обратили внимания. Эрна Александровна и её сын носят её девичью фамилию. Но полное имя Паши Мухаммедшина – Павел Георгиевич, а фамилия отца – Куприянов!

– Он же умер! – в один голос воскликнули Пётр и Олег и воззрились на крохотную девушку, которая вытащила из папки «Сегодняшняя корреспонденция» белый толстый конверт.

– Вы прочтите, не могу же я письма шефа вскрывать! – укоризненно сказала она.

Синица бережно взял со стола нож из слоновой кости с резной ручкой и разрезал конверт.

«Уважаемый господин директор! – прочёл он. – Меня зовут Георгий Куприянов. Мне стало известно, что Вам поручено заняться поисками моей пропавшей жены Эрны Мухаммедшиной. Наш сын находится в Базеле в больнице. Его посредничеством я сейчас не могу воспользоваться. Поэтому обращаюсь прямо к Вам. Предвидя понятное недоверие, решил это сделать письменно, представив Вам доказательства, что я – то самое лицо, за которое себя выдаю. Мне нужно Вас как можно скорее увидеть. Я хочу оказать Вам в этом деле всевозможную помощь. Мою историю у меня больше



нет причин скрывать. Подробности Вы узнаете при личной встрече.

С уважением, Георгий Антонович Куприянов, генеральный директор и владелец торговой сети «Киевский провизор».

Кроме исписанного листка в конверте была визитная карточка с телефонами, ксерокопия паспорта на имя Куприянова и несколько старых пожелтевших чёрно-белых фотографий.

– Уму непостижимо, – прошептал Пётр. – Мёртвые встают из гробов! Ну как? Кто из вас что думает? Ребёнок, что скажешь о фотографиях?

Луша, известная

отличным зрительным восприятием, всмотрелась хорошенько, немного подумала и сказала.

– Парень на фото и мужчина на цветном ксероксе – безусловно, одно и то же лицо. Он мало изменился. Но это на компьютере сделать не проблема. Так, может, это дурацкий розыгрыш?

– Вряд ли, Лу. Кто станет этим заниматься?

– Тогда провокация? Видишь ли, я кое-что слышал, – неуверенно добавил Олег. Ты шутишь! О ком? О Куприянове? – Нет, но помнишь, у меня в Киеве жил папин брат, и вся его семья там?

– Олешка, не тяни резину! Сейчас взорвусь! Какой папин

брат? Какое отношение... – повысил голос Синица, но увидев затравленное выражение на лице друга, осёкся.

– Прости. Расскажи, пожалуйста, толком. Было просто стоячее болото, и враз сделался водопад!

– Петя, я только хотел сказать, я там раньше часто жил и теперь бываю. Их «Киевский провизор» – знаменитая сеть. У меня две племянницы в ней работают на разных должностях. И этот её... как его... «Генеральный директор и владелец»?

– Он должен быть человеком не просто с достатком, а богатым. Возможно, даже очень богатым. Я подумал, насколько появление такой фигуры всё усложнит!

– Не то слово! Ты совершенно прав. Хотя мы пока ничего не знаем. Настоящий он Куприянов или подставной. Генеральный ли он директор... Интересно, какого лешего он нам это сообщил?

– Пётр Андреевич, это как раз понятно. Вы должны сразу его принять всерьёз. Его «всевозможные возможности». А если любите деньги, то возрадоваться, что запахло большим гонораром.

– Если любите деньги... А кто их не любит? Я хочу виллу в Эстонии выстроить для твоих будущих детей. А можно в Норвегии! И Лорду пенсию оставить, если со мной что стрясётся, – щелкнул пальцами Синица.

– Лушка! Не делай трагические глаза, я шучу. Ну, ладно. В общем, все правы. Картина осложняется – раз. Провока-

цию исключить нельзя – два!

Пётр сделался серьёзным, от его весёлого возбуждения не осталось и следа. Он глядел на фотографии. На всех трёх была изображена одна и та же молодая пара. Одна из них была сделана около походной палатки. Девушка и юноша сидели, взявшись за руки рядом с гитарой. Вторая и третья были свадебные. Они расписывались в книге: сначала невеста, потом жених. Рядом стояли с цветами такие же молодые улыбающиеся свидетели.

– Всё это при теперешних возможностях действительно легко изготовить. Можно и украсть – это три. Что же, нам теперь нужны Сева и Анита. Мы проверим фото на подлинность, сравним с оригиналом, у Аниты с Севой спросим, не видели ли они подобных. В Киеве справки наведём. А Господину Куприянову я позвоню, но не сейчас. Сейчас... сейчас надо срочно с Володей поговорить.

Всё, ребята. Мы с вами, как французы, сперва всё-таки пообедаем, но потом немедленно за работу. Часы пошли.

## **18. Георгий Антонович Куприянов собственной персоной**

Номер в «Савойе» у Георгия Куприянова был отличный. Он состоял из двух комнат, из которых одна была комфортабельной спальней на две персоны в кремовых тонах со множеством

светильников разного назначения. Они напоминали мелкие колокольчики, то собранные вместе у изголовий, то рассыпанные поодиночке под потолком. Шоколадные колокольчики мягко разгорались. На стене светился огромный экран плазменного телевизора. А в шкафах из матового ореха лежали лавандовые подушечки. Большущая лиловая ванная с джакузи, купальным халатом и полным набором туалетных принадлежностей тоже радовала глаз. Но лучше всего был кабинет.

Наверно, в отеле эту комнату именовали как-нибудь иначе. Но Георгий Антонович называл её только так. Она была достаточно просторна для удобного письменного стола с настольной лампой и двух других: для посетителей с несколькими креслами вокруг него и сервировочного – с кофейной машиной, чашками, бокалами и прочими причиндалами разнообразного питья. Всё это очень устраивало Куприянова, который в последнее время заметил, что стал уставать. Он всё ещё любил погудеть, мог крепко выпить, знал толк в хорошей еде. Но если вечером предстоял деловой разговор, не прочь был его провести, не вылезая из берлоги.

Пётр Синица и Куприянов сидели вместе уже несколько часов, и Георгий Антонович непрерывно курил. Сам шеф «Ирбиса» по этой части был не безгрешен. Мог при случае выкурить сигарету. Иногда под настроение сообразно обстановке и трубку. Любя слегка покрасоваться, трубок он имел много и охотно поддерживал разговоры о знаменитых ку-

рильщиках. Правда, если собеседник не начинал хихикать, поминая Холмса вкупе с комиссаром Мегре. Тем не менее, Пётр не терпел накуренных помещений. Поэтому он встал, спросил разрешения и открыл окно.

«Видно, человек страшно нервничает. Руки у него слегка дрожат. И, однако, как он всё ещё хорош собой, этот Куприянов!» – думал Синица. Высокий, со спортивной поджарой фигурой, большущие карие глаза и густые, совсем не поредевшие волосы с лёгкой благородной сединой. Правильные черты лица. Гладко выбрит. Костюм выбран со вкусом – густого серого цвета в ёлочку, а галстук на один тон светлей с тонкой бордовой полосой.

Генеральный директор и владелец сети «Киевский провизор» производил очень солидное впечатление.

Документы, пачку старых фотографий разного формата и два альбома Синица внимательно просмотрел. Собеседника своего долго слушал, не перебивая. Настало время и ему задавать вопросы, но он медлил. И тогда Куприянов начал сам.

– У Вас хорошо получается, Пётр Андреевич. Я рассказал Вам свою неприятную историю. И мне было легче, чем я предполагал. Не было ни глупых, ни бестактных вопросов. Меня не прерывали неуместными замечаниями. Вы не отвлекались. Я Вам за это признателен. Но Вы, без сомнения, хотите знать, а почему я вдруг объявился? Хотя нет, сначала скажите мне, пожалуйста, вот что. Вы удостоверились, что я это я? Вы же проверяли?

Пётр откинулся на спинку кресла и рассмеялся с некоторым облегчением. Это, похоже, была честная игра.

– Ясное дело, проверял, Георгий Антонович! А Вы как думали? Я профессионал и любителем не прикидываюсь. Прибедняться тоже не люблю. У меня есть разные возможности. Это касается и технических средств, и информации. Появляется, откуда ни возьмись, человек, которого все считают много лет назад умершим! Вмешивается в дело, где одна женщина исчезла, и один труп. И я не проверю, что это за фрукт? Мне самому жить ещё не надоело! Да ведь и Вы меня, кстати, проверяли!

Тут засмеялся и Куприянов.

– Всё знает, бестия такая! А я и рад. Я рад, что Вы профессионал. Я абсолютно серьезно хочу сделать всё от меня зависящее, чтобы... чтобы... Как Вам сказать? Жизнь назад не повернёшь. У меня больше не было детей. И не будет. Я очень хочу с Пашей объясниться. Начать, а потом осторожно развить отношения. Эрну уговорить простить. Или уж если не простить, то зла не держать. Сделать для неё всё, что в моих силах. Я понимаю, как ей тяжело пришлось. Сам прошёл огонь и воду. Карабкался, ломая ногти и обдирая руки. Всё и всех зубами грыз.

Куприянов насупился. Лицо его потемнело, взгляд стал мрачным, он сжал кулаки. Кулаки были у него примечательные – тяжёлые, массивные, в шрамах и рубцах на тыльной стороне рук. Пётр себе сразу чересчур живо представил это

самое «грыз». Он решил закинуть ещё одну удочку.

– Я на Вас смотрел, Георгий Антонович и откровенно любовался, – совершенно искренне сказал он. – У Вас и годы не велики, особенно по теперешним временам. А внешность, так просто героя-любownika! Что это Вы? Ну, не было. А почему ж не будет? Я знаю, что Вы не женаты. Но всё можно наверстать!

– Видите ли, дорогой мой, я в Афгане, действительно, не умер. Но в плен попал. Бежал, меня ловили, били и сажали в зиндан... В общем, поверьте на слово, я ведь как-никак, врач. Не будет у меня детей. Не может их у меня больше быть, – мрачно пробурчал Куприянов. И добавил. – Вы гораздо моложе. Вы, наверно, не можете себе представить, каково мужчине такое сознавать.

В ответ на это слова Синица бросил на него исподлобья быстрый странный взгляд, но ничего не сказал. А после небольшой паузы извинился.

– Георгий Антонович, простите, я понял. Я не должен был этого касаться. Зато других обстоятельств Вашей биографии я касаться обязан.

Итак. Всё, что я от Вас услышал, совпадает в целом с моими сведениями из сторонних источников. Вы приехали из-под Киева в Москву, поступили в Медицинский, где познакомились с Эрной Мухаммедшиной. Оба были студентами, когда поженились. После окончания института Вы завербовались на заставу в Афганистан инфекционистом. Там попа-

ли в плен, и все думали, что Вы, как многие другие Ваши товарищи, погибли. Об этом известили семью. Подробностей тогда никому не сообщали. «Пал смертью храбрых, выполняя свой интернациональный долг», и дело с концом. Но Вы выжили и после многих мытарств вернулись на родину. Вернувшись же, Вы к своей «вдове» не поехали. Родившимся в Ваше отсутствие сыном вообще не интересовались. А Эрна Александровна, собравшаяся было разводиться, поскольку Вы ребёнка не захотели и уехали, оставив её беременной, по сию пору считает Вас умершим.

– И Вы хотите, без сомнения, узнать, почему я её бросил? – нахмурился Куприянов.

– О, нет. Пока – нет! Я хочу услышать честный ответ на другой вопрос. Скажите, а почему Вы на ней женились? – стукнул по столу ладонью Синица и встал.

– Ах вот оно что! – горько усмехнулся Георгий Антонович. – Законно, не спорю. Сбежал, негодяй, от беременной жены. Растить сына не помогал. Разбогател – тоже не помогал. Такой женился, конечно, по расчёту. Но Эрна на завидную партию несколько не походила. Она была бедна, как церковная мышь. Вы знаете, мы так и познакомились. Не в самом институте, а на «шабашке». Я, так же, как и она, вынужден был постоянно работать по вечерам. И мы с ней в одной больнице вместе дежурили. Да, так вот. Если не деньги и родительская протекция, тогда что? Тут и спрашивать не надо! Прописка! Московская прописка для нас – провин-



циалов была порой поважней приданого!

Синица слушал эту взволнованную речь, не перебивая. Он ничем не помогал рассказчику и не мешал. Не возмущался и не протестовал. Но и не отводил от него внимательного взгляда. Куприянов ходил по комнате, рубил правой рукой воздух и под конец остановился перед Петром.

– Пётр Андреевич, я должен Вас разочаровать. Женился я исключительно по любви. Надеюсь, мы вместе найдём мою жену. И она вам подтвердит, я в этом уверен. Она ни секунды в этом не сомневалась.

– Что, так прямо и не думали о прописке? – с иронией недобро прищурился Синица. Он позволил себе слегка выпустить коготки.

– Очень даже думал, Пётр Андреевич! Может больше, чем другие «иногородние», как нас тогда называли, вместе взятые. Вы позже поймёте, почему.

Вообще говоря, для меня это не было слишком трудно – в Москве остаться. Во-первых, парней тогда в медицине было много меньше, чем девчат. Нас всюду – на любой работе – явно предпочитали. Для молодого врача мужского пола начальство было готово хлопотать о льготах и лимитах, служебных квартирах и прописках. Если и не в Москве, то в ближнем Подмосковье наверняка. Я уж и не говорю о военных! Учился я неплохо, на кафедре был на хорошем счету. И лучше бы учился, но очень тяжело быть вечно полуголодным и недоспавшим. Ну, это я уже говорил. Кроме того...

я не был самовлюбленным индюком – однако видел, что девушки в институте меня не избегают. А среди них всякие встречались. «Блатные» бездельницы, успешно прошедшие при поступлении «конкурс родителей», толковые работающие девчонки из хорошо обеспеченных семей, да мало ли!

– Тут я охотно верю Вам на слово, – примирительно заметил Сеница.

– Я очень, просто отчаянно хотел остаться в Москве, начать новую жизнь, – между тем продолжал Куприянов свой рассказ. – Но вот жениться для этого? Специально жениться! Это мне в голову не приходило. А с Эрной просто... Мы... я хочу сказать... Ах, ты, пропасть! Так трудно выговорить. Ну хорошо, я попробую. Дело было так. Мы познакомились. Стали видеться чаще. И я влюбился, как полоумный. Вскоре встречались мы уже каждый день, а вечером надо было расставаться. Вот этого нам уже не хотелось! Тогда мы быстро поженились.

Ну, жили мы очень трудно. В каморке в общежитии сначала, потом получили комнату. Но мы и раньше не жировали, так стало даже легче вдвоём. Вы знаете, это на первый взгляд не очевидно, однако проверено на опыте. Две нищенских зарплаты для двоих лучше, чем одна на одного. А вот между собой у нас было всё в порядке. Хотите – верьте, хотите – нет, но я её любил. Да нет, Вы, конечно, не поверите! На этом месте Пётр остановил говорившего рукой. Куприянов удивлённо замолк и уставился на него.

– Георгий Антонович, Вы сами сказали, что я внимательно слушал. Но я ещё и смотрел. Вы принесли множество фотографий, и два любовно сделанных альбома. Вы там свою девушку, а потом жену всё время фотографировали. И Вы с ней множество раз сфотографированы вдвоём. Я видел, как Вы на неё смотрели. Не в камеру, чтоб выглядеть поэффектнее, а на неё! Как Вы её обнимали, держали за руку, как ей улыбались! Поэтому я давно уж поверил, что Вы Эрну действительно любили. Но это, видите ли, не всегда связано с женитьбой. Ну, хорошо, а теперь... Скажите мне, наконец, что дальше произошло? Ведь что-то, несомненно, случилось?

– Случилось, это Вы правы. Придётся рассказать. Я своим поведением тогдашним нисколько не горжусь. Но я человек последовательный. И доведу дело до конца. Пусть нелегко разоблачаться, нет спору. Вы вряд ли поймёте мои мотивы. Да и не захотите понять. Мне ясно, как я выгляжу в Ваших глазах. И потом... Вы делаете свою работу. На нас же на «фигурантов», так, кажется? Да, на нас Вам, вполне возможно, начхать!

На его лице появилось суровое, замкнутое выражение. И Синица забеспокоился. Если он сейчас потеряет контакт с Куприяновым, что стоит тому просто оборвать разговор? В конце концов, этот человек вовсе не обязан ворошить для него свои тяжёлые воспоминания.

– Пойдите, Георгий Антонович! Вы не правы. Мне вовсе

не всё равно. Однако, я должен сохранять нейтралитет, и я стараюсь. Не забудьте, я вижу Вас впервые. И прекрасно понимаю, что жизнь редко бывает чёрно-белой и однозначной. А сейчас, давайте я поработаю «адвокатом дьявола». И вот, пожалуйста, для начала.

Вы решили честно поговорить с Пашей. Перед Эрной повиниться. Ко мне – незнакомому усатому зелёному москалю – Вы, зрелый преуспевающий киевлянин, пришли и предложили помочь. Могли же, с вашими-то деньгами, попробовать всех купить! Возьмём Эрну с Пашей – не бедствуют, но и не процветают. Я частник проклятый и наёмная рабочая сила. Скорей всего продаюсь. Ну что, не так?

– Силён, господин Синица, спасибо, не ожидал! – усмехнулся Куприянов. – Ну что ж, молодец, хвалю. Только насчёт «усатого москаля» Вы зря. Я в эти «национальные» игры никогда не играл.

Ну хорошо, слушайте. Я начну издалека. Я сам, правда, киевлянин. Там родился. Но, знаете, Пётр Андреевич, я и не Куприянов вовсе. Я Хованский. Вернее, должен был быть Хованским. Моих родителей взяли, когда я совсем крохой был. Я родился после войны. Я старше Эрны на два года. Моему брату тогда было лет восемь или девять. Я точно даже не знаю.

Отец был кадровый офицер, артиллерист. А мама – агроном. Она розами занималась. Не теми, которыми все любят – алыми, белыми и чайными. Эти почти не пахнут. А

мелкими пахучими невзрачными розочками. Из них розовое масло добывают. Это всё мне тётя Настя рассказывала. Больше я почти ничего не знаю.

Он замолчал. С его красивого лица сошла суровость. Оно затуманилось и стало печальным. И Пётр не решился его поторопить.

– После войны, – начал немного погодя снова Куприянов, – снова накатила волна посадок. Отца взяли и сразу после ареста расстреляли. Маму через полгода ночью увезли, старшего брата отправили этапом в Караганду. Он умер от дизентерии в пути. Мама моя прожила в лагере два года, и её добила дистрофия.

У нас была домработница тётя Настя. Она растила моего брата, а потом и меня. Когда отца посадили, она меня отвезла к родственникам в деревню. Настя маму уговорила. Сказала, что там маленькому ребёнку здоровей и спокойней. А им надо об отце хлопотать да передачи носить. Забот и без меня хватает. Вот выяснится недоразумение, тогда меня домой заберут!

Как эти «недоразумения» выяснялись, известно. А Настя после маминого ареста взяла по-быстрому узелок и дёру. В деревне она рассказала: жила, мол, по-хорошему у хозяев пока главу семьи не перевели вместе с военчастью в другое место. И так-то далеко перевели – за Урал! Куда ж ей, беспаспортной, в такую даль?

Дело было самое обычное, офицеры часто переезжали.

Никто вопросов лишних не задавал. Меня тоже не хватились. Кому нужен малыш – сирота?

Тётя Настя была женщиной одинокой. Своей семьи и детей у неё не было никогда. Зато был брат-инвалид, вернувшийся с войны без ноги. Он был человек неглупый и умелый. Его выбрали председателем колхоза, и он начал хозяйствовать помаленьку. Настя с братом сплели легенду о дальней родственнице, молодой девке-ткачихе, нагулявшей в Киеве от кого-то ребёнка. С абортами после войны стало строго. Нравственность начали блюсти, только пух и перья летели. Ну и, де, куда теперь девке-комсомолке с младенцем? А Насте-бобылке, стало быть, веселее с мальцом!

Словом, вырастила она меня. Свою фамилию дала. Всем делилась. Попадало мне тоже по первое число. Рука у Насти была тяжёлая. Но всегда за дело. После порки реветь не полагалось. Зато, раз наказав, она потом никогда не зудела. А как подрос, начала мне о моей семье рассказывать помаленьку.

Вот тут я должен остановиться, что б было хоть немного понятно. Они, тётя Настя и дядя Федя-председатель, меня не просто вырастили, но вышколили. Я должен был быть всегда и во всём лучше всех. Не ныть, не жаловаться, обидят – давать отпор. И никому, Вы слышите, никому и никогда не рассказывать о себе. Возможно, так воспитывают сектантов. Или каких-нибудь первых христиан, или наоборот, иудеев среди иноверцев, магометан – среди христиан.

Не знаю, на кого я стал похож. На сжатую пружину? Свернувшегося ежа? Но всем своим незащищённым маленьким сердечком, всей кожей ощущал я их чудовищный страх. Поскольку страх лежал тогда в основе всего.

А брат с сестрой, когда пришло время думать о школе, решили, что мне надо учиться в Киеве. Они хотели от судьбы колхозника меня уберечь. И тётя Настя продала корову Рыжуху, а дядя Костя пошел кланяться в Киев свояку. Сваяк этот... Эх, какие штуки выкидывает жизнь! Сваяк их служил начальником тюрьмы. Через него-то тётя Настя потихоньку разведывала всё про моих.

Ну, этот знал про всех всю подноготную. Могущественный был человек! И верный сталинец без страха и упрёка. Но деньги очень любил. И вот, видите, какое дело, в открытую тогда брать боялись. А у своих? Да если эти свои вякнуть не посмеют, поскольку у них рыльце в пушку? Коротко говоря, выправили моей тёте Насте «пачпорт», оформили усыновление приёмьша Георгия. Поступила она разнорабочей на фабрику «Красный Перекоп», и мы, помыкавшись по знакомым, нашли жильё на самой окраине города. Там были частные домишки с садиками. В одном таком хозяева выстроили тёплую кухню из старого кирпича. Там мы и поселились. А дальше пошла обычная советская жизнь. Я учился. Да не просто прилежно – изо всех сил! На пять с плюсом! И, к слову, по окончании школы получил золотую медаль. Завод же через несколько лет выделил передовику производства Куп-

рияновой Настасье Никитичне комнату в бараке, а позже в заводской пятиэтажке. К тому времени я уже всё знал про отца с матерью. И затвердил наизусть, что больше ни одна живая душа об этом знать не должна. Или не будет мне жизни, не будет ходу. А я тогда уже очень, страшно, яростно захотел жить по-людски. Решил бороться. Думал, что для себя и Насти заработаю или завоюю такую жизнь. Да видно, было не суждено...

Мы давно решили, что я буду врачом. Моя мама так хотела. Я об этом слышал от Насти, привык к этой мысли и уже не мог представить для себя ничего иного. Но дядя Федя и слышать не хотел о Киеве. «Пошлешь документы в Москву! – отрезал он. – У меня там фронтовой дружок. По такому случаю он нас приютит». Мы собрались поехать туда вместе. Медалистам тогда надо было сдавать только один экзамен. Мы рассчитывали, поэтому, управиться за неделю – посмотреть город, купить подарки и уехать до начала занятий домой в Киев.

Нам вручили аттестаты. После выпускного мы гуляли по городу до утра. Когда я пришёл, уже почти совсем рассвело. Соседи спали. Я потихоньку прокрался по коридору, чтобы никого не разбудить, и открыл дверь. Комната было пуста.

Тётя Настя моя давно стала помаленьку сдавать. Я этого по молодости не замечал. Позже, вспоминая, кой-чему уже научившись, я многое понял. У неё немела рука. Язык распух и плохо ворочался во рту. Иногда нарушалась координа-



ция. Но она бодрилась. А к врачам ходить не любила. Но в тот вечер ей сделалось совсем худо.

У соседа дяди Яши был мотоцикл с коляской «Ява». Настя написала для меня записку. И Яша отвёз её в больницу. Она по дороге, добрая душа, и тут не думала о себе – казнилась всё, что испортит мне праздник...

Когда я утром прибежал в больницу, тётя Настя была уже без сознания. Так, не приходя в себя, через несколько дней она умерла.

Со мной пытались говорить, а я как будто оглох. Мне казалось, меня завернули в толстый слой ваты. Все сигналы снаружи едва проходили через него. Слабые и далёкие, они оставляли меня равнодушным. Я услышал: «Обширнейший инсульт, до него было два других, но поменьше», запомнил краешком дремлющего сознания, но не понял. Похороны и поминки миновали. Я был как механическая кукла, вёл себя, как велели, и не мог поверить, что это наяву. Когда все ушли, я лёг на полати в дяди Фединой избе и замолчал. Есть я перестал, пил воду и смотрел в потолок. Об институте больше не помышлял. Думать вообще ни о чём не мог.

Шли дни. Я страшно похудел. С трудом вставал, только если надо было «до ветру». Я бы умер... Но однажды дядя Федя пришёл вечером домой с правления вместе с бабой Варей, дояркой. Они о чём-то пошептались в сенях, потом, не говоря ни слова, вкатили в меня насильно глиняную макитру какого-то зелья, от которого пахло сразу мёдом, болотом

и полынной водкой. И потащили, да прямо на руках! в нашу баньку.

Уж они меня мяли, стегали, обливали то горячей водой, то холодной прямо из бочки. Плескали на камни мяту, полынь и квас. Я стонал, чертыхался – меня никто не слушал. Они меня выполоскали и вдвоём отнесли в избу. Наконец я отключился. Только помню, уколы какие-то, будто овод впился, да в нескольких местах сразу. Тут я, верно, ненадолго пришёл в себя перед тем, как заснуть. Потому что слышу: «Варь, мы парня с тобой чай не угробили? Мне боязно. Ты, Варь, давай, погляди-тко, он дышит аль нет?» Больше ничего не запомнил.

Ну а утром я проснулся от того, что дядька меня осторожно, но решительно растолкал. Всё тело моё болело, кости ломило. Я скосил глаза туда-сюда, и увидел припухшие красные точки на теле, которые чесались. Оказалось потом, что они на меня сажали пчел. Потом узнал -так лечат радикулит.

Я с трудом смог слегка пошевелиться. Но что-то изменилось. Странное дело, впервые с того чёрного дня, когда я узнал о нашей беде, я почувствовал голод и попросил есть. С того времени я пошёл на поправку. А несколько дней спустя мой дядя Федя сложил наши убогие вещички в один чемодан, перетянул его солдатским ремнём и погрузил меня вместе с чемоданом на подводу. Колхозный конюх Остап доставил нас на полустанок, где скорый стоял минуты три. Двери нашего вагона не открыли, мы сели в хвосте. Остап поки-

дал в тамбур наше имущество. Пришлось тащить через весь состав на горбу трёхлитровые банки с вишнёвым вареньем, яблоки, абрикосы, орехи, словом, деревенские подарки московскому фронтовому другу, до своего второго плацкартного вагона.

Что Вам сказать, Пётр Андреевич? Дядя Федя, одноногий инвалид, да будет земля ему пухом, впихнул меня в Медицинский, да ещё и коленкой под зад поддал. Единственный свой экзамен я сдал на отлично. А ему памятью тёти Насти поклялся, что выучусь. Не буду балбесничать. Лениться и бражничать с ребятами тоже. «Иначе, – он так сказал, – тебе на эти три могилы путь заказан!»

Про могилы я тоже должен объяснить. Мы с помощью того же свояка место на кладбище в Киеве получили и памятный камень сделали. Так поступали часто люди, у которых близкие не пришли с войны и сгинули неизвестно где. Сам камень мы в поле отыскала. Серый с голубой искрой большой кварцит. Отполировали в колхозной мастерской. Написали: «Здесь место последнего успокоения Янины и Генриха Хованских. Анастасия, Федор и Георгий Куприяновы вас обоих не забыли и никогда не забудут».

Хотел я написать – Георгий Хованский-Куприянов, но дядя не разрешил. Когда Настя умерла, её решили рядом похоронить. И Федя, тот тоже там...

Теперь попробуйте представить себе вот что. В Москве об этой истории никто не подозревал. По документам я был сы-

ном Насти – значит, «из крестьян». Лучше не придумашь.

Я вижу, Вы сомневаетесь, – заметил он скептический взгляд Петра. -Всегда кто-нибудь да знает. Но если так, то не от меня. Я о себе ребятам старался ничего не рассказывать. И Эрна знала лишь, что я сирота, которого усыновила и вырастила добрая женщина. У нас оказалось много общего. Она тоже чувствовала себя сиротой. Чувствовала, то чувствовала, но люди, которые её не забыли, в Москве имелись. И когда мы поженились, они вскоре дали о себе знать.

Вы знаете, что Эрна рано ушла из дома. Она много лет почти не общалась с бывшими домашними. Очень редко видела мать. Иногда встречалась с тётёй Ритой, и всё. Однако с течением времени Эрна, которой раньше не интересовался никто, делалась людям нужнее и нужнее. Она работала в известном на весь город роддоме. Потом в больницах. Многих знала. И тётя Рита, к примеру, стала к ней обращаться за помощью для дочки и для себя. К врачу хорошему хотелось попасть, место в клинике раздобыть, процедуры получить...

Свадьба у нас была студенческая, в лесу. «Взрослых» вообще не было, только ребята. Танцевали и пели у огромного костра. Мне костюм сосед по общежитию одолжил. Платье невесте свои девчонки сшили. У одной однокурсницы дома занавески меняли. Старые хотели выкинуть. Она посмотрела и ахнула. Красивое кремовое кружево, два большущих полотна! Сначала подружки смеялись, а потом поглядели, прикинули так и этак – посадим на чехол, и пойдёт! Посмотрите на

эту фотографию. Разве хуже, чем у теперешних из бутика?

Эрну сфотографировали одну в платье до полу из крупно сплетённого кружева с атласной вставкой углом как у пушкинской Царевны-Лебедь. Она улыбалась слегка испуганно и смущённо.

– Чудесное платье, Георгий Антонович! Интересно, как мало Эрна изменилась, – заметил Пётр.

– Это верно. Я, когда сведения о них дал задание собрать и первый отчёт увидел, тоже удивился. Но нам надо двигаться дальше. Начинается самое противное, – вздохнул Куприянов. – Я Вам сказал, они с тётёй Ритой время от времени встречались. Она была неплохой человек, эта Рита. Ей хотелось как-то наладить отношения Эрны с матерью. Она решила – теперь, когда девочка вышла замуж, можно соблюдать приличия, по крайней мере. Потом дети появятся. Будут все встречаться по праздникам, почему нет? Делить им нечего. И если никто не возражает...

Действительно, на первый взгляд, никто и не возражал. Нас пригласили на Арбат, и мы пришли. Меня представили Кире, потом Цаплину. Все вели себя пристойно, горячей родственной любви не изображали, но и отношений не выясняли, искры не летели. Была, конечно, тётя Рита со своими, и они помогли разрядить обстановку. Хороший стол, бутылка шампанского – понемногу все разговорись, принялись шутить, а Ритин муж – рассказывать забавные анекдоты.

Мы оба были тогда уже в ординатуре. Когда встали из-за

стола, заговорили, как водится, о медицине. С удовольствием обсуждали, что здорово иметь в «нашей семье» (!) двух врачей. Я заметил, как эти слова Эрну покоробили. На неё в тот момент публика не смотрела. Кокетничали со мной. И она, чтобы скрыть набежавшие слёзы, сделала вид, что уронила платок. Цаплин стоял в стороне и болтал о чём-то с Анитой. Эрна наклонилась, и он взглянул на неё. Случайно я перехватил этот взгляд и просто оторопел. Сказать, что в нём была неприязнь, значит – ничего не сказать! В глазах отчима светилась неприкрытая ненависть. Такие видел я у приполярного волка на биостанции. Его только выпустили из клетки, и он ощерился на людей.

Я говорил Вам, что в институте был на хорошем счету. Политика всерьёз меня не занимала. Наверно, меня тогдашнего следует назвать законченным конформистом. Родителей погибших я этой проклятой системе не простил и не забыл. Но сам решил выжить во что бы то ни стало. Мы все были комсомольцы, иначе в институт поступить было невозможно. Исключение из Комсомола, кстати, означало автоматическое исключение и из Вуза. И странно, я никуда сам не рвался, но может, тоже от того, что парень, меня постоянно выдвигали. Я быстро дорос до секретаря комитета Комсомола своего факультета. Со мной поговорили и намекнули, что пора в партию. Я не возражал. Мне дали рекомендации с дорогой душой и тут же назначили заседание партийного бюро.

Я сам тем временем мечтал стать хирургом. Хирургом –

ортопедом, мне лавры Илизарова не давали покоя. Я всюду лез без мыла, где только можно, чтобы присутствовать на интересных клинических случаях. А если уж удавалось ассистировать, был счастлив как малое дитя. И тут удивительно, но факт – моя комсомольская карьера дюже помогла. Я был по общественной линии со многими влиятельными людьми в институте знаком. Если я просил, то мне не отказывали. Ради справедливости надо сказать, что я стремился честно усовершенствоваться, и это вызывало симпатию.

Дипломная тема была утверждена. Уже на меня послали запрос из Института хирургии. Профессор, заведовавший отделением, жал мне руку и утверждал, что рад предстоящей совместной работе. У Эрны тоже всё было в порядке. Житейские трудности нас мало волновали. Казалось, всё идёт хорошо.

И вот однажды вызывает меня к себе секретарь парторганизации и, пряча глаза, говорит, что возникли непредвиденные осложнения. Дело о моём приёме в партию придётся отложить. Одна из рекомендаций отозвана.

Но почему?

Он мнётся, переводит разговор на другую тему. И продолжает, что он ко мне всегда хорошо относился, ничего против меня лично не имеет, и потому хочет меня предупредить. Пусть это не будет неожиданностью. Всегда лучше подготовиться, правда? Скоро перевыборы, так вот. Партком настоятельно порекомендует факультетскому бюро другого секре-

таря!

Я быстро понял, что вопросы задавать бесполезно. Дальнейшее выслушал молча. Он со своей стороны был явно рад, что я не качаю прав. И под конец, прощаясь, вдруг сам спросил: «Гера, ты недавно женился? И на нашей студентке?» Ну, я кивнул. «Скажи, как ее зовут?» «Мою жену зовут Эрна Мухаммедшина», – отвечаю. «Так, так, помню, -бурчит этот хмырь и озабоченно что-то записывает в блокнот. -Дипломница профессора Березовского. Ну, Гера, ты меня извини, но мне пора».

Что скрывать. Было страшно неприятно. Но я не придал делу особенного значения. Я решил, что кому-то потребовалось место. Это отличный трамплин для дальнейшего продвижения. В особенности для тех, кого собственно медицина не интересует. Кто-то из нужных «детей» делает карьеру, и все дела.

Ну что же, не больно и хотелось! По-свински проделано, но чего же «от них» и ждать? Ведь мне важно только заниматься своим делом. Кончу ординатуру и пойду по распределению. Это же решено!

Я думаю, Пётр, Вы догадались, что всё только начиналось. Примерно через неделю мне надо было сделать определённые шаги, связанные с предстоящим дипломом и распределением. Вы вряд ли удивитесь, что запрос на меня тоже отозвали. Место в Институте хирургии отдали другому претенденту. Вы – нет, а я, наивный дурак, был потрясён, не верил



своим глазам, взбеленился, побежал объясняться. Нечего говорить, что мне ничего и не подумали объяснять.

«В Институте приняли другое решение, для которого были серьёзные основания. Нам очень жаль!»

Вы понимаете, им очень жаль, только и всего!

Профессор, который руку жал, меня не принял. Я обивал разные пороги, всё пытался добиться справедливости, пока однажды учёный секретарь института – немолодая серьёзная дама в строгом платье с седеющими волосами, не сказала мне многозначительно и сочувственно.

– Молодой человек, Вы можете и впредь ходить сюда каждый день – это ни к чему не приведет.

– Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, – гневно выговорил я. И услышал.

– Решение – окончательное! Огромная разница, мой голубчик. И вот решение, принятое вовсе не нами, это окончательное решение по Вашему делу. А мы не в силах ничего изменить.

И до меня вдруг сразу дошло, что это правда. Наверно, я побледнел, потому что она вскочила, усадила меня на стул и предложила выпить воды.

– Послушайте, – сказала эта женщина совсем мягко и по-домашнему, – не принимайте это так близко к сердцу. Ваша жизнь только начинается. Всё двадцать раз ещё переменится! Да и они теперь не смеют, не то, что раньше..., – но тут она запнулась и прикусила язык.

Я тупо и покорно кивал. Благодарил. Опомнившись немного, встал и поплёлся к выходу, когда она негромко добавила.

– Вы, кажется, недавно женились? Я слышала, что Ваша жена тоже без пяти минут врач. Я знаю многих ваших выпускников. Как её зовут?

Удивляться или сердиться у меня не было сил. «Мою жену зовут Эрна Мухаммедшина», – вяло пробормотал я и вышел вон.

О моём прошлом Эрна почти ничего не знала. Но зато настоящее мы обсуждали постоянно. Нам казалось, у нас так много общего! И мы оба бессемейные, каждый по-своему, обделённые и одинокие, это очень ценили. Каждый день мы рассказывали друг другу всё подробно. С удовольствием обсуждали каждую мелочь. Но на этот раз я промолчал. Ни слова об истории с партией и секретарством не сказал жене. До сих пор не знаю, почему. Но потом так и пошло. Я сейчас думаю, может, если бы я с ней делился, вместе мы нашли бы выход... Однако, вышло, что я словно влез в старую кожу. Снова появилась часть, очень болезненная, моей жизни, которую следовало скрывать.

Время шло. Мы закончили образование. Начали работать каждый на своём месте. Оба были очень разочарованы. Эрна попала в урологию, куда совсем не хотела. Со мной вышло ещё хуже. Я загремел участковым врачом в районную поликлинику. По распределению надо было проработать три го-

да. Мечты о большой хирургии можно было забыть!

Всё это время нас иногда приглашали на Арбат. Ничего примечательного не случилось, но мы попривыкли, обменялись телефонами, а когда пошли на работу, то и служебными тоже. И однажды у меня в кабинете прозвенел звонок. Звонил Цаплин, который пожаловался, что повредил ногу. Он спускался на лыжах с горы и неловко упал. Открытый перелом со смещением. А лечащий врач просто коновал. Так не могу ли я...

Этот человек был мне неприятен. В его присутствии я испытывал тревожное, тягостное чувство бессилия. Жену свою я не умел защитить. Не знал, как себя вести. Я с удовольствием послал бы его к такой-то матери. Но отказать в помощи? Нет, этого тоже я не мог. «Ехать, так ехать!» — как сказал воробей в зубах у кошки. Значит, за дело.

Для меня это было совсем не трудно, устроить его к моим прежним учителям и консультантам, при моих-то ортопедических склонностях. Я так и поступил. И его, действительно, удачно починили, сволочь такую... Это потребовало времени. А выздоровев, он решил меня отблагодарить. Случилось так, что Кира уехала с делегацией в Питер, и он остался один. Ресторанов и кафе тогда было совсем немного, хороших — того меньше, и в них стояли очереди. Поэтому Цаплин раздобыл знаменитый армянский коньяк, купил того-сего на закуску, а на десерт торт «Птичье молоко» и пригласил меня к себе «посидеть». Причём, приглашая, что-то там такое

прогудел про настоящую мужскую компанию, которую ни с чем не сравнить!

– Я тебя зову без жены, – говорит, – ещё будут один-два сослуживца. Посидим, устроим мальчишник. В общем, жду!

Мне бы отказаться, но я опять не сумел. Я пришёл. И всё покатилося по накатанным рельсам. Два его приятеля были неглупые, симпатичные люди. Они, кстати, тоже притащили коньяк «Плиска» и домашнюю еду в подкрепление. Завязался общий разговор. Говорили в этот вечер почему-то много о путешествиях, о том, кто куда ездил, о Кольском полуострове, о Карелии. Ели и выпивали понемногу, но только коньяк. Поэтому постепенно все основательно набрались. Хозяин раскраснелся, его друзья разгорячились и заспорили о политике. И тогда Цаплин вдруг воздвигся, нагнул над столом и поднял тост.

Я хочу выпить за этого хорошего парня, который тут сидит. Он мне так помог! Я пью, за тебя, Гера! Я тебе тоже помогу, что б ты из-за бабы не пропал. У тебя всё впереди! По-ойдём, по-г-г-г-оворим!

И он потащил меня в другую комнату. Вернулись мы поздно, его сослуживцев уже не было. Цаплин задержался на кухне. Воспользовавшись этим, я выскочил за дверь и ушел. Только не домой.

Да, я тогда еще долго кружил по улицам. А когда вернулся, понял, что моя болезнь вернулась снова ко мне. Я снова

не мог ни есть, ни спать. В ушах у меня раздавался негромкий шмелиный гул. Но на этот раз я думал всё об одном и том же. В моей больной голове крутились проклятые Цаплинские слова.

Вот тут-то вскоре Эрна мне сказала, что у нас будет ребёнок. Я равнодушно ответил, что это совсем не ко времени. Она была изумлена и оскорблена. Я это понял, но сердце моё молчало. Любовь моя умерла вместе со способностью чувствовать что-нибудь вообще. Остался только страх. И единственное, чего мне хотелось, это бежать! Бежать? Куда?

Случайно знакомые молодые врачи рассказали, что в Афганистан нужны медики.

Кто-то спросил, берут ли штатских. И в ответ услышал, что да, берут, однако, какие мы штатские? Мы же лейтенанты! И верно, мы все были военнообязанные, и после института нам присвоили звания. Тут вдруг в полной темноте для меня что-то засветилось.

Сейчас трудно представить, как мы были связаны по рукам и ногам. Прописка. Распределение. Грошовая зарплата. Для того, чтобы изменить свою жизнь, человек без посторонней поддержки должен обладать определённой свободой. Но без прописки не возьмут на работу. А без работы не пропишут. И для каждого телодвижения нужны деньги, которых нет.

А армия? Это был шанс. Я явился в военкомат, поговорил и узнал, куда и как обратиться. Меня тут же взяли. Обещали

сделать полевым хирургом, а пока оформили инфекционистом. Особенно им понравилось, что я женат.

На Куприянова тяжело было смотреть. Он зажмурился. Лицо его посерело и сделалось землистым. Руки тряслись, и он начал странно прерывисто дышать.

Надо будет немедленно по окончании разговора узнать, как у него со здоровьем, подумал Сеница.

А сейчас следовало продолжать. Он задал вопрос, но ответа не получил. Тогда он снова его повторил.

– Георгий Антонович, Вы мне не сказали... – начал он, как вдруг тот очнулся.

– Что? Как это – не сказал? Ведь я битый час рассказываю проклятую историю!

– Нет! Вы не сказали, что узнали от Цаплина. Ведь все эти события имеют какое-то объяснение?

– Господи, а ведь я и сам до сих пор не знаю..., – пробормотал Георгий. – Да нет, не пугайтесь. Попробую объяснить, – тряхнув головой, сказал он. – Мерзавец Цаплин, тот, трясясь от злости, принялся рассказывать вот что. Он женился на Кире и об этом нисколько не жалеет. Она красавица, и он от неё без ума. Но эта чёртова девка Эрнэ загубила ему карьеру. Как только ей исполнилось шестнадцать, его вызвали в отдел кадров, где сидели свои, а также один незнакомый важный человек, и спросили, что это за девочка растёт у него в семье? Он объяснил: мол, падчерица. Ему намекнули, что она тёмного происхождения. Что советскому

горному инженеру не к лицу такое родство. Теперь освобо-  
дилась должность начальника отдела. Они хотели... Но нет.  
С такой дочкой!

Я талдычу: не дочка мне она! Её папаша давно отдал кон-  
цы, я его и в глаза не видел! А парторг и начальник перво-  
го отдела Мушко переглядываются, плечами пожимают. И  
Мушко сквозь зубы тянет: «Подумать только, наш старший  
инженер Цаплин допуск имеет к такой стратегически важной  
информации! Месторождения редкоземельных руд! Придётся  
изменить направление вашей работы, товарищ Цаплин! Я  
допуск теперь не подпишу».

Больше меня не повышали. Не давали перспективной ин-  
тересной работы. Через два года я не выдержал и уволился.  
Эрна уже с нами не жила. Я так надеялся, что всё кончилось.  
Ан, нет! Поехали мы раз в командировку на горную разра-  
ботку. Начальство шахты устроило нам банкет. И вот: да что,  
прямо как сегодня было! Выпили хорошенько, а мой дирек-  
тор и говорит.

– Семён, инженер ты толковый, мужик справный, и как ты  
та-а-аким людям на мозоль наступить умудрился? Хотел те-  
бе деньжонок подбросить, повышение даже намечалось. Да  
не могу!

– Ядрён корень, -говорю, – Степан Иваныч, каким таким  
людям?

– Об этом, -отвечает,– не спрашивай. Всё равно не скажу.

– Так хоть объясните, что я такого сделал? Ничего ж не понимаю!

А он ещё рюмку хлопнул, усы вытер и губы поджал.

– Я сам мало что понимаю, но дочка у тебя лицом не вышла. В чём дело, тебе видней. Антисоветчица она, с иностранцами якшается или что?

– Не дочка она мне, – только я тогда и сказал.

Тут Цаплин вскочил и стал гундосить, что мне желает добра. Он не знает, может отец у Эрны был не наш человек, или она сама диссидентка. Кире он, мол, ничего не сказал. Довольно, что она дочку обратно в дом не тянула. Саму Киру, кстати, сроду с делегациями за рубеж не пускали! Другие ездили, а она нет! Ну а ему, Цаплину, каждое лыко стало в строку. Вечно начальство искало на него компромат. Ему не давали жизни из-за Эрны. Если я не хочу того же, я должен от неё скорее удрать, как от чумы!

## **19. История Павла Мухаммедшина**

– Нет, похоже, это не Куприянов, – Петр обдумывал свои впечатления от встречи с Георгием Антоновичем и расхаживал по комнате, порою думая вслух.

Надо поискать в другом месте. А может, все же пациенты? Все-таки, этот последний герой, он же пациент – чем не кандидат в страшные мстители? Почему я знаю, ревновала его



Эрна на самом деле или нет ко второй жене? А если да, так ее ревность и его уязвленное мужское самолюбие – раз! Теперешняя его любовь к молодой женщине, годящейся ему в дочери на фоне полового бессилия – два! Это ли не мотивы! Ну, алиби. Вникнуть как следует, а вдруг он куда хитрей, чем нам показалось. Почитаю-ка я еще раз отчеты моих ребят, может, что найду.

Ну хорошо, теперь о другом. Куприянов горит желанием помочь. Дело разрастается, разветвляется, так что его деньги не помешают. Сейчас Володька придет, покумекаем вместе. О, у меня идея! На улице погода промозглая. А для такого случая нет лучше ананасного грогу! И трубку достану. Табак этот из Испании душистый. И просто попижонить приятно, и запах умопомрачительный.

Синица достал из шкафчика белый Ямайский ром, ананасный сироп, коричневый сахар, фарфоровую коробочку со специями и задумался.

А может, лучше пунш? Молочный или обычный. Лимоны у меня есть. Нет, помниться, Расторгуеву нравился больше ананасный.

В столовой на втором этаже агентства немножко пахло дымком от печки. «Воду для особых случаев» Ирбисовцы привозили в канистре из Звенигорода, где у них имелся удобный летний домик. Вода была ключевая. И Петр с удовольствием налил ее в чайник. Он извлек чашу для грога, глиняные кружки, замурлыкал «Правь Британия» и принял-

ся за дело. Когда через четверть часа явился озябший Рас-  
торгуев, встреченный тетей Мусей и отправленный в столо-  
вую с тарелкой горячих бутербродов, там уже разлился непо-  
вторимый экзотический аромат. Володя расплылся в доволь-  
ной улыбке, потер руки и тоже принялся хозяйничать. И то-  
гда Синица занялся своей трубкой. Это тоже была его люби-  
мая игрушка. Вернее, одна из нескольких игрушек. Они со  
временем только прибавлялись. И он сам охотно над собой  
подсмеивался. Другое дело, что шуток от посторонних на эту  
тему явственно не любил.

– Ну что, Петро, как ты смотришь теперь на наше дело?  
Какой диагноз -легкое переедание или запор? От версий зар-  
ябило в глазах! -полюбопытствовал гость.

– Французский след – только один из многих. Причем, не  
ясно, с какого боку пришит.

– В самом деле, ревность и оскорбленная любовь отсюда  
и оттуда. Не поздно ли? Тыщу лет спустя? – с сомнением  
отозвался Синица.

– О, давность не всегда препятствие. Возьми, к примеру,  
твоего воскресшего из мертвых. Этого Куприянова. Сколь-  
ко лет стукнуло сыну Паше? Вроде, двадцать пять? А поди  
ж ты, внезапно возникает отец, чтобы заключить сыночка в  
объятия. Скажи, ты ему веришь? – Володя поднял горячую  
кружку, стукнул ею о Синицинскую, сделал хороший глоток  
и закричал. – Ух, молодец, Петруха! Я тебе у приятеля сво-  
его закажу. Нет, впрочем, пусть лучше будет сюрприз.

– Тебе смешно, бродяга! А я безотцовщина. Я с Пашкой Мухаммедом отцами махнул бы не глядя. Мой так и умер без родственных объятий. Пусть перед смертью меня и вспомнил на свой манер, – буркнул Синица в ответ. – Ну, не важно! – он махнул рукой, раскурил свою вересковую трубку с латунным колечком и окутался клубами дыма.

Володя удивленно покосился на него, но ничего не сказал.

– А что касается Куприянова. Послушай, я сейчас тебе изложу. Очень полезно вслух проговорить свои соображения. В общем так. Все, что он рассказывал и что поддается проверке, подтвердилось. Я тут же отрядил гонцов в архивы. И тут у нас, и в Киев, ясное дело. Я сам видел его документы. И эти старые альбомы с фотографиями. Я не мальчик, имею опыт с бумажками. Они подлинные. Но это даже не главное.

Его я тоже сам выслушал. И пока он говорил, мне ни разу, ни единой секунды не казалось, что мужик врет. На жалость давит. Даже приукрашивает немного. А я на Петровке разного наслушался.

Идем дальше. Георгий выглядел в своей фамильной истории хреново. Он это хорошо понимал и не пытался оправдываться. И я считаю, что все это по отдельности достаточно убедительно.

Синица замолчал и вопросительно поглядел на Володю Расторгуева

– Ну вот. Я закончил. А ты что скажешь?

И я скажу – убедительно. Не придерешься! Но ровно до

того места, пока он тебе о прошлом рассказывает. Смотри! Пускай, все эт- о, без всякого Якова, так и было, как он живописует. Но он для них и от них -Эрны и ее сына – залег на дно. А почему сейчас вдруг появился на горизонте? Вдруг у него есть свой интерес, но просто мы пока не знаем, какой? И может, это он Эрну для чего-то и похитил, а потом потерял? Может, у него подруга ревнивая? Может...

– Хорошо, Володька, я понял. Я буду Куприянова дальше проверять. Он хочет сотрудничать. Стремиться своего сына...

– Вот кстати, Петр Андреевич. Хотел я тебя давно спросить. Что с этим сыном? – перебил Петра Володя. – Нам Сева сказал, что он в больнице. Что он в бессознательном состоянии. Его новоявленный отец тоже начал с того, что Паша, мол, тяжело болен, на его посредничество пока нельзя рассчитывать. Одно, вроде, второе подтверждает. С другой стороны... Мы взяли и им поверили. Ты знаешь вообще, что с парнем произошло?

– Мне Сева про этого Мухаммеда подробно рассказал. А Куприянов сведения собирал. Он утверждает, что когда решился с сыном поговорить, узнал, что тот в Базеле в больнице. С тех пор туда звонит его переводчик и через день докладывает ему. Тебе как – тоже подробно или покороче?

– Конечно, подробно! Он еще спрашивает! Только давай еще немного подогреем этот нектар, а, Петрусь? Видишь, я совсем обнаглел. И это я еще у тебя на договоре. А если бы

«на постоянной основе»?

Синица расхохотался. Он поставил чашу с грогом на спиртовку, пододвинул к себе кружки, взял в руки большой серебряный половник и уселся поудобнее.

– Как пар пойдет, запахнет сильнее, я тебе сразу налью. А теперь слушай. У Паши Мухаммедшина вот что получилось.

Паша учился в университете хорошо, но с ленцой. И это позволяло ему чувствовать себя вполне по-свойски среди ребят. Отличников и очень прилежных студенты часто не жалуют, особенно на родных российских просторах. Излишнее трудолюбие у нас сроду не почиталось.

Он начал подрабатывать с третьего курса. Давал уроки английского и делал переводы. Английский и немецкий он знал «на шесть». Паша отличался от многих своих ровесников тем, что свободно с хорошим произношением владел разговорной речью. Люди, имевшие совсем другие возможности в сравнении с его матерью, платили колоссальные деньги за обучение детей языкам, но достигали куда более скромных результатов. Их дети учились у наших преподавателей. А Эр-на, ценой невероятных усилий, добилась того, что сын ходил в школу при британском посольстве. Поэтому мальчик вскоре заговорил на английском как одноклассники. А язык Гете и Гейне усвоил от Гельмута Шике, уроженца города Кельна. Русским Шике не владел поначалу совсем. Одной из причин эксцентричного решения молодого германиста отправиться

в Москву было желание выучиться языку Ивана Бунина и Федора Достоевского.

Паша умел писать деловые письма. Его произношение отличалось от однокурсников как небо от земли. Поэтому на последних курсах профессора стали обращаться к нему за помощью при работе в интернациональных проектах. И толковый студент быстро стал незаменим. Ему и в подметки не годились обычные переводчики. Он стал «специалистом с языком».

– Паш, пошли, – говорил ему правовед Геннадий Игоревич, – у меня, пока ты болел, была девушка из Иняза. К языку никаких претензий. Вести себя умеет. Все при ней – контрагенты от нее глаз не могли отвести. Вещь совсем не лишняя при переговорах. Но, к несчастью, ее контакты с таможенным правом ограничиваются количеством сигарет, которое можно беспошлинно через границу перевозить. Вот ты не знаешь, небось?

– Я не курю, Геннадий Игоревич, – смеялся Паша.

– И правильно делаешь! Курить не надо. Надо грамотно пообщаться. Приехали двое из «Дойче банк». Вернее, они представляют его интересы. Им нужен здесь посредник. И я очень не прочь. Ну, я тебе по дороге подробно расскажу. Побегали. Ты уж маржу с моржами не перепутаешь.

Так он поближе сошелся со своими менторами с ведущей кафедры. Через некоторое время Мухаммедшин мимоходом заметил, что просто переводить ему уже неинтересно. Намек

был услышан, он получил вскоре содержательное задание по профилю и выполнил его успешно. За первым последовали другие.

Когда пришла пора защищать диплом и думать о своей дальнейшей судьбе, Павел Мухаммедшин имел уже несколько предложений и мог выбирать себе рабочее место.

Он и выбрал: филиал крупного банка с отличной репутацией, при котором набирали целевую группу из молодых ребят. Они должны были через два года спроектировать Технопарк. Паша получил контракт как раз на два года и уехал в город Базель, полный надежд и грандиозных планов на будущее.

У него совсем не было опыта жизни в одиночку. Он никогда не искал себе жилья даже в родной Москве. Паша жил с мамой и никакого другого дома представить себе не мог. Теперь следовало снять квартиру, купить мебель и заботиться о себе каждый день самому. Но его встретили на вокзале. И когда нет языкового барьера, а деньги, и, кстати, весьма приличные деньги, наоборот есть. Словом, все устроилось очень быстро.

Сначала он поселился в трехкомнатной квартире, снимавшейся на паях студентами. А через несколько месяцев Кристина Ленбах, тридцатилетняя Пашина начальница, присоветовала ему агентство. Там поглядели на свидетельство о зарплате, на место работы, и меблированная квартира тут же нашлась. Тут, правда, Пашу поджидала неприятная нежиз-

данность. Ему пришлось уплатить залог, на случай порчи хозяйского имущества, да еще посреднику за услуги. Первую сумму, правда, обещали вернуть до копейки, если он покинет квартиру в целости и сохранности. Но, как уже упоминалось, деньги были. Мало того! Банк сообщил, что он может рассчитывать на кредит.

Паша подумал немного и, на первую удочку не попался. Нет! Никаких кредитов. Он зарабатывает достаточно. Ему, если не особенно расслабляться, хватит на все без долгов. И что же? Действительно хватило.

Вообще, все здорово складывалось. На работе Мухаммеду было интересно, народ собрался вполне адекватный и симпатичный. А после работы он ходил в клуб – послушать музыку, потанцевать и потрепаться с новыми приятелями, которые у него вскоре появились. Еще он увлекся греблей. Рейн, мощным потоком струящийся через город, предоставил для этого неограниченные возможности.

Маме Паша изредка позванивал, а то СМС-ки посылал: «все в порядке, мол, не волнуйся». А Эрна не любила «навязываться», как она говорила. И хоть обижалась, когда он подолгу не появлялся, но страдала молча. Эрна Александровна разве только осторожно пыталась поспрашивать Севу Польских. И тот уж, совсем не похожий на Сашу рубаха-парень, подробно и охотно рассказывал «про Пашкино житье». Сам Сева звонил своему другу регулярно, вовсе не стесняясь и не задумываясь. Дозвонившись, он, бывало, весело орал.



– Павлуш! Здорово! Как жизнь? Что, своя квартира? Хорошо! А отсекаешь уже? Как, нет? Быть не может! Еще тачкой не обзавелся? Нет, ты подробно давай. Ну и... Да, про эту девочку. Да не про ту, что на «диско». А что? Зажигаешь, все-таки, значит. А с кем? Э нет, ты не уклоняйся. Я с тебя не слезу, ты меня знаешь. Клево, сто пудов!

В ту пятницу Сева тоже позвонил Паше вечером домой. Потом еще раз. А потом на мобильный. Прошло пару дней, и его старый школьный друг отозвался сам. Он говорил очень тихим, слабым голосом с большими паузами.

Паша посмеивался про себя, если Сева и прочие приятели, оставшиеся в Москве, расспрашивали его о работе.

Парни явно ожидают, что я сижу в стеклянной башне за огромным антикварным столом. Вокруг пальмы. На полу толстые красные ковры. Внизу охрана. Мой босс разъезжает на лимузине с шофером и любовницей, а я – тоже на лимузине, но поменьше – его сопровождаю. Словом, все как в дурацком кинофильме.

Пашина начальница Кристина на работу ездила на велосипеде. Так же поступали многие другие из их команды. Один программист, правда, приезжал в инвалидном кресле с мотором, напоминавшем открытый автомобильчик. Он был веселый, жизнерадостный живчик и отличный специалист. Кто-то пользовался и машинами. Но эти были в меньшинстве.

Сам Паша добирался пешком, так как вся его длинная дорога занимала аж целых четверть часа. Он шел мимо особнячков с садиками, стоящих отдельно или объединенных в целую гроздь. Потом вдоль бульвара с фонтаном и цветущими пестрыми клумбами. И, миновав супермаркет, почту и пару ресторанчиков и кафе, оказывался около трехэтажного дома с коричневой крышей, внутренним двором и аккуратным подъездом, отделанным изразцами и полированным металлом. Так выглядел вход для посетителей. Одни заходили в предбанник с банкоматами и другими устройствами для операций, не требующих участия человека. Другие шли дальше в приемный зал с вопросами, бумагами и наличными. Там около открытой стойки работали четыре сотрудника. Они выдавали, принимали и меняли деньги. Они же открывали и закрывали счета, консультировали и оформляли финансовые распоряжения. В глубине помещения сидело еще несколько человек. А за стенкой располагались кабинеты. Там имелась и приемная для клиентов, что хотели бы побеседовать конфиденциально. Ковров в ней не наблюдалось, но тропические растения имелись. Одно из них, кстати, называлось «денежное дерево». Толстенькие листочки этого отличного экземпляра *Crassula ovata* при свете отливали темно-зеленым. Оно вымахало почти на метр. И, понятно, вызывало суеверные шутки.

Пашина группа помещалась на втором этаже. Он шел через служебный вход со двора, взбегал по лестнице и оказы-

вался в просторном помещении, где рабочие столы с компьютерами, канцелярские серые шкафы и полки составляли почти всю спартанскую обстановку.

Стол Мухаммедшина стоял у окна. На стене рядом висел календарь с красной квадратной меткой в виде окошечка. И в его обязанности входило каждый день ее передвигать. Поэтому соседка Инге спросила с утра именно Мухаммедшина.

– Пол, какое сегодня число?

– Вторник, двенадцатое, – ответил он, скосив направо глаза.

– Ах так. Осталось, значит, целых два дня. Ребята, у меня именины. Я вас всех приглашаю к себе на пятницу. Я хотела раньше сказать, но только вчера стало окончательно ясно, что мои уезжают в отпуск. И мы можем устроиться у родителей. Там большая терраса, сад и вообще удобно. Куда лучше, чем в баре. Ну как?

Публика с энтузиазмом отозвалась, и все быстро договорились. Было решено, что сама Инге в этот день возьмет выходной. А остальные явятся после работы. В пятницу они кончали пораньше.

И сослуживцы всей группой отправились в гости. Все, кроме Паши, которому пришлось задержаться. Он получил неожиданно новые данные, изменения в проекте от заказчиков. Их следовало срочно обработать и послать обратно в Женеву.

Как полагается, когда ты спешишь, так компьютер барах-

лит, зависает интернет и голосит телефон. Словом, когда он, наконец, освободился и присоединился к компании, вечеринка была в самом разгаре.

Погода стояла пасмурная. Было тепло, но моросил мелкий дождь, и уже стемнело. Под большим навесом на террасе жарилось мясо всех сортов. Оно шипело, угли светились, и плыл восхитительно вкусный аромат. На деревянном столе рядом располагались большущие глубокие и плоские керамические и стеклянные блюда с салатами и закусками. А на другом напитки на любой вкус. Вся компания с аппетитом ела пила и балагурила.

На вечеринке собралось человек двадцать. Паша из них знал примерно половину. Он чувствовал себя вполне свободно и охотно подсел к столу, поняв, что здорово голоден. Когда к нему подлетела Инге, его рот был полон горячим свежим жарким, которое он запивал красным вином.

– Пол, вот и ты! Я уже беспокоилась, куда ты делся. Ну, теперь мы все в сборе. Поешь спокойно, а потом приходи к нам. Мы танцуем внизу. А если хочешь поиграть в карты, то мои двоюродные братья со своими подружками собрались в столовой сразиться в покер. Но лучше к нам!

Она чмокнула его в щеку и убежала. А Паша, утолив первый голод, осмотрелся. Гости болтали, смешивали коктейли, слушали музыку. Кто-то целовался в сторонке. Он подумал, и спустился в подвальный этаж. Там звучала другая музыка, погромче, горели свечи, и стоял сладковатый характерный

запах марихуаны. Он присоединился к танцующим, к общему оживлению, смеху и болтовне и плохо помнил потом, как прошли следующие несколько часов.

Но вдруг зазвонили где-то куранты, и раздались тяжелые удары маятника. Кто-то выключил музыку, стало тихо. И тут же раздался голос брата Инге, Свена.

– Парни! Двенадцать. Я приготовил подарок, как обещал. Жребий!

Все дружно загомонили: «Жребий, жребий!» Паша особенно не вслушивался и не вникал. Он устал. Выпито было уже немало. В голове шумело. Но когда ему протянули красную лакированную коробочку со свернутыми бумажками, послушно вытянул одну. А потом взглянул на свою соседку. Они танцевали вместе последние минут тридцать, но он никак не мог сообразить, как ее зовут.

– Слушай, а что теперь?

– Ты разверни! Я уже посмотрела. У меня пустой номер. А у тебя? Ох, ну давай я!

И она выхватила Пашин «жребий» и разгладила на ладонке. Там оказалось только одно слово «выигрыш», обведенное красной светящейся краской.

– О, тебе страшно повезло! – выдохнула она и тут же его куда-то поволокла. – Пошли скорее, Свен тебе даст. Это чистый кокаин отличного качества! Ты выиграл и еще трое, Свен очень щедрый, он никогда не.

И все. Больше Паша ничего не помнил. Очнулся он

в больнице в тяжелом состоянии острого наркотического отравления. С трудом осознав, где он находится, молодой человек постепенно сумел собраться с мыслями.

Пестрая мозаика из рассказов навещавших его сослуживцев и обрывков своих разрозненных ощущений сложилась так.

«Жребий» разыграли, «счастливчики» получили свой кокаиновый коктейль и ничтоже сумняшеся, его употребили. Как провели время остальные трое в наркотическом бреду, он никогда не узнал. «Дури» было не так много, чтобы отдать концы. И потому ни с кем другим ничего рокового не случилось. По крайней мере, в этот раз – нет. Но вот у Мухаммеда. Это называлась еще – идиосинкразия. Полная непереносимость зелья! Пашин организм взял, да и отказал.

Он бы умер. Как там сказала длинноногая подружка хозяйки Инге? Страшно повезло? Ему чудовищно повезло! Сильно подгулявшие его приятели могли не заметить, что с ним такое стряслось. На его счастье, он упал у всех на глазах. И поэтому они тут же спохватились и вызвали скорую помощь.

В реанимации Паша пришел в себя, однако, ему становилось с течением времени не лучше, а хуже и хуже. И врачи, посоветовавшись, решили, что ничего другого не остается, кроме как ввести пациента в состояние искусственной комы.

– Видишь, Володька, – продолжал рассказывать Петр, – этот непутевый Паша нашему Севе позвонил и объяснил си-

туацию. Они решили Эрне пока не говорить, что случилось. Как можно дольше голову морочить. Сочинили какую-то басню про поездку в горы, откуда можно только по электронной почте общаться. Там же Альпы! Потом «отправили» его в командировку в Арабские эмираты. Новый перспективный заказ, де, от арабских шейхов в обстановке полнейшей секретности! Никаких внешних контактов!

Сева взялся Эрне писать от имени ее огольца и получал ответы. Он сам звонит в Пашину больницу, с тех пор как тот находится в коме. Паша специально оставил для этого распоряжение. Кстати, это конфиденциальная информация. Требуется согласие пациента, чтобы узнать подробности. А посему Куприяновский переводчик был очень скупко проинформирован сначала. Ну а потом эти ушлые ребята нашли какие-то ходы и в Швейцарии.

Володя задумчиво выслушал Синицу, побарабанил пальцами по столу и подытожил.

– Так значит, их двух независимых источников мы получили идентичную информацию. Но я бы проверил...

– Так мы и сделаем. Только я склонен самым активным образом работать по следу «французского отца». Отец он или не отец, этот летчик? Как его найти? Знала сама Мухаммедшина о своем происхождении? И тут, видишь ли, не хватает. Она от меня пока ускользает, Эрна эта. Я не о чем другом не забыл. Мы уже много чего знаем. И все же я все время ищу. Знаешь что? Попробуем-ка все вместе о ней по-

говорить. Авось, это меня подтолкнет. Устроим «бурю и натиск», коллективный прорыв!

## **20. Коллективный прорыв**

Синица – веселый, энергичный, порою шумный, а порою молчаливый и задумчивый владелец и директор агентства «Ирбис» на ветер слов не бросал. Не прошло и трех дней, как он и впрямь пригласил заинтересованных лиц, которые могли бы пролить свет на характер и судьбу исчезнувшей без следа Эрны Мухаммедшиной.

– Я Вас всех собрал, чтобы попробовать из мозаики сложить если не всю картину, то хотя бы контур, – начал Петр после дежурных приветствий. – У меня в последнее время ощущение, что я хожу совсем рядом. Не хватает пустяка. Может, ключевого слова, краски, черты характера Эрны или события из её жизни. Тогда я пойму, наконец, в чём соль.

Эрну Александровну похитили. Тело не обнаружено. Что до меня, так я уверен – она жива. А если так, у нас две главных возможности. Первая – просто её найти. И вторая – вычислить и прижать к стенке неизвестного врага! Для того и другого необходимо понять, кому и почему она мешала. И это стратегическая задача. Но у меня есть и тактическая. Я до сих пор толком не знаю, что Эрна за птица. Чего-то основного не чувствую.

Поэтому, пожалуйста, сначала Анита. Попробуй в двух



словах. Сильные и слабые стороны?

Синица обвел взглядом своих слушателей, усевшихся вокруг стола в «Ирбисе», и обратился к хозяйке «Мечты». Легкий гомон смолк. Собравшиеся устремили глаза на него. А Таубе кивнула головой.

– Хорошо образованна, начитана и умна. Очень способная. Свободно говорит на трех языках. Порядочный, бескорыстный человек, всегда готовый прийти на помощь. Но скована, обидчива и очень ранима. Скорее печальна, чем весела. Совсем не умеет бороться за место под солнцем и поэтому её вечно все обходят на поворотах. – Уверенно и с некоторой досадой проговорила Анита.

– Значит, при конфликте интересов она своему противнику...

– Уступит, без сомнения! И покинет поле битвы. А заливать раны уползёт в свою норку.

В голосе Таубе слышалось нескрываемое раздражение.

– А Вы такого же мнения или нет? – обратился Пётр к Северцевой, проявлявшей признаки нетерпения.

– Я во многом согласна, и в то же время у меня такое чувство, словно это говорят о ком-то другом. Эрна – милый, добрый человек. Этим многие пользуются...

– Деньги одолжит? – быстро спросил Пётр.

– А Вы как думали? Да она однажды, когда я попала в переделку, а у нее не нашлось наличных, собрала все свои скромные украшения, сложила в пакетик и мне вручила. За-

ложи, говорит, в ломбард!

Ольга Северцева всхлипнула и махнула рукой. Но Синица не дал ей отвлечься.

– Представьте себе, пожалуйста, что у Вас свидание. Вам надо встретиться наедине, но негде. Можно к ней с этим обратиться? Или она такого не поймёт, а то и расскажет Вашему мужу?

– То есть как это: «у меня свидание»? Вы что, собственно, хотите сказать? – возмутилась Ольга.

Но тут почти в унисон вступила Анита.

– Всё Эрна прекрасно поймёт, Петя, не сомневайся, проверено! И никогда не откажет. – Решительно заявила Таубе. В ответ раздался дружный хохот, а Анита слегка порозовела.

– Хорошо, спасибо. Теперь мужчины. Я хочу сначала спросить бывшего мужа Эрны Александровны. Георгий Антонович, у Вас были раньше хорошие отношения, не так ли? А как она себя повела, когда Вы к ней остыли? А потом покинули?

– Вы знаете, очень сдержанно! – задумчиво проговорил тот. Я тогда в тяжелой депрессии находился, как я Вам рассказывал. Был молод, неопытен. Все это ни с чем и ни с кем не мог сравнить. Но теперь понимаю. Она... никаких сцен, или там, скандалов... даже ни о чём не спросила и ничего не попросила. А ведь ребёнка ждала и была совсем одна. Совершенно!

– Итак, Эрна Мухаммедшина умеет держать себя в руках.

Она даже в настоящей беде молчит, сжав зубы. Из тех, что никогда голоса не повышают, – уточнил Сеница.

– Нет, почему? – возразил Эдик. – Эрна Александровна может отбрить, если надо! И сердится она здорово иногда. Бранных слов, правда, не употребляет, но гаркнуть как следует на сестру или практиканта – это без проблем. Я тоже иногда получал, когда ляпну пациенту что-то не по делу или опоздаю.

– Глеб, Вы не возражаете, если я Вас спрошу об личных отношениях с Эрной?

Обернулся Сеница к Ерофееву.

– Теперь, когда даже моя жена, и та в курсе дела, какие уж тут секреты, – пожал плечами гематолог, – спрашивайте!

– Когда Вы с Эрной познакомились, Вы тоже были женаты. Она знала об этом?

– Прекрасно знала.

– И её это не смущало?

– Абсолютно. Она никогда не просила меня развестись. По-моему, ей это и в голову нет приходило. Но и никаких мук совести из-за моей жены и детей я тоже не замечал.

– А как Вам кажется, Глеб, могло у неё быть два романа одновременно? И Вы, кстати, Георгий, это и к Вам вопрос. Как Вы думаете?

Мужчины озадаченно замычали, поглядели друг на друга, собрались что-то сказать, но их опередила Анита.

– Запросто могло быть у неё два романа! Хоть она к таким

вещам не стремилась. Никакой развращённостью не отличалась. И Петя -предвижу твой вопрос – не была беспринципным человеком.

– Безусловно! – в один голос воскликнули Северцева и Эдик.

– Стоп, стоп, стоп! – заинтересованный Сеница сдвинул брови и обратился к Аните.

– Так объясни! Она человек не беспринципный...

– Наоборот, принципиальный! – сердито бросил Эдик.

– И не развращённый!

– Развращённость? Да что там, просто лёгкое отношение, такое, знаете: «дай пять, пойдём переспать!» Это было совершенно не в её духе, -включился «бывший муж», глянул на Глеба, в поисках поддержки, и немедленно её получил.

– Я тоже так думаю. Я же, в конце концов, не мальчик и вижу, с кем имею дело! – напористо начал он и тут же осёкся, покосившись на Марину.

– Анита, – повторил Пётр, – ты объяснишь?

– Я попробую, – медленно ответила та. – Знаете, многие, очень многие испытывают сильные чувства, даже страсти, но к чему? К деньгам! К имуществу! Честолюбие одно чего стоит... Вот это всё и верно, было не про неё. Но она любила! Любовь занимала в её внутренней жизни колоссальное место. Я имею в виду – любовь к мужчине. Лучше даже сказать, ожидание любви мужчины. А других привязанностей, не забудьте, у неё не было, кроме Паши, конечно.

Но и эта сторона жизни не хотела складываться. За примером ходить недалеко – здесь сидит Георгий. А что потом? Потом было немало хорошего, да только всегда чего-то не хватало.

Если б в жизни Эрны возник действительно подходящий человек, она ни о ком другом и думать не стала б! Вышла замуж и была б счастлива. Но встретив кого-то очередного – женатого, с готовностью затевающего с ней роман, его семью она не считала своей проблемой. Нет, она думала, это касается только его самого.

Анита немного помолчала. А потом тряхнула головой и свела брови.

– Я сказала – в отношении к ней этих людей непременно чего-то не хватало. А как же иначе? Ни с кем из них настоящей пары у ней не вышло. И опять за примером ходить недалеко. Тут сидит Глеб, он ушёл от семьи к своей Марине, когда, правда, её полюбил.

– Ну, а теперь не трудно понять, что, имея далёкие от идеальных отношения с кем-то одним, можно – не намеренно, а случайно – завести себе и другие. Почему Вас это так удивляет? Мариночка, Вы меня, ради бога, извините. У Вас всё иначе. Но возьмите прежнюю жизнь того же Глеба! Он же раньше...

– Анита, я тебе очень благодарен. Давайте подведём итоги! – поторопился сменить тему Пётр Синица.

– Слушайте, Пётр Андреевич, Вы как будто хотите непре-

менно найти у Эрны какие-то изъяны! – с обидой сказала Ольга, а Эдик поддержал.

– И я тоже хотел об этом. Человек в беде, а мы роемся в её личной жизни в поисках... чего? Гнильцы? Пороков? Как-то непорядочно. Она не монашка и не робот. Если захочешь, всегда что-нибудь найдёшь.

– Вполне понимаю Ваши чувства, только это неизбежная часть нашей работы. Искать шероховатости, слабые места, сложные отношения и конфликты. Странность какую-то! Мы идём по одному следу, да он пока очень неясный. И посему я буду, простите за банальность, как доктор, делать больно, так как иначе не вылечить. Кто-то из Вас должен подтвердить или опровергнуть мои предположения. Навести на новую мысль.

Очень серьёзно, без улыбки ответил Пётр. И продолжил.

– Должен ли я считать, что Эрна Александровна – человек противоречивый? Кусочек от одной цельной натуры, кусочек от другой. Такое лоскутное одеяло, коллаж, инкрустация из золота, слоновой кости и перламутра...

– Подождите! – Георгий встал и нахмурил брови. – Поймите! Как Вы сказали? Почему – из золота? Из серебра! Эмаль и серебро, а вокруг камешки такие! Ну да!

– Простите, не понял. Какие камешки? Георгий, дорогой, Вы это о чём?

– Я просто всех хотел немножко отвлечь и переключить. Образ придумал.

– Слушайте, если Вы серьёзно, то... хорошо, я согласен на серебро! – на этот раз заулыбался Пётр. Однако быстро понял, что собеседник, волнуясь не на шутку, пытается что-то вспомнить. Поэтому, когда народ вокруг зашумел и захихикал, Пётр возвысил голос.

– Пожалуйста, тише. Прошу минуту внимания. Георгий?

– Пётр Андреевич! Мы всё ищем, за что бы зацепиться. И мне вдруг пришло в голову – одна единственная странная штука у Эрны, правда, была. Не знаю, ценная или нет, но очень старая безделушка. Такой овальный небольшой медальон. Он открывался, а в нём...

– Портрет? – ахнул Олег Майский.

– Инициалы или имя? Ну не прядь же волос? – воскликнул Пётр и потряс Георгия нетерпеливо за плечи.

– Нет! Я не знаю, как Вам и описать. Там был изображён какой-то зверёк. Я хорошо помню, что серебряный на синем эмалевом поле. И у него почему-то крылья за спиной.

– А камешки?

– А камешки по краю внутри. У меня зрительная память хорошая. Я их помню. Меленькие такие. И имя мастера еще мельче. Она её берегла, эту вещицу. Но никогда не рассказывала мне, почему.

– Старинная безделушка и камешки... Но Ольга сказала, что Эрна все... все! свои драгоценности отдала ей.

– А Вы? Вы их, правда, заложили в ломбард? – обратился Пётр к Северцевой.

– Я даже боюсь спросить, выкупили Вы их, или нет?

– Ох, этого нам не удалось, хоть там было не так много.

Это тогда благодарные пациенты стали ей дарить. Денег она не брала. Так некоторые со слезами умоляли. Но...

– Что-о-о?

– Она их хранила в шкатулке. Вот я и говорю, взяла она шкатулку и ссыпала всё в мешочек...

– И медальон? – заорал Синица.

– Нет. Он, было, зацепился за золотой браслет. Тогда она медальон освободила и снова опустила в шкатулку. Шкатулочка такая, обтянутая цветной кожей и вышитая бисером.

– Ре-бя-та! – с расстановкой сказал шеф «Ирбиса». – Теперь только бы дожить до того момента, пока я долечу до квартиры Мухаммедшиной. Эта шкатулка в целости и сохранности стоит в левом верхнем ящике комода. А там несколько значков, закладочки кожаные сувенирные для книг и две-три потемневшие безделушки. Я их видел. Я его подержал в руках, этот медальон!

## **21. Мучения свободного выбора. Заключение специалиста**

– Мария Тимофеевна, не беспокойтесь. Вы же всё приготовили. Я их покормлю, когда шеф придёт. Идите! Вам же ещё пирог печь. И отдохните завтра хорошенько.

Уговаривала Луша тётю Мусю, которая суетилась, не ре-



шаясь оставить своё хозяйство, и всё что-то поправляла и улаживала.

– Верно, Мусенька, отправляйтесь. Погода отвратительная, скользко, пока до дома доберётесь, пока согреетесь! – поддержал её Олег. – Вы нам послезавтра в целости и сохранности нужны. И не забудьте, на этот раз мы готовим. Уж не взыщите, если что не так. Придётся терпеть. Ну-ка давайте я за Вами поухаживаю! – и он, не слушая возражений, подал тёте Мусе пальто и вежливо, но решительно выпроводил её за дверь.

За окном гудела и выла непогода. Падал снег, дул пронзительный ветер, обледеневшие ветки деревьев стучали в стёкла. Олег с усилием закрыл форточку, и она грохнула словно пушечный выстрел.

– Олег Николаевич, я думаю, печка уже протопилась. Только я всегда боюсь, слишком рано или слишком поздно заслонку задвинуть. Вы говорите, надо поглядеть на угли – нет ли там голубого огня?

– Я закрою. Всё равно для тебя слишком высоко. Тебе придётся на стул становиться. А то, пошли вместе посмотрим, если хочешь. Она кивнула, и они вдвоём подошли к печке, облицованной изразцами. Майский отворил чугунную дверцу. Дрова прогорели, и угли светились тёмно-красным светом.

Смотри, пламени уже нет. Можно закрывать. Если подождать ещё, тепло уйдёт. Но немного раньше ты бы увидела

слабые голубые огоньки. Их очень опасно не углядеть. Закроешь с ними, в комнату пойдёт угарный газ без цвета и запаха. Можно запросто отдать концы. Так что, если сомневаешься, лучше подожди. Упустишь тепло, так включим отопление. У нас же печка для удовольствия. Ну хорошо, а теперь покажи твоих зверей.

Олег и Луша не зря дружно спроваживали пораньше тётю Мусю. Назавтра у неё был день рождения и, соответственно, выходной. А через день Ирбисовская капелла, или, как выразился Олег, «вся наша маленькая кодла» собиралась отпраздновать это событие в семейно-производственном домашнем кругу. Ожидался ещё Володя Расторгуев.

Было решено, что каждый приготовит своё фирменное блюдо. Пётр и Луша в этом смысле на себя не очень рассчитывали. И посему в хорошем ресторане всё же для страховки заказали парадный обед. Самой имениннице строго-настро-го запретили жарить и шкварить. Но главным гвоздём программы на этот раз была вовсе не еда. Для Марии Тимофеевны готовился необычный и грандиозный сюрприз.

– Пойдёмте, Олег Николаевич. Я всё время боялась, что они размяукаются и она услышит. И вообще случится что-то непредвиденное. Но слава богу, обошлось. Правда, хозяйка фирмы меня уверяли, что всё будет в порядке. Клетки удобные, животные хорошо накормлены. Мы выберем, а в девять часов минута в минуту они позвонят у наших дверей и остальных заберут.

– А мы не отдадим! – засмеялся Олег.

– Ой, что Вы! Куда нам столько кошек? Да мы с Вами их не так уж и любим.

– Это верно. Из семейства кошачьих я предпочитаю герпардов. Петя, ясное дело, снежных барсов, а ты...

– А я... Нет, я, знаете, если что-нибудь такое совсем мохнатое или бархатное, я не против. Но лучше, всё-таки, Лорд.

– Луш, а ты уверена, что Муся хочет кошку? У нас столько животных. И потом, а если ей понадобится куда уехать?

– Тогда мы поможем. Она очень хочет, но сказать стесняется. Вы понимаете, она читает эти дурацкие модные журналы. «Русский Вог», например. На рассказы о молодых вертихвостках она внимания не обращает. Но вот одна солидная дама ей там понравилась. А та любит породистых кошек! И начала наша тётя Муся размышлять.

Мало ли какие игрушки бывают у богатых! Люди платят сумасшедшие деньги за яхты. Для чего ей яхта? Совсем не нужна! Вилла на берегу моря ей тоже без надобности. У неё есть домик в деревне. Колечко или там часы ей шеф всегда подарит. А вот кошку? Ох, кошку, нет! Даже и сказать неудобно.

И ей пришло в голову, что породистая, действительно дорогая кошка – вот это не для неё! Чудно, но она расстроилась ужасно. А я наябедничала Петру Андреевичу.

– Ну, остальное понятно. Пётр, как услышал, сразу сказал... А что он, кстати, сказал? – поинтересовался Майский.

– Пётр Андреевич сначала слегка поиздевался. Редкая кошка, говорит, это банально. Если уж покупать экзотического зверя, то не стоит мелочиться. Тигр крупноват? Не беда. Заведём леопарда или пантеру. Потом, заметив мимоходом, что на удава он всё-таки не согласен, смилостивился. Скомандовал «подготовить вопрос всесторонне» и выбрать экземпляр, достойный нашей золотой тётки Муси!

– И ты подготовилась, почитала литературу, а потом сходила в зоомагазин.

– Вы только их, ради бога, «зоомагазином» не называйте. Они обидятся. Они фирма «Домашние любимцы». Я сначала, действительно, почитала. Оказывается, существует пятьдесят кошачьих рас! Попробуй, выбери из такого множества... Одни – природные, другие – гибридные. Специалисты по разведению их получили и управляют дальнейшим размножением. Интересно, Вы знаете какие-нибудь?

– Расы... У собак и лошадей мы говорим о породах, а у кошек? Впрочем, фиг с ним. Каких я знаю? О! Сибирских, сиамских и.. да, ещё персидских. Вот, пожалуй, и всё.

– Я тоже была не дальше Вашего. Сибирскими, правда, пушистых пёстрых кошек только у нас зовут. А два других названия вполне признанные.

Я у этих «Любимцев» насчитала двенадцать выставочных животных. Других можно заказать по каталогам. Я решила сразу исключить только персидских! От них отчего-то требуется редуцированный нос. В конце концов, вместо обыч-

ного кошачьего выпуклого носишки получилась впадина. И зверёк часто не может нормально дышать. А вообще, одни названия прочитаешь – заслушаешься! «Саванна», «Святая Бирма», «Абиссинская», «Бенгальская», «Норвежская дикая кошка»! У меня глаза разбежались. Цены, Олег Николаевич, тоже такие, что одна я не решилась выбрать.

– И что, ты, небось, Пете позвонила?

– Я-то позвонила, это не удивительно. А вот как они договорились, такого я совсем не ожидала. Фирма принадлежит мужу и жене. Жена с шефом переговорила, он ей банковские реквизиты назвал, она ноутбук включила, поколдовала немного и мне сказала: «Выберите, пожалуйста, трёх котят, которые Вам больше всех нравятся. Мой муж отвезёт их к Вам в Агентство. Ваш шеф и Вы на них посмотрите без спешки, а в девять вечера мы заедем за остальными.

– Лушка! – Олег вскочил с места и потёр руки. – Показывай скорее! Что же ты сразу не сказала! Это ж совсем другое дело. Прелесть какая. Трое маленьких котят!

– Олег Николаевич... видите ли, их, собственно, пять! Мы пошли в «разведение» – у них специальное помещение с боксами, термостатами и вольерами. И я не удержалась, просто не могла остановиться, такие все малыши чудесные.

– Ты хочешь сказать, что хозяева и на это согласились? Без предоплаты доставить к нам пять дорогуших зверюшек? – изумился Олег.

– Я там всё ахала и охала. А муж-владелец мне говорит:

«Берите, не стесняйтесь. Нам сразу показалось, что мы о вашем «Ирбисе» что-то слышали. А как Вы фамилию «Синица» назвали, так стало ясно. Это он распутал историю с «Орловскими рысаками». Мы – те, что животными всерьез занимаются, друг друга знаем.

– Класс! Петруша может гордиться. А вот, кстати, и он сам. Здравствуй, начальник! Ты сначала поужинаешь, а потом будем выбирать домашнее животное, или наоборот? О, ты сияешь и заливаешься соловьем? Синица пел. Негромким, но невозможно фальшивым голосом он растягивал слова и отбивал ритм невесть откуда взявшейся линейкой. «Мее-е-да-да, – услышали Олег и Луша, – меда – да – да! А – нет? Медаданетнет!»

Вокальными данными Петр Андреевич явно не мог гордиться. Музыкальным слухом еще того меньше. Последний у Синицы блистал своим отсутствием. Он об этом смутно догадывался. Но петь любил. Соратники же в свою очередь любили Петра. А посему терпели. Хотя Луша, умевшая играть на всем, что звучит, молча страдала. Поклонник классической музыки Олег иногда позволял себе осторожную иронию.

– Всем привет! Я поел, спасибо. Пошли смотреть. Мне тоже не терпится. Маленькие, конечно, все симпатичные. Сейчас начнутся мучения свободного выбора.

Петр прервал свою арию ненадолго, но скоро снова принялся за старое и уже почти не умолкал. Между тем, он раз-

делся и вместе со своими помощниками поспешил в комнату, куда поставили клетки.

Это были серые пластмассовые ящики с прорезями, забранные спереди решёткой, числом пять штук. Они стояли на полу, а из двух раздавалось жалобное мяуканье.

– Смотрите, Пётр Андреевич, они нам даже ёмкость для демонстрации привезли, – Луша с гордым видом указала на прямоугольное сооружение. Оно стояло тут же и напоминало складной детский манеж, обтянутый мелкоячеистой сеткой. – Туда можно выпускать...

– Диких зверей! – дополнил Пётр. – А давай, правда, выпустим кого-нибудь. Отсюда не убежишь.

Луша подошла к первому ящику, и он запищал погромче. Она подняла его, поставила в манеж и открыла дверцу.

– Слушай, Петь, ты когда-нибудь видел жёлтых котов? – удивился Олег, глядя на гладкошерстного котёнка с длинными торчащими ушками, осторожно выбравшегося на свободу.

– Это абиссинка. Она редкая, совершенно необычная. Я сама таких никогда не видела.

– Я тоже, – Синица не особенно одобрительно глянул на зверька. – Знаешь, рыжие и пушистые мне нравятся, а этот...

– Я поняла, давайте сразу второго.

– Я тебе помогу! – Олег отправил котёнка в клетку и выпустил другого. Он выскочил резво, поднял хвост и бодро завопил.

– О, совсем другое дело. Спинка пёстрая, а животик и лапки белые. И пушистый. Как он называется?

– Это не он, а она. Девушку зовут – «Норвежская дикая кошка». Кошки, кстати, дороже котов.

– Какая несправедливость! – возмутился Пётр. – А котик симпатичный. Но знаешь, выглядит довольно заурядно. Знаток, наверно, разберётся, а для меня он сибирячёрк, как сибирячёрк. За такие деньги мы можем ожидать что-то особенное.

– Ну что ж, у нас тут ещё пёстрая «саванна», и её так не назовёшь. Так давайте сразу глянем на белых.

– Стоп! Я тоже хочу поиграть. Я сам выпущу следующего тигра! Пётр отправил кандидата, не выдержавшего конкурса, назад, а сам открыл предпоследнюю клетку.

В ней было тихо. Никакого мяуканья. Прошла минута – никто не появился. Тогда он поставил серый ящик на попа, и из него выкатился белый клубочек.

Луша сняла с себя кожаный ремешок, опустила в манеж и пошевелила на манер мышки с ниткой. Клубочек развернулся, у него обнаружился коричневый нос, такие же лапки с ушками, и голубые глаза. Не теряя не секунды, он вцепился в игрушку и принялся за ней носиться как угорелый.

– Прошу любить да жаловать! – провозгласила Луша тоном конферансье.

– «Британская короткошёрстная» к вашим услугам. Этот! – с энтузиазмом в один голос вскричали её коллеги.



Этого берём, белый медвежонок! – восхитился Олег.

– Да ещё с шоколадом, – поддержал его шеф.

– Хорошо, как скажете, «гражданин начальник», – согласилась девушка.

– Но давайте всё-таки и последнего посмотрим. Это девочка. Я выпущу? И она открыла решётчатую дверку. Понюхал тихий шорох. Сначала показался розовый носик и понюхал воздух, потом лапка, за ней другая. А потом появилось белое облачко нежнейшего пуха. Лапки у облачка были тоже белые, хвост серый, а глаза голубые.

– Ох, это что же за одуванчик? Лукерья Арнольдовна, тырываешь моё нежное сердце! – простонал Синица. – Как теперь выбирать? Пусть и не одуванчик, но похоже.

– Это – «Святая Бирма». Понравилась?

– Она ещё спрашивает!

– Это, голуби вы мои, называется – «конфликт хорошего с лучшим». Но вы оба по молодости такой изящной формулировки, естественно, не слыхали, – съехидничал Олег.

– Если вы не можете прийти к общему мнению...

– Почему – «вы»? Мы!

– Не придирайся, Петя. Давайте голосовать. Какую из двух белых оставляем?

– Вот что. Подкинем монетку! Решка будет означать «Бирму», орёл – «Англичанку», – предложила Луша.

Олег достал из кармана кошелёк, нашёл гривенник и подбросил. Он подскочил, покатился, покрутился и, наконец,

упал. Ирбисовцы дружно наклонились и с глухим стуком стукнулись лбами.

Пока Луша хихикала, а Олег чертыхался, их начальник ухватил котенка, засунул бесцеремонно его себе за пазуху и уселся на пол на ковер.

– Я к кошкам совершенно индифферентно отношусь, – заявил он.

– Оно и видно, – прокомментировала Костина.

– А ты не перебивай старших, я еще не кончил! Но в нашем исключительном случае я принимаю волевое решение. Коллектив, я вижу, деморализован полностью. Разлагающее иностранное влияние налицо. Все эти Бирмы, Норвежские и Англичанки. Есть над чем подумать! Но мы нанесем контрудар! Мы интегрируем враждебных особей, и тем самым, нейтрализуем. Причем, немедленно. Девочку, как более дорогую, мы подарим тете Мусе, а мальчика... Оставим себе! Я еще не решил – как, но оставим.

– Усыновим, в общем! – констатировал Олег.

– Ага, тетя Муся эту, значит, «уматерит», а мы усыновим пушистого одуванчика. Вот только кто? – хмыкнул он, бросив взгляд на своего начальника. Но услышал опять только „меда-да-а-а, данетда-а-а!“».

Это было уже слишком даже для кроткого Майского. И он собрался воспротивиться безобразию, а заодно и узнать, что означает Синицинская абракадабра, как вдруг зазвонил, висевший на стене телефон. Петр запнулся. Луша, получив

передышку, потихоньку перекрестилась. А ее рыжий работодатель снял трубку.

– Агентство „Ирбис», слушаю Вас! Ах, Феликс Генрихович, здравствуйте. Я не решался Вам сам надоедать. Но жду Вашего звонка с большим нетерпением.

В трубке в ответ зарокотало. Собеседник Петра говорил громко и уверенно. И по мере того, как тот слушал, его физиономия явственно вытягивалась. Сияющая мина сошла на нет и уступила выражению горького разочарования.

– Извините, а Вы не могли оши... Я хочу сказать, Вы точно не сомневаетесь, что... – попробовал вежливо возразить он. Но был прерван. И тут, увидав, что его сотрудники невольно вытянули шеи, вслушиваясь в непонятный разговор, Синица включил громкую связь.

– Петруша, мой молодой друг, я рад бы ошибиться. Вы же знаете, кто я такой и кем были мой отец, и дед и прадед! Да что там, не хочу я трясти дворянскими грамотами, это безвкусно и смешно. Я не вчерашний секретарь райкома, копающий клады и выращивающий родословные деревья на ворованные деньги. Поэтому можете мне поверить. Это не герб! Я зубы на этом съел. Я даже знаю, что это такое. Изображение в медальоне смысл имеет, да не тот!

– Не герб. А я-то ни минуты не сомневался! Послушайте, но всякие диковинные звери, насколько я знаю, характерны именно для гербов. Или я не прав? Вы, ради бога, не обижайтесь. Я понимаю, что ничего в этом всерьез не смыслю. Про-

сто для нас очень важно было бы установить, чей это герб. Я так надеялся. В самом деле, ну почему тогда изображение этого, этой химеры помещено в медальон? Его берегли, передали дочери, как памятную ценную вещь...

– Петруша, я сейчас очень тороплюсь. У стариков всегда полно неотложных дел. Давайте позже вернемся к этому разговору, если Вам интересно. Химера – это не герб стопроцентно. А теперь позвольте откланяться.

Петр грустно распрощался. Раздались короткие гудки. Следом запищал котенок. Ему надоело сидеть, и он завозился и запросился наружу.

– Петр Андреевич, не расстраивайтесь, пожалуйста! – попросила Луша, забирая у шефа зверька, чтобы посадить в клетку и покормить. – Вы же сами всегда говорите, что если все слишком хорошо, разгадывается слишком легко, то жди подвоха. Я так поняла, что специалист освидетельствовал наш медальон. И установил, что это не герб. Ну так что же? Давайте сейчас немножко про завтрашний день рождения лучше поговорим. Как мы наш презент преподнесем, когда и где?

– Точно, не будем заикливаться на неудачных новостях, – поддержал ее Майский.

Синица вздохнул, улыбнулся и кивнул.

– Спасибо, ребята. Я, правда, разнюнился. Все так хорошо выстраивалось! В Кириной переписке ясно сказано, что летчик -дворянин. Затем они приехали жениться в Эльзас, а там

не просто особняк, а замок! И вдруг выплывает медальон с дивным зверем! Напрашивался ответ, что это герб. Но – нет так нет. Проживем как-нибудь и без герба.

– Слушай, а ты заметил, что Феликс, этот твой геральдический зубр, хочет что-то еще рассказать про химеру? – спросил Олег. – Может, это будет полезно?

– Я старика обязательно выслушаю. Просто из уважения к его знаниям и сединам. Да и самому интересно. А вот полезно... Думаю, нет, раз это не герб. Ладно, – махнул он рукой, – пошли наверх. Пора готовиться. И наших двух тигров захватим. А остальных пусть владельцы забирают. Они за-собирались, выключили свет и двинулись уже к выходу из комнаты, когда Олег повернулся и спросил.

– Петь, а что ты пел такое чудное? Мадама, мода или монета?

– Нет, как-то по-другому, – поправила Луша. – Да-нет, да-да!

– Эх, Вы! Шерлок Холмс нас как учил? Внимательность, внимательность и еще раз внимательность! Я ни о чем, кроме дела, думать не мог. Вот и мычал: ме-да. Медальон, то есть! Медальон – да, или медальон – нет. Сокращенно, конечно.

– Прости великодушно. Где же нам успеть за полетом высокой начальственной мысли. А краткость, как известно.

Договорить Олегу не удалось, поскольку за начальственной мыслью последовал начальственный же чувствительный тычок в бок. Луша укоризненно посмотрела на обоих, пока-

чала головой, и все трое скрылись за дверью, выходящей на лестницу.

## 22. Расторгуев выходит на след Эрны

Время шло, а расследование исчезновения Эрны не двигалось. Ирбисовцы работали, они перепроверили разные возможные варианты. Трясли Севу Польских, пытаясь нащупать еще какой-нибудь неучтенный до сих пор мотив. Связались с клиникой в Базеле и убедились, что Павел Мухаммедшин действительно находится там. Собрали материал, который лишний раз подтвердил, что бывший муж Куприянов рассказывает о себе чистую правду. Попробовали при молчаливом неодобрении Майского уличить Северцеву, но проверка ее «на вшивость» потерпела фиаско. И против всякой оперативной логики этому обрадовался не только проникшийся к ней доверием Олег, но и его друзья.

В среду с утра в агентстве сидел только один Синица. Он подчищал хвосты по текущим и законченным делам. А все остальные разбежались по заданиям. Даже тетя Муся ушла за покупками и увела с собой Лорда прогуляться. Петр заканчивал свою часть отчета по делу о «Крестовоздвиженском кладе византийских монет». Поэтому, когда зазвонил телефон сначала в приемной, а потом на его столе в кабинете, он недовольно поморщился. Не хотелось отрываться от работы, которую следовало непременно закончить до вечера.

Но как только прозвучали первые слова абонента, его морщины разгладились. И «начальник конторы» пришел в свое обычное хорошее расположение духа.

– Привет. Это я – Петр Первый и единственный в моем королевстве! -расплылся он.

– Ну да. Ты откуда? А, заходи, конечно. Ясное дело всегда лучше... А сейчас где? Порядок, это значит минут через десять. Я жду. Поговорив в таком телеграфном стиле немного, Петр положил трубку, выключил ноутбук и ушел на кухню.

Он решил сварить кофе и выпить по чашечке с ожидавшимся вскоре Володей Расторгуевым, который не замедлил появиться в назначенное время. Петр пожал ему руку, предложил раздеться и усадил за стол.

– Володька! Судя по твоей довольной хитрой физиономии, ты идешь по свежему следу. Или росомаха даже уже в капкане?

– Начальник, у тебя сравнения такие рискованные. Это сейчас не модно. Тебя Гринписовцы тут же злым врагом заклеят. Капкан! Зверюшек надо любить! Ты, может, еще меховую шапку носишь?

– Ох, и ты туда же! Росомаха, между прочим, очень опасное животное. Нашел зверюшку! Что касается шапки... А как же – есть отличная шапка. Даже две. Одна канадская, лисья, такая с длинным козырьком и ушами. Они наверху завязываются. А другая.

– Да знаем, ты у нас известный пижон, – захихикал Рас-

торгуев, – сразу купился, я и не ожидал. Ладно, извини, не заводись. У меня очень интересные новости. Если в двух словах, то я нашел ход в «Сапсане» и добыл «языка».

Язык – стажер из подмосковного Редкино, Коля, не был допущен в «Сапсане» к настоящим секретам. Он служил там мальчиком на посылках, работал на разъездной машине, затыкал дырки на мелких акциях и держал ушки на макушке. Начальству он определенно не глянулся. В штат его брать не спешили. И когда представилась возможность срубить большие деньги, Коля не устоял. Тут еще и обида сыграла свою роль, задетое самолюбие.

«Метла» – такой кабак, дорогой, солидный, третий поворот налево после окружной. С хорошей сытной едой без глупостей. Поросенка молочного там запекают целиком и подают с моченой брусникой. Так я нам заказал для начала, для разгона осетринки, копченого угря, грибов маринованных и черемши.

Ну, Колька этот хлопнул сразу рюмки три перцовки, а я попридержал его и веско так посоветовал: «Ты вот что, поешь сначала!»

Петя, он нужен был мне не тверезый, но еще с головой. Я ж не знаю, как он пьет. Вот и руководил, – объяснял, посмеиваясь, Володя.

Они сидели в «Ведьме на метле» уже часа три. Расторгуев сплел легенду, убедительно напустил туману. Представил-



ся он Анатолием Степанычем Дахно. Впрочем, вскоре милостиво позволил Толиком себя называть.

Николай поросенку обрадовался, как малое дитя. Поел. Захмелел в меру. Выдул четверть, не замечая, что собутыльник свою рюмку поднимать поднимает, но почти не пьет. Его глаза сузились. На лице появилось выражение злой решимости, и он начал.

– Толик, я у них год отбарабанил. И меня все завтраками кормили: подожди, походи пока в учениках. А глядь, одного нового сразу взяли. Ну что тут скажешь – бывший ОМОН. Другой пришел – опять берут сразу, потому – боксер и десантник. Ладно, я терпел. А я тоже не пальцем деланный. Самбо занимался – раз, отслужил – два, в милиции поработал.

– Ишь ты, и милиции даже, а кем? – не удержался Расторгуев.

– Да в этой – ГИДД по ДТ – язык парня слушался не особенно хорошо.

Но Володя сразу успокоился. Он «эту» для себя все еще называл «ГАИ». А «язык» продолжил.

– Но тут, Толя, один из наших старперов приходит однажды к шефу и просит за своего брата. Тот прикатил в столицу из Нижневартовска и ищет работу. Хороший, говорит, парень, разрядник по биатлону, обстрелянный к тому же. В Чечне служил. А дома работы нет. Так что, возьмем?

– Лучше бы я этого не слышал. Я рядом стоял случайно,

отчет сдавал и получал новое задание. И вижу, как шеф, гад ползучий, ему кивает и басит, что пусть, мол, ездит на задания, сидит на «скамейке запасных» -это значит сзади в машине, когда бригаду на работу отправляют.

Осмотрится, мы тоже на него поглядим. А там – возьмем! Ох, ешкин кот! У меня в глазах потемнело. Опять смолчал! Но решил: все, уйду. А тут ты откуда ни возьмись.

Слушай теперь. Это было то самое задание. Я почему уверен: как раз диспетчер заболел. И я его заменял. Диспетчер, он только машины отправляет. Держит с ними связь, и все. Ему ничего важного не говорят. Но все совпало. Я сам эту машину отправлял. Как раз туда. Поехал этот самый старпер, его звать Генкой. И братана прихватил. Да тут еще напарник его – сказать, даже не поверишь! Корь подхватил. Сынишка заболел у него – и ничего. А он, взрослый бугай, в детстве этой холеры не перенес, так загремел в больницу. А я диспетчер, сечешь? Я все знаю. И про больницу, и про маршрут. Ну, про само задание, только самый чуток. Там, надо, мол.

И замолчал. Тоже не просто: ссучится за деньги. Раньше не проходило. Он молчит – я тоже молчу. Не самая приятная часть моей работы. Я тогда попросил, что б нам коньячку принесли. Графинчик на столе появился, и я сам выпил. А следом кое-что пареньку разъяснил. Он же не знал, что на задании приключилось. А я с ребятами наперед переговорил. Помощь следствию предложил, и все такое. Они мне дали добро.

И вот мой Коля послушал и рот раскрыл. Он ничего про зарезанную не знал. Ну охнул, он, Коля этот, долго матерился, а потом раскололся.

Так вот. Задание было такое. Выследить женщину. Увезти ее на квартиру. Все. Больше ничего. И значит, как говорил герой одного популярного фильма: «Картина маслом» – никого убивать не приказывали.

– Володя, он тебе назвал имена?

– Назвал. Эти имена уже на Петровке. Там дальше события так развивались. Эрна у «Сапсана» проходила во внутренних переговорах как объект «Врач». Исполнители заказ выполнили. Они этот свой объект доставили на служебную квартиру. А на следующий день ее заказчик забрал. И на этом месте «Сапсан» свое дело завершил. И не просто ничего не знает, но знать не хочет!

– Это мне понятно. Не маленький. А что делает милиция с именами? Они нас не забудут?

– Нет, конечно. Ребята были благодарны. Они быстро выяснили, что «братаны» поступили так. Служивый в штате, «старпер» пришел к шефу и честно все рассказал. А его братец сразу ударился в бега. И тоже никто не знает и знать не хочет, куда. Его, сам понимаешь, в розыск объявили.

– Я думаю, найдут. Хозяин «Сапсана» так договорился, что их трогать не станут. А этого идиота-душегуба – в тюрьму.

– Постой. Так ты знаешь, выходит, что тогда с Раей. Как

и почему?

– Знаю, к сожалению. Очень просто и страшно. Кстати, ты оказался полностью прав. Эрна была у Кулешовой, чтобы с племянницей ее побеседовать. Та стеснялась приходить в консультацию. Она посидела и ушла, но забыла свои перчатки. Тебе об этом не рассказали, оперативную информацию берегли. А дальше так. Убивец из Нижневартовска был действительно с большим опытом. Тут можно уже о рефлексгах говорить. Он старшего своего сумел убедить, что должен отличиться. Очень хотелось поскорей в штат. Жениться, вроде, собирался. Знаешь, тоже жалко этого полудурка. Война из него сделала монстра. Он и подумать не успел, как. В общем, дело такое. Они Эрну выследили. Младший аккуратно в подъезде подождал. Вкатил ей препарат и повел вниз. Дом пустой, почти выселенный. Никто не ожидался. И вдруг Рая вниз летит – Эрна забыла перчатки. И видит странную сцену. Мужчина уводит ее Эрну, которая явно не в себе. Ну, он и убрал свидетельницу прежде даже, чем сообразил, что здесь тебе не Чечня. Очень так профессионально. Снес Раю в подвал, а клиентку Эрну отвел в машину. И брату ни гу-гу. Только потом, когда тот предложил шефу рассказать, что это он все так чисто проделал с «клиенткой», только тогда брат сообразил. Нет, говорит. Не стоит. Там небольшая неувязочка получилась.

– А что случилось со «старпером»?

– Вывели за штат за самоуправство. Думаю, вернут немно-

го погода. Думаю также, что «братан» недолго будет гулять. Он без связей. А покрывать его не хотят. На него всего полно имеется. Судебная перспектива отличная. А мы тоже своего не упустим.

– Спасибо, Вовчик, порадовал ты меня. Я, было, заскучал. Отличные новости. И хороший повод поторговаться. Когда и, если возьмут этого соловья, возможно, он сам немножко попоет. Или «Сапсан» в обмен на известную лояльность. Ну ты понимаешь, – довольно потер руки Петр. Расторгуев кивнул, а потом спросил в свою очередь

– Петь, как там с медальоном? Ты меня тогда заинтриговал. Что и говорить, с гербом расставаться жаль ужасно. Так бы все упростилось. Но меня еще любопытство заедает. Кто такой этот Феликс? И потом, может он ошибся, и это все-таки герб?

Синица вздохнул, покрутил головой, а потом отпер ящик стола и достал шкатулку из Эрниной квартиры.

– Вот он, медальон этот. А вот и зверь. Необыкновенный, искусно выполненный, внизу мастер имя свое поставил. Ты погляди на него. Я теперь знаю даже, как он называется. То есть, у него много имен. Но одно из наиболее распространенных довольно длинное: «Вольпертингер». Нет, брат, старик меня, к сожалению, убедил. Он сам дворянин из знатного, но давно обедневшего рода. Это были потомственные военные, служаки, и знатоки геральдики. А сам Феликс стал коллекционером. Он собирает орденские знаки, и я его однажды

выручил из беды. Нашел его украденный «Орден подвязки». Но речь не об этом. Для нас важно, собственно, что он зна-ток.

Теперь о медальоне. Это и правда, химера. Сказочный персонаж, такой Кот в сапогах. История сама по себе очень любопытная. Вот послушай.

Это началось в девятнадцатом веке в Германии. Препараторы, которых можно называть красивым словом «таксидермисты», а можно проще чучельниками, начали изготавливать для продажи диковинных зверей. Они попросту мастерили их из разных животных. Брали от одного мордочку, от другого – лапки, и пришпандоривали, когда крылья, когда рога или то и другое вместе. А затем втюхивали получившегося монстрика доверчивым путешественникам. Вот, мол, какие в наших палестинах удивительные звери живут! И со временем эти зайцы с крыльями и рогами, помеси волка и косули и прочие удивительные твари зажили своей жизнью. У них появились имена. О них сложились легенды.

Предполагают, что имя – Вольпертингер монстрик получил от одного стеклодува, который делал стаканчики для шнапса в форме таких химер. Мастер был родом из местечка с похожим названием. А легенды. Из них можно узнать, что Вольпертингеры – звери очень пугливые. Они питаются мелкими животными, но не брезгают травой и корешками. В Мюнхенском музее охоты вам сообщат, что Вольпертингер питается прусскими дураками! Но лучше всего рецепты

охоты на самого Вольпертингера. Оказывается, поймать его может только красивая девушка, которая в сумерках гуляет в сопровождении избранника своего сердца. Есть, правда, еще одна возможность. Насыпать соли на хвост.

Володя, внимательно рассматривавший старинную вещь, выслушал Синицу с неподдельным интересом. Он то посмеивался, то понимал удивленно брови, и наконец, расхохотался.

– Ох, не зря говорят – у России с Германией общего полно! Любимый отечественный рецепт! Надо нам тоже попытаться. Авось, словим монстрика, а за ним и. Стоп, хорошо, зверь – это не герб. Насколько я понял, и не домовой. Нет, а зачем они его хранили? Это что, амулет? А может, там есть двойное дно? Феликс – специалист по геральдике. Он разобрался, что это за зверек. Так не пригласить ли теперь «старика-часовщика»? Ювелира, например. Или ты к французскому следу несколько поостыл?

– Ничего подобного! Наоборот, мне стало еще интересней.

– Тогда, если соль тебя не вдохновляет, ищи красивую девушку, и за дело!

Синица, склонившийся тоже над медальоном, хмурился и задумчиво вертел его в руках. Но при последних словах Расторгуева он неожиданно оживился.

– Красивую девушку, говоришь? А что, это неплохая мысль! И он, к удивлению собеседника, повернулся и быст-

ро вышел. Слышно было, как хлопнула дверь кабинета, запиликал телефон, и Петр с кем-то заговорил. Через несколько минут он вернулся, и, отвечая на удивленный взгляд Володи, сообщил.

– Ты знаешь, красивая девушка сказала «да»!

## 23. Дневник Синицы

«Мы не могли прийти к согласию. Бесспорно, что Эрна не «тот самый» ребёнок. Она много моложе. По словам Куприянова, Киру за границу больше не пускали. Эрна родилась, когда её мать была замужем за Мухаммедшиным. Кто-то из ребят кричал, раз она – Эрна, то, точно, дочь француза Эрнста. Другой ему возражал, что можно же назвать дочь в память своей любви. Имя, мол, ничего не доказывает! Действительно не доказывает...

Раздобыли фотографии актёра. Эрна на него абсолютно не похожа. А это вообще смешно, говорят противники версии французского отца. Она и на мать не похожа, что из того? В этот момент наш птенчик Лушенька совершенно трезво прощebetала, что у Киры мог быть ещё роман, а дочка от неизвестного, но вовсе не мужа-француза. И, надо признать, что – да! И это возможно! Однако муж – француз не давал мне покоя.

Я всё ломал голову, как мне найти этого человека. Как докопаться, кто он такой. В письмах было сказано, что его



зовут Эрнст, что он офицер, лётчик. Старше других по чину. Я подумал: вероятно, и по возрасту тоже.

Что ещё? Она пишет, он из Эльзаса. Я надеялся на дальнейшую переписку двух подруг. Но там больше не было никаких подробностей фактического свойства, одни переживания. Чистые эмоции. И недаром. Становилось всё опаснее. И всё понятней, что их отношения обречены.

Хорошо помню, как всё начиналось. Казалось, мы зашли в тупик. Все версии одна за другой рассыпаются в прах. И тут всплывает семейная тайна. Эрна – внебрачный ребёнок. Таинственный отец француз! Я сначала обрадовался ужасно. Решил пригласить специалиста, послать во Францию, самому туда двинуть! Не сразу сообразил, что данных ничтожно мало. А где взять остальные? Ну хорошо, я посадил одну девушку в архив. Пускай попробует выяснить, кто приезжал перед самой капитуляцией Германии в гости к нашим лётчикам и был принят в Эрниной Академии.

Она и по сию пору там. Куда к чёрту! Гиблое дело. Море бумаг. Надо найти иголку в стоге сена. Тоже мне происшествие – такой вот визит. Но можно себе представить, скажем, протокол особистов. Или донос. Это всё же союзники ещё, но в то же время проклятые капиталисты!

Да, так вот. Хоть мы посчитали и поняли, что Эрна не могла быть ребёнком, зачатым после свадьбы в Эльзасе, и энтузиазма у меня поубавилось, но чем дольше я этим делом занимался, тем больше мне казалось, что ключ к загадочному

исчезновению Эрны – её происхождение. И вдруг этот медальон! Я прискакал в квартиру Эрны как ошпаренный кот. Открыл шкатулку. Если Вы ожидаете, что медальона там не оказалось, то ошибаетесь. Лежал себе как миленький в бархатном мешочке. Овальный, плоский, потемневший от времени. И открылся сразу, как только я нажал на замочек. В нём не было никакого секрета. На белом с синим эмалевом щите я увидел серебряного зверька с птичьими крыльями.

В геральдике я ничего не понимаю. Но я сразу подумал, что это герб. Остальное будет делом техники. И я обратился к специалисту. Он, мой старый знакомый Феликс, настоящий знаток. И он, конечно, разберется. Да! И вот теперь мозаика сложится! Дворянин Эрнст из Эльзаса с таким гербом, которому могло быть в сорок пятом от тридцати пяти до пятидесяти – думаю, не старше – это уже уравнение с одним неизвестным.

Каково же было мое разочарование, когда оказалось, что это вовсе не герб! Монстрик или химера, изобретение ушлых чучельников позапрошлого века, а затем герой забавных легенд. Что мы с ним будем делать? И почему мать Эрны ей его подарила, а та хранила и никому не отдавала? Зверёк оказался куницей, за его спиной виднелись крылья филина, а когтистые его – или ее – лапы принадлежали горному орлу. Всё это пока вовсе не поддавалось расшифровке, если предположить, что шифр все-таки имелся.

Мы были разочарованы, как я уже говорил. Мы гадали,

как поступить. Володя Расторгуев предложил поискать ювелира или часовщика. Ведь это я решил, что странная безделушка без секрета. А вдруг он есть? В девятнадцатом веке еще любили такие вещи. Тайные отделения в секретере. Двойное дно. Скрытый механизм. А может, это вовсе не медальон? Нажмешь в нужном месте невидимую кнопку, и овальная серебряная вещица с крышечкой превратится.

Ни во что он не превратился, к сожалению. Другой знаток, любитель старинной механики и музейный работник, установил с беспощадной трезвостью, что и эта идея просто мыльный пузырь. Он даже сделал снимок в инфракрасных лучах. И нет! Медальон как медальон. Ну ничего! Крышечку откроешь, зверек – химера, Вольпертингер, внизу сигнатура. Фамилия мастера. Вот и все.

Понятно, даже с гербом это было бы все равно только начало! Вторая мировая война многое стёрла с лица земли. Сражения и бомбёжки, оккупация. Кстати, чья это тогда была территория? Ещё Германии или уже Франции? Или наоборот? Выяснил недавно, что Франция делится на департаменты. И столица нашего – Страсбург. И то слава богу.

Я понял, что ни хрена не помню. Ну, на это есть консультанты. Только плати.

Теперь, во всяком случае, это Франция».

Владелец Ирбиса сидел и описывал хронику актуального дела, которое все последнее время очень занимало его. Он

никогда и не пытался отделить свою частную жизнь от работы с тех пор, как завел себе агентство. Так, собственно, и было задумано. За дела, которые в Синицинскую концепцию не вписывались, он не брался. Однако. Чтобы не думалось ни о чем другом? Немного слишком. В конце концов, у него роман. И с этим романом, с его быстроглазой героиней.

Эти размышления прервал Олег, который устало выкатился из лаборатории, распространяя вокруг себя запах химических реактивов. Он плюхнулся рядом с шефом и сообщил.

– Петро, я одурел от этих клятых анализов. На сегодня хватит. Я у тебя немного посижу, не возражаешь? Хочется посмотреть на человеческую физиономию, а то одни дисплеи, зонды и счетчики. Кстати, о физиономиях. Кому отдадим приемыша? Он съест нам однажды попугая. Котишка очаровательный, ничего не скажешь. И Лорд на него не гавкает. Хотя, Лорд, если скомандуешь лично ты, с драконом готов целоваться, и ничего.

– Олег, да ты, никак, проверял? И кто же поработал драконом? -ослабился Петр. – Впрочем, ты прав. Надо что-то решать. Мы имени для него даже не выбрали. Все кот да кот. Попугаи, положим, сами его как бы ни съели. Они здоровые как бегемоты.

Начальник явно был не прочь потрепаться. Объект Олеговых забот при этом мирно свернулся у Петра на коленях и довольно мурчал. И почему не мурчать, если тебе, то че-

шут за ушком, то глядят пушистую спинку. А Лорд дремал на своем месте на подстилке около теплого изразцового бока печки. Когда вошел Майский, он даже не поднял головы.

– Знаешь, я думал как раз о своей даме сердца, – мечтательно добавил Синица. – У нее был дома зверь с характером. Она его все «серый изверг» называла. И однажды. Да ты знаешь!

– Как не знать! Наша Лушенька его снимала с трапедии и завоевала доверие хозяйки дома. А ты.

– А я бессовестно воспользовался плодами чужого труда. Кроме того, я втерся в доверие и, это. Совратил! Или нет. Лучше – развратил честную женщину и мать семейства!

Майский поупражнялся немного в этом духе, а потом сменил тон и озабоченно спросил. Петь, у вас что, серьезно?

– Жучище, я не знаю, мой дорогой! У нас пока очень здорово! Да ты не волнуйся. Анита – независимый человек. И в полном порядке во всех мыслимых отношениях.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать. И я, понятное дело, беспокоюсь прежде всего о тебе. Но ты собрался про ее серую скотинку рассказывать, а мы отвлеклись.

– Вот! Понимаешь ли, почил в бозе ее мучитель! Они поехали на машине за город и взяли его с собой. И там на стоянке кот сцепился с соседским доберманом. Никто не успел вмешаться, и дело кончилось плохо для обеих сторон. Но если доберман отделался только глубокими рваными ранами, то для его противника конец стал летальным. Отчаян-

ный был кот, рубака, не тем будь помянут. Все горюют.

– Так не подарить ли ей нашего котенка? Подумай, Петь, это тебе не банальный флакон духов. Неповторимый получится презент! Что теперь дарят дамам? Я как раз хочу сделать подарок моему другу. И я, пожалуй, выберу украшение. Какое, только. Последний раз я ему серьгу дарил. Знаешь, ее носят в одном ухе. Он...

Тут Майский взглянул на Синицу и осекся. Но Петр тут же встал, сделал шаг к нему навстречу и серьезно с расстановкой промолвил.

– Олег, бродяга! Я обижусь. Пожалуйста, не забудь, ты со мной можешь в любую секунду и в любой ситуации поговорить вообще о чем угодно! А уж о том, что подарить твоему другу помозгуем с особенным удовольствием. Ты знаешь, как я сам люблю делать подарки. А выбирать! Хочешь, вместе поедем, побродим по ювелирным? Ты подумай, сколько всяких разных возможностей. Булавка для галстука одна, а уже полно вариантов. Серебряная? Золотая? Можно и нарядную с камнем, или, наоборот, простой формы, но знаменитой фирмы. Сейчас модно. Хотя, постой, а что ты думаешь о браслете? Я видел интересные из черного серебра со вставками из белого золота. На Чистых прудах есть один магазин. Там итальянские поставщики. Тебе понравится. Я уж не говорю о кольцах! Отличные мужские кольца, такие со стилизованной печаткой, золотые или со шлифованным плоским камнем, агатом к примеру, а?

Майский под Синицинское воркование заметно расслабился. Он заулыбался.

– Ты просто златоуст, начальник! Тебя заслушаешься. У нас скоро круглая дата, три года вместе. Поэтому кольцо – вероятно, самая удачная мысль. Можно по внутренней стороне выгравировать дату и что-нибудь такое. Он мог бы носить кольцо с моей монограммой, а я – с его! Ты понимаешь с тех пор, как название фирмы сделалось важней самой вещи, его стали писать крупными буквами на чем угодно. Идет женщина в темных очках, а на стекле стразами, так, что видеть мешает, стоит «Гуччи» или «Армани». Терпеть этого не могу. Безвкусица. Другое дело – монограмма. Видишь, пока еще ручной труд ценился, мастер, тот же ювелир, где-нибудь ставил свое имя на изделии, но тактично, не броско. Вот возьми ты наш медальон, который «не герб». Это вещь сделана в конце девятнадцатого века на заказ. Штучная работа. И посему в самом низу стоит не просто клеймо, а.

Олег вдруг запнулся на полуслове и уставился на своего рыжего друга. Синица, усадивший котенка в корзинку на большом кожаном кресле, до сих пор беспечно прохаживался по кабинету. Но при последних словах коллеги он вдруг остановился и открыл рот. Выражение лица у него сделалось растерянное. Да что там, попросту глупое! Круглые глаза с пушистыми ресницами смотрели в одну точку, и он молчал. Спустя несколько секунд он выдавил.

– Штучная работа. И не просто клеймо. А что?

В ту же минуту друзья, не сговариваясь, бросились к сейфу. Петр дрожащими руками, торопясь и не попадая от волнения в нужные места, набрал код. Наконец, дверца открылась. Они извлекли медальон и открыли его крышку.

– Петя! Ну что я за клинический идиот! Добро бы я в этом совсем ничего не смыслил! Но я же люблю антикварные и просто старые вещи. Я мог бы заметить!

– А наши специалисты – что?

– Они как раз не при чем. Они отвечали на поставленные вопросы. Ведь мы как спрашивали – чей это герб? И получили исчерпывающий ответ – не герб это вовсе! И это, в самом деле, не герб.

Еще один мастер, знаток, какое имел задание? Он должен был нам ответить, а нет ли в медальоне секрета, двойного дна? И при этом, не разрушить вещицы, борони боже. Он тоже справился. И не ошибся – секрета нет! Ведь мы же не спрашивали их.

– Ты прав. Мы их не спрашивали, знают ли они ювелира, который сделал сам медальон. Это красивая, мастерски изготовленная вещь. Но ничего особенного. Нас вовсе не интересовало.

– Да, да! Нас не интересовало и не заставило усомниться это мелко, но отчетливо выгравированное имя. Ведь оно сделано как раз так, как ты описал. Тактично и не броско. В самом низу. Только два мелких камушка в начале и в конце надписи.



И только частица «де», которую трудно встретить в имени ювелира. Под Вольпертингером, под его орлиными когтями мелкими буквами было выгравировано имя. Петр пошарил в ящике стола и вытащил лупу. Он так волновался, что отдал ее Олегу. И тот прочел.

– Эрнестус Фердинанд Мария Гокар де Коссе.

## **24. Продолжение дневника. Семейный альбом де Коссе**

«И мы поехали. Я и... Ну, и кто Вы думали? Никто ни за что не догадается! (К кому это я, собственно, обращаюсь? А, не важно.) Анита Таубе! Кира и её мама познакомились студентками, поскольку обе учились на французском отделении иняза. И Аниту мама выучила языку Гюго и Мольера. Зачем мне было искать другого переводчика? В её турбюро наступил мёртвый сезон. Она оставила за себя заместителя и укатила со мной!

Время мы провели прекрасно, должен прямо сказать. Анита, мне кажется, с удовольствием прищемила хвост своему женолюбивому мужу. Она ему ещё и велела не забывать помогать сыну с близнецами. И объяснила, что для развития её бизнеса наша поездка – настоящая находка. Можно завязать контакты, да и неплохие деньги за перевод получить. И тот с кислой миной это проглотил. Трудно возражать таким аргументам, когда зарабатываешь в разы меньше жены!

Я вообще не жалею, не люблю канючить, что запросы, анализы, справки – да всё, что нужно для расследования, для работы добыть трудно, а главное, дорого. Я сделаю, что могу. Потом ещё немножко. Потом залезу в свой карман. Правда, на этом этапе начну себя уговаривать, что пора остановиться.

Нет, не совсем так. Кончатся, к примеру, сметные деньги. Тогда я доложу на СГ. Одобрят они еще расходы – хорошо! Нет – добавлю из зарплаты или процентов. В основной капитал я ещё пока не залезал.

Но на этот раз не требовалось ничего такого. «Бывший муж» предоставил в наше распоряжение «любые средства» – так он сказал. Я не стал уточнять, но он вручил мне кредитную карту Коммерцбанка. Лучше и желать невозможно.

После мелких и крупных неудач, тягомотины с разбирательством дрязг в «Асклепии», после разных других разочарований наш Эльзасский этап прошёл удивительно гладко. Не составило особого труда выяснить, кто такие де Коссе. Как только стало ясно, что они уроженцы Эльзаса мы укрепились в мнении, что стоим на верном пути. И хотя «Эрнст» оказался наследственным именем баронов де Коссе, которое всегда получал старший сын, примерный возраст помог быстро установить человека, что во вторую мировую был лёгчиком и приезжал в Москву.

Да, без особого труда и расходов узнали мы, кто это такой. Только он давно умер! Лётчик был старше Киры? Да он

годилась бы ей в отцы! Шутка ли – двадцать три года разницы... Как же теперь восстановить историю его жизни?

Вот уж когда потребовались деньги! Слава! богу торговли Меркурию -в них и впрямь не было недостатка».

Писал рыжий Петр Андреевич и ласково улыбался. Ему определенно нравилось вспоминать. И не мудрено.

Сквозь жалюзи пробивался утренний свет, проглянуло солнце. И тут побудку заиграл мобильный телефон. Сперва закукарекал петух, затем раздался звук альпийского рожка и, наконец, назойливо закуковала кукушка.

– Петя, просыпайся. Пора вставать, – пробормотала Ани-та, не открывая глаз. -До чего же у тебя удобное плечо. Заснуть у мужчины на плече – не фокус, но проснуться на этом же плече!

– Вот видишь, какой я уникальный. Ниточка, а почему – вставать? Ты куда?

Синица, плохо соображая со сна, обнял её и притянул к себе.

– Насчёт «вставать», собственно, я не против, и я почти...

– Прекрати, охальник! Ну... ну, хорошо, вот я тебя поцелую, и всё.

– Что это ты сопротивляешься?

– Нам надо быстренько собраться, позавтракать и спуститься в кафе. В девять прибудет «архивный юноша» мсье Ренье.

Она слегка отбивалась, а потом уступила и вскоре ответила с таким же пылом. Но через час оба всё-таки быстрым шагом вошли в кафе, расположенное на первом этаже отеля. Здесь, в отличие от ресторана, где подавался завтрак, была только кондитерская.

– Хочешь кофе? Ты там сок выпил, и всё.

– С удовольствием. Ты тоже будешь?

Анита кивнула. Они заказали два капучино.

– Как хорошо, что ничего не гремит. Сможем спокойно поговорить, - заметил Пётр.

– Нет поздно, вот и он, – шепнула Анита. Она привстала и приветственно махнула рукой мужчине лет тридцати в синих джинсах и вельветовом пиджаке, остановившемуся в дверях. Это было уже их второе свидание. Ренье был тот самый человек, что установил личность лётчика и его полное имя. А при первой встрече вручил Синице заверенную копию брачного свидетельства де Коссе и мадемуазель Киры Паскевич и записи о венчании в церковной книге.

Огюст Ренье болтал по-английски примерно так же, как Пётр, разве что с французским акцентом. Они вполне свободно общались. Но родной язык он явно предпочитал. Поэтому после взаимных приветствий и дежурных вежливостей Анита и Ренье склонились над бумагами, которые он принёс, и перешли на французский, а Синица раскрыл путеводитель. Они взяли машину на прокат и собирались поехать по окрестностям Кольмара.

Прошло некоторое время, пока Пётр намечал маршрут и думал, как здесь всё близко – Швейцария, Германия и Франция рядом. Если дела позволят, то хорошо бы... В Германию к маме он и так часто ездит, а вот в Цюрих или лучше, а вернее, ближе, в Базель? Базель – город музеев. Там богатейшее собрание живописи, Рейн, университет, которому лет пятьсот.

Он отвлёкся. Но оживлённый взволнованный голос Аниты вызвал его из задумчивости. Теперь все трое заговорили по-английски.

– Петя, мы продвинулись. Заметно продвинулись! Мсье Ренье составил родословное дерево семьи де Коссе за несколько веков. Со смертью барона род прекратил своё существование. Это значит, не осталось наследников имени по мужской линии.

– Барон был единственным ребёнком?

– Нет, детей было четверо. Барон Эрнст – старший. Двое близнецов – его брат и сестра – умерли молодыми. Был ещё младший брат, гораздо моложе, последний поздний ребёнок. Он пропал без вести во время войны. Погиб, конечно.

Но мсье Ренье попутно выяснил две многообещающие вещи. Есть ныне здравствующие родственники матери барона. Он с ними свяжется и попросит с нами поговорить. А кроме того, ему в голову пришла одна счастливая мысль. Он справился в государственном реестре землевладельцев. И обнаружил земельный участок в окрестностях Кольмара, принад-

лежащий барону де Коссе.

– Подождите, – но если он умер, и прямых наследников нет... Или есть? Нет, глупости, если есть, так им бы и принадлежал этот участок, не так ли? – оживился Сеница.

– Не совсем так, – ответил Огюст Ренье. Он весь лучился от удовольствия и не скрывал этого.

– Пусть я и не новичок в подобных делах. Поиск родственников, фамильные истории и прочее – это моя специальность. Но обычно удача приходит очень нескоро. Кроме того, у Вас такая романтическая история.

Пётр, едва не подпрыгивавший от нетерпения, тихо застонал: «Пожалуйста, дальше! Я чувствую, Вы хотите сказать что-то особенное!»

– Да! Видите ли, господин Сеница, такое положение вещей может – я подчёркиваю, может, а не должно – означать следующее. Земля вместе со строениями, находящимися на ней, завещана. Но наследник до сих пор не нашёлся. А поскольку имеются земельные и другие налоги, и их надо платить, значит, оставлены и деньги на расходы. Иначе собственность продали бы в пользу казны, если никто не смог предъявить на неё законные права.

Пётр изменился в лице от волнения. Он впился глазами в архивариуса и ждал продолжения. Но тот молчал. Теперь Ренье сделал спокойную равнодушную мину и слегка забарабанил по столу пальцами. Тогда Анита сдвинула брови и вдруг наступила на ногу Сенице под столом.

– Мсье Ренье, – начала она осторожно, – у Вас имеются, очевидно, свои профессиональные соображения и предположения. Потребуются новые юридические шаги, чтобы прояснить ситуацию. И новые средства. Мы это понимаем. Тут не будет затруднений.

Она вопросительно глянула на молодого человека. И сразу стало понятно, что стрела попала в цель.

– Видите ли, мадам Таубе, если я прав., – с видимым облегчением сказал тот, – я не хочу будить напрасных надежд, но Вы угадали. Есть соображения. Ничего пока не знаю наверняка. Может, я попал пальцем в небо. Но если ваша подопечная законная дочь барона... Скажите, а какие у вас самих аргументы за и против?

– Давайте сначала – против, – кивнула она. – Я начну. Эрна гораздо моложе, чем ребёнок, который мог появиться на свет сразу после свадьбы. Нам известно, что Киру потом ни разу не выпустили из страны. Эрна никому ни слова не говорила о том, что она, де, не дочь артиста Мухаммедшина. Я сама убеждена, насколько вообще это возможно, когда речь идёт о другом человеке, что она об истории своей матери Киры Паскевич понятия не имела. А я дочь – ближайшей подруги жены барона, той самой подруги, что была посвящена в тайну. И знаю Эрну всю жизнь.

– Это всё? – спросил Ренье.

– Да, пожалуй.

– Скажите, пожалуйста, Вы слышали про медальон?

– Нет, ни слова.

– А видели его?

– Нет, никогда.

– Следовательно, по крайней мере, о нём Эрна умолчала.

А Ваша мама? Не было ли каких-то указаний...

– Да, мама намекала на таинственную любовную историю Киры. Она... Понимаете, если бы меня раньше спросили, знаю я что-то определённое? Я б с чистой совестью ответила – нет! И вместе с тем...

– Петь, ты, наверно, поймёшь, о чём я, – обратилась Анита к Синице. – Мои родители оба были члены партии, папа даже военный. Они никогда не говорили в открытую что-то анти-советское. Но во время торжественных речей и агиток, заклинаний или гневных обличений наших вождей проскальзывали такие еле уловимые интонации, иронический взгляд, а то движение бровей, и ты понимал, что они их всерьёз не принимают. Может это плохая аналогия, но... Когда я узнала про тайную свадьбу Киры. Когда возникло подозрение, что Эрна не такая, как все. Что с этой странной несчастной девочкой дело обстояло радикально иначе, чем со всеми нами... Так вот, сказать «я так и думала» не могу. Я страшно удивилась. Но в то же время я не удивилась совсем!

Ренье слушал Аниту очень внимательно. Когда она закончила, он сказал.

– Ваши слова косвенно подтверждают мои ощущения и надежды. Хоть, конечно всё это пока совершенно эфемерно.



– Что ж, «контра» мы сейчас выслушали. Осталось привести доводы «про».

Сказал Сеница и опустил голову. Он почему-то смотрел влево и вниз, и во всё время своей короткой речи обращался к рядом стоящему стулу.

– Кто-то упорно и настойчиво портит жизнь близким родственником человека. Кого? Киры? Вернее, из-за Киры? Нет. Из-за Эрны Мухаммедшиной. Значит, что-то не в порядке именно с ней. Вспомните эти настойчивые вопросы её мужу Куприянову.

Мать назвала эту девочку Эрной. Мне возражают, что это можно сделать в память о своей любви. Верно! Но можно и просто в честь отца ребёнка Эрнста.

Молоденькая девушка уходит из дома. У неё с собой ничего нет. Нет имущества. Нет личных вещей. Нет ничего на память. Понятно, что о таком доме не хочется помнить. Его бы поскорей забыть. Но теперь мы знаем от её бывшего мужа, что одна единственная вещь оттуда у неё всё-таки сохранилась. Какая? Старинный медальон. Не забудьте, что Кира вовсе не была нежной матерью. Почему она его дала дочери?

Позже Эрне уже живётся лучше. У неё даже появляются украшения. Однажды она их все отдаёт подруге. Она высыпает драгоценности как леденцы, не глядя, в пакетик. Но одну единственную безделушку оставляет себе. Какую же? Ту, что их всех дороже? Может, самую красивую? Нет. Этот старинный медальон. И в нём оказывается имя барона! Я не ве-

рю в такие совпадения. Заметьте, что замкнутая бессребреница Эрна эту вещь берегла. Что она про неё знала?

И последнее. Да, по всей видимости, Кира никуда из Союза не выезжала. Но про барона ничего не известно. Что, если однажды приезжал он?

– Прекрасно! – мсье Ренье потёр руки. – Для меня убедительно, во всяком случае, эмоционально. Я сегодня же предприму определённые шаги. На это потребуется некоторое время. О переговорах с родственниками жены барона мы должны узнать послезавтра. Они обещали обдумать и сообщить, когда им удобно нас принять. Я бы хотел взглянуть на медальон. Пусть это не герб, но.

– Мне не пришло в голову взять его с собой. Но вот, пожалуйста, фотографии! – и Петр протянул Ренье несколько его снимком, сделанных с обеих сторон с разным увеличением.

– Спасибо. Я посмотрю и подумаю. А пока, чтобы скрасить ожидание, я хочу предложить вам экскурсию в бывшие владения барона. Старый дом – в семье его называли замком – это дом, где он сам родился. Мы ничего не знаем наверняка, но очень вероятно, что именно туда барон привёз свою молодую жену, как поступали обычно его предки.

Дом, красивый старинный особняк, стоял в глубине хорошо распланированного и ухоженного сада, несмотря на позднюю осень вовсе не наводящего грусть и мысли об увядании. Вечнозеленые пинии и туя, аккуратно подстриженный

кустарник с алыми ягодами, разноцветные композиции из мхов и необработанного камня, а всего более журчащий прозрачный ключик, сбегаящий с небольшого пригорка по гранитному желобу в мраморную чашу, – все это тактичное сочетание традиции и новых ландшафтных идей сразу понравилось Синице и его спутнице. Особняк был выкрашен в бежевые тона. Его обведенные белым окна сверкали под лучами заходящего солнца, а медные начищенные ручки дверей блестели. Ничто здесь не напоминало о заброшенности. Над трубой вился дымок, и пахло слегка костром и лесом.

– Господин Жерар покажет нам сейчас владение барона. Он тут привратник и садовник. У него все ключи. Это прекрасный дом. Он внесен во все путеводители города Кольмара и окрестностей. И муниципалитет выговорил право один раз в месяц устраивать здесь экскурсии для посетителей. Господин Жерар тогда показывает апартаменты туристам. О, он очень внимательно следит, чтобы ничего не пропало! Да, один раз в месяц. Но, видите ли, это вовсе не сегодня. Ему за каждую экскурсию полагается небольшое вознаграждение, и поэтому...

«Архивный юноша» красноречиво взглянул на Аниту, и она тут же понимающе закивала.

– Сад содержится в таком изумительном порядке! Господин Жерар очень любезен, что согласился и нам тоже показать особняк барона. Каждый труд должен оплачиваться, а внеурочный – вдвойне!

Приземистый, быстроглазый седоватый Жерар в клетчатой красной теплой куртке и резиновых сапогах довольно улыбнулся, услышав эти слова.

– Я весь к услугам мадам. Приятно иметь дело с людьми, которые ценят хорошую работу. А если это еще и очаровательная женщина. Он с одобрением покосился на Аниту. – Я сейчас отопру дверь, сегодня мы – я и моя жена – не заходили внутрь. Мы были только в подвальном этаже. Я тут топил и проверил все, что положено. Там же и кухня для прислуги. Я после работы в саду часто в ней обедаю. У меня к Вам только одна просьба, господа. В доме всюду паркетные полы и ковры. Я отвечаю за их сохранность. У нас есть войлочные чехлы для обуви и... Впрочем, для мадам я могу принести сандалеты. У жены есть.

– О, не беспокойтесь! Мы не доставим Вам никаких хлопот.

Заверил садовника Ренье. Он не стал посвящать его в суть дела. А если возникала необходимость коснуться щекотливых вопросов, неизменно переходил с клиентами на английский.

Они вошли. Садовник повел их сначала по широкой мраморной лестнице на второй этаж, заметив, что внизу не так интересно, а в самые красивые парадные комнаты он их сейчас проведет.

Особняк был выстроен анфиладой. Посетители со своим проводником переходили из одной гостиной в другую. Они

любовались то на семейные портреты, то на зеркала в изящных позолоченных рамах, украшающие танцевальный зал с узорным паркетом, то на белый с голубым будуар с гравюрами галантного содержания на стенах, то на гобелены и мебель с фарфоровыми медальонами и гнутыми ножками.

– Это действительно парадные залы. А где жил последний хозяин? Где он спал и работал? – осведомился Ренье.

– Это на третьем этаже. Там спальня и кабинет. А также и малая гостиная, где он принимал ближайших друзей. Но знаете, я никогда туда не вожу посторонних. Там ничего примечательного. То есть там все удобно и добротно, но никаких излишеств!

– Мсье Жерар! Господа интересуются историей авиации. Их ближайшие родственники имели к этому прямое отношение. Вы знаете, что барон был блестящим летчиком. Им было бы очень интересно. Э, да Вы же и сами служили на воздушной базе Фаянс в Марокко. Вы мне рассказывали. Вы, конечно, прекрасно понимаете их чувства!

Соппротивление садовника было сломлено, и вся компания последовала наверх. Они осмотрели малую гостиную. Жерар немного поколебался, но затем провел их в кабинет и зажег свет.

Это была квадратная комната с письменным столом, бюро, этажерками и книжными шкафами, небольшая и удобная, отделанная мореным дубом. Окно располагалось по правую руку от письменного стола. А на стене перед ним ве-

сел большой портрет молодой женщины, писанный темперой. Его окружали несколько фотографий. Садовник указал на одну из них. На ней был изображен стройный высокий военный в мундире рядом с дамой в светлом платье.

– Посмотрите, это барон. И вот тут он же. И там на другой фотографии, -промолвил он.

Петр с интересом стал всматриваться, на некоторое время отвлекшись от своей спутницы. И напрасно! Анита остановилась как вкопанная и уставилась на портрет. Потом с совершенно ошеломленным видом принялась переводить взгляд с одной фотографии на другую.

– Боже ты мой! – выговорила она, наконец свистящим шепотом по-русски.

Но занятый беседой с Ренье Синица ее не услышал. Он старался не упустить ни слова из объяснений Жерара, которые тот переводил.

– Петр, черт тебя побери! – повторила Таубе уже громче. Ее голос зазвенел от волнения.

Мужчины разом замолчали. Синица обернулся и, мгновенно оценив обстановку, собрался, как перед прыжком.

– Спокойно! Я тебя слушаю. Что случилось?

– Ты видишь этот портрет?

– Эти фотографии? На них всюду одна и та же женщина?

Ну да, я как раз хотел спросить, кто.

– Можешь не спрашивать, я тебе скажу. Это Кира! Очень молодая, только она почти не менялась. Старела – да. Но, по-

нимаешь, есть люди -ты их не узнаешь с годами. Они не обязательно становятся хуже. Могут даже очень похорошеть! А она. Ох, я что-то.

Анита разволновалась так, что ей потребовалось несколько секунд передышки.

– Петька, ты понимаешь, это Ки-ра!!! Я только теперь до конца поверила всей нашей истории! – выдохнула она наконец.

Глаза Синицы засияли. Он подошел к Ренье и объяснил ему все в двух словах, а потом добавил.

– Мы непременно должны увидеть спальню. Кто знает, что нас там ожидает.

Но на этот раз Жерар упирался довольно долго. Он ссылался на то, что обещал своим нанимателям этого не делать, что это неэтично, что он может потерять место. Уговаривал, что там не на что смотреть.

Тогда вмешался уже Ренье. Он был очень убедителен и речист. В довершение же своих аргументов он всучил садовнику крупную банкноту, и Жерар сдался.

В спальне оказалось совсем темно. Там и в самом деле, кроме шкафов и кровати глазу не за что было зацепиться. Зато против изголовья, так, что взгляд сразу падал на нее, висела снова большая фотография в окружении нескольких других. Снова та же самая женщина, но постарше и скромно одетая. В платье, в зимнем пальто, в строгом костюме, и всюду с маленьким ребенком. Сначала девочка у нее на руках.

Потом сидит рядом. Затем на большом центральном фото – девчушке уже лет пять, она с бантиками в матросском платьице. На грустном худеньком личике – большие печальные глаза. Она совсем не похожа на свою красавицу маму.

– Ну что же, – на этот раз почти спокойно заявила Ани-та, – смотрите теперь оба внимательно, господа. Вы слышите, мсье Ренье? Видите этого ребенка? Я все эти фотографии хорошо знаю. Они хранились у Мухаммедшиных в их семейном альбоме. Осталось понять, как встретились снова барон и Кира. Где и когда. Но девочка – это Эрна. Значит, она и впрямь его дочь. И он сам прекрасно об этом знал.

Родственники баронессы Агнес сообщили, что они сожалеют, но обстоятельства изменились. Они не смогут встретиться с мсье Синица. Им необходимо срочно уехать. Но как только будет возможность, они свяжутся с его агентством. При современных средствах коммуникации это не составит труда. А сейчас они просят их извинить...

Из Москвы же дали знать, что неотложные дела требуют присутствия директора. Петр Андреевич должен одобрить... принять решение... подписать... получить лично по счету причитающиеся «Ирбису» деньги.

И – нет! С заместителем клиенты говорить не согласны, по телефону то-то и то-то лучше не обсуждать, и уж о подписи «за директора и владельца» просто нечего думать. А вечером позвонил лично Расторгуев.



– Петро, взяли Нижневартовца. Он дает показания. Рая так нелепо погибла! Ни в чем не повинный, никому ничего плохого не сделавший человек.

Она даже случайно не задела чужие интересы. Просто такая судьба. Так после смерти немного повезло. Возмутились разные люди. Объявили награду за поимку убийцы будущие хозяева Раиного дома. Владелец сети «Асклепий» стал терзать кого смог. Газеты подняли шум. Парня быстро и отловили. И отлично. Если за месяц убийство не раскроют... Ну, да сам знаешь.

– Как он себя ведет и что говорит?

– Примерно так, как мы думали до сих пор. Но по предварительному уговору, он все берет на себя. Говорит, что «Сапсан» охранное агентство, и никого никогда не умыкает. Это была его, де, самодеятельность. Заработать хотелось. Брата он тоже, мол, втемную использовал. Да нам все это мало неинтересно. Но! Его брат там один из старейших. Правая рука шефа. Доверенное лицо. Этому объясняют, что к чему и зачем. Пусть они и сознательно стараются не знать слишком много. И вот осел из Нижневартовска кое-что услышал. А мне в благодарность это «кое-что» рассказали. Короче. Они об Эрне ничего не знали, ни кто она такая заказчику, ни для чего ее умыкают. Только было известно, что ее надо доставить в Израиль. Заказчик хотел это «Сапсану» поручить, но те отказались.

– Совершенно невероятно. Почему в Израиль? Это на-

циональное государство. Очень своеобразное – теократическое демократическое. У них даже гражданского брака нет. У Эрны же есть польские корни -фамилия Паскевич, польская фамилия – могут быть французские, но ничего иудейского. Про религиозность какого ни возьми толка я ни слова не слышал. И потом. Невозможно представить, что при таком особом контроле.

– Ты о чем?

– Ты в Израиль летал?

– Нет, я хотел там побывать, но сам понимаешь, дорого.

А по работе не довелось.

– Ну ясно. Я там тоже не был. Но мне как раз приходилось, и именно по работе, иметь дело с людьми, тесно связанными с Израилем. Там наших полно. Получился поначалу после конца совка самый близкий и доступный капитализм. Так вот, у израильтян свои пограничники. Они шмонают всех не за страх, а за совесть. Очень внимательно все и всех осматривают. В аэропорту «убывания» тоже. Я думаю, это самая неудобная страна, чтобы везти туда человека, напичканного наркотиками. А документы?

– Петя, я понял. Работаем дальше. Заказчик мог передумать. Или это ложный след.

– Или подготовили что-то необычное. Но все-таки.

– Конечно! Еще шаг вперед.

– Володя, а как там «моя милиция», которая «меня бережет»? Я думаю, ты навел справки, когда узнал, куда ветер

дует?

– Смотри пожалуйста, он шпарит из Маяковского. Ты разве еще «социалистический» ребенок, ты же меня здорово моложе? Мы это в школе учили, всякие там «Стихи о советском паспорте». И я его с тех пор терпеть не могу.

– Э, брат, ты не прав. Великолепный поэт, тонкий лирик, просто надо его раннего читать. Но об этом потом, как говорить. Так что?

– Первое, Эрна М. Легально в Израиль из Москвы не улетала. Тут ты прав. Это новость плохая. Мы по-прежнему не знаем, куда ее увезли.

– Есть, значит, и хорошая?

– Интерпол вступил в игру. Какие-то нити пересеклись. И теперь они тоже Эрну ищут. Это опять хозяин «Асклепия» постарался. Ведь трупа нет. Пока это кто-то раскачается. А он ушлый такой, находит нужные кнопки, причем везде.

– Что-то я раньше не слышал, что он беспокоится о своей сотруднице. Разве они были друзьями?

– Ничего подобного. Он такой типичный пенкосниматель. Причем, довольно удачливый. Основной мозговой центр – его папа. А этот.

– Тогда что теперь приключилось?

– Очень интересный поворот, надо тебе сказать. Ты же помнишь, чем она занималась. Не просто доктор, хотя даже ординарный уролог при определенных обстоятельствах и типе клиентуры может больших дел наделать.

– Это верно. А уж сексопатолог – таких, что потом костей не соберешь.

– Ну и?

– До кого-то дошло, что исчез человек, нашпигованный сведениями, от которых у разных персон зверская изжога будет, если они выйдут на божий свет. Вот и ищут.

Они еще поговорили о том, о сем, Синица поспрашивал Володю о детях, потом они вместе поругали московскую погоду, потом...

– Не, Володька, чем дальше думаю, тем невероятнее мне кажется этот израильский номер. Уж не нарочно ли его подкинули милиции и нам заодно, чтобы замести следы? Не верю, честное слово! – недоверчиво помотал головой «начальник конторы».

И ошибся. В Израиле в это время происходили события, которые могли весьма заинтересовать команду «Ирбиса».

## **25. Израиль. Город Нетания**

– Сандра, сядь, пожалуйста. Ты бегаешь по квартире, а я ещё больше нервничаю. Не надо было её пускать. Твёрдо договорились же с аббатом Гранде – только по двое, постоянно через каждый час – связь. И как дети дали себя уговорить! Ну и пусть, что в сопровождении Нгуена Чу! Да, его рекомендовал отец Петер из Миссии. Но здесь всё возможно в любой момент. И нападение, и провокация.

– Хорошо, я не буду. Ты не доверяешь отцу Петеру? Не может быть. Франци, прекрати так безумно волноваться. На тебя действует эта тоскливая квартира, я понимаю. Этот вечный полумрак. Всегда спущенные жалюзи, а окна приоткрыты. Это сделано, чтобы ветер продувал из-за постоянной жары. А мне часто просто холодно. Сейчас апрель, и она ещё не началась.

Две молодые женщины переговаривались, то понижая, то повышая голоса. Они старались друг друга успокоить попеременно, но это плохо удавалось.

– Вот подожди – не началась! Ману сказала, по интернету предсказывают этот их чудовищный сухой ветер. Он приносит воздух пустыни и пыль, пыль, пыль...

– Ой, да пускай ветер, только бы она скорее вернулась! Как ты думаешь, позвонить ещё раз? Или может, пойдём ей навстречу?

– Сандра, ты же прекрасно знаешь – лучше не надо. У нас окна выходят на другую улицу. Значит, в окно смотреть бесполезно. И я слушаю. Здесь слышно каждое слово. А прохожие любят поговорить! Я уже научилась различать иврит, арабский и славянские языки, правда никогда не знаю -какие. Я слушаю, может, и её услышу. Стоп. Мне кажется... Точно! Ключ в замке! Ману, Ману, Ману!

Лица вошедшей, влетевшей, вернее, в комнату, женщины было почти не разобрать. Голову её до середины лба закрывала чёрная монашеская хламида с белой полосой. Дальше

почти вплотную следовали солнцезащитные очки. Тоненькая фигурка тоже терялась в одеянии монахини. Она молча остановилась и судорожно вздохнула.

– Что стряслось? Почему ты не откликнулась? Где телефон? Ты цела? Почему ты молчишь? – посыпались вопросы, но Ману плавно и по-прежнему без звука опустилась на пол.

– Господи, она без сознания, ты взгляни, у неё одежда... – задохнулась от ужаса Франциска.

– Так, выключили эмоции. Да, платье разрезано ножом, порвано и всюду грязь. Быстро, всё это снимаем, и неси, что нужно. Я её пока осмотрю.

Решительно скомандовала Сандра. Она умело высвободила Мануэлу из спеленавшей ту мешающей одежды, убедилась, что ран нет и, с неожиданной для её небольшого тела силой, легко подняла подругу с пола, перенесла на софу и положила той под ноги подушку.

– Франци, это больше всего похоже на шок. Дыханье слабое, пульс тоже. Она совсем бледная. Померяешь ей давление и давай сразу инъекцию. О, она, слава богу, приходит в себя.

Веки бледной как бумага Мануэлы действительно задрожали, и она открыла глаза.

Франциска со шприцем наизготовку застыла, а потом радостно зашептала.

– Успокойся, мы с тобой, ты дома. Ты нам только объясни, должны мы срочно что-нибудь... ?

– Я в порядке. Нгуен... Нгуен тяжело ранен. Его скорая увезла. Это что-то незнакомое. Какие-то...

– Кто? Террористы? Местные проблемы? Фанатики – арабы?

– Нет.

– Тогда здешние фанатики – ортодоксы? Иудеи? Этих тоже хватает.

– Понимаешь, они все вместе. Это... это фанатики-мужчины!

Примерно через час чисто вымытая и переодетая Мануэла в лёгких белых брюках и свободной блузе из сиреневого шёлка сидела у стола, обложенная подушками, со стаканом виноградного сока в руках и рассказывала.

– Ману, ты пей, не забывай. Пей маленькими глоточками. Сыр с зеленью и курицу ела? – беспокоилась Сандра.

– Ела она, я проверила. Понемножку, правда, – подтвердила Франциска. А много и не надо. Слушайся доктора, девочка.

– Теперь я должна тебе сказать по правилам игры, что я и сама доктор, а по сему...

– Ну, вот ты, наконец, улыбнулась, – обрадовалась Сандра.

– Хорошо, где я остановилась? – Ману поставила стакан на стол.

– Значит так. Мы пришли в приличный квартал. Здесь в Нетании вообще настоящих трущоб нет. Город молодой.

Но среди сносных домов один маленький такой, плохонький был, а в нём подвал. Нгуен меня привёл, зашёл в чулан, и я протиснулась в эту дыру. А там, великий боже! Окна нет. По стенам нары. Голая лампочка едва светит. И на четырёх квадратных метрах – шесть человек, а двое из них с младенцами. Нет, ты представляешь себе, эти несчастные девки – сами убогие, больные, но ведь они ещё и разносчики инфекции! И их нанимают – страшно сказать даже – готовить еду, ухаживать за детьми! И с ними спят. За деньги, и без денег, добровольно и насильно! Ой, я не могу!

– Ману, ну перестань плакать. Ты привыкнешь. Для того мы и здесь, чтобы им помочь.

– Ты права. Я всех осмотрела. Обработала язвы, сделала инъекции и всё такое. Но это ж нелегалы. Они всего боятся и одновременно ничего не могут. Не могут объявиться – вышлют из страны. Значит, не могут получить стационарное лечение, регулярные обследования. Не могут прекратить эту свою... деятельность, переменить образ жизни. Однако, надо делать, что можно.

И вот, только я договорилась, что детей заберут в миссию в ясли. А это совсем не просто было – договориться. Одна почти английского не понимает, а другая напугана разговорами, что её ребёнка могут отнять насовсем. Но, слава богу, удалось убедить. Нгуен позвонил, из миссии приехала машина, и малышей увезли. Итак, не проходит и пяти минут, как вдруг – крик, визг на иврите, на арабском и ещё, я не поня-



ла, на каком! Свет погас. Тёмные мужские фигуры, полный хаос, там же не повернёшься! И стон! Это Нгуен бросился нас защищать, и его ранили. Одно сквозное в мякоть руки, а другое проникающее, нехорошее такое ранение.

Шуму много получилось, крови тоже. Нападающие, наверное, испугались и удрали. Я первую помощь оказала. Соседи прибежали. И вот пока «скорую» ждали, я позвонила аббату, а он сказал: «Если больше ничем не можешь помочь, уходи! Постараемся к себе внимания не привлекать. Ну, видели рядом монахиню, она сделала перевязку и ушла. Нгуен, как в себя придет, о тебе ни слова не скажет. А там посмотрим». И я ушла. Не знаю, как до вас добралась. Плохо соображала.

– Подожди, а полицию вызывали?

– Сразу – нет. Только когда скорая приехала. Девчонки из своего подвала немедленно испарились.

– А телефон?

– Кто-то из нападавших мой сразу растоптал. А тот – Нгуена остался у него. Теперь вы всё знаете.

– И кто же это был, что за люди? Ты сказала такую странную вещь...

– Они приляпали там листовки на стену, а одну сунули в мою сумку. Можешь почитать.

Сандра открыла большую докторскую сумку с множеством отделений и вытащила оттуда ярко-жёлтый листок, исписанный сверху крупным чёрным шрифтом. Внизу был

нарисован мощный атлет, а перед ним коленопреклоненная женщина. Из его рта в красном пламени вырываются буквы, похожие на змей.

– Мир принадлежит нам, – с недоумением медленно прочитала Франциска, – подчинение или смерть!

Тут внизу мелко ещё всякая абракадабра: женщине надлежит знать своё место, не сметь, не позволять себе, и т. д. Но интересно – всё написано на четырёх языках. Один – английский. Потом арабская вязь. Следом явно иврит. И наконец...

– Дай, я взгляну, – Мануэла потянулась к листовке, – мне было не до того, а теперь... Так это греческий! Я хочу сказать, греческий язык -современный.

– Очень странная выходит история! В этой стране – сосредоточии всяческих религиозных борений, войн, священных реликвий, храмов и камней, где все вечно сражаются со всеми из-за разных богов, мы становимся жертвами разноязычной банды, куда входят мусульмане и иудеи, православные и... Я не знаю, конечно, кто там на английском пишет, какой он веры. Только какое трогательное единодушие на этот раз! Мужчина – царь и бог. И ничтожная раба. Знай, раба, своё место, а иначе смерть!

– Слушай, я сразу не смогла с мыслями собраться. Но ведь нападающие именно что-то подобное и орали! Ворвались к нам, поносили всех и вопили, что этих грязных иностранных шлюх надо уничтожать. А те, кто им помогает, ничем

не лучше. И тоже ведь проклятые бабы, да ещё воду мутят! Поэтому я не очень удивляюсь. Они действительно не имеют никаких расхождений! Эти... совершенно безжалостные, brutальные...

– Ну да, Ману, ты же так и сказала. Ты не помнишь? Мы тебя всё спрашивала, а ты... Ты сказала: это фанатики – мужчины!

– Фанатики – мужчины, – тихо повторила Сандра.

## **26. Аэропорт Бен Гурион**

– У нас ещё целых полчаса. Мы спокойно подождём. Она прилетит с сопровождающим. Познакомимся. А потом в отпуск! Замечательно, девочки, правда? Все устали, эта новая наша помощница – после тяжёлой болезни. Я считаю, аббат всё отлично организовал. Здесь от аэропорта до нашей последней базы в Натании каких-нибудь полчаса. Отвезём её...

– Их!

– Нет, сопровождающий сдаст нам Селину с рук на руки и уедет вглубь страны. Нам не по пути. Я про него только слышала, что он по-английски не говорит. На французском и на арабском. Ну, так вот. Побудем денёк в Нетании. Съездим в Кесарию. А потом на три дня на Мёртвое Море.

– А как же Иерусалим? Мы там только работаем, ничего не видели почти. Я не знаю как Селина...

– Я тоже. Но она не в пример нам настоящая монахиня.

Наверняка она пойдёт по святым местам. А мы можем побродить по городу в своё удовольствие.

– Это если аббат разрешит надеть цивильное платье. Так тебя и пустили в наших одеяниях!

– Туристов, вроде, христиане и иудеи пускают везде. А в мечеть Эль Акса всё равно свободный доступ закрыт.

– Тише, рейс \*\*\* приземлился! Это наш. Пошли потихоньку. Они ещё будут багаж получать, но всё равно – мы уже насиделись, так давайте встанем так, чтобы видеть выходящих. Плакат поднимем, когда пойдут. А на фотографию можем и сейчас полюбоваться. Хотя когда нас, монашек, видишь, так лица замечаешь не сразу. В первую очередь смотришь на цвет нашего платья, на полосу, на головной убор, начинаешь соображать, что за орден!

Так переговариваясь, Ману, Франци и Сандра не спеша подошли к перегородке, отделяющей разношерстную нетерпеливую группу встречающих самолёт компании Ер Франс, недавно севший в аэропорту «Бен Гурион».

А тем временем мадам Селина Бежар и господин Делоне подошли к паспортному контролю. Поль Делоне поздоровался и протянул паспорт в окно, за которым сидела девица лет двадцати. Ответа на своё французское приветствие он не получил. Зато, с удивлением подняв глаза на девицу, он увидел, что та смотрит в сторону, вытянув шею так, что ей грозило навсегда остаться кривой. Сбоку, однако, не было ровным счётом нечего. Оставалось предположить, что та-

ким образом демонстрируется пренебрежение дерзкому пассажиру, рискнувшему отнять её драгоценное время. Наконец, искоса глянув на паспорт, она задала ему вопрос по-английски.

– Извините, я не понимаю, – ответил Делоне.

– Говорите по-английски! – по-прежнему не поворачивая головы, повисила голос девица.

Это Поль понял, но ответить не смог. Он только повторил, что английского языка не знает. А потом сдержанно добавил, что вовсе не обязан выучить английский, чтобы предпринять путешествие в Израиль. Документы у него в порядке, а его благотворительная миссия...

«Контролёрша», вероятно, смекнула, что зашла слишком далеко. Солидный господин с седыми волосами и французским паспортом может пожаловаться на такой «тёплый» приём. Она подозвала стоящего рядом молодого человека в форме, и он заговорил на вполне приличном французском.

– Здравствуйте, господин Делоне! Скажите, пожалуйста, Вас встречают?

– Да, конечно! – обрадовался Поль. Я приехал с благотворительной миссией от имени католическо-иудейского общества дружбы города Реймса. Меня тут должны ожидать сёстры \*\*\* монастыря.

– Вы их давно знаете? И ещё. Вам известен адрес, где они проживают?

Господин Делоне похолодел. Нет, он сестёр никогда не ви-

дел. Никакого адреса он, естественно, знать не мог. Он должен был препроводить ещё одного врача – монахиню в помощь здешним труженицам – медикам, принимающим бесправных и неимущих. А сёстры отправят его дальше. Он давно хотел посетить паломником святые места. А затем он прочитает курс лекций как крупнейший специалист по сапрофитам израильским ботаникам в университете Бер Шева. Но это сейчас к делу не относится. Что сказать? Кажется, его заподозрили в нелояльности. А может, и в связях с террористами!

Но пограничник, в ответ на сбивчивые и испуганные попытки всё это кратко изложить, внезапно смилостивился. Он внимательно изучил паспорт и улыбнулся.

– Проходите, пожалуйста. Желаю Вам приятно и с пользой провести у нас время.

Всё остальное прошло без сучка и без задоринки. И не прошло двадцати минут, как Селина и Польша устремились к трём приветливо махавшим им женщинам с небольшим плакатом в руках.

– Добро пожаловать, сестра Цецилия! С приездом, господин Делоне!

– Сестра Цецилия? Ну конечно! Это же её имя. В миру – Селина, а в монашестве... Селина почувствовала, как ей в глаз попала соринка, и на минуту сняла очки. Ее спутник покосился на нее.

Какого необычного цвета глаза у этой женщины. Они на-

поминают... Но додумать ему не удалось.

– Ну вот и всё. Вы приехали, слава богу! – услышал Поль и начал здороваться и знакомиться со встречающимися с нескрываемым чувством облегчения.

Сумерки опустились на город. Люди уже вернулись с работы и ужинали по домам. Сквозь жалюзи мелькал свет, но на улице было пусто, когда в проёме трёхэтажного строения появилась одна невысокая фигурка, потом следом за ней две других, до странности похожих на первую. Все трое заспешили было вниз по переулку, как вдруг остановились, обменялись несколькими словами и встревожено оглянулись. Но тут показалась четвёртая. Её, видимо и ждали.

– Ну что, сразу домой?

– Сегодня можно и посидеть где-нибудь, съесть мороженое!

– Ах ты, сладёна! Ладно, я не против. Только пусть будет хороший кондиционер.

– Пошли-пошли! А мы сегодня даже поплавали. Такая благодать. Хороший бассейн у этого благодетеля!

– Благодать и благодетель! Как ты странно его называешь.

– А что ты предлагаешь? «Меценат» во всяком случае, не подходит, это покровитель искусств. «Жертвователь» звучит странно.

– Хорошо, ты меня убедила, пусть будет благодетель. Знаете, что девочки, я придумала. Пойдём к Джафару. Туда не

ходят франкоязычные. Сядем в павильоне и спокойно поговорим по-французски. А если станет прохладно, у него эти комнаты есть, где кальян курят. Просто закроем дверь.

– Ешьте своё мороженое, а я с удовольствием пахлаву возьму!– Ох, пошли скорей, а то я лопну. Мне страшно хочется вам всё рассказать. Кстати, тебе, Цецилия, придётся потерпеть. Я вовсе не хочу оскорбить твои чувства. Но эти бедняги, мои сегодняшние пациенты, совершенно изуродованные своими о-о-ч-чень религиозными родителями! Не зря у «Мастерс и Джонсон» таблица приведена, и там...

– Это, между прочим, твоя библия – «Мастерс и Джонсон»! И не волнуйся, я терпеливая.

– Что ты удивляешься, я же профессиональный сексопатолог, а ты говоришь, что начинала с гинекологии и урологии. У тебя, верно, кто-нибудь другой в корифеях.

– Да я, если серьёзно, тоже считаю, что они классики. С этой фундаментальной работы и началась наука сексопатология в современном понимании этого слова.

– Вот кстати, мы сегодня должны решить, кто будет лекцию читать в университете – ты или я. Девчонки всё-таки не специалисты. А кафедра просила.

– А что? Сейчас и решим. Можно аббата и наших коллег спросить, кто им больше понравился как лектор. Мы же все уже тут что-нибудь да читали.

– А знаете, давайте просто жребий тянуть!

На этом месте оживлённый разговор сестёр прервался



– надо было переходить улицу. Загорелся зелёный, и они дружно устремились к широкой «зебре».

Эта улица ведёт к морю.

– Ну вот видишь, ты уже разбираешься, а говоришь, что сразу заблудишься тут одна!

– Можешь не сомневаться. У меня плохая зрительная память. Я стараюсь, когда, к примеру, еду на машине, заранее разузнать маршрут. Хотя «навигацию» не люблю. И потом, ты здесь уже работала, а я совсем плохо знаю город.

– Нам уже недалеко. Видишь, эти бесконечные магазинчики с тряпками в нижних этажах?

– Некоторые – совсем недурные.

– И ювелирные изделия здесь красивые! Только, на мой вкус, многое ярковато.

– Это же юг. Здесь любят яркие и броские вещи.

– Подождите девочки, так мы проскочим. После этих уличных продавцов...

– Каких?

– Вот стоят с орехами, сушёными фруктами, курагой, изюмом и всякими другими штуками, которых я не знаю. Например, это жёлтое...

– Это шафран.

– Стоп, нам теперь во внутренний дворик.

Четыре совершенно одинаково одетые женщины в монашеском платье и солнцезащитных очках, похожего роста и

комплекции, а потому мало отличимые друг от друга, вошли в арку между двумя домами и очутились в саду с беседками около небольшого «фонтана слёз», окружённого несколькими деревцами. В одной из них, зелёной сидели солидные темнолицые мужчины, беседовали и пили чай из стеклянных грушевидных стаканчиков. На открытой террасе – галерее тоже стояли столики, за которыми ели, балагурили и курили ещё человек десять. Эти тоже были только мужчины.

Монахини, однако, нисколько не смутились.

– Если бы я не знала, что это Израиль! Совершенно как в Турции!

– Понятия не имею, как в Турции. А вот в Судане...

– Или в Марокко!

Обменялись они репликами и остановились. В это время один из собеседников – немолодой сильно поседевший дочерна загорелый человек в белоснежной рубашке – встал, подошёл к посетительницам и почтительно их приветствовал на ломаном английском.

– Здравствуйте, добро пожаловать, глубокоуважаемые сёстры!

– Здравствуйте, господин Наджафи! Рада Вас видеть. Как Вы поживаете? Как себя чувствует Ваша мама? – заулыбалась ему навстречу одна из сестёр.

– Спасибо, гораздо лучше. Ей очень помогла Ваша мазь. Рука стала быстро заживать. Если бы Вы на следующей неделе смогли ещё раз...

– Непременно! И лучше послезавтра, потому что мы уезжаем.

– Вы никак не хотите мне сказать, сколько я Вам должен. Ваш гонорар...

– Ещё одно слово о деньгах, и я больше не приду. Вы лучше позаботьтесь, пожалуйста, чтобы нам не мешали. Мы хотим отдохнуть после работы, и нам надо поговорить.

– Я сейчас сам накрою в голубой беседке, госпожа доктор! Там есть занавески, мы их задёрнем до половины. А если станет прохладно, перейдите в дом. Я для Вас закрою одну кальянную и не велю в ней курить. Стоит Вам только сказать! Может Вам нужно умыться, я хочу сказать... я могу проводить Вас наверх, и моя жена...

– Спасибо, это очень любезно с Вашей стороны. Но сегодня один состоятельный человек, который много жертвует в пользу неимущих, пригласил нас искупаться в его бассейне. Мы уже привели себя в порядок.

Сёстры направились было в беседку, но хозяин не уходил. Он мялся и явно хотел ещё что-то добавить.

– Вас что-нибудь беспокоит, господин Наджафи? Может, Вы сами нездоровы?

– Нет, со мной всё в порядке. Но... скажите, пожалуйста, ведь Ваши подруги тоже врачи?

– Мы все дипломированные врачи.

– Видите ли, моя дочь, она уже два года замужем. У них ещё нет детей, и я не знаю женщины-врача, которой бы дове-

рял. А к мужчине без крайности... Ну, Вы понимаете! Я Вам прямо скажу, я думаю, всё дело в её муже. Но этот молодой осёл ни за что не пойдёт к доктору. И они -вся его семья – обвиняют девочку. С этим надо что-то делать. Она сохнет на глазах. Если среди вас есть женский врач...

– Понятно. Мы её обязательно посмотрим. А недели через полторы начнём снова работать в Иерусалиме. И тогда, если потребуется, Вы нам её туда привезёте. Мы вот что сделаем. Приезжайте все втроём. Заманите этого молодого мужа. Он как к ней относится?

– Да он парень ничего. Работающий и Лейлу любит. Только гонору слишком много.

– Вот и скажите ему, что его молодая жена нуждается в его поддержке. Она же так переживает! А если мы выясним, что у неё на сто процентов всё в порядке, то напустим на парня нашего коллегу-мужчину, специалиста по этому вопросу. Тот ему что-нибудь сочинит и проведёт нужные обследования. Понимаете, если дело, правда, в муже, ведь можно же полечиться! А не поможет, так воспользоваться искусственным оплодотворением. Я Вам подробно всё объясню, когда приду посмотреть госпожу Камалу.

Джафар Наджафи рассыпался в благодарностях, и через несколько минут маленькая компания уже расположилась на мягких пёстрых подушках перед круглым столом, уставленным стеклянными вазочками с фруктами, мороженым, пахлавой и шербетом. Перед ними появился гранатовый сок со

льдом, благоухал зелёный чай с лепестками жасмина, а чудесный аромат кофе с корицей смешивался с нежным запахом ванили и жареных орехов.

– А теперь рассказывай. Кто говорил, что сейчас лопнет? – подначила сестра, сидящая слева, свою подругу

– Сейчас, прожую.

– Окей.

– Ну, слушайте. Были у меня сегодня двое пациентов, супружеская пара. Обоим за тридцать, девять лет женаты и ни разу, нет, вы понимаете, ни одного единого раза у них не было нормального коитуса! Наконец, она на исповеди рассказала обо всём своему священнику.

– Что, на исповеди прямо так и сказала?

– Ну, как сумела. Она начала с того, что они оба мечтают о детях, но это совершенно невозможно без... А у них этого нет! Тот, естественно, тактично попытался выяснить, почему. И тут оказалось! Оба из очень религиозных ортодоксальных и патриархальных семей. Познакомились в издательстве религиозной литературы, где оба работали. Он предложил ей руку и сердце. До неё никакого сексуального опыта не имел. А уж она! У них в семье царствовал и правил отец. Всё, что сколько-нибудь касалось отличий мужчины от женщины, было под строжайшим запретом. Даже вопросы гигиены. Да и вообще всё запрещалось! После школы сразу домой. Никаких подруг. Никакой литературы, кроме религиозной, не говоря уже о прочих бесовских искушениях -телеви-

дении, кино и т. д. Ну и никакого представления о том, что, собственно, должно произойти после свадьбы, эта девушка не имела. Мама ей велела слушаться мужа после венчания, и это всё. Совершенно как в девятнадцатом веке. Вот теперь и представьте, он пытается разобраться, где у неё что и куда ему, вообще говоря, надо...

– Прекратите хихикать, тоже мне – монахини!

– Я продолжаю или как?

– Ну конечно! – был общий, в один голос, ответ.

– Так вот, он ищет, а она, в полном соответствии с представлениями о девичьей скромности, сопротивляется! Пытается чем попало прикрыться ну и т. д. И так день за днём. В результате – обоим только неловко. Ей иногда больно. Потом больно всегда, и уже просто нестерпимо. И он эти попытки стал предпринимать реже и реже. Так и жили.

– Да у неё, небось, вагинизм!

– Возможно.

– Или диспареуния (Dyspareunie). Всё, что хочешь. Может быть, и вагинизм и диспареуния вместе взятые. Уму непостижимо – девять лет, ты говоришь? Девять лет!

– А как получилось, что она у нас оказалась?

– Очень просто. Поскольку в этой истории всё, наоборот, то нормальный и вполне современный священник направил её к врачу. А тут мы приехали, и всё совпало. То, что мы женщины, что все с сексопатологическим опытом и в тесном контакте с нашими патронами, как католиками, так и про-

тестантами. Словом, она попала ко мне. Теперь будем все втроём искать выход.

– Что ты собираешься делать?

– Сначала, само собой, двустороннее промывание мозгов. Поодиночке, а потом вместе. Затем доскональный гинекологический осмотр и гормональный анализ. Мужа тоже надо протестировать. Неизвестно, как на взрослых молодых людях чисто физиологически всё это уродство и вынужденное воздержание сказалось. Потом поработаем с ней, изучим её реакцию на возбудители. Надо ещё понять, каковы там моральные барьеры и какого свойства. Хорошо бы с ней немного с имитаторами поработать, подготовить. Всё это я им в Иерусалиме организирую. Здесь нет ни времени, ни специалистов. Ну и наконец, подберём дозу возбудителей, обстановку, обговорим соответствующее место и устроим им на десятый год супружества первую брачную ночь!

– Но такая программа стоит уйму денег и потребует много времени.

– Ну конечно! Это вполне благополучные люди, вовсе не наш контингент, просто патрон очень попросил принять. Я, и надеюсь, если понадобится, мы все будем только осуществлять общее руководство и надзор. А проводить терапию станут иерусалимские коллеги.

– Я, как Вы понимаете, полезла сразу в «Мастерс и Джонсон». Нашла одну таблицу. Там выделены факторы, из-за которых у мужчин возникает вторичная импотенция. Всего

семь.

– Алкоголь, диабет и всё такое?

– Это тоже, но ещё материнская и отцовская выраженная доминантность, гомосексуальность и! внимание! ортодоксальное религиозное воспитание! То есть ситуация, при которой в сознание вбивается мысль, что интимные отношения с женщиной – страшный грех и грязь! И вот что меня поразило...

– Подожди, я знаю! Правда, я понятия уже не имею, сколько там точно было факторов. Какие – ясно из общих соображений. Но после проведённого лечения удивительным образом самые худшие результаты, самое большое число неудач было вовсе не у гомосексуалистов, даже не у алкоголиков, а у этих «ортодоксально» воспитанных мужиков!

– Верно. У алкоголиков из тридцати пяти испытуемых после лечения получилось восемь неудач, чуть больше четверти. А у «религиозных» -из двадцати шести тринадцать, то есть ровно половина.

– Ох, и до чего же мне всех, абсолютно всех жалко! Я думаю о том, сколько ни в чём не повинных, но совершенно по-разному ущербных людей. С одной стороны наши убогие нелегальные эмигранты, с другой тоже полно всякого. Поэтому, кстати, к нашей лекции давайте серьезно отнесемся. Любое просвещение в такой области, даже среди коллег страшно важно.

– Когда у нас лекция?



– Уже послезавтра. Надо решать. А ты о чем думаешь?

– Я думаю, как по-разному отзывается это: «Вначале было слово»!

– А я всё время вспоминаю Гёте с его: «Творение не годится никуда!»

## **27. Лекция об истории сексопатологии**

В «малую инфекционную» аудиторию на втором этаже было два входа. Один – прямо около кафедры. Но интернист Виктор Якоби, который слегка опоздал, решил потихоньку проскользнуть сзади, чтобы не мешать. Он шепотом извинялся и старался побыстрее пробраться к приятелю-хирургу, занявшему им место в предпоследнем ряду. Человек пятьдесят мужчин и женщин, собравшихся на лекцию, организованную миссией «Поможем вместе», пришли больше из уважения к её щедрым пожертвованиям на медицинские цели. Но сейчас они сидели, доброжелательно улыбаясь, и внимательно слушали, даже не шушукаясь, как обычно, между собой.

Проектор был включён, изображение сменилось, и на экране возникло несколько портретов. Лектор в белом свободном костюме с белым шёлковым шарфом на голове длинной указкой коснулась одного из них.

Приходится слышать, что сексология возникла в конце девятнадцатого века. Её основателем называют невропатоло-

га Рихарда фон Крафт-Ебинг. Ещё одна дата – начало двадцатого столетия. В этом случае у истоков науки стоит врач, специалист по кожным болезням Иван Блох. Однако представляется куда более справедливым полагать, что сексология много старше. И ей насчитывается уже по меньшей мере полтора века. Основателями же её следует считать двух учёных – католика итальянца Паоло Монтегацца и протестанта немца Карла Хайнриха Ульрихс.

Трудно представить себе более разных людей, чем эти два пионера из пионеров. Врач, антрополог и писатель Монтегацца любил женщин и прежде всего свою собственную мать, как ничто другое в мире. Он сделался университетским профессором и умер, всеми уважаемый, будучи сенатором Итальянского королевства. Ульрихс – юрист, писатель и латинист, любил мужчин и прежде всего юных солдат! Ульрихс пребывал в убеждении, что в его мужском теле живёт женская душа. Он боролся с бесконечным количеством оскорбительных памфлетов, направленных против гомосексуализма, и мог бы, благодаря своему мужеству, называться первым швулем, как сказали бы в современной Германии, во всей мировой истории. Ульрихс умер, преследуемый и абсолютно одинокий, в итальянской Абрुцце.

Любопытно, что само слово «сексуальность» мы не встретим ни в Библии, ни у Гомера или Шекспира. Это вовсе не пустяки. Очень существенно, что самые различные наименования предшествовали появлению термина – сексуальность.

Мантегацца говорил о «Piacere» и «Amore» между мужчинами и женщинами там, где наши современники толкуют о «желании» и «любви» между гетеросексуалами. Свою область знаний он именовал просто «наукой» или «наукой наслаждения». Ульрихс – о безымянной любви, об ощущении обладания определённым полом. Мы ведём речь о гомосексуальности, о половых предпочтениях и половой самоидентификации. Я знаю, здесь собрались самые разные специалисты, но в том числе и мои коллеги. Интересно, знает кто-нибудь об этих двух?

Обратилась лектор к слушателям, которые в ответ оживлённо зажужжали и задвигались. Одна быстроглазая брюнетка лет сорока из третьего ряда хорошо поставленным голосом преподавателя ответила.

– Знаете, я эти два имени никогда не встречала. И неудивительно -специально историей вопроса не занималась. Зато я знаю Блоха. И нахожу, что они – во всяком случае, на первый взгляд – оба люди куда более симпатичные, чем Блох. Он так рекомендовал бороться с детским онанизмом: совсем маленьким мальчикам ручки привязывать к краям кровати или плотно шнуровать рукавички. А детям постарше грозить ножом или острыми ножницами.

– Как – грозить? Чем это? – раздались вопросы с разных сторон.

– Да очень просто – перехватила инициативу лектор. Оттяпать что-нибудь от этого местечка, которое совершенно

непозволительно теревить. Даже делать небольшие превентивные операции предлагал! И, кроме того, хорошенько отстегать проштрафившегося ребёнка. Ещё и хвалился, что такие методы имеют успех.

– Вот теперь начинаешь понимать Фрейда с его этой облигатной «боязнью кастрации» у мальчиков! Если подобные способы борьбы с подростковым онанизмом были широко распространены... – кивнул сосед Виктора психоаналитик.

– Точно. А ещё не забудьте иудейское и магометанское обрезание! Такое переживание у малыша может сохраниться надолго, – подхватил один из присутствующих.

– Вот и продвинулись, – поддержала разговор лектор. – А Блох в современном понимании часто был ретроградом. Его основной девиз гласил: «Ты хочешь только того, на что имеешь право». Завязалась дискуссия, которой она явно была рада.

– Он имел в виду: «ты можешь, или скорее, должен хотеть?» – прозвучал опять вопрос.

– Вероятно. Только это от нас не зависит – хотеть или не хотеть. Другое дело – что себе позволять. Слушайте, а отношение Блоха к гомосексуализму?

– Тут он был достаточно противоречив, – ответила лектор, поправив дымчатые очки.

В нём консерватор и моралист боролись с учёным. Он признавал только гетеросексуальные отношения здоровыми и естественными. Называл каждого гомосексуалиста «источ-

ником инфекции» и считал, что обычные тюрьмы тут не помогут, а вот принудительное лечение в закрытом стационаре очень рекомендовал, чтобы это противоестественное стремление искоренить! Однако с течением времени он смягчился. В 1907 году Блох писал, что к его немалому удивлению, в гомосексуальных наклонностях ему признавались совершенно здоровые высокообразованные люди, в том числе из прекрасных семей. Талантливые исследователи, знаменитые учёные, даже известные теологи!

– Вы ещё одно имя называли: Крафт-Эблинг.

– Верно. Интересно, что его на самом деле звали... Приготовьтесь, пожалуйста! Внимание! Рихард Фридолин Иозеф Фрайхерр Крафт фон Фестенбург на Фронберге названный Эблингом!

Час, отведённый на саму лекцию, пролетел незаметно. Несколько слов благодарности в заключение сказал заведующий кафедрой, затем глава Миссии. Израильские врачи подошли к выступавшей и её трём подругам в монашеском платье, и они все вместе направились к выходу из университета. Виктор с приятелем, обмениваясь впечатлениями, шли позади этой группы.

– Поехали ужинать, Вик! – хлопнул его по плечу Давид, – я приглашаю. Ты на меня не сердись, что я тебя на лекцию затащил?

– Совсем нет, я с удовольствием послушал. Я об этом мало что знаю, да и о самой Миссии, обо всём этом: «Поможем

вместе!». Ты бы мне в двух словах рассказал?

– Это, знаешь, интересная и благородная штука. Дело происходит в рамках экуменических современных идей, которые объединили самых разных активных... уж и не знаю, как их назвать! Одна из этих сестёр-врачей, а я с ними знаком немного, называет их «благодетелями». А по-моему – «благо-деятели» даже лучше. Словом, собрались священники разных конфессий, привлекли порядочных и неравнодушных людей с деньгами и организовали миссию, где оказывают помощь бесправным, убогим, бедным. Без разбору и анонимно. Особенно это важно для нелегальных эмигрантов. Конечно, они часто работают на грани фола, и с законом в таких, видишь ли, своеобразных отношениях. Начальство о них знает и старается не трогать. Они делают грязную и необходимую работу. Имеют дело с людьми, которых все сторонятся. Да ещё совершенно безвозмездно. Лектор, сестра Цецелия, тоже из их компании.

– Подожди, – нахмурился Давид, – а я где-то об этом слышал, но только в ругательных тонах.

Он приостановился, чтобы достать сигареты.

– Может, наши «религиозники» недовольны, что чужие вмешиваются? Это всё затеяли христиане, – пожал плечами Виктор.

– Нет! Если бы ты не спросил, я б не вспомнил. Представляешь, получаю как-то по электронной почте послание на целую страницу. Я бы не открыл. У меня фильтры стоят, но

там шапка была от Пограничного госпиталя. Я решил, что это один сокурсник. Он там работает.

Так вот, пишут какие-то агрессивные ослы от имени общества «Здоровый патриархат». Призывают присоединиться, да ещё на четырёх языках! Честят всех, кто помогает «всяким проституткам», и особенно почему-то иностранок-врачей, проклятых баб, которые под видом монашек поощряют тут у нас разврат и неповиновение женщин мужчинам. И как раз от имени миссии «Поможем вместе»! Жена моя очень возмущалась, а я смеялся. Каменный век какой-то. Там было много разного бреда, да я стёр и забыл. А сейчас вот...

– Забыл и правильно сделал, – отмахнулся Виктор и заговорил о другом.

На улице было значительно теплее, чем в здании. Вкруг него был разбит небольшой сад. Послышался шорох. Это заработали розетки и трубки капельного орошения, и на газон опустилось облачко влаги. В лицо пахнуло ветерком, и в вечернем воздухе разлился нежный запах петуний.

Они повернули уже, было, к стоянке, где Якоби оставил машину, как вдруг из-за угла вылетел джип. Визг тормозов и возгласы испуганных людей заставили друзей обернуться, и всё дальнейшее произошло прямо у них на глазах.

Джип замедлил ход точно около остолбеневших от ужаса монахинь, и из его окна раздались выстрелы.

– Террористы-ы-ы! – завизжал тонкий мужской голос и

СМОЛК.

Дверь машины распахнулась, и из неё выскочили двое. Они схватили женщину в белом платье и одну из монахинь и мгновенно затолкали внутрь. Снова затрещала очередь. Взревел мотор.

Никто ещё не успел ничего толком понять, как зелёная пятнистая машина с бандитами и похищенными рванула с места и умчалась, через минуту скрывшись за поворотом.

## **28. Родители барона. Его юность. Аавнтюристка и ее ребенок**

Петр и Анита посидели вечером в Кольмаре в «Синем попугае», повздохали. Надо было прощаться. Они заказали фазана в красном вине с сельдереем, а на десерт сыр и виноград, и съели все это не спеша. Потом сели в машину и поехали в имение Шайи. Там они обошли вокруг дома, взявшись за руки, а затем отправились напрямиком в аэропорт. За рулем сидела Анита.

А уже на следующий день она, угнездившись в любимом кресле на «командном пункте», азартно переругивалась с бухгалтером и веселой язвой в цветастом платье из банка «Кредит и Надежность». Отпуск кончился. Начинались обычные будни.

У Петра тоже жизнь вошла в нормальную колею. Потянулись неделя за неделей. Было решено взять паузу и немного



подождать.

Из Базеля новости пришли обнадеживающие. Паше стало лучше. Его отец Куприянов собрался в Швейцарию.

Господин Ренье со своей стороны с удовольствием «окучивал» московских клиентов и без устали искал сведения обо всех возможных родных и знакомых Эрнста де Коссе в послевоенные годы. Однажды вечером он позвонил и с воодушевлением сообщил, что сделал потрясающее открытие. Синице пришлось несколько напрячься, так как от возбуждения французский акцент Ренье усилился. Но в главном скоро не осталось никаких сомнений. Новости появились такие важные, что архивариус решил их изложить письменно и послать курьерской почтой.

– Во избежание недоразумений! – объяснил он.

Я посылаю Вам также очень, о! очень подробное письмо от родственников баронессы Агнес. Помните? Тех, которые не смогли с нами встретиться в Кольмаре. Это обязательные и обстоятельные люди. Они ничего не забыли. Мы увиделись. И они тоже решили все записать. Они... Знаете, приняли близко к сердцу, что у них может появиться молодая – а для них все молодые – кузина.

– Курьерская почта? С подобным сервисом «Ирбису» до сих пор еще дела иметь не приходилось. Синица отнесся скептически к утверждению Ренье, что он завтра, в крайнем случае, послезавтра получит отправленный отчет. Обычная почта работает отвратительно. Так почему курьерская долж-

на быть лучше? Деньги возьмут, это да. А потом.

Но наутро Петр от нетерпения не находил себе места. Ренье, вошедший во вкус и сам увлеченный необычным делом, не захотел ничего рассказывать. А потому шеф «Ирбиса» чертыхался и ворчал, что француз мог бы послать по электронной почте короткую выжимку, а уж подробности. Не позвонить ли ему и попытаться все же повыспросить, хоть и не фасон? Как вдруг раздался звонок, и плечистый молодой человек в красно-белой форме с нашивкой «Гермес» вручил ему белый пакет и попросил расписаться.

– Послушайте! Подождите, пожалуйста! – от неожиданности Сеница растерялся. Он хотел поблагодарить курьера и заметался в поисках чаевых, но тот, сразу поняв, в чем дело, улыбнулся и, со словами, «спасибо, нам не положено», исчез. Вскоре раздался шум мотора.

Петр ухватился за депешу. Потом отодвинул ее от себя и посмотрел издали на конверт.

– Там на английском? Ну, конечно. А письмо от родных Агнес, наверно, на французском. Надо заказать перевод. Ох, до чего же я волнуюсь!

Наконец он разрезал конверт и принялся читать. Первым делом, он увидел листок, где в полном соответствии с его пожеланиями «потрясающие новости» были изложены вкратце. За ним следовало еще много разной информации на двух языках, сброшюрованной в аккуратную папку.

Барон Эрнст де Коссе, – прочел Петр Андреевич, – не был

женат до встречи с мадемуазель Паскевич. Она стала его законной и единственной женой. Он никогда не предпринимал попыток расторгнуть этот брак и жениться снова. С точки зрения французского законодательства Эрнэ рождена в законном браке и других детей у него нет. Но у барона был внебрачный сын от случайной связи с горничной в замке. Ребенок родился в Америке. Насколько известно, отец им не интересовался. Его семья тоже. По предварительным расчетам, ему может быть сейчас за шестьдесят. Все, что удалось выяснить об истории его рождения, Вы найдете в приложенной мною папке.

Особняк, в котором мы с Вами побывали, и пожизненная рента завещаны господином бароном его дочери Эрнестине Гокар де Коссе.

Петр открыл папку. Это было трудное чтение – термины, книжные обороты речи, официальные формулировки. Синица обложился словарями, он делал записи, бранился, хватался за телефон, а иногда рычал от нетерпения. Кроме текста в папке были копии документов, карта местности с нанесенным на нее планом сада и фамильного особняка, письмо родственников. После первого ознакомления предстояла, конечно, подробная скрупулезная работа. Но через несколько часов он набросал черновой вариант для своих. Заголовок, чтобы не ломать голову, звучал так.

**Родители барона и его юность. Авантюристка и ее**

## ребенок

Барон Эрнст Фердинанд Мария Гокар де Коссе родился в 1897 году в Эльзасе в окрестностях города Кольмар в семье состоятельного французского дворянина, землевладельца, артиллерийского офицера, генерала де Коссе и его жены немки Агнес фон Регенау. Он получил военное образование. Сначала в 3-м корпусе (поступил в 1908 году), следом в 3-й военной академии, откуда в 1915 году был выпущен в чине поручика. В 18 лет он оказался на фронте (первая мировая).

Справка: В Кенигсберге тайно функционировала германская академия генштаба. По Версальскому договору Германии было запрещено иметь свою разведку. Она тогда скрывалась под именем «Абвер». В будущем её возглавил Канарис. Начало войны его застало в чине майора. Может, барон французский агент у немцев?

По окончании войны (второй мировой ему сорок восемь лет, а Кире примерно двадцать пять).

Отец барона был настоящий французский патриот, большой поклонник генерала Бонапарта. У него были земли во Франции, но родовое гнездо де Коссе находилось в многострадальном Эльзасе, вечно переходившем из рук в руки. И пусть с 1871 года он стал немецкой территорией. Ну что ж Генерал старался об этом не думать. Тут искони жили люди, свободно говорившие на двух языках. Женой его была немка. Ах, он был выше этого! Когда в 1918-том Эльзас сно-

ва сделался французским, генерал усмехнулся в усы. Иначе быть не могло!

Генерал был человек хорошо воспитанный и неглупый. Военный до мозга костей, он славился в своем кругу как прекрасный наездник и заядлый охотник. Его винный погреб был выше всяких похвал. К тому же барон-отец любил и ценил изысканную кухню и красивых женщин. Но, впрочем, последнее не мешало ему окружить баронессу, на которой он женился довольно поздно, нежнейшим вниманием и искренним уважением. Во всём, что касалось ведения их большого, гостеприимного дома, вышколенной прислуги и религиозного воспитания детей полновластной хозяйкой была она.

И Агнес действительно не только царствовала, но правила. Неизменно спокойная и приветливая, она не упускала ни одной мелочи. И, не повышая голоса, установила в доме безукоризненный порядок. Супруг и повелитель был этим донельзя доволен.

На маленькие слабости мужа баронесса мудро закрывала глаза. Она никогда не вмешивалась в его мужские дела, не пыталась контролировать по мелочам его расходы. Но серьёзные вопросы -покупку и продажу земли, распоряжение доходами от виноградников и платой арендаторов – они решали вместе. И недаром. Агнес фон Регенау принесла своему мужу весьма значительное приданое! А перед венчанием родители молоденькой стройной сероглазой блондинки подписали чрезвычайно толковый брачный контракт, где права

их дочери были детальнейшим образом оговорены и защищены.

Когда у супругов родился первый ребёнок, оба были счастливы, что это сын. Наследнику титула по традиции предстояла военная карьера. И этим, естественно, ведал его отец. Уже с одиннадцати лет мальчик поступил в закрытое привилегированное военное учебное заведение, а затем в академию. Когда он закончил её в 1915 году, всюду уже полыхала Первая Мировая.

Молодой офицер попал на фронт в восемнадцать лет. И судьба поначалу была к нему благосклонна. Сначала он был на театре военных действий, но при штабе. Затем. Когда войска передислоцировались, ему пришлось участвовать в тяжёлых полевых переходах. Он вёл себя всегда достойно, его отцу не пришлось бы стыдиться сына. Полковник, начальник штаба, хорошо знавший старого барона, благоволил Эрнсту. Однажды он даже отпустил юношу в короткий отпуск домой.

Эрнст продвигался по службе, набирался опыта. Однако, у него было ощущение, что он всё ещё не занят настоящим делом. В детстве он хотел стать конным гвардейцем. Времена изменились, и молодой барон де Коссе решил сделаться лётчиком. Он переговорил с отцом. Тряхнули старыми связями, в Париж полетели письма. И вскоре Эрнст был отозван с фронта и начал учиться лётному делу. Прошло некоторое время, и он стал настоящим мастером своего дела. Война, наконец, закончилась, а молодой барон уже в чине капитана

продолжал летать.

Дома в Эльзасе подрастали близнецы – мальчик и девочка. Мать была всё ещё хороша собой. Отец бодр, строен и моложав. Оба очень хотели видеть своего первенца женатым. Но красивый блестящий молодой офицер богатый, с независимым состоянием, унаследованным от деда, не спешил заводить семью. Он пользовался большим успехом у женщин, имел немало связей. Но капитан, человек миролюбивый и щедрый, умел расстаться, не оскорбив. Его адюльтеры заканчивались мирно, без скандалов и драм.

Да, наследник несколько разочаровал родителей, но они не теряли надежды. Они ожидали Эрнста на рождество и очень рассчитывали познакомиться с прелестной двадцатилетней кузиной, выросшей вдали от родных мест в Алжире и недавно вернувшейся во Францию. Девушка -черноглазая остроумная брюнетка, искрящаяся, как молодое вино, не могла оставить равнодушным человека с хорошим вкусом.

Эрнст приехал. Белла явно понравилась ему, а он ей. Но дальше события приняли совсем неожиданный оборот. Скандал всё-таки произошёл.

Шанталь Мишу тоже была прехорошенькая молоденькая девушка. Её густые чёрные как смоль волосы вились колечками, полные губы открывали в улыбке мелкие зубки, блестящие, словно перламутровые пуговицы, а румянец мог поспорить со знаменитыми яблоками Бодензее. Она звонко и охотно смеялась, наивно округляла свои красивые сливовые

глаза и бросала лукавые взгляды из-под загнутых ресниц. Ей недавно исполнилось шестнадцать. Она была помолвлена с сыном мельника Полем, который отбывал военную повинность и должен был возвратиться через год.

Родители Шанталь, арендаторы замка, победнее, чем семья жениха, с удовольствием ожидали свадьбы дочери. Мельник особенно не торговался насчёт приданого, а у них подрастали ещё дети. Отпраздновать хотелось, однако, как следует. Для этого требовались деньги. И мамаша Мишу посоветовалась со своей кузиной -кастеляншей в замке. А уж та отвела Шанталь к домоправителю господину Бурвилю.

Приближался день ангела старого барона. Перед праздником в доме всегда много хлопот. Расторопной проворной девушке нашлось место в прачечной. Ей поручили поначалу отглаживать дамское платье и относить его в гардеробную.

Наивные карие глаза? О нет, Шанталь вовсе не была наивной. Она сломя голову бежала выполнять поручения, была прилежна и всегда весела и старалась как можно чаще попадаться господам на глаза. И баронесса заметила услужливую миловидную девчушку. Она любила вокруг себя красивые лица. Нелишне заметить, что барон – отец никогда не ронял себя до такой степени, чтобы крутить амуры с прислугой...

Словом, Шанталь получила повышение и сделалась младшей горничной. Теперь она в нарядном форменном платье и кружевной наkolке проводила много времени среди обитателей замка и училась хорошим манерам у экономки мадам



Домье. Держалась Шанталь скромно и, борони боже, не пропускала ни одной воскресной мессы. Хозяйка с годами сделалась очень строга на этот счёт. Она много жертвовала на церковь, щедро раздавала милостыню и пеклась о фамильной чести. Баронесса имела прекрасную репутацию добрейшей женщины. И, как это ни странно, большой демократки. Сословные барьеры, казалось, не имели для неё никакого значения.

Когда в доме впервые появился молодой офицер, старший сын барона, Шанталь прослужила в замке уже около полугода. До возвращения жениха и их свадьбы оставалось всего несколько месяцев.

Неизвестно, как сложилось бы дальнейшее, не будь Шанталь слегка болтлива. Ведь ловкости ей, право, было не занимать! Ну, кажется, когда перед тобой появляется молодой красавец и щёголь, как не потерять головы? А Шанталь вовсе не была ослеплена. Она решила сыграть ва-банк. И провела свою партию как по нотам, ни на шаг не отклоняясь от цели.

А Эрнст был сделан вовсе не из гранита. Он не привык волочиться за горничными, но когда служаночка так настойчиво делает авансы, взгляды её так красноречивы, декольте так соблазнительно откровенно... Однажды хорошо выпив с приятелями после охоты на косулю, он не устоял. Да и кто б устоял? Тем более, девчонка, зубоскалившая и строившая ему глазки, однажды совершенно недвусмысленно объявила, что она уже... Ну, Вы понимаете...

Зато потом Шанталь разыграла целую комедию. Ах, как только молодой господин мог подумать? Она честная девушка! Сказала? А что она сказала? О, это? Она всего лишь застенчиво призналась, что – да! Уже! Один раз поцеловалась с женихом!

Надо признать, Эрнст выслушал всю эту чепуху в пол уха. Истинные намерения горничной ему и в голову не приходили. Она была так свежа и хороша! И Эрнст небрежно грешил дальше, когда случалось подходящее настроение. Он бывал дома наездами, оставался несколько дней и снова уезжал.

Как раз к рождественским праздникам у кареглазой плутовки не осталось сомнений. Она забеременела. Теперь следовало действовать, не откладывая. Ведь появление красавицы кухни могло спутать все её планы.

Шанталь всё продумала заранее. Она вовсе не кинулась к молодому офицеру с рыданиями и угрозами покончить с собой. Она облачилась в строгое платье с белым воротником и манжетами, напоминавшее одежду послушниц в монастыре, и однажды вечером склонила повинную голову к ногам баронессы. Личико её побледнело – в начале беременности и вправду часто мутит. Сырая луковка помогла глазам покраснеть. Кроме того, оказалось, что во всём признаться и впрямь страшновато. И поэтому даже не пришлось слишком притворяться. При первых её словах слёзы сами не заставили себя ждать.

Чего она ожидала, после всех этих: «Ах, мне так стыдно,

моя дорогая госпожа! Но я.. я безумно люблю мсье Эрнста. И несмотря ни на что, я счастлива и горда, что скоро стану матерью его ребёнка. Простите ли Вы меня? О, он не виноват! Пусть я одна стану жертвой Вашего гнева! Но Вы так добры, и Вы, я знаю, не проклянёте его!»

Шанталь воображала себя героиней одного из бульварных романов. Сейчас после нескольких минут замешательства баронесса Агнес, слушавшая её признания с каменным лицом, тоже прослезится и, кликнув сына и пожурив, быстро смилостивится. Призовут старого барона. И после семейного совета прикажут сыну на ней немедленно жениться. В худшем случае она станет признанной подругой младшего Эрнста, поселится в замке и будет воспитывать внука его господ, а несколько позже всё равно... Впрочем, Шанталь не думала о худшем. Баронесса обязана оправдать свою репутацию ревностной католички с сердцем из чистого золота!

И тут нашу героиню ожидал пренеприятный сюрприз. За всё время признаний и восклицаний Шанталь баронесса-мать не вымолвила ни слова. А когда девушка умолкла, сказала, что всё услышанное обдумает. Затем добавила, что Шанталь следует дожидаться, когда её позовут, завтра на работу не выходить, в господских комнатах не появляться, а сидеть у себя. Что с Эрнстом ей до решения господ встречаться не следует. С сыном она поговорит сама.

При этих словах баронесса взглянула на Шанталь так, что у той похолодела спина. Затем она отпустила её движением

руки.

Шанталь, не посмев ослушаться этого властного жеста, вышла. Горничная отправилась напрямик в свою комнату, где и расплакалась уже без помощи репчатого лука.

Баронесса же, пообещав поговорить с сыном о происшедшем, намеревалась так и сделать. Но наперёд она приказала вызвать к себе кастеляншу Жюстину Сорель, а через час и экономку Домье. И не даром.

Она оказалась полностью права. От опытных зрелых женщин, преданных слуг дома, привязанных к господам, не укрылась девчонкина интрига. Кроме того, она не была достаточно осторожна. Шанталь делилась со своей подружкой, дочкой кухарки, Флёр. Та, в свою очередь, не замедлила рассказать всё матери, а мать – Жюстине. Они хихикали и возмущались её намерениям втереться в семью господ. Однако ни на секунду не приняли их всерьёз.

– Моя милостивая госпожа, и я сама своими руками привела эту маленькую негодяйку к Вам в дом! Вы спросите, почему я Вас не предупредила, когда до меня дошли разговоры? Да я, каюсь, думала – это пустая болтовня! Влюбилась в молодого хозяина и фантазирует! – ломала руки Жюстина. – А я старая дура, когда заметила, что Шанталь вьётся вокруг молодого господина, только посмеялась. Решила, что он ей, конечно, не по зубам. Да что капитан? Прости меня господи, ну с кем из мужчин такого не бывает по молодости? Но вот девчонка! Да как она даже помыслить могла, это уму непо-

стижимо!

О, у мадам Домье при одном таком предположении волосы начинали шевелиться на голове.

– И эта бесстыдница – просватанная невеста! – возмутилась, наконец, её тётка Сорель, уперев руки в крутые бока. – Вот скажу её родителям, и отец задаст ей перца. А господин кюре! А соседи! Ведь теперь позору не оберёшься!

– И именно поэтому вы обе никому ничего не скажете, – твёрдо заявила баронесса, – вы будете держаться со всеми так, словно ничего не произошло. Шанталь же пусть сидит под домашним арестом. Жюстина, позаботьтесь, чтобы она ела у себя, и приносите ей еду. Об остальном я распорядюсь сама. Семейству Мишу пока тоже ни полслова. Вы обе хорошо меня поняли?

Женщины закивали. А баронесса, прекрасно владевшая собой, сделала каждой по небольшому подарку, пожелала доброй ночи и, с этими словами, отпустила их восвояси.

Прошло несколько дней. Слухи, взявшиеся неизвестно откуда, всё-таки поползли. Кузина Белла снеслась с родителями, и, сославшись на нездоровье, уехала из замка до срока. Сам капитан отбыл ещё раньше неё, будучи неожиданно срочно вызван в полк. Из попытки поженить молодых людей ничего не вышло. Родители Беллы, очень богатые люди, остались страшно недовольны. Они считали Эрнста вполне подходящей партией. Барон же и баронесса были просто возмущены!

Перед отъездом мать переговорила всё же со своим сыном. Она и в самом деле была добра и достаточно широких взглядом, и, если бы он, паче чаяния, признался, что жить не может без Шанталь... Ну что ж, она попыталась бы открыть ему глаза на истинное положение вещей. Но никаких громов и молний не последовало б. Да и что они с отцом могли сделать? Эрнст был давно и совершенно безнадежно независим.

Однако, капитан, как и следовало ожидать, пожал плечами и смущённо сообщил, что он очень сожалеет. Что эта глупая история и юная идиотка испортила семье рождество. Что он просит у матери прощения. И будет ей бесконечно благодарен, если это дело удастся теперь без шума замять. Его, капитана, кошелёк находится для этой цели в её полном распоряжении.

Эрнст покраснел, и, после паузы, дал честное слово офицера, что и не думал соблазнять «эту невинную овечку», совсем напротив. Она навязалась ему сама. А он ни слова не говорил Шанталь о любви и никогда ничего не обещал.

Агнес склонила голову и ответила, что обдумает, как следует поступить. Пусть он уезжает и больше не вмешивается. Она ему сообщит, сколько потребуется денег. Ни в коем случае нельзя позволить себя шантажировать. Поэтому переговоры с девицей они с отцом берут на себя. И капитан, и впрямь, уехал, не повидавшись даже с «роковой соблазнительницей».

Господа из замка в первую очередь обдумали, как изве-

стить семейство Мишу. Это были спокойные порядочные люди. Никто не хотел их обижать. Поэтому сперва к ним была послана кузина Жюстина. Затем экономка Домье, известная своей честностью, подтвердила неприятную правду. И Мишу, погоревав, решили, что – делать нечего! Надо постараться выбраться из беды с наименьшими потерями. Если взбалмошная девчонка устроит скандал, можно лишиться всего. Ведь договор аренды истекает в следующем году. О свадьбе теперь нечего и думать. Но надо жить дальше! А посему.

Тут девчонку переправили к родителям, которые тоже посадили дочурку под домашний арест. А вскоре и жених вернулся с военной службы.

Однако, легко сказать – выбраться из беды! Супругам Мишу следовало, во-первых, решить, как быть с Шанталь. Отправить в монастырь, где принимают таких проштрафившихся? Увезти подальше и поселить в скромном пансионе под присмотром надёжной помощницы? Барон и баронесса сразу дали понять, что за деньгами дела не станет.

Во-вторых, им выпала неприятная обязанность сообщить обо всем мельнику и его сыну. Вдовец Узбан выдал уже замуж двух дочерей и женил старшего сына. Поль был младшим и считался в семье шалопаем. Это был смазливый легкомысленный малый, больше всего на свете любивший свой аккордеон и игру в шары. Он нравился девушкам, был баловнем рано умершей матери и ждал от жизни только одних

удовольствий. Отец собирался приструнить его и пристроить к делу, чтобы молодец остепенился. Он хотел бы оставить ему мельницу. Сомнительно, чтобы из таких планов что-то путное получилось...

Когда стало известно, что дочка старого приятеля Мишу устроила им такой сюрприз, мельник гремел, грозил небу кулаком и ругался по-матросски.

Но Поль, узнав, что хорошенькая Шанталь наставила ему рога, повёл себя совсем неожиданно для всех заинтересованных сторон. После утренней мессы в воскресенье он явился в замок и попросил его принять.

Он долго разговаривал сначала наедине со старым бароном, а потом с баронессой Агнес. После чего Поль убрался домой, лихо насвистывая, и очень довольный. А хозяева замка отправились обедать с посветлевшими лицами, и барон велел подать к столу бутылку старой прекрасной мадеры, которую откупоривали в доме в особых случаях.

Не прошло и месяца, как Поль Узбан обвенчался с девицей Шанталь Мишу в крошечной деревенской церкви. Для этого они уехали подальше от Кольмара. И кроме родителей невесты и жениха на свадьбе не было никого. В замке Шанталь так и не появилась. Впрочем, свежеиспечённую супружескую пару вообще больше не видели в имении. Обе семьи вежливо, но скупно отвечали на все расспросы знакомых, что молодые отбыли сразу после свадьбы за океан. Там, де, у Поля живёт родной дядя. Он бездетный и состоятельный, а по-



этому хочет, чтобы Поль вошёл в дело, а потом и унаследовал его. Крыть было нечем, дядя – богатый ресторатор в Лос-Анджелесе и уроженец здешних мест, действительно, имелся.

Шло время, разговоры постепенно затихли. Семейство Мишу без помех продлило арендный договор. Вскоре они оставили виноградарство и купили небольшую сыроварню. Дела их явно пошли на лад. И если бы не вторая мировая война... Но это уже другая история.

## **29. Обсуждение новостей. Тимур Бекбаши**

– Ничего не скажешь, новости были что надо. – Петр, доверявший вообще своей интуиции, решил, что был прав с самого начала. – Ну не говорил ли я, где собака зарыта? И что же? Этот эльзасец действительно отец Эрны, пусть мы не знаем, как это получилось. Она его наследница. А наследство, само его существование уже провоцирует. Всегда найдутся другие претенденты. И уж внебрачный ребенок – классический претендент. Вот тебе и мотив!

Синица объявил полный сбор всей команды, доложил обстановку и приготовился выслушать своих друзей. Первым начал говорить Олег Майский.

– Ребята, Вы представьте только себе глубокое среднесовковое, семидесятые годы, к примеру, и эту историю. Если бы кто узнал, так одной зависти хватило б с лихвой, чтоб изве-

сти такую Эрну! Батюшки-светы, отец французский барон! А с другой стороны, это, несомненно и беспрерывно, убойный компромат. Тот самый, который отчиму ходу не давал! Кто-то, видимо, раскопал. Вот только, кто?

– Раскопать органы могли. Они и давили. Это дело обычное. Только как-то странно давили. Зачем им маскироваться? Они могли. Нет, не понимаю, – нахмурился Расторгуев.

– Не сын же американский внебрачный им всем не давал дышать. Прямо из Штатов руководил! Вообще мы о нем пока ничего не знаем. Он где? По-прежнему у дяди Сэма? – добавила Луша. – Пока больше вопросов, чем ответов. И кстати, он сам знает, чей он сын? Кто он по профессии? Да жив ли он еще, он мог давно умереть? Поэтому, первым делом.

– Вполне справедливо, Лу. Запишем в решение, что мы заказываем всю необходимую информацию об этом сыне. Мое следовательское сердце трепещет, я всю дорогу ожидаю, что бандитские паруса надуты французскими ветрами.

– Ты, шеф, лучше признайся честно, что с удовольствием опять сгоняешь в Кольмар в приятной компании, – лукаво вставил Майский.

– А что? И сгоняю! – не стал отпираться Синица.

– Можем ли мы серьезно предположить, что этот брат за чем-то похитил Эрну, а до того последовательно отравлял ей жизнь, не знаю, – сказал Олег, – но это действительно реальный претендент на. А собственно, на что? На наследство? – ту же усомнился он.

– Знаешь, вполне возможно на наследство в какой-то форме. Пусть не на ренту, она персональная, но особняк и земля – это деньги. И я о другом подумал. Этот человек должен быть страшно уязвлен и оскорблен. Старый барон давно умер. Он не может ему высказать своих чувств. А выместить их на Эрне? Он непризнанный, незаконный никому не нужный ребенок. Эрнэ – другое дело. Ее ожидает наследство, но не только. Это она Эрнестина Гокар де Коссе, где бы она там не была и не жила. А он?

Петр встал, прошелся по комнате, достал блокнот, полистал его и повернулся к Луше.

– Вот еще что. Тоже запишем обязательно. Настала пора Куприянову поведать о де Коссе. Я его проверил вдоль и поперек. Он не ведет двойную игру – и я не стану. Он все время предлагает деньги на нашу работу. И было бы непорядочно дальше скрывать от него настолько важную тайну. Но тут вот какое дело. Мы не можем ему запретить встретиться с сыном. Он начнет рассказывать Паше о себе. Коснется неминуемо прошлого. А мы мало знаем о Паше. Как он среагирует? Кому расскажет? Да не замешан ли в чем и сам сыночек? Коротко говоря, Паше про летчика-деда расскажу я сам! Поэтому надо хорошо обдумать, когда, как и что нам сказать его отцу.

За окном валил снег крупными хлопьями. Снегопад начался давно и неутомимо продолжался до вечера. Город, как обычно, начал задыхаться и останавливаться, как усталая ло-

шадь в глубоких сугробах. Но одновременно белая пелена, опустившаяся на оживленные улицы и запыленных пешеходов, укрыла и сгладила шероховатости и углы, мусор и колдобины. Снег все падал беззвучно и неустанно. И вокруг утихло, и хорошело.

В домике около Маросейки в кривом узком переулке, где обосновалось детективное агентство Петра Синицы, в такие дни сотрудники особенно ценили предусмотрительность своего начальника. Кирпичный теремок был выстроен прочно и с умом, а в подвале сделаны нешуточные запасы. В доме имелись автономные аварийные системы, а среди них свой движок, артезианская скважина и насос. Олег Майский ревностно следил, чтобы для его любимого детища – голландской печки не переводились хорошо высушенные березовые и сосновые дрова. Сейчас он встал, подкинул полешко и подсыпал немного из жестяной банки со своими смесями, которые его друзья именовали по-разному, а Луша Костина называла «лешие травки». Но на этот раз, верно, тут была не трава, а хвоя, потому что в комнате сразу запахло елкой. И Луша, с удовольствием втянув воздух прямым носишкой в веснушках, встала с подушки, где она пристроилась рядом с Лордом, и подошла к окну.

– Какая зима! – восторженно ахнула она, – как будто и никакой Москвы за дверями, а только снег и еще деревья в снегу. Так было задолго до нас. Так будет и без нас.

– Лушонок, это грустно звучит. А интересно, для тебя «за-

долго», это когда? – осведомился Володя Расторгуев.

Мне недавно пришло в голову, что шестидесятые годы, для молодежи, это уже страшно давно.

– И особенно интересно, Володька, что скоро повзрослеют люди, которые родились без советской власти. Я думал, кстати, о взрослых в сороковых годах. Тех, кому после войны исполнилось примерно столько же, сколько веку. Ведь они должны были хорошо помнить царскую Россию. Могли сравнивать. Еще видели мир. А лет через двадцать такие свидетели вполне могли бы нам рассказать, какой она на самом деле была, – поддержал Майский Расторгуева.

– И что, рассказывали? – поднял голову от бумаг Сеница.

– Я не слышал. Похоже, и мои родители тоже. А ведь могли всякое вранье если уж не разоблачить, то хоть скорректировать, что ли. Видите, братцы, у нас теперь просто на глазах формируются новые мифы о советском прошлом. Какие со знаком минус, какие – плюс. Последних куда больше. А мы, кстати, живые свидетели.

– Ну, в прежнее время всегда трава зеленее, это ясно. Лето тоже теплее, а зима холодней.

– Э, брось. Зима у нас сейчас настоящая. Я бы скучал без зимы, засунь меня куда в Африку. Правда, я вообще жары не люблю, – пожаловался Сеница.

– Значит, Петь, ты в Израиль не захочешь, если выяснится, что Эрна там.

– В Израиль мы направим. Впрочем, смотря для чего. Од-

но дело – опознание. Другое – доставка Мухаммедшиной домой в Москву. А материалы для установления личности мы можем им переслать. Я найду способ это сделать оперативно. Только бы подтвердилось! Там как, Володь? – с надеждой повернулся к нему начальник «Ирбиса».

– Рано еще. Не хочу болтать раньше времени. Но есть обнадеживающие вещи. Подождем.

– А в Базеле? – в свою очередь спросил Расторгуев.

– О, тут новости хорошие. Паша вышел из комы. Он находится в заторможенном состоянии и очень слаб. Его держат на транквилизаторах и берегут от всего. С ним начал работать психотерапевт. И от него пока скрывают, как долго он пребывал в коматозном состоянии. Он по большей части в некоей полудреме.

– А о маме своей он спрашивает?

– Однажды спросил. Ему сказали, что мама уехала к черту на куличики на симпозиум и ничего пока не знает. «И что теперь будет?» —спросил Володя.

– Георгий Куприянов решил ехать к нему. Он говорит, парень там один. Что с его мамой, неизвестно. Как будет после такой передряги с его контрактом, тоже совершенно не ясно. Паша застрахован. На улицу его не выкинут. Но это как раз такой случай, когда помощь необходима. Но – какая, надо разобраться на месте.

– А не лучше ли Севе туда поехать? Вряд ли это удачный момент для выяснения родственных отношений, – засомне-

валась Луша.

– Лу, я с тобой согласен. Однако. У Севы своя жизнь и работа. И хоть он как настоящий друг поедет, куда угодно. Но если это может и хочет сделать Куприянов? Я думаю, он не навредит. Пусть попробует. А вдруг эти чрезвычайные обстоятельства помогут ему найти общий язык с сыном? Только он не знает ни одного европейского языка. Ему нужен переводчик.

– Так давай спросим Аниту Таубе! У нее два языка, и один из них французский. Для Швейцарии, где есть французские кантоны, просто идеальная комбинация, – с невинным видом предложил коварный Олег.

– Идеальная была бы с немецким. Но ты зря стараешься. Куприянов слишком красивый. Я его к ней на выстрел не подпущу! – отбрил Майского Петр таким серьезным голосом, что тот удивленно вскинул глаза. – Нет, если без дураков, Георгий сам знаком с каким-то парнем и хочет взять его толмачом. Они вместе служили. У того вкусная фамилия. Сразу вспоминаю отличное слово «бешбармак».

– Что, прямо так его и зовут – Бешбармак? – не поверила маленькая Костина.

– Да нет, его зовут-то – Тимур, а дальше просто похоже. Эх, забыл...

– Тимур, заканчивай, пожалуйста. Я через полчаса на стол буду накрывать. Тебе еще помыться надо, ты весь в струж-

ке. Жена заглянула в мастерскую, одобрительно оглядела новые рамы для парника, забрала пустой термос из-под чая и вышла. А что? И правда, пора уже поесть. Она сегодня котлет нажарила. К ним хорошо пойдет картошечка с молодым укропом и малосольными огурцами. А еще она сырников напекла. Тимур любит со сметаной.

«Б-р-р-р! Прохладно стало. Скорее в дом!» Татьяна зябко передернула плечами и поспешила по дорожке к крыльцу добротного загородного дома. Но перед тем, как войти, жена Тимура, военного переводчика – полиглота, разведчика с боевым опытом, высушенного афганскими и иракскими ветрами, говорившего на пяти языках, правда порой с чудовищным акцентом, и еще пяток понимавшего на слух, несмотря на вечерний ветерок, оглянулась.

Муж ее, невысокий, крепкий, как саксаул, зеленоглазый туркмен, вышел в отставку, не нажив миллионов. Но они не растерялись и завели в ее родительском доме в Ильинке свое хозяйство. Работали всей семьей, наладили отличные парники, выращивали цветы, потом занялись птицей и кроликами. Во всем этом ее опыт дипломированного животновода, окончившего Тимирязевку, им всем пригодился как нельзя лучше.

И как Таня умудрилась незаметно для мужа-офицера вырастить троих детей и получить диплом? Выскочила-то она за него восемнадцати годков от роду, молодая дуреха! Влюбилась! Потом пошли один за другим малыши. Муж вечно в



отъезде. И все-таки она сдюжила! И вот теперь просто приятно посмотреть. У них все свое. Денег тоже хватает. Хоть они с Тимуром за деньгами никогда не гнались.

Татьяна оглядела с удовольствием свои ухоженные клумбы и свежевыкрашенный фасад – все хозяйственные постройки располагались позади и не портили впечатления – и скрылась в дверях. Скоро за ней в дом вошел и хозяин.

У Тимура были золотые руки и хорошая сметка. Он стал и каменщиком, и плотником – всему научился, когда понадобилось. Помогал жене и с животными, а сейчас начал подумывать о нутриях.

«Вполне можно завести. Сосед предлагает на пару заняться. Места хватит, и вода есть. А потом и мастерскую открыть... Да, можно. Танька только обрадуется новому делу. Она такая. Все, вроде, в порядке,» – уговаривал себя Тимур.

Он собирался поужинать и прикинуть на бумаге, что понадобится для крысок. И в интернете надо поискать. А Таньке дать задание найти литературу. Она все это любит.

Она – да, – вздохнул Тимур и поморщился. Он отчаянно скучал.

Котлеты вышли сочные. Тимур проголодался после работы. Он умял целую тарелку, а потом с неменьшим удовольствием принялся за пахнущие ванилью сдобные сырники. Румяные и пышные, они исчезали один за другим. Он уже приступил к четвертому, когда на кухне зазвонил телефон и Таня недовольно оглянулась. Она не любила, чтобы мужа

отрывали от ужина.

– Кто бы этот мог быть? Дети сегодня уже отзвонились, а больше я никого не жду. Тима, если тебя, я скажу, чтобы попозже, ладно? Остынет все!

Но он уже шел, дожевывая на ходу, и, зажав трубку между плечом и ухом, привычно отчеканил.

– Майор Бекбаши. Слушаю Вас! Однако спустя минуту его лицо смягчилось, осветилось улыбкой, и сдержанный Тимур неожиданно радостно заорал. – Герка! Герка Куприянов, ах ты, старый каракурт! Живой! До чего же я рад, ты откуда? Из какой такой... Да быть не может, в Москве? Ох, и он еще спрашивает! Встретиться? А то, как же! Попробуй только со мной не встретиться, я тебя изрежу на мелкие фрагменты и съем без соли. Когда-когда! Сейчас! Что? А если и деловое предложение, то еще лучше! Тут Тимур, слегка притормозив, покосился на жену.

Но она, услышав эту взволнованную тираду, только вздохнула. Таня Семина, она же майорша Бекбаши, хорошо знала своего мужа.

### **30. Куприянов впервые видит сына**

Георгий Куприянов добирался в Швейцарии до города Базеля вместе с Тимуром через Женеву. Так получилось. Потом им надо было минут десять ехать по железной дороге. Базелей оказалось два!

– Тимка, как бы я без тебя тут, старичина? Базель-Бад какой-то. Поди пойми. Но самое смешное другое. Это уже во все не Швейцария. Это Германия, шайтан ее побери! А ты лопочешь по- всякому. Раньше в Афгане по-сарацински и здесь по-фрицефски. Черт тебе не брат! Нет, вот чего не могу, того не могу. Для наших фельдшерских дел я с английским, правда, справлялся. Экзамены сдавал. Статьи читал нужные, пока учился и хотел знатным эскулапом сделаться. Но когда не получилось... Э, да ладно. Хорошо, все-таки, что хоть виза отдельная сюда не нужна, – бурчал Куприянов.

Базель-Бад – это, действительно, была уже другая страна. Пригородный поезд, он же международный, бесшумно катился по рельсам, и колеса не стучали на стыках. Он остановился вскоре на аккуратной станции с цветочными вазонами вдоль платформы. И Георгий, со времен плена не жаловавшийся за границу, но с любопытством все же поглядывавший в окно, подумал, что изменений никаких не заметил. Границы нет! Говорят и там, и здесь по-немецки. Ухоженные пригороды и городские кварталы с промышленными сооружениями около железной дороги ничем не отличались друг от друга.

Пашу перевели в специализированную клинику соседнего государства, раз она находилась поблизости и идеально подошла для его реабилитации. Страховка Европейского союза позволяет такие вещи. Он не так давно пошел на поправку. И сейчас нуждался в покое и оздоровительных процедурах. Он много спал. Гулял по парку, плавал, ходил на массаж. И

потихоньку начал уже посещать тренажерный зал.

После обеда он тоже обязательно спал часа два. А когда проснулся... Около его кровати сидел красивый седой дядя и смотрел на него с напряженным интересом. Еще один мужчина – невысокого роста, жилистый, с продольными морщинами на загорелом лице в солнечных очках стоял рядом. Этот был темноволосый, коротко стриженный и почти без седины. Как только Паша открыл глаза, он молча кивнул, отвернулся и отошел к окну.

– Пашенька, – тихо сказал седой, – ты проснулся? Здравствуй. Я приехал... Меня зовут...

Он встал. Снова сел, а потом забегал по комнате, не находя слов, смешавшись совершенно и потеряв голову от волнения.

Тимур ждал и думал сначала, не следует ли ему выйти. На стене висело круглое зеркало, в котором отражались отец и сын. Он незаметно покосился направо и вдруг поймал в нем молящий Куприяновский взгляд. Тогда он обернулся, снял очки и серьезно и спокойно обратился к молодому человеку.

– Паша, это – Георгий, мой фронтовой друг. А я майор в отставке, военный переводчик Тимур Бекбаши. Гера приехал из Москвы поговорить с Вами об очень серьезных вещах. Но ему трудно. А потому, если вы оба не против, начать могу я.

Паша, удивленный и недоумевающий, приподнялся на подушках. Он посмотрел прямо в глаза говорившего. Они ока-

зались зеленоватыми как морские камешки. Паша молчал и только переводил взгляд с одного из неожиданных посетителей на другого.

Услышав Тимура, Куприянов схватил его за руку, потряс, пробормотал слова благодарности и выскочил из палаты вон. А Тимур сел, и для начала достал свой собственный паспорт. Затем он расстегнул портфель, в спешке забытый Георгием, и вытащил оттуда его документы.

– Паша, посмотрите, пожалуйста. Это мы. Парень взял картонные книжечки и, мельком взглянув на фотографию Тимура в одной из них, впился в строчки, напечатанные на гербовой бумаге, с именем и отчеством – в другой.

– Тут написано, – с трудом выговорил он, – Георгий Антонович Куприянов, и год рождения, и фотография... Но так звали... Только такого не может быть! Его давно нет в живых.

Тимур заметил, как у молодого человека задрожали губы, и кровь отлила от лица. Однако отступать было поздно.

– Постарайтесь не очень волноваться. Это же хорошая новость! Только Гера действительно Ваш отец. Он.

Досказать ему не удалось. Парень вскрикнул странным высоким голосом, не похожим на свой обычный, побелел и задрожал. У него сделались судороги.

Тимур на секунду растерялся, а потом начал нажимать на все кнопки подряд около кровати. Вскоре прибежала сестра, а за ней врач. А Бекбаши выслушал с покаянным видом все,

что он думает о безответственных посетителях, подвергающих риску пациента, не так давно выведенного из комы.

Паше сделали укол, поставили капельницу и предписали полный покой. А мужчины отправились в отель в Базель, попросив разрешения справляться по телефону о самочувствии больного.

Младший Мухаммедшин пришел в себя через полчаса. Его перевели в отделение интенсивной терапии, где круглосуточный пост. Ночью дежурная сестра услышала, как больной что-то бормочет. Она обрадовалась – кажется, обошлось. Но что он такое говорит? Одно слово сестра поняла. Его почти все понимают. Остальное нет. И немудрено. Остальное было по-русски.

– Где мама? – спрашивал больной, не открывая глаз. Ему снилось, что он маленький. Пошел в ясли. А там совсем чужая тетя, вместо мамы. Но как же так? Это нехорошо. Надо объяснить. Надо ей просто сказать. И он повторял и повторял. – Мама? Где моя мама, тетя Галя? Идите за мамой!

Молоденькая сестричка с сочувствием вслушивалась в непонятные слова, обтирала пот с его лба и смачивала пересохшие губы.

– Какой симпатичный, – думала она, – и очень похож на итальянского актера. Как там его? Такой, с карими глазами. Правда, у того волосы темные, а этот блондин. Зовут-то актера Марио. А дальше как? Ну ничего, завтра спрошу у Жанин.

Прошло несколько дней, прежде чем очень осторожно Георгий Антонович с помощью Тимура сумел рассказать сыну свою невеселую историю.

### **31. Работа ожидания**

Потянулись дни ожидания. Синице, действительно, ничего другого не оставалось, вот он и ждал – Куприянова и Пашу из Базеля, известий от Интерпола из Израиля, новой информации из Франции из Эльзаса. Ренье со своей стороны продолжал розыски. Он взял на себя задачу отыскать сына Шанталь Мишу. И собирал все возможные сведения во Франции. А для этого следовало выяснить, не осталось ли там родственников Мишу и Узбан. В Америке, в свою очередь, он нанял агента, которому поручил действовать во всех направлениях. Прежде всего, постараться найти следы Шанталь и ее мужа. Затем, если это не получится, попробовать связаться с потомками дяди Узбана в Лос-Анджелесе – сам дядя скорей всего давно отошел в мир иной. Еще оставались родственники мадам Агнес, не исключено, что и они вспомнят что-нибудь еще. Ренье был полон энергии и надежд.

Дел у команды Петра хватало и без поисков Эрны. Надо было кое-что закончить, заняться рутинными обязанностями вроде налоговой декларации и собственным хозяйством. Но ничего нового Синица решил не брать. Все его мысли были заняты доктором Мухаммедшиной и ее необычной судь-

бой.

Как вдруг тяжело заболел Лорд! Собака кашляла. Глаза ее слезились. Ела она все хуже и хуже. Худела и слабела на глазах. Синица, глядя на это, сам извелся. Он спал с лица, его намечающийся, было, животик втянулся как у гончей, а в глазах появился нехороший лихорадочный блеск. По ночам он спал плохо и то и дело вставал, чтобы проверить, как там хаски. Так не хватало хороших новостей! И Расторгуев со своей историей по израильские дела подоспел как нельзя кстати.

Он ввалился однажды в «Ирбис» в хорошем настроении, резко контрастирующем с царившей там обстановкой тревоги и легкого уныния.

– Петрус! Похоже, что мы ее нашли, – загудел он с порога. – Я уверен – это наша пропавшая девушка! Но требуется еще подтверждение. Одних фотографий мало. Я тебе сейчас объясню. Понимаешь, пришла очередная новость.

Петр сделал в ответ вялый жест.

– Ты не маши руками, а вдруг? погоди, я расскажу. Нашлась женщина подходящей наружности и возраста.

– Живая или мертвая? – мрачно осведомился Синица.

– Живая, слава богу. И как раз в Израиле. Личность не могут установить. А ты помнишь этот разговор, что заказчик хотел «Сапсану» поручить ее доставить туда?

– Так мы же...

– Да погоди, говорю. Я помню, что мы выясняли. Ну не



улетала она легально. Ну, нелегко заторможенную женщину через такой кордон протащить. А вдруг ее все же именно туда, но не прямым путем, а круглым?

– Да как же?

– А я пока не знаю. Но есть предположения. Видишь ли, эта женщина, о ком речь, сейчас в больнице, вернее, в закрытом санатории. Ее спецслужбы там охраняют и очень интересуются, кто такая. Помнишь, ты объяснял, что тамошние спецслужбы шутить не любят. Теперь я и сам об этом подробно разузнал.

– Ну хорошо, и что с ней стряслось? Почему личность не установлена?

– Ее отбили у каких-то экстремистов. Там была целая группа добровольцев иностранок-врачей. Они пользовали неимущих, в том числе нелегальных эмигрантов и проституток. Это не глянулось местным традиционалистам всех мастей. Я тебе приготовил распечатку. Почитай. Так вот, двоих захватили в знак протеста и держали в жутких условиях. Их освободили, слава богу, и у них с документами все в порядке оказалось. Затем одна из освобожденных благополучно отбыла к себе в Италию. Другая – по паспорту из Бельгии – была тяжело больна. Ее стали лечить и послали о ней запрос в Брюссель, но такой гражданки там не нашли. Что еще интересней, ее не было среди живых. А на кладбище в родном городе – пожалуйста. Похоронена по всем правилам и, вроде, не воскресала.

Вот такая чистейшая работа очень не понравилась Моссад. Так готовят только настоящих агентов. Подлинные документы, и человек, не вымышленный, а реальный. Только уже усопший.

– А что она сама говорит? Или она не в себе?

– Тут мы подходим к самому главному. Она рассказывает связную историю о самой себе, как бельгийской гражданке. Хорошую историю. Но это легенда. Вернее, частично – правда, только эта правда принадлежит усопшей. А остальное грамотно присочинено. И опытные психологи убедились, что она верит своим словам. Она, кроме длинного подробного текста, ничего не знает. Произносит несколько уклончивых фраз, и точка. При определенных вопросах она начинает плакать и впадает в депрессию.

При этом нет никаких сомнений, что она врач. Причем врач квалифицированный, разносторонний, с хирургическим и терапевтическим опытом. Но французскую терминологию знает мало, переходит на латынь. Наконец, состояние здоровья у ней до сих пор паршивое.

В общем, они там думают, что либо это супершпионка и гениальная артистка, либо она прошла глубокую психическую обработку. Личность стерта или «утоплена» под влиянием сильных психотропных средств. После чего внушена легенда. И на это больше похоже. Но кем и зачем?

– Фотографии прислали?

– Конечно. Только они плохие получились. Мы новые за-

просили.

– И ты думаешь.

– Очень может быть! Я вот что предлагаю. Посмотрим на фотографии, и даже если не слишком похоже, пошлем туда генетический материал для сравнения. Израиль вполне современная страна! У нас уже все готово. У Олега в лаборатории есть зубная щетка Эрны и расческа с остатками волос.

– О, тут у меня никаких возражений. Одна просьба, при твоих контактах с милицией, не забудь наши интересы оговорить. И пусть Олег все не отдает. Обязательно оставит у нас тоже экземпляры проб для контроля.

– Лады, Петь, спасибо. Только физиономия у тебя скептическая, как я посмотрю.

– Что я могу поделать! Звучит интересно, не спорю. Но понимаешь, ну не могу я поверить, что Эрна там! С какого бодуна? Впрочем, рад буду ошибиться. Лишь бы она нашлась.

Петр, было, несколько оживился. Но потом он посмотрел на собаку, растянувшуюся на подстилке, и вздохнул.

– Нет, так дело не пойдет. Завтра повезу его на консилиум. Может наш ветеринар что-то просмотрел? Ты его щеночком не видел. Это был такой увалень, медвежонок пушистый. А вырос в огромного красавца! Его мне подарили, когда я «Ирбис» открыл. У меня есть друзья, муж и жена. Он искусствовед, а она фармаколог родом из Аугсбурга.

– Это где же? – сделал большие глаза Расторгуев, – я в

географии не силен.

– Аугсбург? В Баварии. А мой пес. Я без него теперь просто жизни не представляю!

– Петь, не убивайся ты так. Вылечим! Хочешь, я стану спрашивать у всех встречных – поперечных, не знает ли кто собачьего эскулапа. Всегда есть врачи и Врачи!

– Хорошо, Володь. Давай попробуем. Я совсем сбрендил из-за него. Запустил. Да нет, запустил дела, это чересчур, но я себе чертовски не нравлюсь. Ребят по делам разогнал. Один остался, а не могу себя даже почту заставить посмотреть. И нормальную, и электронную. Я Луше обещал, что сам сделаю. А вместо этого сижу как сыч и ною, что Лорду не становится лучше.

Зазвонил телефон. Петр подошел и буркнул несколько вежливых слов. Но телефон не унимался. И тогда Расторгуев предложил.

– Давай разгоним твою хандру и поработаем. Вдвоем веселее. Я посижу на телефоне. Если что срочное, тебя позову. Нет – запишу. А ты, действительно, почту разбери. И за Лордом я тоже пригляжу, -предупреждая возражения, добавил он

Расстроенный «начальник конторы» молча кивнул и вышел. Володя соорудил себе на полу лежбище из подушек и устроился рядом с больной собакой. Лорд тихонько заскулил. Володя осторожно погладил его, и пес закрыл глаза.

Снова раздался трезвон. Расторгуев представился секре-

тарем Синицы, выслушал собеседника и стал записывать его сообщение.

Синица вернулся примерно через час. В руках у него был конверт и несколько распечатанных страниц, сшитых вместе.

– Спасибо, что ты меня немного встряхнул. Я получил интереснейшие сведения от Ренье. Этот парень – просто находка. Он инициативный и знающий. И отрабатывает свои деньги сполна. Хорошая новость поменьше – они с управляющим осмотрели кладовые, где сохранилось еще немало вещей прежних владельцев. И обнаружили вольпертингера!

– Монстрика? Он что же там в клетке сидел или летал на просторе? У него ведь крылья есть?

– Смейся-смейся! Он выткан на гобеленах. Красуется на каминных и настенных часах. На столике для игры в карты выложен по дереву перламутром. Оказалось, это и впрямь амулет. Только не де Коссе, а Рогенау. Но он понравился барону и сделался любимым мотивом для украшений в его семье. Стало понятней, почему он на медальене.

Вторая хорошая новость, конечно, куда важней. Ренье раздобыл сведения о незаконном сыне французского летчика и изложил ее нам. Давай-ка почитаем вдвоем. Я их пока только проглядел по диагонали.

– Петя! Так это, если от Ренье, на французском? – жалобно протянул Володя.

– Нет, для меня рапортуют, в основном, на английском, –

помотал головой Синица.

– Да мне один бес! Читать по-великобритански я могу, но не больше.

– Ох, извини. Я не подумал. Не страшно, я тебе переведу. Мне все равно надо будет перевод для всей команды наступать. Так потренируюсь. А знаешь что? Можем даже включить диктофон.

На следующий день «Петр со товарищи» обработали и отредактировали эту запись. Ренье действительно изложил результаты своих изысканий. Для героя его рассказа Фреда все началось однажды в его собственном кабинете.

## **32. История сына Шанталь Мишу и Эрнста де Коссе**

– Мистер Узбан, как Вы себя чувствуете? Выглядите Вы сегодня куда лучше, но голос... Я заметила, Вам всё ещё трудно говорить. А этот Ваш Мейджер такой болтливый! Сделать Вам что-нибудь горячее?

Миловидная шатенка лет тридцати сочувственно поглядела на своего босса, на его припухший нос и покрасневшие глаза. Он в ответ только пожал плечами.

– Ничего страшного, но всё равно спасибо за заботу. Мейджер страшный зануда. Но он купил большую партию Бордо. Он заказал Мерло и Божоле по хорошей цене. Поэтому нам грех жаловаться. Мы, во всяком случае, не в накладе. Но Вы правы, Дениз. Я с удовольствием сделаю небольшой пе-

рерыв. Через час приедут французы. Я согласен купить у них коньяк, но надо поторговаться. А перед этим давайте вместе выпьем... Чего бы? А, вот! Мне – глинтвейн. Вполне подойдет. На улице так промозгло. И моему горлу не повредит. Положите ещё ломтик лимона, будьте добры! А что Вы сами хотите?

– Да я тоже выпью с Вами глинтвейна за компанию.

– И отлично! Посидим и обсудим предстоящий разговор. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы нам не мешали. Полчаса никого не пускать и не беспокоить

Помощница Дениз вышла из кабинета, а Фред Узбан открыл вишневый скоросшиватель с бумагами и углубился в работу. Ему нужно было несколько писем подписать, одно-два прочитать, взглянуть на новые рекламные буклеты винного салона, пришедшие из типографии, да мало ли... Фред решил, что сразу после разговора с поставщиками из Франции уедет домой и отлежится. Он бы и отложил их визит, да это были старые, почти дружеские связи. Он много лет покупал у семейного предприятия «Леже и сын» «вдову Клико», а теперь решил для предстоящего салона представить с их помощью коллекцию коньяка. Ничего, сейчас они выпьют горячего, и ему станет легче.

Не прошло и десяти минут, как в кабинет снова вошла Дениз с подносом, на котором дымились высокие стеклянные бокалы. По комнате поплыл аромат корицы, лимона и мускатного ореха. К несчастью, для заложенного носа мисте-

ра Узбана это благоухание осталось совершенно недоступно. Зато он залюбовался глубоким гранатовым цветом напитка, случайно подсвеченным настольной лампой.

Когда же он перевёл глаза на лицо своей сотрудницы, то заметил непривычно смущённое выражение её лица.

– Дениз, – обратился он к молодой женщине, – с Вами всё в порядке?

– Да... то есть, не совсем, шеф, – ответила неуверенно она. – Видите ли, я услышала, как Джо пререкался по телефону с...

– С кем? Да говорите же, что это на Вас нашло? Вы, если надо, способны остановить рассерженного гризли!

– Гризли? Пожалуй! Но это была мадам... Мистер Узбан, мадам Узбан сейчас сидит в приёмной. Вернее, она сейчас там очень громко кричит. А Ваш секретарь из последних сил держит оборону! Уф-ф-ф, ну вот я всё и сказала.

– Так, – Фред помрачнел, – моя мать прорывается сюда. Я не видел её уже около года и начал, было, подумывать, что она угомонилась. В конце концов, ей уже за пятьдесят!

– О, она прекрасно выглядит! – дипломатично заметила Дениз.

– Шеф? – она вопросительно посмотрела на Узбана. – Что мне сказать Джо? Вас украли марсиане? Что Вы в Бразилии? А может, на Аляске?

– Нет, моя дорогая, всё это бесполезно. Она устроит скандал, а то и позовёт репортёров. Тут ничего не поделаешь.



Просите! А сами подождите, пожалуйста, пока я не позову.

Просторное бюро Фреда, обставленное модной офисной мебелью с помощью дорогощего дизайнера, выглядело внушительно, и вместе с тем чем-то напоминало холл присутственного места – ведомства или министерства. Ни малейшей индивидуальности, ни следа личности хозяина. Не было в нём и обычных портретов близких – жены и детей.

Ни спортивных наград, ни охотничьих трофеев, ни фото парусной яхты – ничего. Мебель в светло-серых и чёрных тонах только подчёркивала общий холодный стиль.

Фронтальная стена в бюро была выполнена из сплошного полихромного стекла, тоже стоившего уйму денег. Оно мягко меняло цвет в зависимости от освещения. Сквозь него открывался отличный панорамный вид на город. С наружной стороны, однако, наблюдатель не увидел бы ничего. Хотя какой там наблюдатель на четырнадцатом этаже тридцатиэтажного небоскрёба?

Слева вдоль стены в глиняных шершавых сосудах стоял разновысокий бамбук, справа – журчала вода. Она сочилась из куска необработанного мрамора с тёмными прожилками.

Но женщина, влетевшая вихрем через несколько минут и затормозившая на полном ходу в двух шагах от письменного стола, по сторонам не смотрела. Это была худющая крашеная брюнетка средних лет с густыми волосами, отливавшими аж зелёным. Ее волосы были выкрашены, но угольно-черные глаза сверкали вполне натуральной яростью. Женщина была

затянута в костюм из красной с чёрным искусственной кожи, умело, но ярко подмазана и страшно возбуждена. На её щеках горели алые пятна. А слегка дрожащие пальцы рвали на мелкие клочки случайно подвернувшийся бумажный платок.

– Фред! – громко заговорила она срывающимся голосом. – Фред, что это значит? Ты не велишь меня впускать, я просто ушам своим не верю. Так обращаться с родной матерью! Как тебе не стыдно!

Она шумно вздохнула и трагически, заученным жестом прижала руки к груди. Но не получив ответа, слегка сбавила тон.

– Боже, ты даже не предлагаешь мне сесть...

– Здравствуй, мама. Не велю пускать? Но ты вошла. Садись, пожалуйста, и объясни, что тебя ко мне привело. У меня мало времени. Скоро сюда явятся клиенты по делу.

– Ах, что это за вечные дела! Да и какие дела могут быть важней, чем мать? Я...

– О, прошу тебя, не начинай снова эту песню. Мы оба превосходно знаем, что, если бы я в жизни не преуспел, ты бы и не вспомнила обо мне. Чего ты хочешь? Я не живу с тобой с четырнадцати лет. Я чудом выжил на улице и в трущобах среди всякого сброда, питаюсь отбросами и якшаясь со шпаной и подонками. Как меня не убили? Как я не спился, не стал наркоманом, сам не понимаю!

Хотя, нет. Нет! Пожалуй, понимаю. Я – не – хотел! Да, это

удивительно! При такой матери, которая меня даже покормить, и то забывала. При отце... Господи, как вспомню: игрок, пьяница, не пропускавший ни одной уличной драки. Да он меня только бил и орал, пока я однажды не убежал из дома совсем. Ты что, меня искала тогда? Все глаза проглядела? Только не лги! Я же всё знаю. Да если бы меня не подобрали китайцы, хозяйева «Белого лотоса», и не взяли помощником на кухню... А, не всё ли тебе равно! И вот ты после стольких лет разузнала, что у меня есть деньги, и с тех пор преследуешь меня. Ты уже всюду побывала. И с тобой беседовали мои адвокаты. Ты знаешь, любой суд будет на моей стороне. Но ты не оставляешь меня и моих сотрудников в покое!

Фред стиснул челюсти и сжал кулаки. Прошла минута. И он снова с возмущением заговорил.

—Послушай, я назначил тебе небольшое пособие, и ты его исправно получаешь. Прошёл год. И вот снова всё начинается! Учти, больше ты не выжмешь из меня ни гроша. И если не прекратишь провокации, я тебе обещаю, что ты его лишишься. А я на ветер слов не бросаю! И дело тут совершенно не в деньгах...

Фред волновался всё сильнее и сильнее. На мать он не смотрел. Когда он закончил, его трясло. Он изменился в лице, его левая щека задёргалась. Затем нервный тик перекинулся на веко. Фред инстинктивно схватился за глаз, словно пытаясь удержать дрожь. И тут его взгляд упал на Шанталь.

Странно! Она села, когда он это предложил, и как толь-

ко сын заговорил, замолчала. Она не пыталась его прервать, не кричала и не рыдала, не сыпала оскорблениями. Это было на неё не похоже. А ведь Фред Узбан не зря помянул репортёров. Мадам Узбан уже дважды созывала пресс-конференцию. И нашлось немало охотников послушать о миллионере-винооторговце, существе чудовище скупости, обижающем свою маму – бедную вдовицу.

«Почему на этот раз она сидит тихо? Почему смотрит в пол, опустив голову, и не пытается даже врать и изворачиваться? Почему она не защищается?»

На секунду Фред заколебался, но не позволил себе смягчиться. Он нахмурился, коротко вздохнул и промолвил.

– Я жду. Как я уже говорил, я спешу.

Но мадам Узбан продолжала молчать. Она наклонилась вперёд, опустила руки. И её красное с чёрным одеянье на худеньком теле напомнило сыну алые надкрылья высохшего жука-солдатика. Наконец, она подняла голову.

– Фредди, мне нужны деньги. Маленькое пособие не поможет. Я больна, у меня туберкулёз.

При этих словах её голос зазвенел и снова сорвался.

– Нет не потому, что я хочу жить. Вовсе я больше не хочу! Но я уже пыталась... И у меня не получилось. Ты можешь проверить! – заторопилась она. – Меня нашли! Я попала в госпиталь Святого Антония, там могут подтвердить. Поэтому... Поэтому, хочешь, не хочешь, а приходится! А я.. – она закашлялась и махнула безнадёжно рукой.

Это было слишком даже для Узбана. Слушать невозможно. Но как не противно, а проверить придётся.

– Мама, я сейчас вызову своего секретаря, и он сделает всё, что нужно. Ты пройдёшь обследование. Если тебе требуется лечение, ты его получишь. Слушай внимательно. Никаких денег на руки я тебе не дам, но моё доверенное лицо заплатит по всем счетам. Можешь об этом не беспокоиться.

Шанталь Узбан встала. Она выпрямилась и попыталась улыбнуться.

– Что же, спасибо. Что бы ты обо мне ни думал, мне на этот раз совсем не хотелось просить тебя о помощи. Но у меня не было другого выхода. Я не могу больше петь и танцевать на сцене и этим зарабатывать.

Она пожала плечами, помолчала и негромко пробурчала.

– Я понимаю... Ты отчасти прав. Я не была образцовой матерью. Но я тебя отблагодарю. Пусть я не смогу вернуть деньги, я принесу тебе пользу по-другому. Ты даже представить себе не можешь, чем я располагаю! Я дам тебе...

Фреду показалось, что он ослышался. Его лицо запылало от гнева. «Что ещё за новые штуки? Что она придумала? Может быть, шантаж?» Тень жалости, закравшаяся в его душу, немедленно испарилась, и он вскочил.

– Дать – мне? Деньги меня не интересуют. Их хватит и для моих детей, которых нет, и для... Одним словом, моё настоящее сейчас в полном порядке. А искалеченное детство уже не изменить. Так что ж тогда ты можешь мне «дать»?

Другое детство?

Черты Шанталь Узбан исказились. Лихорадочные пятна на лице загорелись ещё ярче. Когда она заговорила, голос её звучал глухо.

– Нет, – медленно начала она и остановилась. – Нет, другого детства я дать тебе не могу. Зато я могу дать тебе... другого отца!

И она, с трудом подбирая слова, рассказала Фреду, стараясь себя по возможности щадить, но довольно откровенно, как «положила глаз» на молодого барона. Как соблазнила его и забеременела. Но из планов женить его на себе ничего путного не вышло. Не получилось и накрепко связать с ним свою жизнь, пусть без брака.

– Баронесса – мать предъявила мне ультиматум, – рассказывала Шанталь. – Я должна была исчезнуть на определённых условиях. А у меня был жених. Когда он узнал обо всём, то вместо того, что б возмутиться, пришёл в замок и предложил жениться на мне и узаконить ребёнка. Он выговорил себе за это большие деньги. Мы обвенчались и уехали в Америку.

– Мне было тогда шестнадцать, – объясняла она совершенно потрясённому сыну, – и меня не спрашивали, согласна я или нет. Ведь когда родителям стало известно о моих художествах, со мной никто не захотел больше знаться. Собственных средств у меня не было. А перед самой войной. О, тогда не то, что теперь! С девчонками вроде меня, «попав-

шими в беду», вовсе не церемонились. А я чувствовала себя, конечно, виноватой и покорилась. Мы очень быстро испарились из Франции. Поэтому ты родился здесь и стал полноправным американцем.

Но Поль Узбан мне ничего не простил. Да, я была маленькая бесстыдница, расчетливая бестия! Но мне, всё-таки, едва сравнялось семнадцать. И то через полгода. И если бы он захотел жить по-человечески... Но он только играл и пил. Деньги он быстро растратил, тебя возненавидел. Я стала выступать в казино, петь и танцевать, а Поль всё чаще...

– Мама, это я помню достаточно хорошо, – остановил Фред Шанталь.

Его лицо исказила гримаса боли. В комнате некоторое время стояла тишина. Наконец, Фред справился с собой.

– Итак, ты хочешь сказать, что негодяй, измывавшийся надо мной в детстве, который, в конце концов, замёрз под забором, когда спяну заснул на улице, мне не отец? Что же, ничего не имею против. А, может, и тебе я не сын? Я бы совсем не удивился. Ты никогда не проявляла ни капли материнской любви. Только почему я должен всему этому верить? Знаешь, – он поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза, – не нужно ничего сочинять! Если ты и впрямь больна, а это похоже на правду – ты неважно выглядишь.

Бывшую актрису передёрнуло. Слышать такое всё же было невыносимо.

– Так вот, всё, что нужно для достойной, но скромной

жизни, больна ты или здорова, тебе будет обеспечено. Больше, как я уже сказал, тебе не видать ни за какие коврижки. Фантазируй не фантазируй! И если твоя история – ложь, пеняй на себя!

– Фредди, – устало ответила Шанталь, – мы вместе отправимся к «Братьям Дезире» в нотариальную контору, надо им просто позвонить и условиться. Там для тебя все эти годы лежит письмо. Ты мог получить его, как только тебе исполнится двадцать пять, если я этого захочу. Это единственное, на что я имела право... Что было предоставлено мне... Понадобится – не понадобится... Я решаю! И теперь...

Язык её стал заплетаться. Лицо приобрело мертвенный сероватый оттенок. Она покачнулась, и прежде, чем Фред успел среагировать, сползла со стула, задыхаясь от лающего кашля. Шанталь Узбан на этот раз не притворялась. Она и впрямь была тяжело больна.

Мадан Узбан назвала сына настоящим американцем, и не ошиблась. В его душе бушевала буря. Он, зрелый опытный человек, преодолел тяжкие испытания. Он вышел из них жестким, бесстрашным и закаленным как дамасский клинок. Казалось бы, такой начнет немедленно действовать. Но Фред поступил по-американски и тут же обратился к юристу. Он позвонил старому приятелю. Уже на следующее утро у них состоялся такой разговор.

– Рэмси? Привет, дружище! Это Фред Узбан. Если ты



ждёшь, что я заговорю о гребле и бейсболе, то ты ошибся. Я сегодня строго по делу. Причём, ты будешь смеяться, мне нужны вы оба сразу, ты и твой брат.

– Здорово, Фредди. Рад тебя слышать. Брат, как всегда, в твоём распоряжении. Только объясни, что за пациент. Со мной хуже. Ты знаешь, я занимаюсь гражданским правом. И если твои проблемы связаны с бизнесом... Постой, да у вас свои юристы! Ну, ты меня заинтриговал, я...

– Рэмси, остановись на секунду. Ты постепенно всё узнаешь, само собой. У меня строго конфиденциальное дело. Именно поэтому я обратился к тебе. Что касается пациентки, то это моя мать. У неё туберкулёз. Обострение миновало, но она нуждается в длительном стационарном санаторном лечении. А юрист мне требуется для выяснения обстоятельств рождения, установления подлинности документов об отцовстве, отыскания родственников во Франции и т. д. Вообще, само направление розысков – восстановление прав, например права носить имя истинного отца. Обо всём этом следует подробно поговорить. Нужна грамотная консультация юриста. И полная, абсолютная конфиденциальность, как я тебе и сказал.

– Ну, Фредди, ты меня удивил. О матери от тебя не слышал. Вернее, ты мне в начале нашего знакомства кратко разъяснил, что к чему, и всё. Так, хорошо. А кто в таком случае «пациент» номер два? Кто хочет установить отцовство? Кому...

– Прости, я тебя снова прерву. Скажи, когда тебе удобно, и встретимся. Узнаешь подробности и увидишь документы. Но чтоб ты не ломал себе голову, я на один вопрос тебе отвечу сейчас. Ты спрашиваешь, кто второй «пациент»? Клиент, он же доверитель и «пациент», это я!

Прошло две недели. Фредерик рассказал Рэмси о своём детстве. Он старался быть точным и говорил хоть и сдержанно, но, не упуская ничего, что могло бы помочь установить истину. Описал и потрясающее признание, сделанное его матерью. Мадам Узбан, пролежав некоторое время в больнице, отправилась в противотуберкулёзный санаторий. Но перед этим они побывали в нотариальной конторе Дезире. Рэмси сопровождал их и присутствовал при вручении документов. Он побеседовал с нотариусом, внимательно образом изучил бумаги и получил в своё распоряжение заверенные копии. Затем он навёл справки и был готов приступить теперь к дальнейшим розыскам.

Эдвард Рэмси жил в пригороде, у самого океана. Прекрасная вилла принадлежала ещё его отцу. Потомственный юрист, состоятельный адвокат любил свой утопающий в зелени дом и сад, усыпанный розовыми, красными и пурпурными анемонами. Терраса, где сидели друзья, нависала над самым Тихим океаном, который, как известно, вовсе и не тихий. Разве только порой прикидывается под настроение.

Выстроенная в неоклассическом стиле вилла имела бело-

мраморные колонны, и портик. Однако вкус архитектору не изменил. Он нигде не переборщил с «античностью». Никаких амфор и подражаний Фидию и Периклу. Скульптурные группы, копии Афродиты или Лаокоона не мешали любоваться благородством её пропорций.

День клонился к концу, вода и воздух слились в предзакатной дымке. Фред посмотрел вниз. Вода была совсем прозрачной. Можно было видеть, как проплывали маленькие рыбки, шевеля плавниками.

– Ты навестил мадам Узбан в санатории? Как она себя чувствует? – спросил Эдвард.

– Несколько лучше. Она даже немного пополнила. Там уделяют большое внимание диете. Надо есть калорийную пищу. И она старается. Невероятно, но мать бросила курить!

– Ей не следует волноваться. А когда она тебе принялась рассказывать... – начал Рэмси.

– Ты прав. Но она сама захотела, – пожал плечами Фред. – Мать говорит, сразу после свадьбы она попросила баронессу Агнес о последней встрече, и та согласилась. В замок Шанталь вход был заказан. Поэтому её приняли в доме аббата, кузена баронессы. Хозяйка не знала, чего от неё ждать. И, приготовившись к новой просьбе о деньгах, собралась положить этому конец. Муж Шанталь получил задаток, но остальную сумму ему обещали только по прибытии в Америку. Однако Шанталь Мишу, новоиспечённая мадам Узбан, неожиданно заговорила о другом. Она был в этот раз не похожа на преж-

нюю кокетливую хохотушку, а держалась робко и печально. Фигура её несколько округлилась, голос дрожал.

– Я решилась обратиться к Вам ради будущего ребенка, – почти прошептала девушка. – Кто бы ни родился, он ни в чём не виноват. Мне кажется... Неизвестно, как сложится его жизнь. Я считаю, он имеет право...

Агнес выпрямилась с негодующим видом, но Шанталь её опередила.

– Нет! Я совсем не о том. Не об имуществе или праве на наследство. Я бы хотела только не отнимать у него возможность когда-нибудь узнать правду об отце. Кто знает, может, я скоро умру? От родов или от чего другого? Подумайте, это ведь будет Ваш внук! Он не должен отвечать за мои грехи. Я чувствую, что у меня будет сын, – добавила она.

– Он не должен, – словно эхо тихо повторила баронесса. И подумала: «А ты права. Да и грехи были не только твои, но и Эрнста. Я не должна это забывать».

– Мадам Узбан, – серьёзно ответила она, – я нахожу Ваши доводы разумными. Я посоветуюсь с мужем, и мы Вам сообщим о нашем решении.

Действительно, через некоторое время представитель семьи де Коссе связался с Шанталь. Он ей сказал, что для будущего ребёнка в нотариальной конторе Дезире, у которой есть представительство в Лос-Анджелесе, оставлено письмо. Там указаны обстоятельства его рождения. Ребёнок получит письмо по достижении двадцати пяти лет. Однако, расска-

зять ли ему об этом, предоставлено право решить самой мадам Узбан. Письмо написано и подписано по всем правилам. Это юридически безупречный документ. В обмен от мадам Узбан требуется также документ о том, что она отказывается от каких-либо дальнейших материальных претензий к семье и отцу ребенка.

– Фредди, ты просто молодчина. Ты столько всего преодолел! – воскликнул Рэмси.

– Есть большой соблазн заговорить о наследственности, услышав твою историю целиком. В твоих жилах течёт кровь французских аристократов. И потому, мол, ты не только устоял, но выдрался из грязи и сумел заработать, а потом взрослым юношей наверстал, что не по своей вине упустил. Ты получил хорошее образование! Ты же не просто самоучка, у тебя за спиной колледж и университет. Пусть не Итон, но из тех, что в первой десятке.

– Есть такой соблазн, но только не для меня! Я уверен, что это чушь собачья! Ты всем, абсолютно всем обязан только себе самому. Вот это грандиозно! И голубая кровь ни при чем.

– Насчёт голубой крови... – Фред улыбнулся. – Пойми, я понятия -не имею, что за люди эти французы. Кто знает, придётся мне гордиться новым родством или стыдиться его?

– Ты говоришь: «эти французы». А сам?

– Я вырос как сорная трава. Ее топчут, выпалывают, из-

водят всякой дрянью. Но только дождик польет, она снова тут как тут. Я знал, конечно, откуда мои родители. Но, сам понимаешь. Ах, да хватит. Ты мне лучше другое скажи. Ты берёшься?

– Я сделаю всё от меня зависящее! С величайшим энтузиазмом сделаю! Пока же хочу тебя заверить: нотариусы Дезире, их репутация, так же как само письмо, его форма, печати, подписи не вызывают ни малейших сомнений. Это всё такое же подлинное и безупречное, как твоя собственная репутация и свидетельство о рождении. С твоей матерью я поговорил. Её версия ни в чём не противоречит письму. А ведь она не знала о его содержании! Значит – начинаем работать. Я подготовлю тебе на подпись доверенность и нужные запросы. И мой ассистент немедленно вылетит в Эльзас.

### **33. Рутинные дела**

– А дело, похоже, движется к завершению. Если неизвестная в Иерусалиме – Эрна, можно этим ограничиться. Мы же не милиция, суд и прокуратура. Искать и ловить преступника – не наша задача. Мы нашли пропавшую Муху и...

– Олег, ты это о чем? Синица отвез Лорда в ветлечебницу и старался с тех пор отвлечься от мыслей о собаке. Он был в препаршивом настроении. Бурчанье Майского не прибавило ему оптимизма. Пора было заняться своим «Датским королевством». В нем явно в последнее время многое не лади-

лось. Олег сидит с микроскопом и почти не выходит. Или беседует сам с собой как сейчас. Тетя Муся на что-то туманно намекает. Лушка вяжет без конца. Но попробуй спросить – что и для кого, краснеет и отмалчивается. Не знаешь, за что хвататься.

Впрочем, Олегова речь касается работы. Хороший повод начать с него.

– Господин Майский, – начал шеф торжественным тоном, – позвольте с Вами поспорить, мой глубокоуважаемый друг. Я думаю, Вы поторопились. Из библейских мест у нас нет пока известий. Я к этой идее сразу отнесся скептически. За каким дьяволом – в Израиль, и как? Но даже если! Пока мы не поняли, кто это сделал, зачем и почему, Эрна в опасности. Нам могут не дать даже установить, что это она. Не то, что забрать ее домой.

И потом. Я очень серьезно отношусь к версии об участии в деле брата – Фредерика Узбана. Ренье воодушевился не меньше моего. Он предпринял нужные шаги. И Узбана усердно ищут! А как только его найдут... Тогда я сам непременно хочу на него взглянуть.

Олег сидел рядом со своим начальником с сосредоточенным, но несколько отсутствующим видом. Казалось, мысли его далеко от кабинета Синицы. Однако, он, видно, внимательно слушал, поскольку отреагировал сразу ему в тон.

– Многоуважаемый ментор и владелец конторы! Ты когда получил последние известия об этой бельгийской гражданке,

успошей в Брюгге? Э брат, я понимаю, что тут не до смеха, только это самое подходящее место для воскресения на всем белом свете. Где ж еще, кроме Израиля?

– Какой там смех. Но ты прав. Я сам позвоню. Володя дал мне телефон. Мы отдали наш материал. Его выслали в Иерусалим. И тишина. Прямо сейчас вот и позвоню, а потом – давай, посидим где-нибудь. Сменим обстановку. Твой день рождения надвигается неумолимо. Надо же обсудить, как будем праздновать? Олег сделал скучную мину.

– Насчет посидеть я не против, но в остальном.

Но Синица не дал ему замыслить животрепещущую тему.

– Не вздумай увиливать, даже и не надейся. Тебе никто не даст замотать день варенья. Тетя Муся собирается сделать. Нет, это я бдительность потерял. Будет сюрприз.

Мария Тимофеевна твердо решила соорудить классическую рыбную солянку с маслинами, лимоном и белыми корешками. И колебалась пока только со вторым.

– Палтус? – прикидывала она, – нет, лучше стерлядь! А не купить ли угря?

Олег, знаток и поклонник рыбных деликатесов, и заядлый рыбак, не мог такие планы не оценить. Теперь же услышать про намечающийся сюрприз ему было явно приятно. И он сказал.

– Ты прав, давай вытряхнемся наружу. Я просто заплесневел. Узнаешь новости, и пошли.



Петр подошел к телефону, набрал номер, назвал, объяснил, о чем речь и сослался на Расторгуева. Потом ему что-то довольно долго объясняли. Он выслушал, и его лицо приняло досадливое, недовольное выражение. Наконец он, поблагодарил собеседника и вздохнул.

– Спасибо, раз так, ничего не поделаешь. Но я надежды не теряю, и, если Вы позволите, еще позвоню. С этими словами он повесил трубку. – Май, быстро одеваемся. Фатум какой-то! Идем пешком, а то машина сломается. И я лучше места закажу, иначе обязательно в моем любимом кабачке будет шабаш и ни одной свободной табуретки.

– Да что случилось? Что они тебе наговорили, или это служебная тайна?

– Ты сглазил, Май, вот что случилось. В Иерусалиме отказались с нами сотрудничать. По крайней мере, пока. Там включилось еще одно ведомство. Очередная служба безопасности, уже не Моссад. Пока они не разберутся, никакой информации. Так сказать, всем спасибо, и кранты! Ладно, пойдем. А то и.

– Петь, я не люблю табуреток! Я уже старый, мне что-нибудь помягче пора. Я же не Луша.

Вошедшая в этот момент тетя Муся с большим пакетом канцелярских мелочей и бумаги при этих словах неодобрительно посмотрела на собеседников и покачала головой.

Мария Тимофеевна переделала мелкие дела и занялась

обедом. Настроение у нее было не ахти какое. Она чистила, крошила, обжаривала и подсаливала, когда требовалось. И одновременно негромко, но сердито разговаривала сама с собой.

– До чего подлая погода! Снег с дождем. Грязь. Развезет, потом подморозит. И снова развезет. Тоска такая, просто спасу нет! Как хорошо, что у меня кошка, а не собака. Какое это – с собакой сейчас на улице гулять! Кошке, той тоже побегать хочется. Но моя Снежана, просто загляденье, такая беляночка. Она бы вывозилась. Летом другое дело. Вот отвезу ее в деревню, тогда и... Нет, тоже нехорошо! Собаки. Это ж тебе не Лорд!

Тетя Муся души не чаяла в подаренном ей на день рождения котенке. А тот отлично рос и сделался уже красавицей-кошечкой на радость своей хозяйке.

– Надо покормить моих как следует, – продолжала тетя Муся, – глядишь, и повеселеют. А то смотрю, Петя наш, Андреич заскучал – Лорд болеет и болеет. Олег ходит озабоченный из-за Пети и друга своего. Друг этот в преферанс играет день и ночь. Глаз не кажет. Отпуск, называется! А Луша. Ой, надо с Петенькой поговорить. Да не знаю, как приступить-то. Я человек не так, что б богомольный, но, если б знать, что поможет. Схожу-ка я завтра в Елоховскую, с батюшкой потолкую. Надо и у соседки спросить, у Аглаи. Эта все обедни заказывает. И мне не заказать ли? Только как ее заказывают, обедню эту? Нет, я спрошу. А то. Вирус у нас завелся. Хо-

лера такая. А Олегу скажешь – смеется! Мусенька, говорит, холера – это опасная болезнь. Да только какой вирус? Как, говорю, какой? Инфекция, бактерия. А он – лучше не продолжай! Я тебе кролика принес. Давай кролика пожарим. И соус к нему. Да, а что же это я? Кролик, он на плите томится. Сметанки пора туда, и четверть часика подождать. А уж потом чеснок, мелко так. Мария Тимофеевна убавила огонь на плите под жаровней. И выглянула из кухни.

– Луша, ты что, девонька моя, затихла? Ни словечка от тебя. До обеда дотерпишь? Тебе сделать до того бутербродик?

– Тетя Муся, я петли считаю, – услышала она в ответ. – Пора убавлять. Теперь можно потемней нитку пустить. Такой шоколадный тон. А резинку у ворота отдельно свяжу трехцветную. Уже половина свитера готова.

Луша подняла голову от спиц, положила свою работу на стол и из корзинки достала шерсть.

– Бутербродик, тетя Мусечка, это хорошая идея. Я вот думаю, сколько осталось. Если дел на выезд много не будет, то успею. Петр Андреич не сказал еще, как мы поступим. Дома, то есть здесь, соберемся. Или в ресторан пойдем.

Я сегодня сижу на телефоне. А день спокойный попался. Мне никуда не надо. Просто повезло для такой погоды. Но я должна потихоньку начать писать часть отчета. Вот съем бутербродик и...

– Это «крестовоздвиженский клад»? Лунечка, а ты ж написала. Ты мне давеча говорила, что все готово. Петя по-

смотрит, и все. А Петя, тот ругался, что Олег тянет резину, не любит он писанины.

Луша заерзала на стуле, схватилась снова за вязание и глубокомысленно заметила.

– Собственно, это не свитер будет, а пуловер. Свитер, это если с высоким горлом. Но я уобразный вырез делаю!

«Смотри ты! Пуловер вяжет ему ко дню рождения. Отчет за него напишет, только признаваться не хочет. Ну что ты будешь делать! Ох, надо, надо мне с Петей поговорить» – подумала тетя Муся. Но вслух сказала совсем другое.

– Петр Андреевич наш скоро придет. Он мне с дороги звонил. Как он за это дело болеет! В последнее время что-то не везет ему. Не движется ничего, он кричит! Приду, кричит, хочу с ребятами обсудить.

– А что обсудить?

– Что – не сказал. Он только так – мол, погутаим, и все.

– Одну новость я для него приготовила. Все ж лучше, чем ничего. Пришло письмо по электронной почте из Франции. Важное что? Ох, постой, вот и он.

Петр появился, поздоровался, улыбнулся всем, но как-то через силу. И попросил через четверть часа собраться у него в кабинете. И когда все уселись вокруг стола, он, немного помолчав, начал так.

– Мои дорогие! У нас в последнее время царит эдакое уныние. Это, как нас учит библия, смертный грех. Вроде, даже самый тяжелый из таковых. И я полностью беру на себя

ответственность за меланхолию в конторе. Расследование не продвигается! Мы получили отказ из Израиля. Это означает, что приехать в Иерусалим мне и моим сотрудникам будет не так просто. Нужна виза! Я не хочу туда лезть без мыла и внушать подозрения, что мы замешаны в темных делах. И никого из вас под удар не поставлю. Придется ждать. И очень аккуратно делать шаги навстречу. Они охотно забрали наш материал для генетической экспертизы. Но пока молчат.

– Петя, я считаю, ты прав. Именно очень аккуратно! Вообще говоря, исключить полностью, что доктор Мухаммедшина имеет отношения к...

– Арабскому терроризму? – ахнула Луша.

– Иранским спецслужбам! И фамилия у нее такая от слова Мухаммед! – сдвинул брови Олег и забавно наморщил нос.

– Я шучу, но наверняка такие вещи знают только специалисты, – продолжил он.

– Наверняка? И специалисты не знают! Словом, мы ждем. Работа по выяснению всего возможного об Узбане идет. Сколько она продлится, неизвестно. Поэтому я решил с вами посоветоваться, – снова заговорил Сеница.

– Петр Андреевич, из Франции пришла как раз сегодня небольшая справка об Узбане. Я распечатала.

– Хорошо. Я быстро закончу и тут же прочту и переведу. Так вот. Жизнь продолжается. Мы получили новый заказ<sup>8</sup>,

---

<sup>8</sup> В книге «Коллекция королевы» описано расследование дела с драгоценностями.

если так можно выразиться. «Крестовоздвиженские» нас порекомендовали своим друзьям. А у друзей пропала коллекция колумбийских смарагдов! Она стоит колоссальных денег. И нам предложили кроме гонорара процент от стоимости камней. Задача не просто интересная, но и очень выгодная. Я думаю, вы двое вместе с Володькой могли бы приступить. Я не хочу скрывать, что сам я. Я полностью увяз. Я не могу ничем другим заниматься, кроме этой несчастной «Мухи». Вы другое дело. Время есть. Это первое. Что скажете?

– Петр Андреевич, смарагды – это драгоценные камни или полудрагоценные? – поинтересовалась Луша.

– Правильный вопрос. Ты меня уела. Я все кивал головой с умным видом. А сам мало что пока знаю. По-моему, это изумруды. Там в Колумбии месторождение смарагдов. Они зеленые. Я сразу решил – изумруды, а если так, то эти камни дороже алмазов. Но это мы выясним. Вопрос в другом.

– Да нет, Петя! О чем ты говоришь? Мы вместе начали и вместе закончим дело «Мухи». И если владельцы смарагдов хотят именно нас, так вместе потом и приступим к задаче. Не знаю, конечно, что скажет Лукерья Арнольдовна. Я самонадеянно заявил «мы»!

Майский вопросительно поглядел на девушку. Она же вдруг вспыхнула и рассердилась.

– Как Вы могли подумать, Олег Николаевич, что я... Да я и не унываю вовсе! Я просто не знаю, что предпринять по делу и чем помочь. Шеф, Вы напрасно беспокоитесь, если

речь обо мне. – Она опустила голову и тихонько добавила. – Да у меня занятий и у нас сколько хочешь! Животные, секретиариат, мое...

Тут она замолчала, а потом робко улыбнулась.

– Олег Николаевич! Вы скоро рождаетесь. Вы обещали нам сказать, где Вы хотите это отпраздновать? И потом. Вы кого-то хотите пригласить или будут только свои?

Петр вскинул на нее глаза. «Ну ясно, Лушка понятия не имеет, она ничего не ведаёт про Олега. Она думает, может, он подружку какую позовет? Еге, а почему она с таким напряжением ждёт ответа?»

– Нет, одни свои, Лу. Куда пойти, сами решайте. Так будет интересней. Хочешь, ты и выбери!

Девушка, услышав это, расцвела от удовольствия.

– Я? О, тогда. Мы можем дома в Ирбисе пообедать, а на ужин отправиться. Нет, я, пока не скажу!

– Ребята! Я для поднятия настроения ещё кое-что придумал. И раз уж вас не очень драгоценности увлекли, займемся дизайном. Нам предстоит обставить и оформить диванную! От нас требуются только идеи. На этот раз, надеюсь, нет возражений? – снова перехватил инициативу Петр.

Возражений не было. Друзья закивали головами и принялись с живостью обсуждать шефову идею. В доме на втором этаже имелась большая отремонтированная комната без мебели. Обставить ею руки пока не доходили. И вся команда, трепетно относившаяся к «Ирбису», предвкушала удоволь-

ствие однажды этим заняться, как только последует предложение от рыжего директора.

– Петр Андреевич, а камин разрешили? – с надеждой спросила Луша.

– Разрешили, детеныш. Пожарный надзор выпил немало крови твоего непосредственного начальника, но я их дожал. Давайте свои предложения, какой закажем. Или можно попросить прислать каталоги. Кроме этого, мы должны подумать о диванах, подушках и большом столе в середине, а может, даже, разных столах.

– А знаете, люди, мы можем несколько комплектов подушек придумать и их менять, – предложил Олег.

– Роскошная мысль! У каждого члена команда свой комплект. А надоест.

– И еще! Гостевой, юбилейный, рождественский! Они загомонили, на звук голосов пришла Мария Тимофеевна и, увидев оживленные повеселевшие лица, охотно включилась в разговор. Обсуждение, наброски, звонки и прочее в этом духе продолжалось добрых два часа. Петр вышел и вернулся. Он прочитал распечатку. Набросал текст. И когда дискуссия о диванной начала помаленьку иссякать, призвал своих друзей прерваться и послушать.

– Приятно видеть, что у нас снова рабочее настроение. И новость тоже есть. Дело касается Узбана. Итак. Фредерик Узбан в настоящее время очень состоятельный, чтобы не сказать, богатый человек. Из Америки он переехал в Ан-



глию, и теперь живет в Лондоне. Он виноторговец. Фредерик оставил себе фамилию Узбан. И насколько известно, не предпринимал попыток сменить ее на иную. Фредерик Узбан женат. Жена его много моложе мужа. У них двое взрослых детей.

Господин Ренье ожидает нашего разрешения нанять в Лондоне детектива, который продолжит собирать информацию об этом человеке.

– Петр Андреевич, но, если брат богат, на кой ляд ему наследство в Эльзасе?

– Э, бывают люди, которым всегда мало. Я вот думаю, Лондон – это хорошо. Ближе лететь!

– Я вижу, ты настроился сам с братом пообщаться. Только не надо забывать, что совершенно не ясно, знает ли он про женитьбу отца. Не говоря уж о дочери от этого брака, – заметил Олег.

– Прозаический ты человек, Олежка! Ну что с тебя возьмешь, аналитик! Не хочешь меня в Лондон пускать? А я уже так хорошо придумал злодея – бастарда и его страшную месть! – посмеиваясь, заявил Синица.

– Тебе, начальник, жениться пора, а ты хулиганишь. Если без Таубе, так езжай, пожалуйста, – смилостивился Олег.

– Смотри ты, как он о моей нравственности печется! Мы оба совершеннолетние, гражданин Майский.

– Да ты подумай хоть о разнице в возрасте! Ты ей годишься.

– Ну нет! Еще не хватало. Что за чепуха. Наоборот, почему-то можно, а нам нельзя.

– И наоборот тоже ни к чему. Что молоденькую девочку ждет со старым мужиком? Вот и ты, если она тебя...

– Майский! У Аниты всюду написано, что ей ровно двадцать пять. В самых секретных местах! Уж ты мне поверь, я проверял! – Синица не на шутку разозлился, поэтому его слегка занесло.

Но он тут же, глянув на Лушу, извинился.

– Лу, прости. Наш общий друг иногда бывает страшной занудой. Поговорим лучше о подушках, чем о возрасте. Я выбрал для себя леопардовый комплект. К нему белые и черные дополнения. А ты? И кстати, а что ты думаешь о нашей полемике? Имеет значение возраст в паре, а Лу?

Девушка молчала. Она сидела, опустив голову, и ни на кого не смотрела. Наконец, когда молчание продлилось несколько минут, в ответ на удивленный взгляд Синицы, Луша проговорила.

– Я, Петр Андреевич. Мне подумать надо. Я Вам скажу. Мне. извините, пожалуйста!

С этими словами она поднялась и быстро вышла из комнаты. Петр попытался ее остановить. Но тут заговорила тетя Муся. Она встала и, помявшись немного, подошла к шефу ближе.

– Петр Андреевич, если Вы не очень заняты. Поговорить требуется срочно. Дело неотложное есть, – негромко начала

она и остановилась.

Петр немедленно поднялся и обратился в слух. Он сразу заметил озабоченное и встревоженное выражение ее лица.

– Что это Вы вскочили, дорогая домохозяйка? Или садитесь снова, или я постою. Не могу же я сидеть, когда дама встала. Ну конечно! Давайте Ваше дело.

Мария Тимофеевна, однако, продолжала молча стоять. Он взглянул на нее еще раз и кивнул головой.

– Ага! Я думаю, нам удобнее будет в кабинете. Вы не возражаете?

Пожилая женщина тут же с облегчением согласилась. И они к полному недоумению Олега Майского чинно удалились.

### **34. Англия. Город Лондон. Брат или не брат?**

Петр работал над синтезом собранной информации. Он решил ехать в Лондон. Однако все время что-то мешало. Нужен был толчок, отправной пункт, а может, знак? И он, наконец, появился. Олег принял факс из Эльзаса и с беспомощным видом принес его Синице.

– Шеф, извини, но теперь это по-французски.

Потребовалось время на перевод. Анита была в отъезде. Пока искали другого человека. Прошло еще немного времени. А когда текст был прочитан, Петр поспешил к телефону. Он удостоверился, что все правильно понял. Собрал своих,

отдал несколько распоряжений и попросил их внимательно его выслушать.

– Я все ждал последнего штриха. Не скажу, что время тянуло. Но все же. И вот он, не штрих даже, не точка – нечто большее. Нам прислали факс из Кольмара, в ответ на наши вопросы. Затем подтвердили по телефону.

Господин Узбан приезжал в Кольмар! Он был в родовом особняке. Встречался со своими родственниками. Он знает в общих чертах историю барона. И хотя никто не слышал от него ни слова про Эрну, но он видел фотографии. Словом, мы немедленно вылетаем в Лондон.

– Как, мы все? – спросил Володя. Неужто, почасовиков тоже берут?

– Нет, ребята. Уезжаем мы с Лушей. Немедленно заказываем билеты. Все подробности потом.

Пётр широко шагал по платформе ко входу в аэропорт. Его красный глянцевый чемодан на четырёх колёсах послушно катил рядом по асфальту. Луше они купили серебристый. Она безнадежно отставала от длинноногого шефа и молча злилась. А он, задумавшись, не сразу спохватывался. Наконец он оглянулся.

– Лу, извини. Я строю коварные планы покорения британской столицы и несусь вперед как бешеный носорог. Больше не повторится! Зато я позаботился о пропитании. Голодная смерть нам не грозит.

– Разве нас в полёте не кормят?

– Ох, я же не успел тебе рассказать. Ничего, теперь у нас полно времени. Тут, видишь ли, вот что вышло. Билеты Олег едва раздобыл. Там форум какой-то, спортивный матч и вдобавок Хэллоуин. Всем вдруг понадобилось в Лондон. Посему мы летим дёшево и неудобно. Прибываем куда-то... ты скажи, ты там была?

– Нет. Мы с цирком много гастролировали, но не в Англии. Я только знаю, что Лондонский аэропорт называется «Хисроу».

– Умница! Наши пишут: «Хитроу», а это совсем не верно. Твой вариант куда ближе к истине. Только мы прилетаем в Гэтвик. Это от города довольно далеко. Компания «easyJet» возит только туда. Сейчас сдадим багаж и потопаем в ресторанчик. Я тут знаю один. Там твои любимые эклеры со взбитыми сливками.

Но не тут-то было! Маленькая очередь двигалась почему-то изнурительно медленно. Сотрудница возилась с документами. Наводила справки, уходила и приходила. Словом, прошло добрых полчаса, пока они добрались до цели.

– Господа, покажите, пожалуйста, вашу ручную кладь, – попросила девушка за стойкой, когда Пётр поставил на транспортёр чемоданы -один большой, другой поменьше – и они покатались по широкой ленте в пасть приёмника.

У обоих сотрудников агентства через плечо были надежды чёрные фирменные сумки, сделанные на заказ, с эмбле-

мой: «Ирбис». Синице они нравились чрезвычайно – удобные, лёгкие, с множеством отделений. Это была его идея, и он ими очень гордился. Кроме того, Пётр нёс свой ноутбук, с которым он не любил расставаться, а крошечная Лукерья, наслышанная о дождливом лондонском климате, – длинный элегантный серебристый в тон чемодану зонтик-тросточку едва ли не выше её самой. Не ожидая ничего дурного, они продемонстрировали своё имущество.

– У каждого из вас по два предмета! Но наша компания разрешает, к сожалению, только один. Кроме того, такой зонтик нельзя взять в салон самолёта. Но Вы можете сдать его как негабаритный багаж в специальное отделение. Только не забудьте о нём, когда прилетите. Его доставят отдельно вместе с такими вещами, как горные лыжи или музыкальные инструменты.

Синица выслушал эту лекцию с закипающим раздражением. Что ещё за новости! «Дешёвыми» рейсами он ещё не летал и к подобным фокусам не привык. Что теперь делать? Вещи уже уплыли, время, которого казалось достаточно, тоже уплывает.

– Слушайте, я понятия не имел. Что за новости? Все разрешают, а Вы... Давайте, я доплачу. Это хоть можно? – сердито начал он. Но Луша невозмутимо достала черный кошелечек, отстегнула кнопку, и он превратился во вместительный мешок из жатой материи. Затем она уложила туда свою сумку и ноутбук Петра.

– Так хорошо? – подняла она свои большие и, когда надо, наивные глаза на девушку в форме.

– Отлично! – обрадовалась та. – Какая молодец Ваша девочка! Беги теперь скорее налево, сдавай свой зонтик. Там сейчас свободно.

Луша, ни слова не говоря, последовала этому совету.

– Вот ведь странно. Эта девица держала минуту назад в руках мой паспорт. Там чёрным по белому написано, сколько мне лет. Забыла сразу она или не поверила своим глазам? – дивилась маленькая Костина.

Как бы там ни было, пока суд да дело, утекло ещё четверть часа. Пора было на посадку. А когда Синица и Луша проделали все обычные процедуры раздевания-разувания, получили назад свои шмотки, Пётр надел брючный ремень и часы, а Луша застегнула куртку на молнию, пассажиров уже пригласили в самолёт.

Это была большая и вполне современная машина, правда без портативных наушников и дисплеев, демонстрирующих маршрут и кинофильмы. Пётр, ожидавший худшего, несколько успокоился.

– Лу, ты у меня осталась без эклеров. Я взял бутерброды. Но сейчас они как раз говорят...

Команда была английская, и вся информация шла только по-английски. Для Луши это было, конечно, слишком быстро. Она понимала только отдельные слова.

– Так! Они сказали, что мы можем заказать за деньги го-

рячую еду и напитки. А, вот и стюардесса с меню.

Петр иногда посматривал на свою крошечную спутницу и думал о том, что ему потихоньку поведала тетя Муся. Черт знает, как к этому отнестись. Детеныш Луша, стрекозка, и вдруг влюблена в Олега? Она ж еще... Нет, чепуха. Бесспорно, она взрослая девушка. Но Майский, о боже мой! Нельзя придумать более безнадежного положения! Как ей сказать? Это настолько деликатное дело! Если Олег сам найдет нужным, вот тогда – да. Олегу, впрочем, такое в голову не придет. Корректный и сдержанный Олег разве только с ним недавно начал разговаривать о таких вещах. Хорошо, если она тут как следует отвлечется. В Лондоне скучать не придется. Надо будет побаловать девчонку.

– Давай, Лушонок, выбирай, что тебе хочется. И не забудь про десерт, -предложил он.

– Спасибо, шеф. С удовольствием. Но главное, Вы должны поесть. А то у Вас настроение испортилось. А я умираю от любопытства. Вы же обещали мне по пути рассказать, как мы будем действовать.

– И ты думаешь, я, преисполнившись чёрной злобы, начну на тебе ее срывать. Нет, я стану использовать тебя вслепую, как живую бомбу или...

– Пётр Андреевич! Перестаньте, а то я обижусь. Но Вы же понимаете, я ломаю голову, какую пользу я могу принести в Лондоне с моими этими: My name is Lucha. I am from Moscow. И это почти все!



– О, не скромничай. Я знаю, ты сделала успехи. И вообще, это неправильная постановка вопроса. Будем думать лучше не о том, что ты принесешь Лондону, а что он тебе даст.

– Вы опять шутите!

– Надо сказать, не совсем. Ну ладно, сдаюсь. Ты действительно почти ничего не знаешь про «брата». Я в последнее время намерено разделяю информационные каналы. Так вот.

Для нас с тобой там провели подготовительную работу. Известно, где он живет, чем занимается, где и с кем проводит свободное время. И пока ничего утешительного. Никаких признаков, указывающих на то, что он похитил свою сестру. Он человек уже немолодой. Дети его выросли. Сын живет в Лондоне, а дочь в Америке. Сам Фредерик ведет очень размеренный образ жизни. Совсем нетрудно проследить все его контакты и передвижения. Посмотрим сами! И если надо, поведем себя нестандартно!

– Достоверно известно, что Фред знает, чей он сын. А об остальном? -отозвалась девушка. – Вы понимаете, о свадьбе брат еще мог узнать, если наводил справки. Но о дальнейшем развитии событий? Чтобы похитить сестру надо знать о ее существовании. Видеть фотографии – это одно. А сделать из этого правильные выводы? Прошло столько лет! У него своя благополучная жизнь. Нет, не могу представить себе, что брат в этом замешан.

Луша недоверчиво пожала плечами.

– Ты думаешь, я буду спорить? А я согласен. Представить трудно. Только я почему-то убежден, что ключ ко всей истории в происхождении Эрны. Тебе не верится в брата-похитителя, а мне – что Эрна в Израиле. Скорее, здесь! Пока я не увижу этого Фредерика, не будет мне покоя.

Они помолчали. Несколько минут спустя появился стюард с тележкой, распространяющей аппетитные запахи.

– Ты вот что, ты лопай давай. А я пока почту посмотрю. Еще время есть, можно пока включить ноутбук, а то будем подлетать – не разрешат, – сказал Петр, увидев его.

Он включил компьютер, защелкал клавишами и снова погрузился в молчание. Луша тем временем уплетала рисовую лапшу с креветками и одним глазом поглядывала на шефа.

Вкусно! Сейчас еще вишневый сок принесут и ванильное желе. Что это Петр Андреевич не ест? Все остынет. Как бы его уговорить? И мешать не хочется. Если он увлечен, то этого не любит. Как вдруг Синица тихо ахнул и схватил ее за руку.

– Как ты говоришь? Да не только ты, я тоже поддакиваю: «трудно представить!» Ну-ка, читай, что наш лондонский агент сообщает! Луша всмотрелась в экран дисплея. Но длинное сообщение, занимавшее всю страницу, было, конечно, написано на английском. Петр с непонимающим видом воззрился на нее, затем хлопнул себя по лбу, чертыхнулся и стал переводить.

«Глубокоуважаемый... Ну и так далее. Интересующий

Вас объект продолжает привычный образ жизни, ни в чем не отклоняясь от своих привычек. Его распорядок дня включает... «

Ох, ладно, это сейчас не важно! «Его жена... – тоже пропустим. Деловые связи с зарубежными странами, финансовые интересы... А, вот! «...Новые, как мне представляется, важные сведения относятся к периоду, предшествующему началу наблюдений. Они поступили к нам с запозданием. Объект несколько месяцев назад совершил поездку на длительный срок.

Его не было в Англии. Он отправился вначале в Лос-Анджелес к дочери. Поэтому мы не обратили на это должного внимания. Но недавно выяснилось, что он оттуда вылетел в Россию, где раньше никогда не бывал, и оставался там в течение нескольких недель. Достоверно известно, что он посетил при этом несколько городов, в том числе, Москву».

– Лушка! Ты только посмотри на даты! Ну что, ты еще сомневаешься? Это он, а Эрна, наверно, здесь!

Девушка кивнула головой. Фред прибыл в Россию за несколько дней до исчезновения Эрны Мухаммедшиной. Она даже не очень удивилась. Синица, ее руководитель, начальник и покровитель, Синица, веселый и щедрый, всегда готовый помочь и посмеяться не только над трудностями, но и над самим собой... Синица всегда ведь в конце концов оказывается прав!

– Лушка, признайся, ты любишь английскую литературу? Ты же у меня необычный ребенок, ты читаешь! И я как твой начальник и идейный руководитель этим страшно горжусь. Не забуду, как я подрабатывал на подготовительных курсах, математику вел, было мне лет двадцать семь, мозги постепенно становились на место. Так вот, привел я им, ученикам своим, какой-то пример, потом на книгу сослался, на толстый журнал.

Читали, наверное, говорю? Сначала странное молчание последовало. Но следом, боже ты мой, ребятки начали ржать. Самым настоящим образом – ржать! Чита-а-ать? – отвечают, да мы вообще НИЧЕГО и НИКОГДА не читаем! Нет, по специальности если надо, то да. А просто книжки? И снова хохот этот идиотский. А ведь передо мной сидели московские ребята шестнадцати-двадцати лет, которые собирались поступать в высшее учебное заведение!

Ну вот, шеф сел на своего любимого конька. Он рубит ладонью воздух, глаза сверкают, воинственный, что твой индийский петух. Не хватает только красного гребешка. Луша смущенно улыбнулась. Конечно, Петр Андреевич ее значительно старше. Но иногда по пустякам горячиться, как ребенок. Она любит стихи. Охотно читает исторические романы. А еще они вместе с Олегом оба увлекаются фэнтези. Что же касается Синицинских англичан.

Петр понял ее замешательство по-своему. «Э, я так и знал!» – хмыкнул он.

– Сразу вспомнить имен не можешь, значит – не особенно. Ты учти, я с тебя не слезу, ты у меня всех их постепенно прочтешь, а потом, хоть может, и не сразу, оценишь. Но я это вот к чему говорю. Для меня названия улиц, которые мы проезжаем, или видим на карте, звучат как музыка. Я еще и английского не знал, по крайней мере, говорить свободно точно не умел, а такие слова, как «Пикадилли», «Белгрейв Сквэр», «Блумсбери», да мало ли еще. Я их знал. Пусть, в нашей чудной транскрипции. К примеру, у нас принято говорить: «Гайд-Парк». А это неверно.

– Ох, Петр Андреевич! Какая красота. Справа дворец, похожий на питерские, но даже еще лучше. А слева. Таких изумительных фигурных решеток я никогда не видала!

Прервала эту тираду девушка, не отрывавшаяся от окна. Они ехали в огромном красном двухэтажном автобусе, который, на их счастье, был полупустым. Поэтому они сумели выбрать места с хорошим обзором.

– Детка, я в Лондоне, впервые. Но это ж Букингемский дворец! Тут королева живет. Не только тут, еще в Виндзоре, к примеру, но. Эх, проехали уже! – разочарованно протянул Петр. Подожди, дела сделаем, и неспешно все самое замечательное посмотрим. Я нашего мистера «Х» попрошу. Он нас сам повозит или порекомендует кого-то. Пожалуй, нам не стоит брать машину напрокат. Города мы не знаем и будем маяться без конца в поисках парковки. А ты как считаешь?

– Я тоже так думаю. Мы сейчас куда?

– Вставай, давай спускаться. Приехали. Нам теперь в метро.

– Вот и отлично. Мне страшно интересно, что здесь за метро. У нас считают, что с московским ничто сравниться не может.

– Наверно, так и есть. В Москве строили показательные роскошные залы, а повсюду – утилитарное транспортное средство. Мы с тобой сейчас на старом участке.

Метро было, и впрямь, мало похоже на московское. Эскалаторы отсутствовали. Надо было спускаться довольно глубоко по металлическим ступенькам. Народ бодро топал и тащил свой скарб. Причем едва ли не каждый третий – сумку на колесах, с какой принято отправляться в недалекие поездки. Такое количество приезжающих -отъезжающих? Или люди так приспособились, чтобы не носить тяжести на горбу? Не было тут и привычных в Европе пандусов и поручней для инвалидов.

Сама станция, чистая и ухоженная, но скромная, была для московского взгляда на удивление маленькой и узкой. А вагоны! Круглый в сечении поезд с сидениями вдоль стен и игрушечными дверцами напоминал детскую железную дорогу на Казанке. Мужчины высокого роста, чтобы войти, вынуждены были низко наклоняться.

Луша и Петр сели. Девушка осмотрелась. Публика не слишком отличалась от московской. Тоже разно племенная, только разве больше темнокожих. Одеты скромно и не слиш-

ком ярко, стиль преимущественно спортивный, выделяются одни клерки в костюмах с галстуками и портфелями. Этим так и хочется усадить в лимузины. Хотя многим это, может, и не по чину.

– Где, Вы говорите, нас ждет мистер «Х»? – спросила она.

– О, я что, тебе не сказал? Это интересно. Он нас ждет в соборе «Сан-Мартин». Он человек религиозный. Сегодня какая-то особенная служба, он хочет присутствовать. Мы пойдем к окончанию, тихонечко посидим, и он нас заберет. А потом мы поедем в клуб знакомиться с Фредериком Узбаном.

– Шеф, это Вы поедете. А я?

– Мы тебя отвезем в отель. Он на машине. Ты там не шали. Ужин я заказал в номер. Тебе не придется объясняться. Скучать не будешь?

– У меня книжка хорошая. Но я, кстати, попробую что-нибудь сказать обслуге, которая еду доставит. Авось, поймут.

– Поймут, не сомневайся. У тебя прекрасные способности к звукоподражанию. Я слышал, как ты с попугаями треплешься – любо-дорого! Или пса моего передразниваешь. А чем английский хуже?

– Ну и комплимент! Да, а что касается попугаев, так я бы с удовольствием с моим зверьем позанималась.

– Ради бога. Ключ на столике рядом с телефоном. А комната, где твой зоопарк, на нашем же этаже. Днем их покормят, но тебе ведь нужно будет для поощрения еще что-то

звериное... Как бы это... Купим, или? О, я просто позвоню портье и сам спрошу. Ну а теперь тихо. Храм, как-никак.

Величественная и легкая, строгая и прекрасная церковь впустила их внутрь и тяжелой дверью, мягким качанием, отделила от шумной площади и дневной суеты. В среднем нефе на передних скамьях не было пустых мест. В середине люди сидели не так тесно, но, чтобы никому не помешать, лучше было поместиться сбоку. Петр и Луша на цыпочках проследовали к свободному боковому сиденью из темного дуба. Прихожане в это время встали и запели псалом. Торжественная мелодия теплой волной окутала молодых людей. Они замерли и несколько минут только слушали. Как вдруг посторонний звук вмешался и нарушил очарование. Это было не то сипение, не то негромкое назойливое скрежетание.

– Петр Андреевич! Вы подумайте, ведь это кто-то храпит. Как не стыдно, и так громко! – зашипела Луша в ухо Синице.

– Оглянись, но потихонечку, – ответил тот. – Это бездомные. И один прямо за нами. Да нет, не слева, а справа. Ну, теперь видишь? Они тут спят.

Луша осторожно покосилась через плечо и действительно углядела огромного негра в клетчатой теплой куртке, развалившегося у стенки на скамейке. В некотором отдалении почивал его белый собрат, подогнув под себя мокроступы и подложив под голову рукавицы.

– А почему их не выгоняют? Как же так, такое неуважение.



– Нет, голубушка, это сирые и убогие, которые нуждаются в пристанище. Они в своем праве, пока откровенных безобразий не творят. Я тебе больше скажу. В публичной библиотеке Британского музея тоже спят бездомные. Возьмут книгу и дремлют себе. И пока библиотека не закроется.

– Петр Андреевич, извините, по-моему, к нам направляется вон тот господин с длинным шарфом. Уж не наш ли?

Прихожане сели. Священник сошел с кафедры, и его паства задвигалась и стала собираться на выход. Служба кончилась. Со второй скамьи поднялся худой брюнет в очках, приветливо улыбнулся и направился прямо к Петру. После представлений и приветствий он увлек Синицу и Лушу к выходу, заметив, что надо поторопиться.

– Питер, дела складываются на редкость удачно, – обратился к Синице мистер «Х». – Мы с Вами обсуждали нашу тактику, всякие возможные ходы и точки соприкосновения с Узбаном, и решили сосредоточиться на его профессии. Вы, де, интересуетесь хорошим вином. Вы в Лондоне по делам, и друг попросил Вас купить для него несколько ящиков. Ну и вот, почему не обратиться к специалисту? – начал он.

– Правильно. А что, у Вас появились другие соображения? – заинтересовался Петр.

– Не говорили ли Вы, что Вы играете в шахматы и имеете квалификацию? Мастер спорта, не так ли?

– Нет, всего лишь кандидат в мастера. Это в настольном теннисе я мастер спорта. А еще у меня отличная японская

лайка. И на лошади я сумею, если надо. Не так, что б очень, но разговор о лошадях и собаках вполне смогу поддержать.

– Вполне достаточно, – замахал руками его собеседник. – Все это хорошо, но сейчас довольно и шахмат. Клуб организует сегодня показательный открытый турнир. На него можно пригласить друзей и знакомых. А под конец заядлый шахматист мистер Узбан устраивает для всех желающих «блиц». Вы станете «желающим» и мой друг Эрик, член клуба, познакомит Вас без всяких препятствий и искусственных ситуаций. Поехали, опаздывать там не принято. Отвезем мисс Лу, а вечером заедем за ней и покажем мой любимый паб «Кролик». Ну как, договорились?

Они и впрямь приехали около восьми, веселые, возбужденные и почему-то голодные. Они потащили Лушу в паб и начали в два голоса рассказывать, как Петр обыграл Фредерика в «блиц». Узбан заинтересовался сильным противником, предложил партию и еле сумел свести ее в ничью. Получилось великолепно! Непринужденная беседа, интересная партия, Фредерик похвалил дебют Синицы и вообще был – сама любезность. Словом, через день договорились снова встретиться в клубе, еще сыграть, а потом вместе поужинать.

Мужчины болтали по-английски, Петр то переводил, то не переводил, но Луша тем не менее кое-что понимала, в особенности если говорил шеф. Они уплетали «Фиш энд чипс» – жареную рыбу с картошкой фри. А паб, этот самый «Кролик», оказался, в самом деле, очень симпатичным.

Полированное темное дерево столов и скамеек, красноватые стены с орнаментом и фарфоровые светильники хорошо сочетались между собой. Луше было тепло и уютно. Она с удовольствием потягивала вкусный коктейль с вишенками и старалась себя убедить, что это не сон. Она в Лондоне. Ее собственный начальник и английский детектив примчались вдвоем специально для нее. Теперь они стараются, чтоб ей было понятно и интересно. И то и дело спрашивают, что ей еще заказать.

Синица со своим собеседником опять оживленно заговорили о деле. Детектив рассказывал о том, что предпринял, и что планирует на будущее. Ясно было, однако, одно. Пока никаких признаков пропавшей не обнаружено. И ни малейших намеков на подозрительное поведение Узбана.

– Я думаю, Фредерик не так прост. Это умный, опытный человек, много повидавший на своем веку. Продолжайте, пожалуйста, наружное наблюдение, – попросил Петр.

– Непременно! Мы будем дальше смотреть и слушать. Все, что можно в рамках закона, будет сделано. Через неделю Узбан едет к поставщикам. Он договорился с испанцами. Тогда можно попробовать Вашу вторую идею.

Мистер «Х» хитро взглянул на Петра. Но тут же спохватился.

– Хоть я и считаю, что это полная авантюра!

– Но ничего противозаконного! Мы выправим официальное разрешение, вот и все, – возразил Синица.

– Попробуем. Но не забывайте наших законов об охране животных.

– Кстати, о животных! Ты как, Лу, сегодня сумела со своей живностью поработать? – поинтересовался Синица уже по-русски. Луша оживилась и принялась рассказывать ему о своих успехах.

Шли дни. Мистер Икс – лондонский агент «Ирбиса» Дэннис Томкин познакомил Синицу с Фредериком Узбаном, как уже было сказано. Они стали время от времени встречаться за шахматной доской, где успех, прямо сказать, вовсе не всегда сопутствовал Петру. Он смешно сердился, пыхтел, вскакивал и принимался бегать по комнате, бормоча себе под нос ругательства. А Фред хлопал его по плечу и от души веселился. Они и обедали иногда вместе, и тогда Петр расспрашивал собеседника о винах, советовался, объяснил, что сам вовсе не специалист. А ему хочется купить действительно хорошее вино – у друга скоро юбилей. Надо не осрамиться. Да и маме, которая живет с мужем в Мюнхене, он с удовольствием пошлет ящик. Будет отличный сюрприз. Такая удача, познакомиться с настоящим знатоком!

Фред уехал по делам, вернулся в Лондон, и завязавшаяся дружба, как ни в чем ни, бывало, возобновилась. Правда, в его отсутствие у него дома случилось одно любопытное происшествие.

Дом, где жил Фредерик Узбан, был трехэтажный, из тем-

но-серого кирпича, с белыми французскими окнами, забранными стеклами с мелким переплетом. Окна эти, прямоугольные и высокие, украшали по фасаду еще фигурные решетки и ящики с цветами. В дом вела арочная зеленая дверь, соединенная, как часто в Лондоне, с улицей металлическим мостком. Подвальный этаж был обнажен, словно корень зуба при пародонтозе, и тоже выкрашен белой краской.

Перед металлической оградой, отделявшей частное владение от проезжей части тихой улицы, прямо на нешироком тротуаре, на цветном коврик сидел толстый крупный сурок. Его густая палевая шубка отливала коричневым и бежевым, два верхних резца лопатками торчали на мордочке, мощные лапы землеройки оканчивались грозными когтями. А тоненькая девочка в цветном трико с блестками стояла на деревянном ящике. Рядом располагался короб на колесах, обклеенный афишам, и клетка с попугаем.

– Томас, взгляни, немая циркачка снова пришла. Вчера я ее видела около соседей. Она жонглирует светящимися шариками и обручами. И показывает такие штуки... знаешь, ну гнется, садится на шпагат. – Домоправительница Узбана энергичная веселая полная мулатка высунулась в окно.

– Ты говоришь, она глухонемая? – переспросил собеседник.

– Нет, она кое-что понимает, если громко и медленно говорят. Но сама не может. Она это жестами показывает. Ой, она словно без костей, завязывается узлом как змейка.

– Это называется «делать каучук», моя дорогая Стефани, – авторитетно заметил садовник Томас, франтоватый мужчина лет пятидесяти, похожий на молодящегося ковбоя.

– А еще вынимает из своего ящика складную металлическую штуку, забирается на нее довольно высоко, встает на цыпочки и...

– А это вот называется «баланс»! – садовник победно взглянул на домоправительницу.

«Циркачка» – крошечная тоненькая и гибкая – работала с увлечением. После шариков и обручей в воздухе замелькали серебряные треугольники.

Сурок в представлении никакого участия не принимал. Он меланхолично глядел прямо перед собой и только иногда поднимался на задние лапки, оглядывая поле сражения хозяйским взглядом, издавал тихий свист и умолкал.

На улице не было никого. Ни единого человека! Но полное отсутствие публики почему-то совсем не смущало маленькую артистку. Она спустилась со своего ящика, перешла на коврик к сурку и принялась танцевать вокруг него на руках.

– Томас, послушай, ей же никто у нас ничего не подает. А сурок какой симпатичный! И терпеливый, да еще галстук носит.

Вокруг шеи увесистого грызуна был повязан шейный платок, синий в белый горошек. На танец он обратил не больше внимания, чем на жонгляж. Зато с коробом на колесах творилось что-то неладное. Короб подрагивал. Затем слегка на-

кренился. Из него послышалось царапание. Сначала негромко, потом сильней. И наконец, дверца распахнулась, и белая гладкошерстная собака в черных и шоколадных пятнах выскочила наружу, протиснулась через ограду, пронеслась по ступенькам и, прежде чем кто-нибудь успел среагировать, исчезла в приоткрытой двери нижнего этажа.

– Господи спаси! Там в кладовой сейчас Равидран помыла пол и проветривает. Да почему же...

– Как почему? Копченые колбасы, окорок... Ох, нет! Конечно, нет!

Истошное мяуканье лучше всяких слов объяснило причину собачьей резвости. Старая любимая кошка хозяина Элис голосила вне себя от ужаса на весь дом.

– Стефани! Я побегу вниз ловить пса, а ты приведи циркачку! Пусть она забирает своего хищника, или он нас тут всех сожрет после Элис, -распорядился садовник, почувствовав себя окончательно на высоте положения.

Сейчас он восстановит порядок в доме. Хозяин отсутствует, и тогда обычно всем распоряжается домоправительница. Но, как известно, без настоящего мужчины... Ну ничего, вот удобный случай показать, кто чего стоит.

Кошачьим воплям в это время начал вторить испуганный женский голос. И Томас поспешил на выручку кошке и уборщице. А Стефани растерялась. Она заметалась, бросилась к окну, замахала руками, вскрикнула было, но тут же пробормотав что-то себе под нос, бросилась во двор. Через несколь-

ко минут, помогая себе руками и мимикой, она уже увлекла в дом маленькую артистку вместе со всей ее амуницией. Сурок послушно водворился в клетку, короб покатился по мостику, лязгнула решетка, маленькая процессия исчезла за дверью и через несколько минут все стихло. Только на тротуаре остался лежать забытый цветной коврик.

### **35. Обед в «Белом кентавре». Карты на стол!**

Однажды Петр и Узбан сидели в клубе за ужином. И Фред охотно рассказывал. Он говорил о том, где растет настоящая лоза. И о засушливых годах, которые приносят, много горя крестьянам, а для виноделов – большая удача. В эти время некоторые сорта винограда, подсохшие и провяленные солнцем, дают ни с чем не сравнимые оттенки вкуса. Когда же Синица признался, что сам предпочитает полусухие вина, улыбнулся и заметил.

– Вы упоминали Мюнхен. В Германии делают прекрасные вина. Традиционно, конечно, любители предпочтение отдают сухим. Но есть там и сладкое вино, пожалуй, самое дорогое, их тех, что мне у них известны. Это...

Телефон, лежащий в сторонке на дубовом подоконнике, звякнул, а потом начал гудеть словно шмель. Фред извинился и отошел. Он негромко поговорил с кем-то, и Петр заметил, как его глаза заблестели, а на губах появилась ироническая усмешка. Наконец, он закончил разговор и сунул теле-



фон в карман пиджака.

– Важные известия? – небрежным тоном осведомился Синица.

– Да, и очень любопытные. Я вынужден Вас срочно покинуть. Но в субботу, если Вы ничего не имеете против, я буду рад видеть Вас у себя вместе. вместе с друзьями! Вы получите письменное приглашение. Там будет и адрес.

Он опять улыбнулся, глянув на несколько растерявшегося Петра, распрощался и быстро вышел.

А на следующий день в офисе у Томкина раздался звонок.

– Деннис? – услышал он голос Синицы. – Здравствуйте, мне надо с Вами срочно посоветоваться. Я получил приглашение по почте на обед к Узбану в субботу.

– Здравствуйте, Питер. Я тоже! Я как раз собирался Вам позвонить и рассказать об этом, – немедленно отозвался тот.

– Чем дальше, тем интересней. Он же знает Вас только, как приятеля Эрика. Во всяком случае, так мы с Вами думали до сих пор.

– Потому я и забеспокоился. А Вас-то что удивило? Вы же видите регулярно и.

– Подождите Дэннис, я никак до главного не доберусь. Вы только послушайте, что он пишет. Сейчас, вот: «Дорогой Питер, в Лондон приехала моя дочь. По этому поводу мы устраиваем обед. Я и мои домашние будем рады видеть Вас в субботу в пять часов на Doughty Street 45 в особняке «Бе-

лый кентавр», где мы соберемся по поводу этого небольшого семейного торжества. Убедительно прошу Вас также уговорить мисс Lukery Kostina оказать нам честь своим посещением. Мои жена и дети горят желанием с ней познакомиться. Передайте ей, пожалуйста, также, что ее ждет самый сердечный прием от всех поклонников ее мастерства. С уважением, Ваш Фред»

– Ну, как Вам это понравится? Выходит, он знает все? И Лушу бедную вычислил, несмотря на ее черные косички, имя-фамилию выяснил, да еще и. Не знаю, как это понимать – не то издевается, не то успокоить хочет – морду, мол, бить не будем, приходите! Он даже Вас пригласил, и я готов спорить, что он прекрасно знает, кто Вы!

Последовало молчание. Деннис пытался переварить услышанное. Наконец, он вздохнул.

– Питер, я думаю, нам следует принять приглашение. Я тоже не сомневаюсь, что он нас переиграл. И не нас, а прежде всего меня самого. Я и мои люди ничего не нашли. Ничего подозрительного вообще. Наружное наблюдение тоже ничего не дало. И вдруг такое! Он, наверно, приготовил театральное представление в духе Марка Твена. «Том Сойер не утонул! Вот он я – Том!» Ничего не поделаешь, надо уметь проигрывать. Я Вам верну аванс. Я.

– Да бросьте, Вы, Деннис. Я тоже „профи“. И тоже прокололся. Надо понять, что нас ожидает. Не опасно туда теперь просто так явиться? И пусть все мое шесть чувств утвержда-

ют: нет! Но все же! Да еще Лу, детеныш. То есть, я хочу сказать.

– Я понял. Нет, тут как раз волноваться не стоит. Я веду подробную документацию, помощники будут знать, куда я пошел, когда и с кем. Кроме того, мы держались в рамках закона. У меня лицензия, вот разве только Лу, ее представление и.

– Слушайте, она в прошлом действительно на манеже выступала. Начала уже лет с пяти, а потом училище цирковое кончила. Это длинная история, но Луша, правда, артистка. Тут к нам не придерешься. А что ее в дом позвали, так их же никто не заставлял! И она ничего не украла.

– Да, согласен, в суде трудно будет доказать провокационное поведение.

– Господь с Вами, ну какие суды!

– Питер, Вы все время забываете, что Вы в Англии.

– Виноват, исправлюсь. Но пора принимать решение, и я готов. Мы идем!

На Доугги стрит троицу детективов встретила хозяйка, стройная молодая женщина с густыми короткими, красиво подстриженными серебристо-седыми волосами. У нее было загорелое лицо и серые веселые ласковые глаза. Она приветливо представилась и предложила называть ее просто Джоанной.

– Так будет удобнее и для наших сегодняшних целей. Нас

всех ожидает сюрприз. Но об этом расскажет за столом сам Фредерик. А вот, кстати, и он. Ну, я оставляю гостей на твое попечение, Фред. Пойду посмотреть, все ли в порядке в столовой, – сказала она.

Застучали каблучки, и Джоанна легко взбежала по лестнице на второй этаж.

Луша призвала на помощь весь свой артистический кураж, когда домоправительница и садовник, принялись ухаживать за гостями. Они помогали им раздеться, обносили напитками, меняли тарелки и подавали на стол. Впрочем, оба не подали вида, что ее узнали. А Луше со своей стороны было не трудно снова изобразить немую. Она ужасно стеснялась и предпочитала молчать.

Обед шел своим чередом. За столом сидели и двое детей Фредерика и Джоанны. Они оживленно переговаривались с тёмно-рыжей девушкой с большими серьезными голубыми глазами, которую хозяйка дома представила как свою племянницу Эвелин. Петр с интересом поглядывал на брата и сестру и думал.

Это, выходит, племянники Эрны? Ее сыну они. Так, если Эрна и Фред родные брат и сестра, то их дети в двоюродном родстве. Они кузены. Кузен и кузина Паши, которого никто из нас никогда не видел. Пора Пашей, между прочим, заняться. Куприяныч приедет когда-нибудь! И тогда мы все вместе должны серьезно поговорить.

– Рыба очень вкусная: и копченая, и эта другая, паровая.

Надо будет спросить, как она называется. Лушенька, можно тебе положить? - обернулся он к ней. И тут же спохватился.

Э, а почему я не волнуюсь? И вовремя. Легкий застольный разговор о том, о сем стал стихать. Едва уловимое напряжение сделалось заметней. И тогда Фред оглядел присутствующих и начал не спеша.

– Мои дорогие! Все вежливо болтают и не задают вопросов. А ведь никто, даже Джоанна, не знает до конца, что я имею Вам сообщить. Я мог бы попробовать угадать, кто из вас, о чем думает. Мои дети, вероятно, спрашивают себя, почему отец напустил тумана. Он сказал, что у нас важное семейное дело. А позвал к обеду незнакомых гостей. Сами гости. Ну, Деннис, мой соотечественник, прикидывает, где был не прав. Не будет ли юридических последствий?

У Денниса после этих слов появилось на лице детское обиженное выражение. Он хотел возразить. Но все, посмотрев на него, невольно засмеялись, и он замолк.

– Деннис, успокойтесь. Я жаловаться не буду. Мы лучше посмотрим, о чем думает мой шахматный партнер Питер. Он спрашивает себя, как могло случиться, что какой-то вино-торговец, сумел выследить его, юриста и владельца детективного агентства. Может, он преступник? Опытный, коварный, зловредный?

– Фред! Извините, я Вас перебыю. Вы не угадали. Мне пришло в голову, что я, пожалуй, впервые в жизни, вижу «столовое серебро». Целый сервиз. До сих пор я об этом

только читал в хороших книжках. И еще я думал о том, в каком родстве находятся Павел, сын Эрны, и Ваши дети, – вдруг с вызовом ответил Синица.

Сразу воцарилось молчание. Первой нарушила его дочь хозяев Линда.

– Папа, а кто такая Эрна? И что за Павел? Ты что-то понимаешь? Пожалуйста, объясни! – воскликнула она.

Следом из-за стола вскочил ее брат и возмущенно заявил.

– Нет, объясниться придется не отцу, а господину Siniza. Здесь за столом сидит моя мать. И Вы позволяете себе в ее присутствии говорить о другой женщине и ее сыне, который в кровном родстве с моим отцом! Что все это значит? Оскорбление или шантаж?

Теперь настала пора растеряться уже Петру. Разговор принял такой неожиданный оборот и эмоциональный характер, что он не успел и не сумел должным образом среагировать. Он даже сначала не сразу понял. А затем, когда смысл речей молодого человека до него дошел, когда стало ясно, как он понял слова, сказанные об Эрне и ее сыне.

Петру сделалось ужасно неловко. Он тоже вскочил, собираясь извиниться и, действительно, объясниться, но Фредерик Узбан его остановил. И тут же повернулся к своему сыну.

– Джордж, молодец, так и надо! Никому не спускай, если считаешь, что Джоанну обижают! Но на этот раз ты ошибся. Тут недоразумение. Давай, не будем спешить. Я всем вам расскажу о себе и других. Что знаю, конечно. А Питер до-

полнит, – на этот раз обратился он к Синице.

– Вы ведь, дополните, Питер? Или Вы меня до сих пор в чем-то подозреваете? Тогда скажите мне, в чем? Давайте прямо поговорим. Карты на стол, идет?

– Я согласен, – ответил несколько смущенно Синица. – Мистер Узбан! Фред, я подозревал Вас в том, что Вы похитили или организовали похищение своей сестры Эрнестины, дочери барона де Коссе, с неизвестной для меня целью. Я юрист, как Вы справедливо заметили. У меня в Москве детективное агентство. А в Лондоне я тоже обратился к специалисту. Он сидит перед Вами. Это Деннис Томкин. Должен сознаться также, что никаких подтверждений моих подозрений мы не нашли.

– Так, значит. У меня, правда, есть сестра? Какое неприличное чувство. Я наводил справки во Франции. Но никто не был ни в чем уверен, одни предположения! Так эта девочка там, в Кольмаре в особняке на фотографии. Господи, она могла же быть кем угодно! Ребенком этой женщины, например, ее родственницей или дочерью друзей. Никто не знал даже ее имени. Подумайте только – ни что это за ребенок, ни жив ли он сейчас, вообще ничего! Или, может, это не она? – взволнованно заговорил Фредерик.

Он впился глазами в Синицу, который закивал головой.

– Да, да! Она самая!

– Выходит, она их общая дочь и жива. Как это все удивительно! Но постойте, – нахмурился он и посмотрел на го-

стей. – Вы сказали, ее зовут Эрна. И. стоп, она – что? Пропала? А Вы думали, что я. Но для чего я должен был ее похищать? Нет, так не пойдет. Давайте по порядку. Я начну с самого начала.

И он рассказал просто и лаконично свою историю, которую мы уже знаем. И добавил.

– Я выкарабкался из грязи и бедности. Потом выучился и преуспел. Но был травмирован так глубоко, что сам едва это сознавал. Странно, но рассказ моей матери, вовсе не делающий ей чести, почему-то мне помог в этом смысле. Мне стало легче справиться с призраком Узбана. Этот -не отец! Пусть я никогда не видел настоящего – барона. А он не сделал ни малейшей попытки меня найти. Не проявил ни тени интереса ко мне.

Но к делу. Как бы там ни было, я выяснил, что история Шанталь Мишу – чистая правда. Мой адвокат побывал во Франции. А я хотел, когда во всем убедился, сменить фамилию, чтобы кожу сменить. Потом опомнился немного. У меня была уже своя фирма, репутация и имя в профессиональной среде. Такими вещами никак нельзя бросаться. Да и со временем я понял, что линька у меня на свой лад сама по себе произошла! Новая кожа была еще чувствительная и нежная. Что же, значит, мне требуется время. И я должен. Да, нет, я уже могу выкинуть из своей жизни и памяти проклятого Поля Узбан! А фамилия? Чем она виновата? У меня был дед – честный мельник. Тоже Узбан, и ничего! Так будет



Узбан, дедов внук-виноторговец. Ну не могу же я сам себя назвать де Коссе! Барон Эрнестус не хотел меня знать!

Постепенно я расправил крылья и оттаял. А потом встретил Джоанну и женился. Так у меня с течением времени впервые в жизни появилась семья.

Дети мои обо всем этом не знали даже в общих чертах. Им было известно только, что папа из тех, о ком говорят «self-made-man». И это все. Трудное детство. Но это было давно. Я не любил вспоминать о моих родителях и юности. И это неудивительно, не правда ли?

Однако, время шло. Мать моя прожила довольно долгую жизнь для человека ее привычек, вдобавок, больного туберкулезом. Она была неукротимая женщина, не верящая ни в бога, ни в черта! После Узбана у нее не было ни мужей, ни детей. А в старости не оказалось близких совсем. И под конец она несколько смягчилась. Незадолго до смерти Шанталь стала иногда просить меня ее навестить. А когда я приходил, рассказывала об Эльзасе, о доме, где жили де Коссе, о семье Мишу. Она даже один раз, только один раз! проронила – знаешь, Фредди, мне очень жаль, что у нас с тобой сложилось так, а не по-другому!

Шанталь Мишу умерла не так давно. И я тогда вдруг почувствовал, что у меня больше не болит! Я примирился с ней и освободился от детских кошмаров! А вместе с тем, мои дети выросли. Я независим. У меня есть время, и деньги. Вот я и сказал себе однажды, что если мне любопытно взглянуть

на город Кольмар, на дом людей, чья кровь волею судьбы течет в моих жилах, то почему бы и нет?

Я полагаю, вы знаете, что я так и сделал. Я приехал и увидел, все, что хотел. Встретился с теми, кого нашел. Узнал, что мой. что Эрнст де Коссе женился на девушке по имени Кира. Что он встретил свою жену во время войны. Я видел ее портреты на всех стенах. О девочке рядом я как раз мало думал. Когда я себя сейчас спрашиваю – почему. То не могу, пожалуй, внятно ответить.

Поймите, мной руководили только проснувшиеся эмоции и чисто человеческий интерес. Возможно, вам пришла в голову мысль о чем-то еще? Но сам факт моего происхождения сомнению не подлежит, он юридически установлен без моего участия. Мои теперешние финансовые возможности и скромная собственность в Эльзасе барона просто не сопоставимы. Так вот, кроме интереса... – Фред прервался. Он замолчал и задумался на минуту.

Установилась полная тишина. Иногда трещал фитиль свечки. Или скрипел стул, когда кто-то из слушателей вставал, чтобы ни слова не упустить.

Как вдруг раздалось истошное мяуканье. Сын хозяина дома наступил на кошку, бродившую под столом! Все сразу задвигались. Раздались охи и смешки, кошку принялись ловить и утешать. Обстановка несколько разрядилась.

– Да, о чем это я? – наконец вернулся Фред к своему рассказу.

Итак, я приехал. К моему собственному удивлению, чем больше я узнавал, тем больше этот интерес разгорался! Как я поступил? Я тоже нанял профессионалов. Это они узнали подробности. А именно, то, что барон в самом конце войны был в Москве, что там встретил девушку -военного переводчика в чине лейтенанта, Киру Паскевич. Она прекрасно говорила по-французски как настоящая парижанка и преподавала язык курсантам в военной академии.

Вы знаете, я стал читать, расспрашивать, делать заметки. Я знаю уже немало об этом времени. И удивляюсь, как они смогли пожениться. Но это тоже не подлежит сомнению, я видел документы. Случилось так, что несколько ее писем попали в городской архив в собрание, посвященное Второй мировой войне.

Мой, ну, словом, барон, как видно, любил ее всю жизнь, эту Киру. Им не пришлось вместе жить. Но он хранил о ней память. Он не пытался развестись и никогда больше не женился. И я захотел увидеть город, где они познакомились. Мне трудно самому себе объяснить, почему. У меня нет никаких иллюзий, мою мать он не любил совершенно. У этих двух женщин не было ничего общего. Но меня потянуло в Москву, в Россию, где я никогда не был и куда до сих пор вовсе не стремился.

Я побывал и там. Молодые экскурсоводы со знанием языка, нагло-вежливые и безразличные показали мне дурацкие небоскребы, дорогие рестораны и ночные клубы. Что ж,

я смотрел... А потом вот что получилось. У меня было поручение. Меня попросили передать посылку и письмо одной старой актрисе ее лондонские родственники. Мы встретились. И она на своем ученическом французском предложила своих проводников. Супружескую чету, архитекторов, которые показали мне совсем другой город. И с ними мы нашли Дворянское собрание, Румянцевский дом, Старую пожарную каланчу у Охотного ряда, дом на Тверской улице. Там они гуляли, встречались и вспоминали об этих местах.

Я вернулся домой и стал подумывать, что мне следует, верно, рассказать своим об этих призраках прошлого. Мне пришло в голову также, что моих детей отделяет от семьи де Коссе всего одно поколение! Джоанна гораздо моложе меня. Поэтому и наши дети такие молодые. Молодость – время самопознания. Знаете, я в детстве по понятным причинам спортом не занимался. Но позже, в колледже взрослым детиной, переростком очень быстро все наверстал. И оказалось, что я в любых соревнованиях по стрельбе всегда побеждаю. Что я на удивление, до странности быстро стал прекрасным наездником. Мой тренер говорил, что я прирожденный чемпион! До странности! А вот дальние родственники в Кольмаре, те вовсе не удивлялись! Ведь барон был великолепным стрелком, и ему не было равных в седле. Потом я сделался заядлым охотником, и тоже совсем как он. А когда оказалось, что у меня с возрастом развилась особая чувствительность к солнечному цвету, почему я и ношу затем-

ненные стекла. О, они мне рассказали, что это наследственная проблема Рогенау! Начинается после сорока, а если повезет, то позже. Кажется, чепуха. Но мы наследуем, сами того не ведая, черты своих предков. И начинаешь лучше себя понимать. Это, право, захватывающее занятие. Не знаю, достаточно ли ясно я выражаюсь. Во всяком случае, я решил, дети имеют право узнать, и я скажу.

Вы спрашиваете себя, без сомнения, как я догадался, кто Вы такие, с чего это началось? В детстве я выжил на городских окраинах среди бездомных, воров, контрабандистов, сутенеров и бандитов. По трущобам, где я ночевал в пустых баках, слонялись молодежные банды. Они как ободранные голодные псы бросались на все, что трепыхалось. И при первой возможности вцеплялись в глотку друг другу.

Слушайте, я ношу дымчатые очки. Зато у меня на затылке, на спине, на заднице не дремлют тысячи глаз! Я вижу в темноте и чую как гончий пес. Мой слух, обоняние, осязание – все, что хотите, обострено на всю жизнь, до упора, иначе я бы не выжил! Не шесть, не семь, а черт знает сколько чувств у меня всегда настороже. Индикатор опасности высшей категории – вот что я такое, ходячий индикатор! Другое дело, что я обычно держу себя в руках!

Поэтому я тут же почуял, что за мной ходят. За мной следят! И пусть сначала это было только смутное ощущение. Но я-то, я доверяю своим ощущениям безраздельно! Я увораживаюсь от мексиканского летящего ножа, я ухожу от хвоста

и растворяюсь в пять минут в любом городе, я в любом помещении сажусь так чтобы спина была защищена, я.

Жена Фреда, давно проявлявшая признаки волнения, судорожно вздохнула, губы ее задрожали, глаза наполнились слезами.

– Ох, Джоанна, прости дорогая, ну не расстраивайся, я не буду! – быстро сказал тогда он.

Вот что. Я буду краток. Я быстро установил, что я прав. И тут же предпринял контрмеры. Когда же в моем весьма консервативном ближнем кругу вдруг появился шахматист с хорошим английским из той самой Москвы, а в мое отсутствие ко мне домой под удобным предлогом зашла юная акробатка без языка, то, конечно, уже мои детективы аккуратно проследили за ними и выяснили, что это за люди. За мной смотрели, меня слушали? Так я, вернее, для меня то же самое делали они. Мы тоже собрали все сведения, какие сумели. И я считаю, пока счет в мою пользу!

Итак, мы поняли, что дело связано с моим французским родством. Вы собираете информацию обо мне. Но почему? Наверно, какая-то ошибка? Если вы меня в чем-то подозреваете, то в чем? Я терялся в догадках. Но вас ведь слушали. И в итоге, мы пришли к выводу, что вы сами, джентльмены, приличные люди. Чем дальше, тем больше я убеждался, что лучше объясниться начистоту. И вот вы здесь!

А теперь, расскажите мне, пожалуйста, то, чего я не знаю. Что за человек была Кира? Как сложились их отношения с

мужем?

И о моей сестре. Я отдаю себе отчет, как мало знаю даже о бароне. Он для меня, знаете, портрет в альбоме. Я собрал фотографии из Кольмара и сделал большой альбом. Я его никогда не видел, ни слова с ним не сказал. Но я о нем хоть мог расспросить кого-то, почитать воспоминания его фронтовых друзей, его собственные записки. Они есть в городском архиве. А о сестре? Я впервые в жизни о ней сейчас услышал. Где она родилась? Сколько ей лет? Кто она такая? И, главное, что же с ней стряслось?

Потребовалось немало времени, прежде чем Петр и Деннис ответили на эти вопросы. Вспомнили, наконец, о Луше, мало что понимающей в происходящем. Синица попросил паузу и перевел ей по мере возможности все, что смог. Настала очередь детей Узбана, наперебой спрашивающих отца, а по мере потепления атмосферы, и гостей о необыкновенных семейных новостях. Племянница Джоанны Эвелин с сияющими глазами и пылающими щеками взволнованно попросила разрешения у дяди записать его необыкновенную историю. Она же журналистка! А Деннис тихонько пояснил Петру, что она сотрудник Би Би Си.

Фредерик сам то спрашивал, то принимался тоже рассказывать. Он основательно разузнал о де Коссе и охотно делился этим с Петром. Так Синица впервые услышал от него о записках барона в архиве. Поэтому, когда волнение немного

улеглось, а поток вопросов стал уменьшаться, то Петр спросил в свою очередь.

– Кстати, Фредерик, мы Вам так много уже порассказали об Эрне. Я со своей стороны предполагал, что она дочь французского летчика, но долго сомневался. А окончательно поверил лишь после того, как мой агент добыл копию его завещания. Там черным по белому написано завещаю моей дочери Эрнестине ренту и имение! Вы меня спросили, где она родилась? Эрна родилась в Москве, когда война давно кончилась! Точно известно, что Киру не выпускали из страны. Так почему барон считает Эрну своим ребенком? Как же это? Разве они встречались? И раз Вы знаете так много разных вещей...

– Знаю! Встречались! – Фред вскочил и прищелкнул пальцами. – Об этом как раз есть подробно в записках. Барон неоднократно и безуспешно пытался прорваться в Россию. Он сначала надеялся забрать свою жену. Потом по дипломатическим и коммерческим каналам узнал, что лучше этого не делать. Ее все равно не выпустят, он только погубит и Киру, и ее близких. Позже он хотел ее хотя бы увидеть. И однажды ему это удалось. Он прибыл в Москву в конце ноября 1952 года и оставался до Рождества. Он приехал с дипломатическим паспортом. Они виделись. Потом об этом кто-то донес. Тогда ему пришлось немедленно исчезнуть, просто бежать. И с тех пор уже больше никогда.

Узбан вздохнул. Его лицо потемнело, а голос зазвучал



приглушенно.

– Какое страшное слово, это «никогда»! В общем, он пишет, что порою удавалось о ней узнать, передать ей какую-то мелочь и получить что-нибудь в ответ. И это все.

Он замолчал. И тогда Петр, едва не приплясывающий от нетерпения, попросил

– Фред, а дальше?

– Дальше почти ничего, – пожал плечами Узбан. – Может, он перестал записывать – не знаю. Но о ребенке там нет ни слова. Поэтому я и. Словом, я разглядывал эти фотографии, а думал о том, какая красивая женщина его жена, и все.

Записи там до конца пятидесятых. А через несколько лет барон скончался. Он был уже немолод. Воевал, был ранен неоднократно. И хотя крепкий был, из тех, кто не гнется, а разве ломается, но прожил не особенно долго. Вот, собственно, и все, – развел руками хозяин дома, закончив рассказ.

Но тут же спохватился.

– Да, а день рождения моей сестры? Скажите, пожалуйста, когда, в какой день и месяц? – он запнулся. – Интересно, а ведь Вы правы! Ну встретились они в этом пятьдесят втором, а больше не виделись. Но раз он так написал в завещании, значит, был уверен.

Петр задумался ненадолго, стараясь припомнить точную дату. Остальные притихли. Фредерик, Джоанна и их дети с волнением ожидали ответа. Как вдруг крошечная Лукерья встала из-за стола и подняла руку, словно прилежная учени-

да начальной школы. Все с недоумением уставились на нее. Она же медленно и старательно произнесла по-английски.

– You sister Erna was born 14 August 1953. Несколько секунд потребовалось слушателям, чтобы осознать это сообщение. Потом они, тоже молча, принялись считать, а Деннис – даже загибать пальцы. И наконец, вырвался общий вздох. Дети принялись аплодировать. А Фредерик схватил за руку Джоанну.

– Господи, просто замечательно! Все совпало!

Его лицо светилось от радости, он подхватил жену и принялся танцевать. Петр, растерянно наблюдавший за главным своим подозреваемым, только пожал плечами. Что было делать! Фред Узбан явно не годился на роль злодея!

А Луша, героиня момента, шепнула ему на ухо в общей суматохе.

– Все забыли о самом главном. Они радуются. У Фреда объявилась сестра. Осталось только ее найти!

Перед уходом, когда все начали прощаться, Эвелин протиснулась к Петру. Она еще раз представилась, объяснила, что у нее такая же фамилия, как у Джоанны, – Дин. И снова подтвердила желание создать семейную летопись.

– Мистер Питер, ведь Вы упомянули, что у дядиной сестры взрослый сын?

– Да, его зовут Павел. Я думаю, он здесь называл бы себя Пол. Он прекрасно говорит по-английски.

– А можно взглянуть на его фотографию? Он знает о том,

что у нас происходит?

– Пока еще нет. Но скоро будет знать, для начала в самых общих чертах.

– Я рада была бы ему написать. Если бы Вы мне продиктовали его фамилию.

– Фотографию я Вам сейчас покажу. Вы сможете найти его в Твиттере. Но что касается остального. Вы сами слышали, насколько все непросто. Лучше его пока напрасно не волновать. Мы будем теперь поддерживать с Фредом постоянную переписку. Как станет возможно Павлу написать, я сразу Вам сообщу, – предложил Петр.

– Я Вам буду за это очень признательна! – с чувством пожала ему руку Эвелин. Она вынула фотоаппарат, пересняла фотографию Паши и принялась быстро записывать в кожаный блокнот сложную фамилию «Мухаммедшин» в английской транскрипции.

Потрясающая девушка. Паше она родственница чисто формально. Правда, напишет? Тогда ему повезло, – подумал Петр и отправился искать Лушину куртку.

## **36. Снова Москва. Эрн нашлась. Дело Мухи завершено?**

Москва встретила Петра и Лушу морозцем, покалывающим щеки словно газированная вода – язык, и холодным солнцем на бледном голубом небе. Они долетели благопо-

лучно, но устали. По дороге они раздумывали, как поступить: разъехаться ли сначала по домам, или сразу двинуть на работу. Но Майский позвонил, как только самолет приземлился, и сообщил, что он уже в Домодедово. И вопрос разрешился сам собой. Договорились, что он их доставит на Маросейку, а там их уж с нетерпением ждет Тетя Муся, Володя и.

– Вся соскучившаяся живность! – гремел в трубку Олег. – Домомучительница наша, как ей и полагается, пышек напекла. В полном соответствии с классическими образцами. А Куприяныч, тот прямо от своего Паши примчится к нам, если ты не возражаешь. Он ждет сигнала. А вообще полный сбор назначен в шесть. Будет настоящая трехслойная уха, можешь себе представить? А на второе шашлык из осетрины. Это опять же Георгий постарался. У него мешок новостей. А Володька свои новости доложит сам. Он не велел тебе говорить. Я ему крест на пузе давал, черта в ступе обещал. А то не верил, этакая зараза!

– Погоди, не торопись, ради бога. Я ж почти ничего не знаю. Куприяныч примчится? Значит, они оба уже тут?

Но Олег, со словами: «Шмотки свои забирайте, подробности при встрече!» отключился. А минут через сорок он уже радостно обнимался с Синицей и пытался подкинуть Лушу в воздух, чему она возмущенно воспротивилась.

– Коллега Майский! Мы вернулись всего лишь из Лондона. Это не Южный полюс или пустыня Гоби! – смеясь, отби-

вался Петр.

– Потопали в машину.

– Я умираю от любопытства. Рассказывай давай, а я лучше сяду на руль, чтоб тебе не отвлекаться. Итак, Куприяныч привез своего сына?

– Почти. Я тебе, то есть вам обоим, напомним, как было дело. Паша вышел из комы. Куприянов узнал об этом и приехал. От Паши скрывали, сколько он «отсутствовал». Еще меньше он знал о маме.

Когда Паша попал в больницу, он позвонил Севе Польских. Было ясно, что дело плохо. Но непонятно еще, насколько. И Паша велел Севе посылать своей маме от его имени письма по электронной почте. Морочить голову, сколько можно. И вовремя. Ему стало настолько худо, что его искусственно ввели в коматозное состояние. Но вскоре Эрна пропала. Ее и морочить особенно даже не пришлось.

Когда Паша пришел в себя, он находился в заторможенном состоянии. Ему давали успокоительное и берегли от всего. С ним работал психотерапевт.

Ну, Куприянов по прибытии просто велел сказать, что отец приехал. Его впустили. И он с помощью своего друга и переводчика Тимура про себя самого сыну рассказал. Парень это тяжело перенес. Потребовалось опять не только время, но даже врачебная помощь.

Как только Паше снова стало лучше, ему сказали, что маму решили не волновать. Ей рассказывают сказки. А она со

своей стороны отправилась куда-то к черту на куличики на симпозиум. Это выглядело вполне правдоподобно.

Так вот, ехать в Москву с Куприяновым сын наотрез отказался. Сказал – ему, мол, надо все происшедшее сначала переварить. Но Паша был слишком слаб, чтобы одному добираться домой, а оставаться в Базеле уже не хотел. Тогда ему предложили ехать с Тимуром, и он согласился. Сейчас он в больнице санаторного типа. А Куприянов каждый день сидит у него.

– А про Эрну сын знает?

– В том-то и дело, что нет! Отец боится до смерти ему навредить. Он говорит, я парня чуть не угробил, когда в Базеле объявился неожиданно, и он узнал, что я жив. А теперь надо тянуть, сколько можно. Пусть окрепнет. А кроме того, вдруг Эрн тем временем найдется? Георгий надеется, видишь ли, на то, что.

– Да понятно! – вздохнула Луша. – Он думает, что если все кончится хорошо, то предыстория будет звучать просто как приключение. Не так страшно, что с там случилось. Обошлось же, и это легче перенести близкому человеку.

– Кстати, мы вас известили по электронной почте, когда они прибыли, ты что, не помнишь? – спросил Олег.

– Странно! Мы ничего не получали, – удивился Синица.

– Ну хорошо. В общих чертах понятно. Надо с ним познакомиться поближе, с этим Пашей. Есть один важный момент. Куприянов ничего не знает о происхождении Эрны.

Паша – тем более. И я расскажу ему это сам.

– А что с Израилем?

– Ох, об этом не могу. Уволь, Петь, и потерпи еще часа два. Это к Володьке. Я только безобидный биохимик и начинающий детектив. А Расторгуев? Он – настоящий опер, как наденет перчатки, да сделает из меня бифштекс! Вы лучше оба пока расскажите про Город. Я никогда в Англии не бывал.

И они заговорили о поездке, добросовестно стараясь сосредоточиться на своих впечатлениях от великого города. А Олег, большой любитель путешествий, засыпал своих друзей вопросами. Он знал определенно больше не только Луши, но и Петра, о Лондоне. И так расстраивался, когда они признавались, что чего-то не успели увидеть, или не знали, что где-то непременно надо побывать.

– Как, Петя? – чуть не плакал Майский – вы по Виндзору только погуляли и не были во дворце? Это просто непростительно. Да почему?

– Олег Николаевич, у нас было мало времени. А в этот день была жуткая суматоха. Лондонские транспортники забастовали. Поэтому, чтобы добраться до цели, пришлось тратить море времени и нервов. А мне животных надо вовремя покормить, – оправдывалась Луша.

– Животных? – озадаченно переспросил тут Олег. И услышал рассказ о том, как Лукерья Костина придумала ловкий ход, чтобы попробовать проникнуть в дом Фреда Усбана.

Она вспомнила свое цирковое прошлое, а Синица разузнал, в чем она нуждается, а затем взял напрокат для нее нужный реквизит и животных из маленького бродячего цирка.

– Петя, это же гениально! Слушайте, а вы догадались для истории, для «Ирбиса» все это заснять? Нет, как только подумаю – Лушка в костюме акробатки и парике крутит сальто на ящике, рядом сурок, а внутри собака! – хохотал Майский. – Или наоборот? Собака, значит, снаружи. Постой, так ты «видео» сделал или нет? – не унимался он.

– Олегыч, ты не забыл, что мы туда работать приехали? У нас было полно разных дел. И все дела деликатные. Мы не могли себе позволить просто жить как туристы. Вот, хочешь, выберем время и поедем все вместе в Лондон в отпуск. И программу поручим делать персонально тебе!

Олег против такой перспективы ничего не имел. Он пустился было в оправдания, что, мол, понимает, конечно. Задание – прежде всего, а его упреки звучат по-детски. Но через минуту с возмущением снова повысил голос.

– Нет, как хочешь, но в Вестминстер надо было сходить!

– Я и не спорю, не ворчи, – признался шеф. – Кое-где мы были, только давай доедем, все равно придется снова рассказывать. И не горюй, видео не видео, но фотографии есть.

Под эту перепалку и расспросы даже неизбежная пробка по дороге не произвела на ирбисовцев особого впечатления. Зато родная избушка, кирпичный теремок, весь засыпанный свежим снегом, посыпавшимся час назад крупными хлопья-



ми словно их перины Матушки-зимы, что взбивает прилежная сиротка у братьев Grimm, вызвала, напротив, бурю эмоций. Чувствительный Олег их и не пытался скрыть, Петр старался отщучиваться, но было видно, что он растроган. А маленькая Костина всплеснула руками.

– Взгляните, как замечательно! Окошки светятся, все бело, дымок! Если еще и Лорд залает...

И правда, не успели они коснуться ступенек, как раздался громкий лай. Японская лайка Синицы вне себя от радости приветствовала хозяина.

– Петя, как это он? Мы далеко, он нас не видит. Ведь он же вышколенный и обычно молчит

– Собаки слышат замечательно. Я думаю, по шагам он меня узнал. И после долгой разлуки... Придется ему простить нарушение дисциплины!

Внутри теремка было уютно и празднично. Мария Тимофеевна после объятий и поцелуев поспешила на кухню со словами: «Поболтайте немножко. А я сейчас. Володя наверху камин затопил».

В «диванной», обставленной, как и было решено, рассыпаны были с рассчитанной небрежностью Синицинские леопардовые подушки. Они лежали на самих диванах и на полу, на палевом с изображением снежного барса ковре. Горел камин, облицованный двуцветным гранитом. А за столом в удобном кресле расположился Володя Расторгуев, который при виде своих друзей немедленно вскочил.

– Ребята, до чего же я рад! Теперь у нас опять две девочки в доме. А то тете Мусе без Луши не с кем поговорить. Пожаловаться на нас, бестолковых грубых мужиков. А шеф? Ну что такое дом без хозяина?

– Здорово, Володька! Ишь ты, как излагаешь! Если б тебя не знал, я бы подумал, что ты набедокурил!

Вот что. Нас Олег по дороге предупредил, что серьезно кормить будут только в шесть. Так давайте чаю все вместе с чем-нибудь хлопнем, чтобы аппетит не перебить. И расскажи свои новости. Олег как настоящий спартанец не протрепался. А мы с Лушкой обычные варвары, а не эллины, во всяком случае, я.

Пока расселись, пока дождались чаю с бутербродами, Петр терпел и новых вопросов не задавал. Но наконец, Володя, заговорщически улыбаясь, промолвил.

– Люди, вы готовы? Я начинаю. Несколько дней назад раздался звонок от. Ну, словом, от кого надо. Можно, например, так сказать, что от сочувствующих нашим трудностям друзей из милиции. Я услышал следующее. Воспроизвожу почти дословно.

Можете передать Петру Андреевичу, что неизвестная в Израиле это Эрна Мухаммедшина. После генетической экспертизы ДНК совпадение с нашим материалом на 99, 978 процентов. Мы получили сегодня это извещение. А вдобавок, врачи говорят, что ее состояние не меняется. Она рассказывает все время одно и то же. С ней работал гипноти-

зер, так она и под гипнозом повествует о своем детстве под Брюгге, католической гимназии для девочек и птифурах, которые пекла ее бабушка Элиз. Только теперь она понемногу начинает фантазировать и развивать эти сюжеты. Эрна хорошо знает французскую литературу. И грамотные психологи узнают эти фантазии. Одна, например, из Буланже, другая навеяна Полем Бурже. А еще... Нет, я забыл фамилию. Какая-то писательница. Одним словом, они не надеются, что память вернется. Так прямо и сказали. Но «органы» готовы ее отпустить. Ни одно предположение о связях ее с «врагами народа» не подтвердилось.

– А как она попала в Израиль «органы» не сказали? – спросила Луша.

– Мадам Селина Бежар прилетела в Иерусалим из Франции.

– Ну вот и ответ. А мы голову ломали. Наверно, ее сперва привезли во Францию, это проще. А потом после дополнительной обработки отправили в Израиль, – кивнула она.

– А что думает Георгий? Он знает уже? – осведомился Петр.

– Нет, – отозвался на этот раз Олег, – я не рискнул без тебя ему сказать.

– Ну да, ты ж объяснил – он надеется, что все обойдется!

– Одно хорошо, Эрна физически за это время оправилась, – снова заговорил Володя.-Врачи считают, ей неплохо сменить обстановку. Попутешествовать. Под чьим-то наблю-

дением и сопровождением попробовать эмоционально переключиться. Вдруг это и поможет в будущем вернуть память. Но надежды мало.

– Георгий по-прежнему не хочет сказать правду Паше?

– Он за Пашу боится. Тот же тоже недавно между жизнью и смертью висел. Однако надо рано или поздно это сделать.

– А я думаю, Паше необходимо там появиться. Это будет не просто переключение. Это может. Ну ничего, я сам с Георгием поговорю. Расскажем сначала, о том, что Эрна нашлась. Тоже потрясение и для него. Кто знает, что он сейчас предпочтет, оставить сына для одного себя или.

Задумчиво пробормотал Синица себе под нос.

– Петя, а по формальным признакам мы дело Мухи могли бы завершить! У нас какая была задача? Найти Эрну Александровну. И мы нашли!

Олег сделал ход и посмотрел на задумавшегося начальника. Не глядя на шахматную доску, тот сделал ответный ход и хмуро отреагировал.

– Положим, не мы, а Интерпол. Мы только немножко подсобили. Не велика честь. Ты подумай, мы же до сих пор ни черта не знаем, ни кто ее умыкнул туда, ни зачем. Между прочим, если ты думаешь, что я ничего не вижу..., оставь в покое слона, а то придется ходить. Я ж тебе фору дал целых две пешки. Играй!

– Побойся бога, начальник! Мне подумать надо. Я что тебе, Ботвинник или Смыслов? Гарри Каспаров?

– Вот, вот, еще скажи Нона Гаприндашвили или Майя Чибурданидзе.

– Так это в женском первенстве мира! И я их помню великолепно. Вот кто потом?

– Если хочешь знать, затем на шахматный Олимп пришли китаянки – Се Цзюнь и Жу Чень. Правда, между ними была еще и венгерка Жужа Полгар, сестра знаменитой Юдит. Но ты меня не сбивай. А мужики? Больше после Каспарова никого? – поддразнил Синица Олега.

– Карпов, Каспаров – Каспаров, Карпов! Эти два долго-долго. Еще Крамник, индус-не помню-как-зовут, а теперь. Слушай, а ведь та прав. Я не знаю... ну ладно, не томи, скажи, ты же шахматист!

– Не знаешь. Вот и я не знаю, жучище! Мне это покоя не дает, – начал Петр, отвечая своим мыслям, а не партнеру.

– Я с Герой поговорил. Он нормально среагировал. Мне показалось, с большим облегчением узнал, что жена жива. И считает, если врачи не возражают, то нужно ее везти домой. Мы договорились, что он начнет сына готовить понемногу. А пока он предложил Севу Польских попробовать убедить туда съездить. Пусть Эрн увидит знакомое лицо.

– Послушай, вот ты говоришь пусть, может, и не совсем серьезно – мы дело Мухи можем закрыть. Георгий хочет ее как можно скорей забрать в Москву. Но почему никому не приходит в голову, что те же силы, что похитили, ей и теперь угрожают? Она в опасности все время, пока они неизвестны

и не обезврежены. Черт знает, возможно, даже в Израиле со стертой личностью Эрну собирались со временем физически устранить. В Москве же она – несомненно, бельмо на глазу у своих врагов. Поэтому, я вот что предлагаю. Да ты меня слушаешь, или нет? – Рассердился Синица, заметив, что Майский обдумывает свой ход.

Тот вздрогнул, затем сделал большую рокировку и устремил на шефа подчеркнуто внимательный взгляд.

– Слушаю и повинуюсь, Великий падишах! Вы изволили нечто предложить, но не закончили свою мысль.

– Хитрый, бес! Ну ладно. Я тоже не подарок. Мы ж играем... Однако, я хочу с тобой посоветоваться. Мне пришло в голову устроить мозговой штурм. Соберемся вместе – наши все, то есть мы трое и Володька, а еще «представители заказчика», Сева с Зиной, Куприянов, Ольга Северцева, Анита, Эдик – этих пригласим непременно. Пашу звать я побаиваюсь. А ты как думаешь?

– Я согласен. Мы вынуждены сплетничать о его матери. Нередко с подробностями, которые приличные люди при сыне не обсуждают. И Глеб, и Ольга, и Анита нам недвусмысленно объяснили, что Эрна его никогда не посвящала в свои личные дела. Кто знает, как он себя поведет, не говоря уж про его хрупкое здоровье. С ним лучше поговорить один на один, если нужно. Другое дело, сам сыночек. Как там с его собственным досье?

– Володька работает. Скоро скажет. Так вот, я хочу, чтобы

все еще раз подумали. Кто же это? Кто враг Эрны, и, главное, почему? Мы узнали Эрнины фамильные тайны, нашли ее брата, который вместо того, чтобы сделаться ее конкурентом, до смерти рад и предлагает любую помощь. Бывший муж появился и раскаялся! Архивист Ренье готов в любую минуту вместе со своим нотариусом ввести Мухаммедшину в права владения в Эльзасе! Однако, я считаю, ее могут убить как в Израиле, так и в Эльзасе в любую минуту. Про Москву я уж и не говорю.

Синица потряс головой, подумал с минуту, взял ладьей белого слона и объявил хладнокровно обескураженному другу.

– Мат в три хода. Мне очень жаль. Эх ты, учить тебя еще и учить. И кстати, заруби себе на носу: в двухтысячном году чемпионом мира стал Вишванатан Ананд!

Петр Андреевич, который мысленно чаще и охотней именовал себя Петей, бежал по дорожке третий километр с курвиметром. Он твердо намеревался осилить еще два, хотя икроножные мышцы начало сводить и голова побаливала. Грипп проклятый! Ну ничего, он приведет себя в порядок. Лорд выздоровел, трусит рядом и радуется жизни, снег поскрипывает. Еще не рассвело, и далеко слышно их двоих. Вот случайный прохожий тревожно обернулся, но увидел парня в спортивном костюме с собакой на пробежке и успокоился. Навстречу Петру приближались двое таких же, как

он бегунов в одинаковом красном с белым облачении и с наушниками на голове. Свистнул воздух, они пронеслись мимо.

Я не современный, – усмехнулся Синица, – всегда терпеть не мог эту дребедень. Все-таки читать или разговаривать по дороге – это одно, а плеер в ушах – другое. Ты выключен из окружающего мира. Бери тебя голыми руками – не слышишь же ни фиги!

Э, брось, ты сам выключен, думаешь бесперечь только о работе. А черепушка так разогрелась, что скоро зашипит. Может, на ней котлеты лучше жарить?

Язвительно жучил он себя и продолжал это содержательное занятие, пока не решил, что оно непродуктивно. Вчера собирались, как он хотел, и «штурмовали» весь вечер. Все присутствовавшие подготовились. Друзья обдумали, не придет ли в голову какая-то ссора, столкновение интересов? Коллега Эрны Эдик еще раз поднял документы. Он постарался найти конфликты с пациентами. «Ирбис» в полном составе во главе с ним самим... Ну, это ясно, они тоже перелопатили весь наличный материал.

Да, Володя! Это очень важно. Володька сумел раздобыть от милицейских информацию из Иерусалима. Эрна выглядела так подозрительно для местных служб безопасности, что даже после того, как напавших на врачей дилетантов-экстремистов повязали, за ней велось очень плотное наблюдение. Они следили, не выйдет ли кто с ней на связь, и берегли от



возможного нападения, если, паче чаяния, ее захотят убрать.

– Вот тут бы, бояре, нашим злодеям и появиться! – горячился, рассказывая, Расторгуев, – ну тем, кто Эрну похитил и обработал. Но тишина! Никаких следов. Никто за ней не следил и не угрожал. А значит, в Израиле тоже никто ничего не понимает. Им проще. Раз она не шпионка, и слава богу. Они решили, что это московские проблемы. Нам хуже. Где ж похитители?

Ему возразили, что похитители, люди из Сапсана, больше не вмешивались. Однако, кто-то ее доставил в Израиль. И подготовил.

Делом этим занимался не только Моссад, но и другая их спецслужба. Она «Шабак» называется. Они, вообще-то, специализируются на охране мест массового посещения от терроризма. Но у них есть широкая агентурная сеть, специально обученные психологи и медики. Так вот, израильские врачи уверены теперь. Были применены эффективные современные психотропные препараты, а потом сделана «матричная запись».

– Так что, у Эрны не амнезия<sup>9</sup>, а нечто более сложное, – добавил Володя.

Нашли француза, мсье Делоне, с которым вместе прилетела мадам Селин Бежар. Но с ним просто созвонился некий господин, сославшийся на общих знакомых, и попросил о небольшой услуге. Профессор летит в Израиль? Так не бу-

---

<sup>9</sup> Амнезия – полная или частичная потеря памяти

дет ли он так любезен? Монахиня сестра Цецилия тоже летит туда по делам благотворительности. Она врач. И никогда не была в этой стране. Монахини не слишком привыкли к общению с внешним миром. А сестра Цецилия, в миру Селин Бежар, только оправляется после тяжелой болезни. Поэтому ее друзья и она сама были бы много спокойней, если б такой уважаемый человек, как профессор, с которым она может говорить по-французски.

Они встретились в кафе, познакомились и прилетели в Бен Гурион. И больше господин Делоне Селин никогда не видел.

Сухой остаток оказался в самом деле сухим и унылым. Вся работа Ирбиса и мозговой штурм пока не дали ни малейшего результата. Загадочный враг не показывался. Хоть не сделался от этого безобидным. Все сошлись на том, что люди, располагающими такими возможностями, чрезвычайно опасны. Кто-то не поленился доставить похищенную и одурманенную Муху во Францию. И только для того, чтобы потом переправить в Иерусалим!

– В этой удивительной истории есть одна редкостная особенность, – размышлял Петр. – Как правило, в самых разных житейских обстоятельствах труднее всего деньги раздобывать. Неважно, о чем идет речь. Защита и нападение, рутина, покой и творчество – все требует средств. А тут – никаких проблем! Начал Сева, потом Анита предложила помощь, появился бездонный кошелек Куприянова и, наконец, регу-

лярно из Лондона звонит Фред. Денег не надо, мол, спрашивает он. И что вы думаете? Раз я отказывался, он, на всякий случай, перевел мне пока «немножко». Ты не волнуйся, всего пять тысяч, он говорит. А не потребуются, употребим их на билеты, увидимся и отпразднуем победу. Он уверен, что все кончится хорошо! Он уверен... Хотел бы я это сказать о себе!

Вечер завершился. Сева, навещавший Пашу с трогательной добросовестностью, согласился взять отпуск и слетать на неделю в Иерусалим. Георгий Антонович обещал помочь уладить все организационные вопросы. Пашу решили на «военный совет» не приглашать, чтобы его побережь. Но Сева вместе с Зиной тактично и осторожно рассказали ему, наконец, о маме.

А Мухаммед от всего, обрушившегося на него в последнее время, явно повзрослел. Он перебрался домой и начал вести обычный образ жизни. Своим друзьям он сказал, что займется теперь здоровьем без дураков. Он сделает все, чтобы привести себя в рабочее состояние. И самому поехать за Эрной, а потом суметь за ней ухаживать дома.

– Да, братцы, игры, похоже, кончились! Мальчик вырос. Тут-то к мальчику и явился папа, – невесело усмехнулся он.

А упомянутый папа Георгий очень беспокоился. Узнав, что Паша справился с тяжелым известием, он подождал немного, а потом сам пошел к сыну, и они долго о чем-то говорили. Выйдя от него, он позвонил в Ирбис и условился

встретиться с Петром.

– Знаете, Петр Андреевич, я отношусь к Вашей работе с огромным уважением, – начал Куприянов.-Я решил нечто предпринять. Но сначала хотел бы поставить Вас об этом в известность, выслушать Ваше мнение. И к тому же, не помещать, не дай бог, своими действиями Вашим намерениям.

Я думал все время о нашем общем разговоре. Вы столько всего узнали, и в то же время не нашли никого. И я сегодня с Пашей поговорил не только о том, почему он вырос без меня. Не только о том, что на его маму – мою жену напали и увезли из страны. Я объяснил, что все время над нами висела черная тень. Есть человек, который сломал мою жизнь, семью и изуродовал детство моего сына.

Итак, я это сказал ему. Но и себе самому я тоже вот что сказал: «Ты должен узнать, кто враг! Обязан!» И потому. В общем, дело в следующем.

Я стал размышлять, кто мог так влиять на нашу жизнь. Это ведь Москва, не деревня, где все на виду. Я считаю большой начальник или ГБ. И еще. Вот Ваши ассистенты рассказали мне об отце Эрны, французском летчике. Я, так же как Вы, решил, что это сыграло большую роль. И снова встает вопрос – кто персонально дергал за ниточки? Это один и тот же человек или нет?

Вы говорили, что денег на поиски достаточно, только они, похоже, мало что решают. Однако есть направление, в котором деньги должны помочь. А именно, архивы. Надо раздо-

быть наши досье – Эрны и мое собственное. Вот это я и хочу организовать, найти нужных специалистов. Возможно, у Вас такие есть?

Поймите, Петр Андреевич, мне очень надо, мне необходимо понять. Ну, как я уже сказал, если я Вам не помешаю.

Был ветреный сумрачный день, с неба сыпалась ледяная морось, а северный ветер порывами раскачивал деревья и ломал их обледеневшие ветки. Одна из них стучала в стекло, и Петр все время невольно оглядывался на окно. Он коротко взглянул на Георгия при последних словах и увидел снова суровое выражение на его лице и угрожающий блеск в глазах.

– Помешаете ли. Мысль совершенно логичная – раскопать досье. Они должны быть у вас обоих. У Эрны – из-за отца. У Вас – в связи с репрессированной семьей и с той же Эрной. Я человека для работы в архивах вполне могу найти. Правильно, что предупредили. Я бы тоже дотумкал рано или поздно, но вот что важно. Самого зверя нельзя спугнуть! Давайте посоветуемся, как дров не наломать. Ведь он может понять, что мы ищем в правильном направлении. И тогда.

– Я его спровоцирую Эрну скорей устранить, – дополнил Куприянов.

– А может, не только Эрну.

– Я об этом не подумал. Вы правы.

– И вот еще что, Георгий Антонович, – слегка возвысил

Петр голос, -Вам ребята сказали без меня, что про деда летчика я решил с Пашей сам поговорить. Я считаю, настало время это сделать. Поэтому я приглашу его к нам в пятницу и хочу, чтобы Вы об этом знали.

Куприянов молча кивнул. Они договорились о предварительных шагах и обсудили план действий, и Георгий принялся звонить и давать указания помощникам, а затем быстро распрощался и ушел еще более озабоченный, чем прежде.

### **37. Внук де Коссе. На четвертинку француз?**

Павел был тепло одет, но поднявшийся ветер заставил его застегнуться на все молнии и пуговицы и плотно обмотать шею шарфом. День выдался морозный. Парень долго бегал по делам. Он не успел поесть и поэтому подмерз. К вечеру потеплело, но ему все равно было зябко. Вскоре начало мети, маленькую черную вязаную Пашину шапку облепило снегом, и очень кстати пришелся капюшон.

Молодой Мухаммедшин направлялся в «Ирбис» по приглашению самого директора. Ему назначили в семь. Петр объяснил, что беседа будет о семейных делах. Речь пойдет о событиях послевоенного времени. Дело касается его бабушки Киры. И значит, волноваться нет причин. Паша ничуть не волновался. Зато ему было отчаянно интересно.

В его распоряжении оставалось еще минут десять. По оживленной улице неслись машины сплошным потоком.

Несмотря на погоду, народу было много. Пятница – многочисленные рестораны и кафе, бессонные магазины, игровые салоны привлекали публику, втягивали говорливые группки и выплевывали их обратно, возбужденных, шумных, ищущих новых развлечений. Но стоило свернуть в переулок, и вдруг как по мановению волшебной палочки, стало совсем тихо. Прохожие, автомобили, громкая зазывная музыка из окон – все это осталось позади. Снег сделался гуще. И в переулке стало бело, как будто он не змеился в самом центре гигантского города, а вел к заколдованному замку. Павел свернул еще раз, огляделся и подошел поближе к соседнему дому, чтобы рассмотреть его номер. Еще несколько шагов, и вот он! За оградой внутри небольшого ухоженного двора, сейчас укрытого снежной пеленой, стоял.

Павел смотрел и не верил своим глазам. Островерхая черепичная крыша, из трубы белый дымок, уютно светящиеся окна, красивое и добротное крыльцо. Домик, словно дорогая игрушка из нездешней сказки, напомнил ему Европу. Как он сюда попал? На покои новых богатеев особнячок тоже не тянул, в нем не было ничего лишнего, броского, безвкусного. Чудеса! Так, а где же у него номер? А, вот!

Двор хорошо освещался, и на стене Павел сумел рассмотреть не только нужный ему номер дома, но и вывеску.

Действительно, Агентство «Ирбис», – кивнул он и нажал на клавишу домофона.

Ответил женский голос. Павел назвался. Дверь отвори-

лась, и он вошел.

В пятницу прием посетителей заканчивался в пять. Поэтому звонкий голосок из агентства попросил его войти в боковую дверь. Для этого пришлось обойти крыльцо и завернуть за угол. Он снова позвонил, и дверь отворилась.

Широкая лестница, уходящая вверх на антресоли, тонула в полумраке. Он пошел навстречу лучу света сверху, вслушиваясь в приглушенные звуки с правой стороны из темноты. Оттуда слышалось хлопанье крыльев, щелканье, а потом. Мужской голос выговорил не очень отчетливо: «Петррруша, зерррнышки! Хоррошие, рррисовые зерррнышки!», и заколыхалась тяжелая портьера.

Павел не знал, дивиться ему или пугаться. Что все это значит? Работают они тут или живут? Он поднялся на марш и наконец, достиг дверного проема, в котором, в этот момент появилась маленькая точеная женская фигурка. Тот же звонкий голосок приветствовал его и пригласил внутрь. Он сделал несколько шагов навстречу и очутился в прихожей.

– Здравствуйте! Заходите, пожалуйста! Я Лукерья Костина, ассистент директора. Я пойду, позову Петра Андреевича. А Вы пока раздевайтесь.

– Тетя Мусенька, Вы ведь покажете Паше все, что нужно? – обратилась крохотная девушка куда-то внутрь комнаты. Павел снял куртку. Девушка убежала, а его опять позвали. На этот раз женский голос был явно на октаву ниже.

Еще одна дверь, и картина, открывшаяся его глазам, ока-



залась полностью под стать домику и его необычным обитателям. В просторной светлой комнате было тепло и уютно. Голландская печь, облицованная изразцами с голубой росписью, гудела и потрескивала. Он увидел обеденный стол с белой крахмальной скатертью, накрытый на пять человек. А немного в стороне от него в кресле – румяную полную пожилую женщину. На ней было свободное платье на кокетке с кружевным воротником. Ноги ее покоились на коврике, на котором дремала, свернувшись, кипенно-белая пушистая кошка. Когда Паша вошел, кошка на звук шагов открыла глаза. Бог ты мой, кошачьи глазищи оказались небесно-голубыми!

Паша ахнул. Он не имел особых склонностей к домашним животным. А опыта их держать вовсе никакого. Когда-то в детстве ему хотелось собаку. Да куда там! Он даже не решился спросить. Какие собаки в московской коммуналке?

Да, киска-то, что и говорить, кошачья красавица! А что касается глаз. Разве не у всех кошек зеленые глаза? Есть и поговорка такая!

Мария Тимофеевна тем временем представилась.

– Сейчас будем ужинать, – сказала она. – Петр Андреевич и Олег, это наш второй ассистент, уже идут. Павлик, Вы Киевские котлеты любите?

– Мария Тимофеевна, я не знаю, никогда не пробовал. А как их в Киеве делают? По-другому? Не так, как у нас в Москве? – Павел откашлялся и сел к печке на стул с мяг-

кой вышитой подушечкой. Таких он тоже никогда в жизни не видал.

– Павлик, Вы это что, серьезно? Да как же так, неужели. Я Вам расскажу!

Но тете Мусе не удалось просветить кулинарно дремучего Пашу. С другой стороны открылась дверь, и в комнату вошел рыжий высокий мужчина, лет на десять старше Мухаммедшина. За ним следовал другой, лет пятидесяти с совершенно лысой головой и в очках. Они принялись здороваться и знакомиться, как вдруг...

Крупная японская лайка, проскользнувшая в комнату рядом с Петром и державшаяся у его правой ноги, поднялась и положила огромные лапы Паше на плечи. Уши у нее стояли торчком, пасть приоткрылась, и большой розовый язык вывалился наружу.

Павел не так уж много читал. Зато хорошие книги. Он бы мальчишкой, наверно, не выбрал Дюма, если бы не мама. В девяностые годы были другие властители дум. Но Эрна знала любимого автора почти наизусть, и сын проштудировал с ее подачи как «Трех мушкетеров» со всеми продолжениями, так и «Королеву Марго». Подробности он, конечно, подзабыл. Но все же, все же. Он, правда, не испугался. Но. Что говорил Генрих Наваррский, если ему наступали на мозоль? Как он...

– Святая пятница, – ахнул второй раз Павел Мухаммедшин в этот удивительный вечер. – Вы их что, сами делаете?

У этой собаки, да у нее же тоже глаза.

– Как у меня, – сказал тут директор Ирбиса «Синица», – и похлопал густыми ресницами.

Ничего подобного, у тебя, дорогой, глаза серые, а у твоего пса -голубые, – запротестовал мысленно его гость.

Но тут Лорд лизнул его в нос и тем закончил дискуссию. Тетя Муся скомандовала – за стол! Котлеты – самые настоящие Киевские куриные котлеты с кусочком сливочного масла внутри, в золотистых хрустящих сухариках, истекавшие соком на большой нарядной тарелке Кузнецовского фарфора, в отличие от терпеливого коллектива, ждать не могли.

За ужином о делах не говорили. Павел с большим удовольствием умял основное блюдо. Он не очень упирался и когда ему настоятельно посоветовали взять добавку. Ирбисовцы весело помогали тете Мусе по хозяйству, непринужденно болтали, и Паша скоро почувствовал себя свободно и хорошо. Настало время десерта. Луша принесла из кухни блюдо с эклерами. А Петр принялся разливать чай. На минутку все стихло. И Павел услышал отчетливый мерный звук, которого до сих пор не замечал.

Тикали ходики! Он поискал глазами. На правой стене – акварели, на левой – явно семейные портреты и фотографии Петра со всеми соратниками вместе и порознь. Так, а впереди?

Между двумя окнами в стенном проеме он увидел изображение дамы в парадном платье, которое поначалу принял

тоже за портрет. Ее хорошенькое личико с нарумяненными щечками в аккуратных кудельках улыбалось. Но что это? Глаза дамы – оливковые бусины с яркими белками – двигались слева направо совсем как у совы. Петр проследил за взглядом гостя.

– Я вижу, Вы заметили нашу даму, сказал он. – Ну как, нравится? Обратите внимание, это не игрушка.

– Мне кажется, она тикает! – отозвался неуверенно Павел.

– А что ей остается делать? Это же часы. Взгляните. Внизу на платье в виде букета – циферблат. Это Шварцвальдские часы, традиционные для своего времени и места, – с удовольствием пустился в подробности Петр.

А Луша тихонько пояснила.

– Шеф любит прикладное искусство и точную механику. В особенности часы. У нас, знаете, много разного связано с часами. В кабинете совсем другие – грозные и ответственные. Они с боем. И эти голос подадут. Кстати, осталось еще четверть часа попить чайку. Хотите эклер? Тут трех сортов. Вам какие больше нравятся, с ванильным кремом, шоколадные или...?

Пашу с мороза и после сытного ужина слегка потянуло в сон. Следовало встряхнуться. Он отправил в рот парочку эклеров и рассказал несколько баек о Швейцарии. Неотражимая Снежана вскочила к нему на колени, мявкнула, и он покорно принялся гладить пушистую шерстку. Олег как раз объяснял, что абсент просто крепчайшая мятная водка, и ес-

ли народы захотят, так он ее сделает, выйдет еще лучше, чем у «фирмы» в то время, как кальвадос... , когда зазвенели колокольчики.

– О, дама заиграла! Восемь часов. Нам пора, – сказал Петр Андреевич и поднялся.

Они перешли в кабинет. Директор и хозяин агентства «Ирбис» усадил Павла за стол и уселся напротив. Перед ним лежали папки, альбом и пачка фотографий. А на стене висел большущий плоский экран. Петр взял в руки пульт и нажал на кнопку. Экран засветился. Поплыли кадры, снятые любительской камерой. Она дрожала, выхватывая то заснеженную дорогу, то парк тоже весь в снегу. А затем, словно зритель, сосредоточившийся на своей цели, и переставший отвлекаться на посторонние предметы, – красивый особняк в глубине парка. Он приближался, вырастал, обретал детали и подробности и, наконец, закрыл экран целиком.

– Павел, – начал Петр, и его голос слегка дрогнул от волнения, – я сейчас расскажу Вам всю историю замужества Вашей бабушки Киры Паскевич с начала и до конца. Я отвечу на все Ваши вопросы, насколько это в моих силах. Не скрою, разговор будет необычный. И верно, я должен бы показать эту съемку под конец. Но не могу удержаться.

– Итак, смотрите внимательно! Это Франция, город Кольмар. Вы видите дом Вашего деда со стороны матери!

Синица сам отвез Пашу домой. Так ему было спокойнее.

Вернувшись, он позвонил Георгию Куприянову и коротко рассказал о происшедшем.

Да, Паша знает теперь, кто его дед. Нет, не разнервничался. Что? Нет, пожалуй, и не обрадовался. Скорее, удивился. Он, знаете, Георгий, к зеркалу подошел и начал разглядывать себя. «Раз я на четвертушку француз, – говорит, – так где-то тут она есть?»

Они сдержанно посмеялись, и, побеседовав еще несколько минут, Петр извинился – устал, мол, и пожелал Куприянову спокойной ночи. Однако вместо того, чтобы и впрямь отправиться спать, он принялся писать.

Письмо в Лондон по электронной почте нашло адресата, который не заставил себя ждать, а отозвался немедленно. Наутро шеф Ирбиса с интересом читал длинное взволнованное послание и удовлетворенно кивал. Потом он подошел к телефону и набрал номер. Олег, забежавший в кабинет подшить в папку справочный материал из лаборатории, услышал, как шеф попросил мисс Дин, а следом приветливо забасил.

– Эвелин? Здравствуйте, это Питер Синица. Спасибо, получил и полностью согласен. Сейчас самое время!

Но дальше он перестал понимать, на большее школьного запаса английского не хватило.

## **38. Тайна полковника Найденова**

Протекли недели. Сева съездил в Израиль и вернулся ни

с чем. Он видел «сестру Цецилию». Но все попытки врачей обратить внимание Эрны на Севу терпели крах. Неудачи начались прямо с языка общения. Сева не знал ни слова по-французски. Русским, казалось, вовсе не владела она. Эрна лишь вежливо и равнодушно приветствовала его на английском, которым молодой человек не блистал. В конце концов, врачи посоветовали Севе смириться и уехать.

Синица нашел для Куприянова нужного человека для поисков досье и придумал ему легенду. Они применили обходной маневр. Свой интерес к Эрне и ее мужу они закамуфлировали изысканиями для Новейшей истории в послевоенный период. Их задача, де, исследовать влияние на судьбы людей Сталинских репрессий.

Из Франции пришел официальный запрос. «Союз авиаторов города Кольмара» интересовался судьбой своего compatriote, военного летчика Эрнестуса де Коссе, жена которого и т. д. Они были бы чрезвычайно признательны за любые сведения о ее судьбе. Это в совокупности с прочими способами убеждения, которые умело применил Куприянов, звучало отлично.

Запрос, доверенность от поручителей, письмо от научного руководителя в архив – и можно приступать к работе!

Молодой военный историк Людмила Темочкина, погружившаяся в бумаги, микрофильмы и прочую, уже частично детализированную информацию, добросовестно составляла отчеты и отсылала их прямо на имя Петра Андреевича

Синицы. И довольно скоро появились первые обнадеживающие результаты. Среди справок, конфиденциальной информации, доносов, перехваченных писем и допросов сотрудников и родных Кирочки Паскевич, в замужестве Мухаммедшиной, ей все чаще стало попадаться одно и то же имя.

Степан Матвеевич Найденев! Это он первым сообщил, что по оперативным данным старший лейтенант, военный переводчик Мухаммедшина находилась в порочащей советского офицера связи с иностранцем. Его заявлению дали ход. Расследование показало, что оно подтвердилось. Папка компромата росла. А Найденев не успокаивался.

Найденев рассылал в разные адреса уведомления о недостойном поведении Киры Леонтьевны. Со временем, когда она вышла второй раз замуж, а ее дочь подросла, он же стал «уведомлять» об этом партбюро и дирекцию Цаплина, а позже капать на Эрну.

Начал эту свою деятельность товарищ Найденев, будучи молодым капитаном в составе войск особого назначения, квартирующих в Восточном Берлине. Время шло. Он продвигался по службе и сделал хорошую карьеру. Дослужился Степан Матвеевич до полковника ГРУ и ушел в отставку. Но, удивительное дело! Эрну Мухаммедшину своим вниманием не оставлял.

Получив эти материалы, ирбисовцы вместе с Куприяновым вместо того, чтобы обрадоваться, озадаченно развели руками. Самому Георгию имя Найденева ровно ничего не



говорило. Враг, казалось, нашелся, только его мотивы оставались за семью печатями. Не сослуживец, не сосед, не родственник... И не изгой – несчастный желчный злобный завистник. Но тогда кто?

– Слушайте, Георгий Антонович, – начал Олег, – Кира очень красивая женщина была. Что, если этот Найденов – отвергнутый поклонник? Мстительный, злопамятный, всю жизнь преследовавший ее? Странно? Но, понимаете, бывает и так!

– А я не понимаю, – покачала головой Луша, – Киры нет в живых. Найденов, он что, Мафусаил? Ее поклонник... Он должен быть по крайней мере ее ровесником или старше. Сколько ему лет?

– Разумно. И надо выяснить. А где он мог с ней столкнуться? Были они знакомы с Кирой? – задумчиво промолвил Куприянов.

– Вот, вот! Надо понять, что он за человек. Как его жизнь сложилась? Где он теперь? Лу, возьми, пожалуйста, наш вопросник, но поподробней сделай, покажи мне, и пошлем его потом Миле, – попросил Сеница.

– Кому?

– Ну Темочкиной. Как ее? Люда? Так это одно и то же, производное от Людмила, – пояснил Петр.

На этот раз потребовалось не так уж много времени, чтобы «варяг»<sup>10</sup> Темочкина заполнила длинный вопросник,

---

<sup>10</sup> так называют приглашенных для определенных целей, например, для управ-

прилежно и кропотливо составленный Лушей и подписанный самим Синецей в знак одобрения. Из ответов на него следовало, что Степан Матвеевич Найденев решительно не годился на роль оскорбленного воздыхателя красавицы Паскевич. Он был значительно моложе нее. Никаких убедительных поводов, никаких житейских пересечений их судеб найти не удалось. Во время войны она была студенткой, потом преподавательницей французского. А он – еще совсем мальчишкой. Послужной список у него был без всяких изъянов. Сколько Мила не выясняла, получалось из всех источников, что он безупречный офицер и порядочный человек. Профессиональный разведчик, кончивший разведшколу, Степан Матвеевич работал в ГРУ. Об этом, само собой, никаких подробностей у нее не было. Вот разве, в последние годы он числился за аналитическим отделом, и это все.

Единственное, что можно было найти общего у этих двоих – не слишком обычное в Союзе великолепное знание иностранных языков. Степан Найденев прекрасно знал немецкий и французский. Но он учился языкам в разведшколе, а потом в Академии внешней разведки. А значит, вовсе не там, где училась и работала Кира.

– Видишь, Лунечка, у людей, почти всю жизнь проживших в одном городе, могли быть контакты и неведомые сексотам.<sup>11</sup> Могли найтись и точки соприкосновения, не отра-

---

ления, чужих людей.

<sup>11</sup> сексот – сокращение от выражения – секретный сотрудник, принятое в ста-

женные в пожелтевших хрупких бумагах казенных отчетов.

Петр Андреевич оторвался от вопросника и посмотрел на крошечную девушку, сидевшую перед ним и зябко кутавшуюся в большущую белую оренбургскую шаль. Ножки в вязанных толстых носках она спрятала под пушистое теплое пузо Лорда, разлѐгшегося рядом на полу.

Луша кивнула головой, чихнула и уткнулась покрасневшим носишкой в носовой платок. Просто олицетворенная «легкая простуда» на боевом посту, готовая к новым подвигам несмотря ни на что. Шеф, однако, увлеченный своим занятием, ничего не заметил и продолжил.

– Во всяком случае, полковник Найденов, человек семейный, примерный муж и отец, ушел в отставку, поработал еще несколько лет консультантом в одном оборонном ведомстве, а потом окончательно отправился на покой. Сейчас ему семьдесят с хвостом. Он похоронил жену. Сын давно живет отдельно, он занимается продажей природного газа и очень преуспел. Старик и сам ни в чем не нуждается. Но сделался со временем весьма необщителен. Единственное место, куда он ходит с удивительным постоянством и рвением, это церковь. Член КПСС Степан Матвеевич никогда не был прежде замечен в религиозных склонностях. Но люди меняются...

– Петр Андреевич, я тоже обратила внимание, что он, уйдя на пенсию, сделался страшно религиозным. И пусть это веяние времени, мода даже. Но, знаете, такой пожилой че-

ловек!

– Возможно, как раз поэтому. Жизнь близится к концу, и люди начинают думать о том, что там за чертой. А что, в конце концов, у нас есть на этот случай, кроме церкви?

– Вы правы. Но вот еще что любопытно. По крайней мере, у нас не очень обычно. Полковник Найденов не православный, а католик. Прихожанин католического собора.

Тут Луша опять чихнула, но уже три раза подряд. Лорд вскочил и с недоумением уставился на нее. А Синица, мерявший шагами кабинет, и размахивающий своей любимой авторучкой, в это время застыл на месте и повторил без всякого выражения.

– Не православный, а католик... Католик он, полковник-то наш. Католик... Католик! Прихожанин собора, собора, соборчика, говорю, святого такого. Что-о-о? Почему католик? – вдруг заголосил он так громко, что воспитанный Лорд нервно зевнул. «Ваффф!» негромко, но очень неодобрительно выговорил пес.

– Вот что, свистать всех наверх! Олега ко мне немедленно, Володьку вызвать! – продолжал неистовствовать Петр. – Не делай „простуженные» глаза, я слышу, что ты чихаешь! Узнайте мне про этого пенсионера все, что можно и нельзя. С кем, когда, что, и как именно? Что ест, что пьет, с кем дружбу водит. Не так, как на «предварительном», поняли ребята? С деталями! И немедленно!

Темочкиной – спасибо! Пусть дальше работает. Я у нее,

кстати, ничего про родителей Найденова не нашел. Написано – сирота. Она больше и не бурила. Так не пойдет! Выяснить подробнейшим образом, кем они были, когда и почему умерли. Кто его воспитал? О школе тоже ни единого слова.

А вы? А вы давайте по теперешним связям работайте. И чтобы хронометраж был у меня. Если надо, так и телефон Найденовский прослушаем. А Майскому задание особое. Пусть подготовится и обратится к настоятелю этого собора. Ох нет, что за чушь! Настоятель в монастыре! А в соборе? Пастор, наверно? Фу, пастор у протестантов. Да, тут я, определенно, не силен. Но это и не мои проблемы.

– Жучище! – проорал он появившемуся в дверях Олегу, который спустился из лаборатории в ответ на звонок. -

Жучище, ты переходишь в католичество и с завтрашнего дня станешь готовиться к принятию крещения в соборе Непорочного зачатия Девы Марии. Валяй, сочини себе легенду и топай туда с утра.

Олег изумился не хуже Лорда и уставился на начальника. Он был в халате и защитных очках, а потому его лицо за голубоватыми стеклами выглядело особенно впечатляюще. Он молчал. Петр взглянул на него, сделал паузу, а потом снова заговорил совсем другим тоном.

– Олег, прости, кажется, я случайно бестактность ляпнул. Если мы с тобой, о чем и не говорили до сих пор, так о религиозных делах. Может, это против твоих убеждений? Тогда я найду другой выход. Дело в том, что у меня идея безумная

появилась. Все вертится вокруг тайного врага Эрны и ее матери, полковника Найденова. Мы должны бросить все силы на это дело и узнать о нем, все, что можно. Я подумал – ты из нас всех самый положительный и вызывающий доверие. Поэтому...

Зазвонил телефон, Петр извинился и прервался, а затем, второпях сказав, что Луша, мол, все Майскому объяснит, выскочил за дверь.

– Через час вернусь! – бросил он на ходу, – надо быстренько в банк стонять, срочно понадобилась моя подпись.

– Ну хорошо, объясняй, – вздохнул до сих пор молчавший Олег и сел. – Убеждения убеждениями, только работа есть работа.

Храм на малой Грузинской был весь из красного кирпича, с башенками, арочным порталом и розеткой на фасаде. Выстроенный в неоготическом стиле и любовно восстановленный, он радовал взгляды не только городских обывателей, но и знатоков. Стройный и гордый, устремленный в небо, словно застывший по мановению волшебного жезла факел, храм внутри оказался неожиданно очень светлым, умиротворяюще тихим островком покоя. Трудно такое было вообразить на Грузинах в самом котле столичного густого борща вблизи от Баррикадной.

Маленькая девочка лет двенадцати в белой шапочке с вышитой снежинкой и скромном коричневом пальто вошла в

собор, сделала несколько шагов и остановилась. Под высокими белыми сводами было прохладно, и она снова надела свои вязаные варежки, которые, было, скинула, открыв врата. Они отворились почти бесшумно, так что женщина в платочке, старательно полирующая мягкой замшей позолоту изножья статуи Богоматери, даже не оглянулась. Девочка поколебалась немного и сказала.

– Здравствуйте! Я прочла на доске объявлений, что тут часы работы с половины девятого до восьми ежедневно, и думала.

Уборщица вздрогнула, обернулась и строго посмотрела на нее.

– Часы работы? Вот я и работаю. А ты кто ж такая? Чего тебе здесь надо?

– Мне. Мне надо с отцом настоятелем поговорить. Скажите, пожалуйста, как мне его найти? – робко ответила та.

– С отцом настоятелем? Ишь, чего захотела, нету у него других забот! Тут тебе не игрушки! Ты креститься-то хоть умеешь? Ты знаешь, куда пришла? Если дело какое, приходи с родителями. Ходят тут, мешают только, – ворчливо повысила голос уборщица.

– Я пришла в Собор Непорочного зачатия Девы Марии, а креститься умею.

И она окропила пальцы в чаше со святой водой, опустилась на одно колено, повернувшись к алтарю, и наложила на себя по всем правилам крест.

– Смотри, пожалуйста, и вправду по римско-католическому обряду крестится – слева направо! Тебя, девонька, зовут-то как? – заметно смягчилась женщина.

– Меня зовут Стася, Станислава Ряжская. Я дедушку своего ищу. Я.

Голос девочки дрогнул, и по щеке поползла слеза. Она села на скамью, всхлипнула и опустила головку.

– Э-е-е, а плакать зачем? Ну-ка, рассказывай по порядку, что стряслось. Отец настоятель, если дедушку знает, непременно поможет. Пойдем-пойдем, я тебя чайком напою. Ты меня тетей Стефкой зови, так лучше будет. Давай, пошли!

И она обняла девчущку за плечи, привела ее в служебную комнату и затворила за собой дверь.

Стефания Савицкая вовсе не была уборщицей. Она помогала в храме исключительно из уважения к отцу настоятелю, горячей приверженности католической вере и желания скрасить свое вдовье одиночество. Всю жизнь она проработала на ткацкой фабрике, замуж вышла поздно за немолодого непьющего сварщика Мефодия, брата закадычной подруги, от которого сбежала гулена-жена. И все бы хорошо, но детей у них уж не получилось.

Пожилая ткачиха без всякого удивления выслушала повесть Стаси о родителях, которые давно разошлись, отце, испарившемся несколько лет назад совсем из Москвы, о матери и ее «друзьях».

– Тетя Стефка, я хочу с дедушкой моим жить. Мой де-



душка хороший! Мама не хотела, чтобы я с ним встречалась, она на него кричала. Он и перестал звонить и приходить. А теперь ей совсем не до меня. Она говорит иногда. Если б не я у нее жизнь бы такая хорошая была! «Капусты» прям до фига. Зеленой, говорит «капусты» и «евриков». Это деньги такие. Я их сама никогда не видела. Где дедушка живет, я не знаю. Я тогда совсем маленькая была. Я только знаю, что он в церковь часто ходит. Он у меня католик.

– Постой, Стасенька, как его фамилия? Его можно через справочную или милицию поискать. У него, верно, фамилия, как и у тебя?

– Нет, у папы была фамилия отчима. А мама мне не скажет. Лучше не пробовать. Я раз спросила ее, а она – драться. Тетя Стефка, Вы послушайте, мне учительница в школе сказала – у католиков пока мало церквей. Я решила, я во все пойду и спрошу. Вот если отец настоятель.

Дверь открылась, и слегка пригнувшись, в нее вошел высокий благообразный седой человек и ласково поздоровался.

Не прошло и четверти часа, как все трое, сидя за круглым столом, застеленным затейливо вышитой скатертью, беседовали и рассматривали небольшую пожелтевшую фотографию. На ней в строгом костюме с галстуком в полоску был запечатлен аккуратно подстриженный мужчина с усами. Красивое лицо без улыбки. Светлые глаза смотрят прямо, взгляд испытующий и недоверчивый. Мужчине на фотографии могло быть лет пятьдесят, но несмотря на прошедшие

годы, каждый, знакомый этого человека, без труда узнал бы его и сейчас. Девочка, разыскивающая дедушку, положила на стол единственное, чем располагала. Со старого листка фотобумаги строго взирал на окружающий мир не кто иной, как Степан Матвеевич Найденев собственной персоной. Он самый, только лет двадцать назад.

Дня за два до появления «внучки» в храме Майский, сидя у Петра в кабинете, в последний раз попытался отговорить своего начальника от «католической акции».

– Как хочешь, Петя, мне эта идея не по душе. Посмотрят они на фотографию, опознают его, и тотчас к нему. Вас, мол, наш глубокоуважаемый, внучка разыскивает. И что тогда? Он их подальше пошлет? Совсем не исключено. Но насторожится он обязательно, а это...

– погоди, – возразил Сеница, – мы же не такие лопухи. Да, фотография очень похожа на Найденева. Только она не его! В ней Володькины парни детали лица грамотно изменили, костюмчик тоже другой. Даже попади она полковнику в руки, он сам сказал бы, что некто в восьмидесятых был на него здорово похож, и конец. И что плохого, что девочка ищет деда? Чего пугаться тут старому отставнику? А главное, как связать это с Эрной? И потом. Ведь «внучка» наша тоже не лыком шита. Она расскажет, что ищет деда, но не хочет навязываться. Пусть ей его, пожалуйста, издали покажут. Пусть, если можно, о нем расскажут немножечко. Она

хотела бы рядом посидеть и посмотреть на него. Потом наберется храбрости и подойдет, но не сразу. Привыкнет сначала, а уж затем. И лучше вместе с отцом настоятелем.

– Ну хорошо, убедил. А когда я?

– А ты – вторым эшелонем. Мы как решили? «Внучка» посмотрит на полковника, погрустит, скажет, что да, похож, но не дед! И уйдет. И тут появишься ты. Ты будешь активным прихожанином, станешь новообращенным и будешь участвовать во всех тамошних делах. Прощупаем его изнутри. Попробуем, по крайней мере, прощупать. Олег исчерпал возражения, пожал плечами и послушно отправился в библиотеку готовиться к предстоящему заданию.

Паства у главного католического собора была довольно большой. И хоть тетя Стефка – женщина крепкая, зоркая и приметливая, сразу почти не сомневаясь, ответила маленькой девчоночке, что такого прихожанина, как ее дед, не припомнит, потребовалось время, чтоб в этом окончательно убедиться. Да и не хотелось им с отцом настоятелем ее сразу надежды лишать. А ну, как этот дед за долгие годы неузнаваемо изменился? Впрочем, Стася говорит, что он каждый день ходит в церковь. Нет, не может быть, никто в голову не приходит. Ну хорошо, а кто на него хоть капельку, да похож?

Женщин преклонного возраста среди прихожан было значительно больше, чем мужчин. Ревностные католики знали друг друга в лицо. Кто ж тут похож на деда?

С неделю Стефания присматривалась к людям на каждой мессе. «Внучка» со своей стороны тоже не пропускала ни одной, чем окончательно завоевала сердце одинокой пенсионерки. Она связала для девочки крючком ажурную салфетку в подарок и все старалась ее подкормить домашними пирожками с капустой и яблоками. «Внучка» уминала пирожки и вздыхала. Ее мучала совесть. Она клятвенно обещала себе по окончании дела Савицкую ни в коем случае не забыть, посоветоваться об этом с шефом и сделать ей что-нибудь приятное.

Отец настоятель тоже старался помочь, как мог. Он попросил одного из своих многочисленных помощников, молодых богословов из Польши, применить для розыска деда современную науку. Один из них, Марек, заинтересовался и согласился с большим энтузиазмом. Он увлекался археологией и раздобыл специальные программы, позволяющие археологам реконструировать облик усопших по найденным останкам. Такие программы могут двигаться не только назад во времени, но и вперед. Они, располагая актуальной фотографией человека, показывают старение. А значит то, как – с известной долей вероятности, конечно – он будет выглядеть через пять лет после настоящего момента, через десять, двадцать и т. д. С ее помощью Марек сделал реконструкцию фото «деда» для всех троих. Они внимательно посмотрели на нее, положили распечатки в планшеты и еще раз пригляделись к немногим кандидатам мужского рода подходящего

возраста.

Таких оказалось пять. Но трое из них с темными глазами отпали сразу. Приземистый круглолицый украинец родом из Львова был давним знакомым самой Стефки и жил со своей большой семьей и внуками около зоопарка, где и работал уже добрых лет пятнадцать. А последнего из пятерки – старого музыканта, скрипача из оркестра зала Чайковского, высохшего высокого и прозрачного, словно степной ковыль, Владислава Сойку хорошо знал отец настоятель.

– Ну вот что, остается признать, что у нас твоего деда нет наверняка. Но это ничего не значит! И первое, что теперь надо сделать, это отправиться на Малую Лубянку, – однажды подвел он итог их общий усилий.

– Куда-а-а? – ошарашено протянула «внучка», у которой слово «Лубянка» вызвала вполне однозначные ассоциации. – Вы хотите, чтобы моего дедушку искали.

Стася замешкалась, резонно предположив, что школьнице такой ход мысли, пожалуй, не очень подходит. Но «взрослые», к счастью, ничего не заметили.

– Деточка, – затараторила успокаивающе Стефания, – ты, может, и не знаешь, ведь есть еще один действующий храм у нас, у католиков! Он не такой большой и красивый, он скромненький .

– Стефания, моя дорогая! – предостерегающе поднял палец отец настоятель, – право, неудобно, даже грешно гордится перед нашими братьями по вере этим великолепным

зданием. На все воля господня! Церковь Людовика Святого Французского несколько. э-э-э. но Вы правы, сходить туда нужно непременно! Если хочешь, я свяжусь с тамошним священником, и тебе помогут, - обратился он к девочке.

«Внучка» сердечно поблагодарила, от предложенной помощи отказалась, но пообещала обратиться за ней, если потребуется. Первым делом ей следовало обсудить дальнейшие шаги со своими друзьями, что она и сделала в ближайшие несколько часов.

– Ну что, Лушаня, как ты сама думаешь, следует дальше эту линию продолжать? Я хочу сначала тебя послушать, – Петр внимательно поглядел на Костину, когда она закончила свой рассказ. -Олега мы не выпускали, пока у тебя был отрицательный результат. Мы можем изменить нашу тактику. А можем действовать так же, как в главном храме собирались.

– Ребята, а почему не проследить его от дома? И выяснить, в какую он церковь ходит? Мы знаем, где он живет или нет? – удивился Олег.

– Где он живет, Олежка, мы не только не знаем, но не пытались узнать. Тем более я категорически против наружного наблюдения за таким старым бобром как Степан Найденов

– Хитер бобер, – промурлыкала Луша под сурдинку.

– Должен быть хитер! Володька, кстати, такого же мнения. Мы ведь договорились не будить зверя в берлоге! Начать наводить справки, где живет разведчик, а потом еще за ним и

следить? На этом мы даже с нашим трущобным Гаврошем из Лондона прокололись. Так этот... не знаю уж, бобер или зубр, вполне может слезку заметить. Как он потом поступит? Он же очень опасен, как мы знаем.

– Петр Андреевич, я думаю, поэтому не стоит «внучку» опять использовать. Дойдет еще как-нибудь. Католики общаются между собой, а священники их – тем более. Пусть лучше Олег Николаевич теперь. Я адрес узнала. Это на Малой Лубянке в доме двенадцать. И расписание выяснила. Там богослужения идут каждый день. В восемь утра месса служится по-латыни, потом по-русски. А в выходные вообще на разных языках.

– Вот как? – насторожился Синица, – ну-ка, расскажи подробнее!

– Понимаете, в субботу в шесть вечера месса у них на французском. В воскресенье кроме русского читают опять же на французском, английском, а также на итальянском и литовском. Вообще, если у храма Девы Марии прихожане по большей части русскоговорящие, то тут католики-иностранцы, в основном. Сотрудники посольств и консульств, специалисты, работающие у нас, жены и мужья. Все – с бору да по сосенке – кого судьба в Москву занесла.

– Так, так! Это просто отлично, замечательно, моя дорогая! – непритворно обрадовался Петр и заулыбался. Луша с удивлением взглянула на него.

– Я вижу, Вы отчего-то довольны. А я подумала, что если

уж не нашла Найденова на Грузинах, то на Лубянке тем более не найду. Что ему делать среди иностранцев? Я решила поискать в Подмосковье, нет ли там какой церкви. Я Вас и раньше хотела спросить, почему Вы так воодушевились, как узнали, что Найденов не православный.

– Сначала просто любопытным показалось. Необычным, а потому обещающим что-то прояснить нам в его мотивах. А теперь. Я подумал, это какая-то ниточка, ведущая к Эльзасу. Уж не встречается ли Найденов там с информантами под предлогом посещения службы? Разведчик все-таки?

– Знаешь, Петя, мне первый раз сейчас пришло в голову, что этот Найденов мог и чужие интересы представлять, – задумчиво сказал тут Олег.

– Что ты имеешь в виду? Я не понял, – ответил Петр.

– Очень просто. Мы все ищем его мотивы. Кроме него пока других врагов не нашлось. Мы выяснили, что враг Найденов, но почему, не понимаем. Так вот, вполне возможно, ты прав. Он с кем-то встречается. В церкви или не в церкви, но враг он не сам по себе, а «от имени и по поручению». И вот сейчас, если мы за ним хорошенько проследим, то выйдем на заказчика. Профессионал вредит, как умеет, а умеет поразному. Вопрос в том, кому это понадобилось, и зачем.

– Олег Николаевич, – Луша вскочила, ее нежное, миловидное личико засияло. – Это просто замечательно! Все становится так логично и понятно. Он встречается и получает задания. Мы ж не знаем наверно всех, кто может быть заин-



тересован во Франции, чтобы Эрна не получила наследство. В самом начале работы шеф предположил, что Эрна, сама того не зная, чем-то владеет – например, землей, или ценностями. А она и вправду владеет, только не в Москве, а в Эльзасе. И пускай ее дядя.

– Да нет, Лу, не дядя, а брат! – поправил девушку Петр.

– Да-да, брат. Я хочу сказать, он вовсе не пытался отнять ее имущество, но кто знает, может эта земля понадобилась соседям, или. Или там алмазные россыпи разведаны, золотая жила.

– А лучше всего нефтяное месторождение, очень актуально! – саркастически закончил Синица. – Но шутки в стороны. Отличная мысль. Теперь только б его не спугнуть!

Здание на Малой Лубянке на первый взгляд на церковь не слишком походило. Храм, выстроенный на месте деревянной церкви по проекту

Александра Осиповича Жилярди в стиле позднего ампира, из общего ряда выделялся шестиколонным портиком, увенчивающим низкий фронтон. Если бы не две небольшие колоколенки за главным фасадом, он скорее напоминал бы музей или бывшее советское учреждение, каких немало появилось в Москве в пятидесятые годы прошлого века. Однако это была самая настоящая церковь с беломраморным алтарем, полуциркульной апсидой, высоким средним нефом и боковыми – пониже. Она была отстроена в тридцатые годы

девятнадцатого века и носила имя Людовика Святого Французского.

И Олег Николаевич Майский принялся усердно посещать храм Людовика на Лубянке. Скоро две большие ели по обеим сторонам от главного входа, фонари, которые он называл про себя почему-то «пушкинскими», и широкие гранитные ступени сделались для него привычны. Он посещал мессы, читавшиеся по-русски, примелькался со временем постоянным посетителям, которых было не так уж много, но, никого, похожего на Степана Матвеевича, так и не встретил.

Как быть? Провести однажды тут в церкви целый день? Ведь служб много, даже в будние дни, и то – три, в субботу – четыре, а в воскресенье – целых восемь. Да только не покажется ли это странным? Не стоит привлекать к себе внимание. С другой стороны – Найденова не видно пока, но, может, старик болеет? А если он, и впрямь, встречается в церкви с кем-то. О, тогда нужна особая осторожность.

И поэтому Володя Расторгуев предложил следующую тактику. Все-таки, самый главный день для верующего христианина – воскресенье. Действительно, не стоит Майскому с утра до вечера мозолить глаза священнику, его службе и министрантам<sup>12</sup>. Пусть он придет себе на мессу по-русски как обычно. А сам Володя установит наблюдение за входом, и на этот раз проследит за всеми посетителями церкви. Он выбрал себе двух помощников и приступил к делу.

---

<sup>12</sup> Министрант – помощник в католической церкви

– Мужики, – обратился Расторгуев к двум молодцам, студентам Высшей школы милиции, выбранным им для этой цели, – мы сначала в субботу прорепетируем, отладим детали, а в воскресенье проведем полный контроль. Это будет не просто. Церковь работает с утра до вечера. Начинает в восемь – это первая служба. Последняя – в пол седьмого. То есть если воскресных служб целых восемь, то в субботу – только четыре. Хватит для тренировки.

Теперь так. Нас интересуют мужчины старше шестидесяти с серыми или голубыми глазами. Остальное может в течение жизни двадцать раз измениться. Высокий человек горбится с годами и становится ниже, шевелюра седеет и редеет. Можно расплыться и, наоборот, страшно исхудать. Но глаза!

И вот что. Самое главное – ведите себя совершенно незаметно. Нашли похожего – нет, даже хоть чуток подходящего – и не делайте ничего, не телепайтесь! Только мне тут же отзовонитесь, точно опишите его, и кранты. Задача ясна?

Парни покивали и заняли свои посты. А Володя, заранее выбравший себе позицию, позволявшую видеть их обоих и не светиться, понаблюдал сначала за ними самими. Как справляются? Не сачкуют? Потом устроился поудобнее, укутался, застегнулся на все пуговицы и настроил бинокль.

Человеческий ручеек заструился к главному входу, наполнился, набух, и стал понемногу иссыхать. Месса началась. Минут через десять после этого в церковь вошел спортивно-

го вида мужчина в приметной красной куртке и вязаной шапочке и сел сбоку. Он прослушал мессу почти до конца, опустил в церковную кружку несколько монет и тихо удалился.

Следующая месса отличалась от предыдущей лишь языком. На этот раз усач похожей комплекции пришел пораньше. Он был одет в серое с синим и мог запомниться длинным шарфом, кольцами обмотанным вокруг шеи.

Одна служба сменялась другой. Прихожане чинно рассаживались, пели псалмы, жертвовали на церковь, негромко звучала разно племенная речь. Володя, извещенный пару раз, что подходящий объект явился, сделал несколько фотографий. Но больше для очистки совести. Старики были все не похожи на отставника Степана.

На русскую службу пунктуально явился Майский, прослушал все и ушел. А Расторгуеву и его орлам предстояли еще две вечерних. В большом промежутке они бегали греться. Пили горячий чай с лимоном из термоса, уплетали сосиски и бутерброды.

Наступил вечер. Стайка ирландских студентов-католиков расселась по скамейкам как озябшие воробьи в ожидании начала очередной мессы. Володя угнездился на своем месте с биноклем. Он как раз решил размять замерзшие руки, когда затрезвонил телефон.

– Товарищ майор, сейчас из-за угла выплыл один типус в пальто и с палкой. Он приметный – высокий, прямой и с усами. Нет, не как у Вас для второго выхода! Они густые

такие и белые совсем. Двигается не спеша прямо к церкви. Идите скорей! – возбужденно доложил студент.

Володя быстрым движением сунул бинокль в футляр, футляр же – в объемистый рюкзак, надежно привязанный двойным морским, чтобы не свалился.

В церковные врата вошел гражданин без шапки в свитере с высоким воротом и круглых, словно у Джона Леннона очках. Он сделал несколько шагов и прямо перед собой увидел четко очерченный профиль высокого старика. Правой рукой тот опирался на темно-красную палку с набалдашником, инкрустированную серебром с перламутром. Левой снял шапку из светлого пыжика, сунул ее небрежно в сумку, висящую через плечо, и вынул роговые очки. У этого старика была военная выправка. Его отлично выбритые щеки слегка западали, но не обвисли. Он мало изменился. Его аккуратная добротная одежда была даже слегка щеголевата. Он него хорошо пахло горьковатым одеколоном. Степан Матвеевич Найденов без всякого сомнения выглядел еще хоть куда!

Володя не сомневался ни секунды. Конечно, это Найденов! Пропустив старика вперед, он прикидывал, где бы поместиться. И, осторожно косясь на идущего впереди, задержался в левом нефе у статуи Людовика Святого в золотой короне со скипетром и державой в руках.

Степан Матвеевич степенно, но, не останавливаясь нигде, двигался к алтарю. Он только перекрестился у входа, потом еще раз у витража Святого Иосифа и привычно опустил

на скамью в третьем ряду справа. По сторонам Найденов не смотрел. Ни с кем, не здороваясь и не обменявшись ни единым словом, он ждал начала мессы, раскрыв красный маленький молитвенник.

Расторгуев разволновался и решил, что следует сначала подумать. Он уселся, не теряя полковника из виду, и принялся прикидывать варианты.

Решено! Он посидит минут десять и выйдет. Фотографии нужно сделать, когда «клиент» будет уходить. Здесь лучше не рисковать. И ребят убрать немедленно. Как бы они по неопытности от излишнего рвения ни навредили. Это репетиция. Завтра они все сделают начисто. И с Синицей тоже. Надо срочно доложить и решить, как быть дальше. А сейчас он подождет, потом пройдет около церковных стен, словно любопытный турист, поставит свечку перед образом, полюбуется на... да вот хоть бы на изображение Жанны д Арк или Девы Марии Лурдской. Полюбуется и исчезнет...

Старик слушал, пел со всеми, вставал и садился, листал свой молитвенник, повторял усердно слова молитв. И Расторгуев, углубившись в свои мысли и наблюдения, не сразу осознал, что же это за слова. Что за звуки он слышит? Что журчит, уносится под светлые высокие своды и сплетается в хоралах с янтарным тоном органа?

А сообразив, он выполнил все намеченные хитрые ходы, ускользнул из храма и, сняв своих наблюдателей, понесся, не теряя времени, прямо в «Ирбис».

– Виктория, Петрус! Мы его нашли, – радостно сообщил он изнывавшему от нетерпения Синице. – Сейчас я тебе на дисплее фотографии покажу. Сплетем паутину, и вперед. Пусть Майский крестится, а мы зайдем с другой стороны. Старик, судя по всему, уверовал чертовски серьезно. Я думаю, он и завтра явится. Однако, любопытная заставка в деле появилась. Вот послушай. Олег последнее время ни одной русской службы не пропускал и – ничего! Сегодня тоже, как обычно, пришел. А мы мелкоячеистой сетью тут же Найденова накрыли. Почему бы? Ты знаешь, на какой мессе он появился?

– Верно, по закону подлости, на последней, – предположил Синица и попал пальцем в небо.

– Нет, милый, не угадал. Так вот, если наша Темочкина права, и он в церковь ходит как на работу, то у меня есть одна идея, отчего Олег его до сих пор не встретил.

– Володька, не томи! Что в ней было особенного, в твоей мессе? Священник ему шифровку передал? Или. постой, ты что, заметил внешний контакт?

– Контакта я не заметил, насчет шифровки оставляю без комментариев, но вот месса эта шла на французском! Я не знаю, о чем это говорит. Может, ни о чем. Завтра воскресенье. И у них там целых восемь служб состоится, причем в восемь утра как всегда на латыни, а потом на английском, французском, итальянском и литовском.

– Как? По-русски по воскресениям не читают?

– Нет, почему? Русская ешь для детей в полтретьего и для взрослых две вечерних – в пять и половине восьмого. И теперь надо действовать очень аккуратно. Найденов меня сегодня видеть не мог. К тому же я каждый раз менял личину – разные тряпки надевал и даже усы приклеивал. А наблюдал я с крыши рядом с колокольней. Видно великолепно – лучше некуда. Но все равно я пошлю разных людей прямо в церковь, чтобы точно убедиться, на каких службах он бывает и остается там до конца или нет. Если он и впрямь ходит только на французскую, будем думать!

План кампании почти не изменился. Олег представился священнику и рассказал ему о себе длинную трогательную историю. Он объяснил, что хочет креститься, но не только. Он чувствует себя очень одиноким.

Жизнь так сложилась, что у него нет ни семьи, ни друзей. И он мечтал бы познакомиться здесь с единомышленниками. Не проводят ли они вместе свободное время? Он со своей стороны готов любому – старому и малому – помочь, если надо.

Священник доброжелательно выслушал его и уверил, что так и будет. Он представит его со временем активным прихожанам. А пока Олегу надо пройти катехизацию и подготовиться серьезно к святому обряду.

Наблюдение тоже продолжалось. И уже в воскресенье



полностью подтвердилось догадка Расторгуева. Найденков появлялся в храме неукоснительно каждый день. Но именно и только на французской мессе. Он ни с кем по-прежнему не общался. Кое-кто из постоянных посетителей прихода пытался его приветствовать. Старик вежливо наклонял голову в ответ, но сам ни слова не говорил.

### **39. Синица как фотокор. Главный вопрос остался без ответа**

Потекли дни. Олег исправно готовился и посещал беседы своего пастыря. Приближался день крещения. Он уже был со многими знаком, но только не со Степаном Матвеевичем. Они не придвинулись к цели ни на йоту. Наконец, однажды Синица, который ворчал по этому поводу добрых полчаса, стукнул по столу кулаком и рявкнул.

– Парни... и девчонки! Так дело не пойдет. Олег скоро отправится в Рим паломником и испросит аудиенции у самого Папы. А воз и ныне там. Попробуем другой ход. Мы даже не знаем, когда этот Степан Матвеевич появился в храме Людовика. Он сам-то здесь крестился? Или был раньше православным, а потом католиком стал? А если да – интересно, почему? Прямо про Найденкова мы ничего спросить не можем. А посему давайте-ка изобразим дружественного журналиста с фотокором. Нащелкаем кадров на разных службах. Поговорим об особенно активных прихожанах. Порадуемся

тому, какие они тут интернационалисты. И тогда разузнаем, о ком только захотим!

– Мне мама звонила. Ее знакомая сейчас на месяц приехала в Москву. Она заведует отделом в Мюнхене в «Tageszeitung». <sup>13</sup> Я обещал ее поводить по городу. Она тут не по работе. Но журналист всегда журналист. А в Мюнхене католиков завались. Бавария вообще католическая по большей части. Я ей предложу – чем не тема! И правда, интересно – этот храм даже при Советах не закрывали. Там посольские окормлялись и разные другие нужные иностранцы. А фотокором я стану сам.

Сказано – сделано. Фрау Зайфельд оказалась, и сама католичкой. Она растрогалась и загорелась одновременно.

– О, это будет отличный репортаж из Москвы! И совершенно нестандартный. Никаких дурацких клише про водку и селедку. Ни слова о толстомордых наглых нуворишах и взяточниках. Даже про ортодоксов – так называют немцы православных – тоже никаких разговоров! Жаль, честное слово, что в этом храме не служат на немецком. Но ничего.

В конце концов, три европейских языка – этого достаточно. У нее самой, кстати, хороший английский!

– А французский? – осторожно поинтересовался Петр.

– Я вполне могу объяснить, – заверила его собеседница.

И тогда Синица коротко пояснил, что имеет тут свой профессиональный интерес. Дело деликатное и конфиденциаль-

---

<sup>13</sup> Ежедневная газета

ное. Клиентка разыскивает родных. Ей надо навести справки об одном человеке. Очень аккуратно, чтоб не никого не травмировать и не будить ложных надежд. Поэтому. И он изложил ей свой план.

Петр отправился к отцу настоятелю сам, рассказал о корреспондентке из Мюнхена и без всяких промедлений договорился об интервью. Он получил, вдобавок, и кипу документов. Тут были фотографии – старые и не очень – церковная печать, статьи об истории самого здания, о католической общине Москвы, и многое другое.

Синица быстренько перевел для Рамоны Зайфельд все, что могло ее интересовать, а остальное передал Луше для обработки и осмысливания. И девушка принялась разглядывать любительские фотоснимки, газетные заметки с «картинками» и даже рисунки, сделанные художником -книжным иллюстратором в подарок своему приходу ко дню святого причастия его младшей дочери. Она увидела детскую воскресную школу, веселую стайку скаутов, черноглазых монахинь, приехавших в Москву из Италии с подарками в руках. Тут были фотографии прихожан, украшающих храм к Рождеству, посещение больных, помощь в столовых для бедных. И множество разных лиц – старых и помоложе, молящихся, совершающих паломничество, беседующих о нуждах прихода.

Луша сначала вглядывалась в них до боли в глазах, затем отсканировала материалы и увеличила отдельные лица. На-

конец, больше не надеясь на себя, притащила к дисплею сослуживцев. Все впустую! В конце концов, ей пришлось примириться с неприятной истиной и прекратить бесполезные попытки. Степана Матвеевича Найденова не было ни на одной из фотографий прихода, который он посещал каждый день!

Ну что ж, они смастерили их сами – хорошие снимки цифровой камерой, запечатлевшей с десятков людей, ходивших на французские мессы. Прделано все было тактично, так, что Найденов не видел никого из снимаемых и снимавших. А собственное его изображение ничем не выделялось из прочих на непосвященный взгляд. Рамона собиралась задать свои вопросы, Синица – переводить, если потребуется. Священник – образованный человек, возможно, захочет побеседовать сам.

Затем они покажут людей, которых сфотографировали. Скажут, что журналистке понравились их лица. Ей хочется рассказать о них своим читателям. И в первую очередь, о троих. Вот они. Девушка – студентка француженка, молодой музыкант с валторной, и этот пожилой мужчина с усами, похожий на отставного военного.

Рамона Зайфельд шла немного впереди, за ней, слегка отстав, Петр нес свою аппаратуру. Она оглядывалась по сторонам и то и дело, приветливо улыбаясь, просила «дорогого Питера» щелкнуть что-нибудь занятное.

Мы говорим «щелкнуть», хоть щелкают, собственно, оре-

хи. По лбу тоже щелкают. Как там, у Александра Сергеевича работник Балда поступил с бедным попом? Я никогда не любил этой сказки и не мог понять, как можно вообще такое детям читать. «Вышибло ум у старика!» – жуть зеленая! – подумал Петр.

По-немецки это самое слово в дословном переводе означает не «щелкнуть», а «выстрелить». Какие-то у меня своеобразные мысли перед этой встречей. У нас еще достаточно времени до назначенного часа. Рамона хочет осмотреться и наметить, что нам потом поснимать. Еще ее интересует, как служат в России. Секретарь святого отца предупредил, что там сначала пройдет панихида, а потом уж беседа с нами состоится. Тут никогда не знаешь, как сложится, возможно, придется подождать.

– Рамона в соответствии со своими представлениями о вежливости пригласила отца настоятеля поужинать в ресторане «Че Гевара» по соседству после интервью. Я ей говорю – он экстремист, чтоб не сказать, террорист, этот Че. Его даже коммунисты не очень привечали. Экспортом революций, де, занимался, в то время как надо все-таки революционной ситуации дожидаться. Так удобно ли в ресторанчик с таким названием служителя культа привести? – рассказывал Синица перед днем решительной встречи своим ребятам.

– На Кубе, насколько я помню, со священниками тоже не церемонились, хоть испаноязычное население традиционно ревностные католики, - заметил Олег.

– Вот именно! Но Рамона отмахнулась от моих слишком политкорректных опасений. Там кухня хорошая, говорит, я пробовала, и вся недолга!

На этот раз в будний холодный сумрачный день церковь была заполнена только наполовину. Петр и Рамона осторожно на цыпочках вошли под церковные своды и беззвучно опустились на заднюю скамью.

Звучал орган. Торжественные печальные звуки окатили их густой волной, и немедленно веселое оживление журналистки сменилось тихой серьезностью, а у Петра защемило сердце.

На возвышении справа от кафедры стоял закрытый дубовый гроб. Он был окружен лилиями и розовыми махровыми орхидеями. Сам постамент был задрапирован тяжелым темным бархатом, уложенным крупными складками. На лакированной коричневой крышке гроба с большим крестом и бронзовыми ручками и окантовкой дрожали блики света. Музыка смолкла, и священник взошел на кафедру.

– Все мы – родные, близкие и друзья покойного понесли невосполнимую утрату. Он так внезапно ушел от нас, что мы не успели привыкнуть к этой мысли, такой важной и естественной для каждого христианина! Его час настал, и наш Отец протягивает ему руки со святого престола. Ему, нашему брату во Христе, лучше там, где он сейчас. А нам... Нам тяжело без него. И мы должны быть мужественными! Наш долг – вспоминать его полную достоинства и благородного

служения жизнь и молиться на него.

Друзья! Все мы скорбим вместе с сыном усопшего и его семьей. Он сам скажет сейчас прощальное слово о своем отце.

Мужчина лет сорока сменил настоятеля прихода. Он помолчал немного и откашлялся. Это был человек высокого роста и плотного телосложения с хорошо развитым плечевым поясом и крупными руками и ногами. У него были очень светлые густые волосы, зачесанные назад и немного набок и леденистые небольшие серые глаза. Черный траурный костюм сидел на нем как влитой. А белоснежная рубашка и черный пластрон скорее наводили мысли о торжестве, чем о похоронах. Но на его лице читалось непритворное горе

– Я так внезапно потерял отца, – начал он. Петр приготовился было слушать, но тут за его спиной произошло едва заметное движение. Сзади сели двое, и его внимание невольно переключилось на их тихие, еле слышные голоса.

– Зденек, покойный Штефан был военный. А почему гроб не накрыли государственным флагом? – говоривший слегка заикался и произносил слова подчеркнуто медленно.

Синица скосил глаза назад. Двое молодых людей в сутанах наклонились друг к другу и оживленно шептались.

– Они устроили сначала гражданскую панихиду. Я там был от прихода. Видишь во втором ряду одинаковые спины? Это его сослуживцы. Пришли все-таки. Там они речи говорили, награды на подушечку выложили и флаг тоже, конеч-

но. С флагом, правда, была отдельная котовасия. Военные – все старые отставники, как и он – хотели красный советский. А сын требовал российского!

Ответил его собеседник. Он говорил по-русски безупречно, но с легким акцентом.

– Слушай, по-моему, спины как спины. Как ты их различаешь? Но неважно. И что же с флагом?

– Поспорили немного между собой и порешили, что будут оба. А к нам не захотели ни один приносить. Церковь, и даже не православная! Все его прежние соратники были страшно удивлены и недовольны, узнав, что Штефан католик. Когда же стало известно, что он завещал приходу свое имущество...

– И какое имущество – прекрасную квартиру в центре Москвы, большой дачный участок с домом и эту грандиозную сумму денег. Ты только подумай, полтора миллиона евро! Отец настоятель заказал памятную мраморную доску с золотыми буквами в честь его пожертвования. Будет процессия. Кстати, сейчас многие на работе. Но в воскресенье состоится собрание, посвященное этому. И мы станем почитать его в своих молитвах особо. А каждый год.

Хор в белом облачении вышел из боковой двери и запел. Чистые высокие женские голоса и низкие бархатные мужские сплетались и расходились как цветы в траурном венке. Они заглушили шепот, и больше Петр ничего не услышал.

Маминой приятельнице Рамоне повезло, – подумал он. –



В Мюнхене подобные случаи – не редкость. Пусть, возможно, такой щедрый дар тоже не обходится без внимания прессы. Но тут у нас! Событие просто из ряда вот.

Кто же это умер? Ребята сзади сказали – старый отставник и помянули советский флаг. Значит, и вправду, он человек немолодой. Начало мы прослушали, наверно, его по имени называли. Сын тоже что-то рассказывал. Ну ничего, месса заканчивается. Я спрошу у соседей. Интересно самому, и моей фрау Зайфельд надо обязательно рассказать.

Прозвучали последние слова священника. Снова заиграл орган. Распорядитель подал знак, и несколько мужчин встали у возвышения с гробом. Служба подошла к концу. Собравшиеся стали подниматься, и Синица обратился к супружеской паре впереди себя.

– Простите, пожалуйста, мы пришли по делу к отцу настоятелю и случайно оказались на панихиде. Мы не знаем, кого хоронят, а это как-то не по-людски. Кто он такой, как его зовут? Женщина в светлом пальто и меховой шапочке обернулась.

– Мы тоже мало знаем этого человека. Он полковник. Мы его встречали на самых больших церковных праздниках, таких, как рождество. Но он совсем не ходил на русские мессы. Мы-то русские, мы здесь потому, что ведем летопись прихода, а он.

Гроб подняли и понесли, и собеседница Синицы замолчала. И тогда спустя несколько минут Петр начал снова.

– Так покойный не русский! Верно, тут кто-то сказал – Штефан. Это польское имя.

– Нет, это, может, наши молодые стажеры из Польши так его назвали. Имя этого военного – Степан, Степан Матвеевич Найденов. Он скончался скоропостижно. Сердце, обширный инфаркт.

Петр Андреевич, услышав эту весть растерялся. Прошло несколько секунд. Да не ослышался ли он? Синица хотел было своих соседей переспросить, но только махнул рукой, и стал, ухватив Рамону за локоть, пробираться против потока во внутреннее помещение храма.

Через полчаса они начали интервью, и Петр, сделав над собой усилие, сосредоточился и весь обратился в слух.

Журналистка и священник оживленно беседовали по-английски. Он охотно рассказал о приходе и ответил на все ее вопросы, а Петр сделал несколько фотографий. Он лихорадочно соображал, как перейти поосторожней к подробностям об усопшем, завещавшем церкви сумасшедшие деньги. Это интересно любому, не только репортеру. Но именно потому! Захочет отец настоятель. Там, где деньги, всегда вступаешь на зыбкую почву. Так, может быть, подождать? И лучше за обедом?

Как только собеседники сделали небольшую паузу, Синица кашлянул, извинился и обратился к священнику.

– Деловая часть нашего знакомства близится к концу. Я

голоден как собака. Рамона предлагает отправиться в подвальчик с хорошей кухней и поесть. Я только не знаю, как Вы отнеслись к ее идее?

– С большим удовольствием к Вам присоединюсь. Фрау Зайфельд так аппетитно описала тигровые креветки гриль, форель и ананасный десерт!

– Святой отец, Вы приглашены! Надеюсь, Вам не возбраняется выпить вместе с нами стаканчик хорошего вина, – обрадовалась Рамона.

Она сразу приняла подачу Сеницы, и сама сделала пас.

– Ваш покойный прихожанин раздражил мое любопытство. Обещайте мне, пожалуйста, что расскажете о нем что-нибудь еще. Вы сказали, что два года назад он пришел к Вам креститься и признался, что до сих пор в церковь вовсе не ходил. А потом стал появляться на каждой мессе неотвратимо, как утром солнце на небосклоне.

Лицо настоятеля сделалось серьезным. Он ответил, что это история вообще непростая. Даже сейчас: усопшего увезли на кладбище, где сослуживцы похоронят Найденова с военными почестями. Сам он остался, так как им дали понять.

– Нет, никто нас прямо не обижал, не говорил, что нас видеть не хотят! -поправился он.

– Но Вы почувствовали, что эти люди не рады католическому священнику на погребении советского полковника, – закончил его мысль Петр.

Настоятель ничего не ответил и тонко улыбнулся.

Скромная надпись «Че Гевара» не обещала, казалось, ничего особенного. Большое мрачноватое здание в двух шагах от одной из самых известных площадей в городе поросло вывесками, словно пятнами плесени. Когда-то здесь размещалось министерство. А сейчас маленькие и побольше конторы, фирмы и фирмочки угнездились в его просторных коридорах, как ракушки и крабики на затонувшем огромном корабле. Ресторанчик подмигивал пестрыми лампочками в самом низу между двумя подъездами с мерзнущими на холодном, влажном ветру скучающими охранниками. Нужно было спуститься по лестнице на один марш, где глазам пришедших открылись несколько сводчатых помещений, декорированных под бункер революционеров. Они увидели неоштукатуренные кирпичные стены и простые деревянные столы, накрытые вместо скатерти пожелтевшими газетами.

Обслуживали мужчины. Их смуглые лица, жгуче черные волосы и неважный русский с таким же успехом, как иным южанам, мог принадлежать и кубинцам. Рамона заулыбалась подскочившему к ним молодому человеку. Священник выжидательно глянул на нее. А Петр спросил себя, как она тут общалась. Впрочем, меню оказалось напечатанным на двух языках.

Пока Синица с отцом настоятелем выбирали вино и советовались с официантом относительно жаркого, журналистка, уткнувшись носом в свой экземпляр меню, что-то там при-

лежно искала. И в то время, как они с энтузиазмом заказывали мясо и рыбу с острыми приправами, она, к удивлению своих спутников, ограничилась десертом.

– Рамона, – засомневался Петр, – Вы рискнули заказать «Apfelstrudel». <sup>12</sup> Это, знаете, не самая удачная мысль. Здесь же кубинская кухня, или что-то вроде этого.

– Питер! Когда Вы расправитесь со своими порциями, я, так и быть, дам Вам попробовать кусочек. Я заказала штрудель с ванильным соусом и мороженым. А они делают как раз так, как я люблю. Понимаете, я изюм терпеть не могу. У нас, и в Австрии есть рецепты, куда непременно суют изюм, и я.

Отец настоятель, очевидно, ничего не понимавший в их немецкой болтовне, вслушивался, тем не менее, с таким неподдельным интересом в разговор о баварских и зальцбургских кондитерских, что Синица не сумел скрыть своего недоумения. Священник заметил это и несколько смущенно сказал по-русски, адресуясь только Петру.

– Не могу себе простить, что не знаю этого языка. Это же родной язык Папы Бенедикта! Подумать только, я мог бы понимать самого Понтифика! Я, видите ли, был его скромным почитателем задолго до того, как он взошел на престол Святого Петра. Кардинал Рацингер -совершенно выдающийся теолог!

– Рацингер? – Рамона услышала это имя и переключилась с кулинарии на более возвышенную тематику на общепонят-

ном английском. – Он долго работал в Мюнхене. Его хорошо знает мой отец. Он часто бывал у нас дома, а я сама девочкой по вечерам сидела у него на коленях. Вся наша семья.

Тут она замолчала, поскольку настоятель безмолвно встал и, не в силах выразиться словами, сжал руки и воздел очи горе. Затем он невнятно забормотал взволнованно тоже на английском.

– Какая необыкновенная удача! Нет, великая честь! Расскажите! То есть, я хочу сказать, если бы Вы были так любезны!!! А наш приход! Да все будут просто счастливы!

Петр глянул исподволь на священника. Глаза его сияли, лицо покраснелось от возбуждения. И стало понятно, что пока журналистка не поделится своими впечатлениями о Главе Католической церкви, никакого другого разговора за этим столом не стоит ожидать. Рамона принялась за воспоминания. А Синица совсем расстроился и потерял надежду на нужную информацию.

– Что за странный день, честное слово! Хотя, с другой стороны. – и он обратил на своих собеседников задумчивый взгляд.

#### **40. Отчет по делу Мухи сдан и принят**

В гостиной с камином, прозванной «диванной», появился большой круглый раздвижной стол, который по мере необходимости вмещал «чертову прорву народа», как заметил од-

нажды с восхищением Олег. Стол, строго говоря, не вписывался в англоманский, любимый Синицей стиль. Но.

– Мы же не в Оксфорде, в конце-то концов, живем. Вон, Володька Расторгуев печку любит. А камин наш ругает последними словами. Говорит, он только дрова изводит. Тепла в доме почти что никакого, К. П. Д. как у паровоза. А уж если углем топить, как раньше в Англии, так схлопочешь чахотку в лучшем виде. В Лондоне эти их камины смог делали такой, что над городом темное облако стояло, – объяснял Майский Луша последнее нововведение в их гостевой комнате.

– Зато можно собраться всем заинтересованным лицам вместе с клиентами. Не стоя же разговаривать! А в кабинете шефа посторонним нечего делать. Ты согласна?

Луша вежливо покивала и спросила.

– Олег Николаевич, а какой К.П.Д. у паровоза? Я никогда в жизни не видела паровоз, а Вы?

– Я-то? Ты знаешь, да. Я видел. Нет, правда, видел, конечно! Только я маленьким был совсем. Электрички тогда по Казанке ходили редко. Уже были, кажется, тепловозы. Но паровозы с большими колесами, с шатунами, густым дымом из черной трубы я помню хорошо. Даже песня такая была: «А искры вылетают из топки паровоза, и тихо догорая, гаснут вдалеке». В окно высунешься в поезде, а все лицо копотью покроешь. Что касается К.П.Д., так он, кажется, три процента составляет. Поэтому, если что-то очень неэффективно работает, говорили... Но послушай, они уже скоро явятся.

Давай поставим минеральную воду и бокалы. Когда закончим, другое дело. Спросим у тети Муси, что они там решили с Петей. Может, чаю выпьем под занавес или что еще.

Дело Мухи в Ирбисе сочли законченным. Поэтому было решено собраться в агентстве и подвести итоги. Ждали Севу с невестой, подруг Эрны и Куприянова с выздоровевшим сыном.

Действительно – пропавшая доктор Мухаммедшина нашлась! Агентство и его сотрудники больше ей помочь ничем не могли. Остальное было делом ее семьи и врачей.

Угроза, исходившая от неизвестного и грозного врага, тоже объяснилась. И точку в этом преследовании поставила сама жизнь. Этот человек умер, умер неожиданно для себя самого и своих близких. Он не болел, был энергичен и на свой лад активен. Но самое удивительное – он раскаивался!

Проникшийся необыкновенной симпатией к мюнхенской журналистке священник охотно удовлетворил ее любопытство, насколько смог. Он рассказал, что странный военный с самого начала поделился с ним своими заботами как с духовным отцом. Он понимал, что его жизнь идет к завершению. И ощутил потребность обратиться в католичество, следуя семейной традиции. Кроме того, он хотел снять с души большую тяжесть.

Дальше офицер сказал, что долгие годы преследовал женщину, не сделавшую ему лично ничего плохого. Он портил жизнь ей и ее семье. Потом принял за ее дочь. Он не делал



этого своими руками. На нем нет ее крови, боже упаси! Но все же. И вот он все обдумал. Он стар, и не хочет такой груз унести в могилу.

Когда настоятель спросил полковника о его мотивах, тот признался, что всему виной одна старая фамильная история. Он случайно о ней узнал. Она произвела на него огромное впечатление. И у него возникло со временем что-то вроде навязчивой идеи. Он захотел сквитаться с судьбой! Его обошла судьба, а эту женщину.

– А эту женщину судьба избаловала несправедливо и за Ваш счет? -переспросил священник.

Но военный ответил, что в двух словах всего не расскажешь. Только заметил, что со временем даже само имя этой женщины не давало ему покоя. Но теперь с этим покончено – ведь он уверовал! Уверовал в Бога искренне, последовательно и прямолинейно, как он делал все в этой жизни.

– Но причину, самую фамильную историю полковник рассказал или нет? -затеребила его Рамона.

– Он хотел мне однажды исповедаться полностью. Но все откладывал и откладывал. Однажды покойный сказал, что вот придет время держать ответ перед Господом. И тогда он призовет меня и все расскажет. Полковник умер внезапно и не успел. Но, однако, если бы он это сделал. О, вот тогда я бы не имел права ни о чем заикнуться. Тайна исповеди! – священник вздохнул и замолчал.

– Мы часто оттягиваем до последнего неприятные вещи.

Ведь успел же он передать церкви в наследство все, что хотел, – задумчиво заметила журналистка.

– Полгода назад он пошел к нотариусу и сделал завещание. Мне переслали заверенную копию с просьбой вскрыть после его смерти, что я и сделал, – в заключение сказал отец настоятель.

В диванную потянулись сначала ирбисовцы во главе с Синицей. Они разместились вокруг упомянутого выше стола, который в раскладном виде превратился в вытянутый овал. За ними явилась пунктуальная Таубе. Сева с Зиной последовали за ней. В течение следующей четверти часа пришли и остальные. Последним в дверном проеме возник Куприянов. Он подавал за спиной молодого человека, которого привел с собой, выразительные знаки, означавшие примерно вот что: «Простите ради бога, ничего не поделаешь – эта мне молодежь! Вечно опаздывает везде!».

Камин, несмотря на ворчание Володи, затопили с удовольствием. Тетя Муся пообещала по окончании беседы чай с вишневым вареньем и домашними овсяниками. Собравшиеся немного попомогли, здороваясь и знакомясь друг с другом. Наконец Петр встал, поднял колокольчик и звякнул им два раза. Все стихли и обратились в слух.

– Я вас собрал сегодня, чтобы сообщить об окончании нашего расследования и вручить Севе Польских, который обратился ко мне за профессиональной помощью, наш отчет.

Здесь все описано подробно. Тут есть семейная история Паскевич, замужества Киры и рождения ее дочери Эрны. Есть в отчете и материалы из Эльзаса, и разное другое. Нам пришлось коснуться многого – такая работа. Не все из Вас – я имею в виду близких и родных Эрны Александровны – хотели бы придать гласности подробности своей жизни, которые мы волей-неволей извлекли на свет, занимаясь поисками пропавшей. Поэтому я ни на чем не буду останавливаться.

Сын Эрны Александровны был тяжело болен. Сейчас он здесь с нами. И его право – касаться или не касаться этого вопроса. То же самое относится к мужу нашей потерпевшей. В отчете есть сведения о нем, которые мы сами получили. И все! Остальное, что он сочтет нужным сообщить о себе, его личное дело.

А теперь я перейду к главному и буду краток, как только смогу. Агентство «Ирбис» отыскало Эрну Александровну, выяснило, как она исчезла из Москвы и куда. Мы знаем, где она находится. Убедились, что это именно она. Мы знаем, что у нее был враг, о котором она понятия не имела. Единственное, чего мы не знаем до конца, это почему он преследовал Киру Мухаммедшину, а потом ее дочь.

Недавно этот человек умер! Он успел только рассказать, что раскаивается и хотел бы снять с души эту тяжесть. Была какая-то семейная история, и желание рассчитаться с судьбой. Похоже, мы никогда уже не узнаем, что имел в виду покойный полковник.

С этими словами он вручил Севе толстую папку в коричневом переплете. Сева встал и принялся благодарить и пожимать руку Петру и его друзьям. Остальные присоединились. Позвонили тете Мусе, и через несколько минут она подала на стол. А когда тоненькие чашечки настоящего прозрачного китайского фарфора наполнились свежесваренным душистым чаем, Петр спросил.

– Георгий Антонович, что Вы с Пашей хотите предпринять? Вы что-нибудь уже решили? Как и где Вы собираетесь лечить Эрну Александровну?

Куприянов хотел было ответить, но тут его сын, который до сих пор только молчал и слушал, тряхнул головой и встал. Это был высокий русоволосый худой парень с бледным лицом, покрытым легким загаром. На нем выделялись большие светло-карие глаза, опущенные густыми ресницами, и аккуратно подстриженная бородка. Паша хмуро глянул на отца и обратился к Петру.

– Петр Андреевич, я Вам за все очень благодарен. Моему другу Севке я по гроб жизни обязан уже за то одно, что он к Вам пришел. Вы держитесь со всеми нами как друг, не только как человек, что делает свою работу. Пусть даже отлично делает, но индифферентно. Вот и сейчас Вы спросили о маме не просто так. Я вижу и верю, что Вы беспокоитесь о ней.

Он явно нервничал, от его щек отхлынула кровь. Он стиснул зубы и на минуту загнулся. Отец с тревогой посмотрел

на него. Но Паша уже справился с собой.

– Я должен сейчас сказать всем Вам несколько слов. Я никого не хочу обидеть. У нас почти нет родных. А Вы все, сидящие здесь, стали для нас близкими людьми. И все-таки. Дело вот в чем: я поеду за мамой, и сделаю это сам, один! Я сам – или с ней вместе, если это удастся – буду решать, как ее лечить. Я вылечу ее! Может, не сразу, но я в этом абсолютно уверен! Георгий Антонович очень помог с разными оформлениями, выяснениями и посольствами. Он думает поехать со мной. Но я твердо отвечаю – нет!

Я понимаю, меня можно спросить, почему сейчас? Наверно, я мужества набирался. С глазу на глаз было бы трудней. Ну вот, а теперь. Я лучше, в общем, я пошел. Мы все увидимся обязательно, и чем скорее, тем лучше, когда мама будет здорова. Мы вместе придем сюда! Я. Я. Простите, пожалуйста. До свидания.

С этими словами Паша Мухаммедшин торопливо выскочил из комнаты. Никто не успел опомниться, как его и след простыл.

На огорченного Куприянова было тяжело смотреть. Плечи его опустились. Он нахохлился как больная птица, и его красивое лицо приобрело растерянное и горькое выражение.

А Павел, придя домой, постарался отвлечься. Он немного послушал музыку, попробовал почитать, но не пошло, и наконец, включил свой ноутбук, где обнаружил в почтовом

ящике целых два письма.

Первое было от однокурсника. Он пробежал его глазами и ответил. Оставалось второе. Имя адресата ему ничего не говорило. Письмо на английском? Из Базеля, наверно. Он сам хотел написать бывшим сослуживцам, и начальнице, но пока руки не доходили. И так? Нет, это что-то другое. Какая-то Эвелин Дин, да вовсе не из Базеля, а из Лондона. Письмище было большое и со скрепкой.

– Ну-ка, что там такое? Ах, это фотографии! – заинтересовался молодой человек и начал их открывать одну за другой.

Павел рассматривал с удовольствием милое лицо девушки с синими спокойными глазами, сидевшей в парке на скамейке. А вот она уже не одна, рядом еще двое молодых людей. И снова Эвелин – за рулем, на лыжах, в библиотеке.

Он принялся за письмо, проглотил его, прочитал еще два раза и настроил ответ.

Не прошло и десяти минут, как Эвелин радостно отозвалась!

Так, кто же мы друг другу? – размышлял взволнованно Павел Мухаммедшин, лежа на диване далеко за полночь, после восьмого по счету письма с пожеланием спокойной ночи от Эвелин, которой надо было с утра на работу.

Мой дядя женат на ее родной тете. Она племянница дядиной жены, значит, формально говоря, моя троюродная сестра? Достаточно далеко даже если бы... Да ерунда! У нас во-

обще никакого кровного родства! – с удовлетворением сообщил Паша своему отражению в зеркале напротив и щелкнул языком.

А через полчаса молодой Мухаммедшин уже спал без задних ног, завернувшись в свой старый клетчатый плед. Во сне он впервые за долгое время улыбался.

## **41. Больная «сестра Цецилия»**

Мария Тимофеевна прихворнула. Она жаловалась на ноги. Суставы ее опухли. Она кряхтела, когда приходилось нагибаться, и кривилась от боли, переминаясь с пятки на носок и с правой на левую ступню, стоя у плиты, словно босиком на горячем песке. Так продолжалось с неделю. Домомучительница крепилась-крепилась и, наконец, слегла. Тогда команда ирбисовцев установила у тети Муси дома дежурства, стала возить продукты и контролировать медицинскую помощь, очень напоминавшую незабвенное советское время. За каждый чих им приходилось дважды платить – сначала чтобы пришли, а потом -сделали что надо. Да это бы еще полбеды! Люди, охотно брали деньги, но работать нередко не умели и не хотели. Жизнь осложнилось. Надо было что-то решать.

Стояли холода. Поздние рассветы сопровождались ледяным никого не греющим солнцем. Оно выползало и, словно стыдясь или скучая здесь городской зимой, скрывалось скорей за горизонтом. Настроение у всех упало. А большой дом

следовало убирать, животных кормить, да и вообще поддерживать уют и комфорт во всем «теремке».

Синица подумал и переселился на время в свою контору. Он посоветовался с Володей, и пришел к выводу, что самые простые решения – взять временного человека, или нанять подходящую уборщицу, не подходят.

– Не, Петь, себе дороже выйдет. Не надо создавать прецедент. Мне очень нравится, как тут у тебя поставлено с безопасностью. Чужой человек, который вхож всюду и везде... Нет, лучше своими силами. Вот ты зверюшник взял уже на себя. Печками и дровами все равно всегда Олег занимался. А мы с Олегом, вернее, мы все – мужики, давай, раз в неделю генеральную будем делать. С пылесосом и поломоем. Ты в армии был? Нет? Ну, ничего. А тебя научу.

Расторгуев взял листок бумаги и стал записывать.

– Можно всем вместе устраивать аврал, а можно по очереди палубу драить. Моя лучшая половина вызвалась делать все покупки, как для пташек и Лорда, так и для двуногих млекопитающих. Ей надо только список составить. А я стану привозить. Она, знаешь, чистюля и зануда, так что не сомневайся!

Итак, осталась Лушаня. Ей следует, я считаю, укорениться на камбузе и еще следить за текущим порядком в конторе. У меня – все. Что скажешь, начальник?

– Звучит вполне толково. Надо спросить ребят, и, если все



согласны, так и хорошо, – поддержал Володю Синица.

– Разве что, Лунечка как раз кашеварить не больно любит. Это больше по Олеговой части. Он травы собирает, чаи разные заваривает и готовит тоже хорошо. Но я не хотел бы его об этом просить. Обидится еще.

– Не хочешь, и не надо. Пусть Луша общее руководство на себя возьмет! Она девица ответственная. А. это... «отдельные поручения партии и правительства» осилим всем дружным коллективом – мы можем жратву, если надо, на дом заказать, кое-что я тоже сварганю, не говоря уже о моей Лильке, – охотно согласился Володя.

– Я тоже, собственно. Я кофе варю хорошо! Правда, в остальном, честно говоря, похвастаться нечем. С голоду вы со мной не умрете, но и только, – признался Петр.

Не сразу все наладилось и притерлось. Петр, придиричивый во всем, что касается домашнего распорядка, нередко морщился, замечая в „Ирбисе» мелкие недостатки. Общие завтраки прекратились. Когда команда разбегалась по делам, никто не ждал их дома с чем-нибудь аппетитным. Блеск и сияние на кухне и в кабинетах тоже остались в прекрасном прошлом. А серенькое настоящее состояло только из еженедельных, хоть и основательных «приборок» под водительством Расторгуева и Лушиных старательных попыток, сжав зубы, бороться за соблюдением приличий в конторе с посетителями и коллегами.

В свободное время сотрудники «Ирбиса» старались, одна-

ко, поддержать общий тонус и не поддаваться «разлагающему влиянию отсутствия хозяйского глаза», как однажды сказал Олег. Луша обложилась литературой и изучала рационы и условия содержания попугаев. Ей хотелось получить в вольтере потомство. Мужики отнеслись к ее идее скептически и отпускали ядовитые замечания. Развить эту богатую тему, правда, не получалось, шеф пресекал подобные попытки из воспитательных соображений.

Майский помирился со своим другом и тихо сиял. Компания выиграла от этого примирения, поскольку он не на шутку увлекся кулинарией, желая его порадовать. Он колдовал над соусами и приправами, не жалея усилий и ингредиентов, а «наброски» исправно таскал на работу или делал «этюды» в Ирбисе на кухне. Сослуживцы лопали и похваливали. Петр же, как и положено хорошему начальнику, заключил новый договор и начал подготовку к работе по поиску пропавший смарагдов.

Когда зазвонил телефон, все «ирбисовцы» были при деле. Звонил Куприянов. Он рассказал, что Паша скоро отправится к маме. Но вовсе не в Израиль, а в Бельгию в специализированную клинику острых неврозов. Иерусалимские врачи сделали все, от них зависящее. И когда личность Эрны была установлена, встал вопрос о ее дальнейшем пребывании в стране. Отправить ее в Россию? Искать в Израиле другие возможности дальнейшего лечения? Такой вопрос могли решить только родственники больной и деньги. Тут-то дотош-

ный, опытный, деловитый Георгий Антонович и вмешался. Ему хватило ума и такта не командовать. Он лишь давал толковые советы и без промедления щедро платил. И постепенно сын стал меньше ершиться. Георгий также связался с нужными людьми и нанял юриста, представляющего Пашины интересы.

Марк Зильбер, адвокат, уроженец города Йоханессберга, полиглот, убежденный иудей, лет тридцать как переехавший в Иерусалим по зову сердца, любил путешествовать. Когда ему два года назад исполнилось шестьдесят, он счел, что настала время осуществить все свои мечты. Он отошел от дел, передал сыну адвокатскую практику и сделался «лицом свободной профессии». Теперь он брался только за поручения, которые его интересовали. История с похищением двух врачей миссии «Поможем вместе», так бескорыстно и самоотверженно помогавшим самым обездоленным, наделала много шума. Марк внимательно следил за событиями. Наводил справки – ему с его обширными связями это не составляло труда. История эта сделалась еще более занимательной, когда выяснилось, что у одной из пострадавших расстройство памяти. Узнав, что именно для нее требуется опытный адвокат, он предложил свою кандидатуру юристам больницы и немедленно согласился на поставленные условия.

Врачи, пользовавшие Эрну в Израиле, были единодушны – ее состояние не меняется. Они считали, что надо надеять-

ся на время и положительные эмоции. Было бы полезно для нее сменить обстановку. Может, правда, в Россию? Но тут лечащий врач предложил любопытную идею.

Больная говорит только по-французски. Она считает себя уроженкой. Бельгии. Так не поместить ли ее в бельгийскую больницу? Как среагирует она на совсем незнакомую страну, которую считает родной? Тут есть интересные возможности для психиатра. Он может столкнуть реальность окружающего мира с внушенной Эрне легендой, усвоенной в качестве таковой и вместо нее.

Мысль эта показалась всем интересной и плодотворной. Осталось найти подходящее место и уговорить саму Эрну. Против ожидания и то, и другое оказалось вовсе не трудно. Полечиться и отдохнуть немного на родине? О, она ничего не имеет против!

Специалисты списались с бельгийскими коллегами, подобрали клинику, и Эрну отправили с медицинским сопровождением в Брюгге, а оттуда в пригородный стационар для лечения острых невротозов. Она невозмутимо перенесла переезд, задавала сдержанные вопросы только о «погоде и природе», ни на что не жаловалась и поселилась, наконец, в отдельной палате, обставленной как номер в хорошей гостинице. Ее окно выходило в регулярный парк с причудливым водоемом, обложенным розоватым гранитом и усаженным декоративными плакучими ивами.

Потекли дни, состоящие из оздоровительных процедур,

лекарств по расписанию, бесед с лечащим врачом – молодым, но уже лысеющим веселым очкариком Малларме, любителем анекдотов и тайской кухни, и прогулок с его милой внимательной худенькой ассистенткой по аккуратному городку. Было решено относиться к больной очень бережно и не тревожить ее без крайней необходимости. Беседы только бытовые, совершенно нейтральные. Тактичные попытки поговорить о стране, обратить ее внимание на детали и особенности окружения и окружающих. Наводить на нужные разговоры, но не начинать их самим.

Эрна – сестра Цецилия – говорила, как и раньше, исключительно по-французски. На расспросы о Брюгге, о детстве, о повседневных мелочах, обиденных для местных уроженцев, она реагировала всегда одинаково. Пациентка делала небольшую паузу, взгляд ее становился напряженным, брови сдвигались к переносице. И. она переводила поскорей разговор на другую тему. Или, вежливо извинившись, сетовала.

– Дорогая Мишель, Вам придется извинить мою забывчивость. Вы знаете нашу историю, не так ли? Мы с подругой пережили сильное потрясение, и теперь я забываю самые простые вещи. Вы не сердитесь? Мне так не хочется Вас огорчать, но я абсолютно. Ох, как неудобно! Что Вы подумаете обо мне после этого... перепутать цвета государственного флага родной страны, да еще назвать наше королевство республикой! -беспомощно разводила она руками и виновато поднимала на ассистентку большие доверчивые глаза.

Эрна как прежде охотно рассказывала заученное повествование о своем прошлом и замыкалась, когда вопросы ставили ее в трудное положение. Теперь она в этих случаях старалась заговорить о медицине. Тон голоса ее менялся. Речь делалась уверенной. Ее уже не смущал недостаток французских терминов, она просто переходила на латынь. Ни у кого не было сомнения и здесь, что это врач с большим клиническим и хирургическим опытом. Она иногда принималась описывать свои операции и тогда сердилась, вспоминая неудачи, или радовалась прошлым успехам, розовея от возбуждения. Ее странные глаза сияли как балтийский янтарь на бархатной подушке, окруженной зажженными канделябрами.

Однажды, впрочем, она нашла новый выход из положения.

– Господин доктор Малларме! Если Вы не очень заняты. Не могли бы мы поговорить? – спросила Мишель Жером своего шефа после «утренних визитов». – Я бы хотела Вам рассказать о мадам Селине- Цецилии.

– С удовольствием, Мишель, как Вы можете сомневаться? Цецилия... Это наша коллега, у которой нет улучшений. Я думал попробовать новый препарат и гипноз. Или я ошибаюсь, и улучшения есть?

– Видите ли, Цецилия никак не реагирует на вопросы о Брюгге, ее невозможно сбить с толку тем, что она толком ничего не знает о нашей жизни и «родном» городе. Увы, с моей

точки зрения, улучшений нет. Зато, по крайней мере, некоторые изменения. Она стала варьировать свою историю на новый лад. Она уже не только вплетает литературные источники! Но, если не знает ответов на мои вопросы, то говорит, что очень много работала. Поэтому у нее ни на что другое не было времени! Она сама видит собственные странности. Она думала об этом, спрашивала себя – как же это так? Потрясение потрясением, но почему у всех людей есть семьи, дети, личная жизнь, наконец, а она не может об этом ничего рассказать? Она взрослый человек, нормальная женщина... Нет, она знает прекрасно, что она не монахиня, а врач. Сестра Цецилия – это не настоящее ее имя. Ее зовут Селина Бежар. Она уролог, а позже стала еще сексопатологом. И как-то раз.

– Мишель, Вы меня заинтриговали. Понятия не имею, что последует за Вашей многозначительной паузой! – прищурился доктор Малларме.

– Да очень просто. Пациентка вздохнула и объявила – «О! Вот теперь понятно! Как это она раньше не догадалась? Это все экстремисты! Из-за них не только память отшибло, но и способность анализировать обычные факты. Она работала всю жизнь как проклятая, в этом и состоит весь секрет!»

Еще она охотно говорит на свои специальные медицинские темы. Жаль, я как стажер-психиатр не могу поддержать такой разговор на должном уровне. Кроме того, это противоречило бы Вашей установке – не форсировать и не волно-

вать!

Доктор Малларме выслушал Мишель, задал несколько рутинных вопросов, включил свой ноутбук, пощелкал клавишами и немножко помычал, обдумывая услышанное.

– Знаете, это неплохо. Это показывает, что блокировка, по крайней мере, не полная. Дырявая? Нет, это было бы слишком хорошо. Но парочку капилляров она нашла и без нас. А мы их попробуем рас.

– Расшатать? Рассверлить? Расширить? – обрадовалась Мишель.

– Вот именно! Пусть рассказывает. Как можно больше рассказывает, а Вы тезисно записывайте, но не спрашивайте! И пусть пишет сама, как мы ей раньше советовали, подробнейшие «мемуары». А сегодня приедет профессор Шульце из Мюнхена из университетской клиники. И я хочу ему ее показать. Он специализируется на амнезии и фантомных воспоминаниях. У них отличные энцефалографы, лучше, чем у нас. Они применяют лазерную точечную.

– Э, Мишель, а скажите, как финансируется ее лечение? Она же не «страховая», так? Вообще не страховая – ни приватно, никак? – оборвал он себя на полуслове.

– Нет, конечно. Она поступила к нам из Иерусалима и у нее здесь есть юрист Марк Зильбер, который занимается абсолютно всем, чем нужно. Он платит по счетам. Этот господин сначала имел дело с нашей дирекцией, а следом стал ходить ко мне регулярно раз в неделю. Я думала, он был уже



и у Вас.

– Да, так о финансировании. У нее отдельная палата и все такое. Она одна влетает в копеечку. Но нам сразу сказали, что для нее надо сделать все возможное и невозможное за любые деньги.

– Тогда, знаете. Если Шульце найдет, что его клиника больше подойдет, можно ее перевести и туда! Как бы это ни было выгодно дирекции, непорядочно ее держать, если мы не способны радикально помочь. Я полагаю, сама перемена обстановки может сыграть свою роль.

Профессор Шульце очень заинтересовался необычной пациенткой и ее неординарной историей. Это был солидный деловитый и вдумчивый психиатр лет пятидесяти с кайзеровскими усами и густой рыжеватой шевелюрой. Он изучил назначения, препараты и дозировку. А потом попросил познакомить его с Эрной и пригласил ее пройтись по больничному парку.

Они бродили по аллеям и беседовали. Он не стал спрашивать «сестру Цецилию» о том, что с ней приключилось. Не заговаривал ни о детстве, ни о Бельгии, вообще старался не давать повода «пропеть привычную песню». Французский язык Шульце был много лучше, чем у Эрны. Словарный запас его был куда больше, нюансировка богаче, термины для него не составляли никакого труда. Но произношение! Этим он похвастаться никак не мог и хорошо это знал.

Поэтому он искренне и с уважением похвалил ее музы-

кальный «истинно парижский» выговор, а Эрна засветилась от удовольствия. Профессор заговорил о Юнге и его расхождениях с Великим учителем<sup>14</sup>, и Эрна охотно включилась. Обычное вежливое равнодушие сменилось оживлением. Она даже сама предложила следующую тему для разговора – Эрик Берн и его психология взаимоотношений. Вот что ее интересовало. Его концепция игр. У нее было на этот счет свое особое мнение. Они подискутировали немного.

И вдруг она остановилась и замолчала. Шульце ее не торопил. Он терпеливо ждал.

– Профессор! – заговорила, наконец, Эрна с явным усилием и поглядела на него. – Вы упомянули только что мой французский, и мне пришло в голову. Видите ли, я теперь многое вспоминаю с трудом. Но совсем неожиданно. в общем, я знаю, я Вам сейчас объясню. Моя мама – она была учительницей французского языка. Она преподавала фонетику в военной академии, – произнесла она, наконец, медленно, но с уверенным видом. – Ума не приложу, где была эта академия? Точно не в Брюсселе. Возможно, в Генте? В Брюгге? Я ничего не помню. Ох, это просто невыносимо!

Лицо пациентки приобрело страдальческое выражение, она снова увяла и погасла. А профессор, напротив, непритворно обрадовался. Он хорошо знал ее историю болезни, легенду и настоящую биографию, а на память не мог пожаловаться. Он тут же решил, что появились впервые проблес-

---

<sup>14</sup> Подразумевается Зигмунд Фрейд

ки надежды.

Шульце взял Эрну за руку и пожал ее с воодушевлением, удивившим его самого.

– Знаете, коллега, мы так продуктивно с Вами поговорили. Я работаю в Мюнхене, там у меня прекрасно оборудованное отделение. Я Вам его с удовольствием покажу!

Формальности заняли немного времени. Оповестили юриста Зильбера, который, в свою очередь, связался с Москвой. Но когда ему задали вопрос: есть ли прогресс? Каков результат? Как можно подвести итоги бельгийского этапа лечения? Он сообщил, что если опустить подробности и медицинские термины, тогда. Тогда придется признать, что врачи в один голос говорят: есть еще слабая надежда, но улучшений нет!

А что же Эрна? Она опять не возражала переехать на новое место. Желание профессора продемонстрировать ей хорошую больницу ничуть не удивило покладистую пациентку. И вскоре сестра Цецилия водворилась в отдельную комнату с большим окном, выходящим в закрытый со всех сторон внутренний двор. На стене напротив ее кровати висело деревянное распятие. На столике у окна лежала библия. Большой дизайнерский букет из живых цветов, декоративных растений и сухих трав стоял на обеденном столе в вазе из венецианского стекла.

В Мюнхенской клинике подход был совсем иной. Если в раньше больную оберегали, то здесь всячески пытались

встряхнуть и растормошить в прямом и переносном смысле слова. Фармакология, физиотерапия, кислородные смеси и массаж – все должно было служить одной цели. Шульце хотел заставить ее мозг отныне работать интенсивней. Он распорядился доставлять Эрне-Цецилии-Селине актуальные журналы по специальности. Он заходил ежедневно, чтобы побеседовать с ней. И эти беседы касались только и единственно медицины! Профессор собирался, действуя подобным образом, убедиться, что Эрна в должной интеллектуальной форме. А следом в один прекрасный момент начать ей рассказывать осторожно, кто она такая и что случилось.

Некоторое время все шло как нельзя лучше. Эрна определенно оживилась. Она охотно поддерживала разговор и радовалась обществу Шульце. Наконец, профессор решил попробовать. Он попросил своего помощника проделать первый эксперимент.

Во вторник едва профессор закончил «визиты» и отправился к себе в кабинет, у него зазвонил телефон. Шульце поставил на стол кружку с кофе и нажал кнопку на трубке, но сразу отодвинул ее от уха. Молодой Рихард, как называл про себя профессор своего помощника, почти кричал.

– Герр профессор, у меня плохие новости, к сожалению! Я о Цецилии. Я сделал все, как Вы сказали, и два раза среди обыденного разговора назвал ее настоящим именем, то есть Эрной. Первый раз она вздрогнула, села на стул, отвернулась к окну и замолчала. Я заговорил о другом. Постарался разря-

дить обстановку, и больная постепенно стала держаться как обычно. Я подумал тогда, что это хорошо. Есть реакция!

– Значит, надо действовать дальше. А через день повторил свою попытку. И вот.

Шульце услышал в трубке тяжелый вздох. Он приготовился к худшему. Однако следовало приободрить молодого коллегу.

– Рихард, Вы слышите меня? Перестаньте так волноваться. Вы выполняли мои указания. Объясните, пожалуйста, что произошло. И тогда будем думать вместе. Итак, Вы снова назвали нашу сестру Цецилию Эрной. А она?

– Сестра Цецилия посмотрела на меня, потом молча пошла к кровати и легла на нее лицом к стене. С тех пор она не разговаривает и не хочет есть. Она только иногда отпивает воды по глотку, и все.

– Впала в глубокую депрессию! Отказывается принимать лекарства!

– А я ничего, совсем ничего не понимаю. Да, я выполнял Ваши указания. Но я ж, как-никак, тоже врач. Да нет, я не врач, а носорог. Беспомощный и неграмотный молокосос, только и всего! В трубке раздались короткие гудки.

## **42. Селина Бежар. Улучшений нет**

А Павел Мухаммедшин, давший согласие и на этот перевод, тем временем взял билет на самолет в Мюнхен. От

парня, отправившегося в Базель по контракту делать карьеру в банке, его теперешнего – взрослого мужика, что собрался вылететь в столицу Баварии, отделял не год и даже не два, а добрых лет двадцать. Он обдумал ситуацию и решил, что имеет полное право взять деньги у отца на все нужное Эрне. Он собрался на месте разобраться, как идет лечение. Пожить в отеле, сколько требуется. А потом увезти маму домой.

Так он и сделает. Только на необходимое для мамы, и ни копейкой больше! Может, записывать расходы? Да, верно. Если понадобится, он со временем все вернет.

И вот еще что. Посоветуюсь там с врачами, если они хорошее впечатление произведут, – сказал он себе, – не отвезти ли ее на курорт? Покой и комфорт у нее и в лечебницах был, не сомневаюсь. Но в четырех стенах. Нет, понемногу разнообразить окружение и впечатления. Или поездить – не спеша, конечно. С остановками и небольшими неутомительными экскурсиями.

– О, вот идея! Петр Андреевич обещал дать мне координаты своих мюнхенских родственников. Они москвичи. У мужа его матери своя фирма. Я думаю, куда поехать они могут посоветовать лучше меня, – Паша иногда начинал бормотать себе под нос и даже жестикулировать, и прохожие удивленно оглядывались на него.

Парень без всяких приключений долетел, довольно быстро сориентировался в огромном аэропорту Франца Йозефа Штрауса и, не выходя из здания, похожего на огромный аква-

риум, спустился по эскалатору прямо на платформу скоростной пригородной железной дороги. Он забронировал номер очень удачно в самом центре города. В аэропорту весь обслуживающий персонал говорил по-английски. Поэтому молодому человеку не составило никакого труда, узнав в «информации», как добраться, найти нужные выходы и повороты, чтобы туда доехать.

Он сел в поезд – красивый, чистый, с мягкими синими сидениями, похожий на метро, и углубился в карту Мюнхена со схемой городских магистралей. Свой маршрут он разузнал еще дома, так как захотел обойтись без встречающих. Петр объяснил, что добираться до отеля очень удобно. В Мюнхене есть метро. Но сеть скоростных дорог «S-Bahn» не заканчивается на дальних подступах к городу, как электрички в Москве, а пронизывает весь его центр. А потому можно прямо из аэропорта минут за сорок доехать до нужного места, которое называется «Штахус». Оттуда же пешком до Пашиного отеля пять минут медленным шагом.

– И знаешь, что самое лучшее? – старался ободрить его Сеница. – Я эти места знаю хорошо. Там большой транспортный узел – метро, трамваи и все такое, но тебе это даже не понадобится. Та университетская клиника, что тебе нужна, тоже совсем недалеко от отеля. Туда пешком примерно четверть часа.

Паша вместе с Куприяновым внимательно изучали заключения израильских психиатров, регулярно поставляе-

мые приставленным к Эрне доверенным лицом. К ним добавилось мнение лечащего врача из Бельгии. Наконец, перед самым приездом сына в Мюнхен они получили еще одну возможность сопоставить диагнозы эскулапов. Профессор Шульце в целом подтверждал выводы своих предшественников. Но он первый выразил осторожную надежду на улучшение.

Эрну больше не старались уберечь от внешнего мира. Врач отменил все успокоительные. Ей назначили укрепляющие процедуры. Активное терапевтическое воздействие призвано было теперь не усыплять, а будить. Ей предоставили также возможность читать специальную медицинскую литературу. И она делала это все более охотно. Единственное, что не приветствовалось – это изложение привычной легенды «сестры Цецилии».

Паша вышел на перрон и поднялся по эскалатору. Вокруг него гомонила разноязычная толпа. Он хорошо различал на слух немецкий, хотя и не имел на нем настоящей практики, и был удивлен тем, что почти его не слышит. Ему бросилось в глаза – вернее было бы, сказать «в уши» – обилие славянской речи. Семейные пары, оживленно болтающие на польском, болгарском и чешском языках, озорная молодежь из бывшей Югославии, стрекочущая на сербскохорватском.

«А это, несомненно, турецкий язык. В Базеле в маленьком ресторанчике, где я часто по пути на работу покупал куску-с и пахлаву, хозяин со своими многочисленными сыно-



вьями галдели похоже» – подумал, улыбаясь, молодой человек, глядя на идущих навстречу яркоглазых черноволосых хорошеньких женщин с колясками.

Эскалатор вынес его вовсе не на поверхность, а в большой подземный зал с колоннами, по всему периметру окруженный нарядными витринами. Тут продавалась разная снедь на любой вкус, а несколькими шагами дальше вслед за киосками и кафе за стеклянными дверями посетителя ожидали магазины побольше со всякой всячиной, где можно одеться с ног до головы.

Паша огляделся. Он покрутился немного и нашел-таки нужный указатель. Еще один эскалатор, и он оказался на углу широкой площади около входа в большущий магазин. «Kaufhofgalerie» – с удовлетворением прочитал он на фронтоне, как раз тот самый, что мне нужен. И, обогнув справа сияющее огнями здание, прошел вдоль трамвайной линии несколько домов.

«А вот и мой отель «Stachus». Действительно, не заблудишься. Название такое же, как станция и район. Его как-то смешно переврали в турфирме, где я поначалу справки наводил. Хорошо, что Петр Андреевич разбирается, а то б я поверил. Точно! Они «Сашус» сказали. Вот был бы я хорош, если бы начал выяснять, а где тут «Сашус» находится?» – вспомнил молодой человек, входя в уютный комфортабельный холл.

– Добрый вечер! Моя фамилия Мухаммедшин. Для ме-

ня должен быть у Вас забронирован номер с сегодняшнего дня, – обратился он к быстроглазой стройной мулатке с ослепительной улыбкой, стоящей за стойкой.

Паша еще с вечера сбегал и посмотрел на «Университетскую», куда ему предстояло завтра явиться к десяти часам. До нее было от отеля рукой подать. Он прошел мимо сквера, откуда звучали развеселые голоса футбольных болельщиков, певших хором и выкрикивающих имя родной команды. А несколько минут спустя на углу у первого поворота направо в глубину квартала за шлагбаумом потянулись один за другим старинные здания больничных корпусов. Он свернул в арку и увидел маленькую капеллу во дворе, несколько скамеек и огромные раздвижные двери для специального транспорта. С другой стороны виднелся вход для обычных посетителей и справочное окно. Завтра он придет сюда и ее увидит. Завтра, возможно, все решится.

Но назавтра ему с Эрной встретиться не удалось. С профессором Паша созвонился заранее, поэтому они поговорили без помех в назначенное Шульце время. Мухаммедшин пришел вместе со своим юристом Зильбером. И врач объяснил, что произошло ухудшение. Он подробно рассказал обо всем. Следом психиатр перечислил, какие потребуются документы для того, чтобы увезти больную, если сын на этом настаивает. Это не составит большого труда. Главная же сложность заключается в том, чтобы убедить переехать саму

Эрну. До сих пор это получалось. Ей предложили сначала отправиться на «родину». Потом заинтересовали современным неврологическим отделением, оборудованным по последнему слову техники. Вот и теперь надо будет придумать соответствующую историю.

– Как Вы считаете, Вы сумеете справиться с этим сами? Вам придется сыграть роль постороннего человека. Сестра Цецилия или мадам Селина – кому как больше нравится – думает, что у нее нет ни семьи, ни детей. Кроме того, она говорит только на французском, – пояснил доктор Шульце, – впрочем, и это сейчас не актуально. Она вообще перестала говорить...

Да, все перечисленное было второстепенным. Главным оказались плохие вести о новом ухудшении. Надежды на выздоровление пришлось пока отложить. Сейчас они только борются с депрессией.

Доктор рассказал, что Эрна долго лежала, но недавно начала снова понемногу вставать. Через силу, как птичка, но ест. Она даже гуляет по внутреннему двору вместе с сестрой. Но, к сожалению, не вымолвила еще ни единого слова.

– Я предлагаю Вам не торопить события. Ведь человеческая психика так бесконечно сложна и ранима. Пусть я очень огорчен тем, что у нас случилось. Но я даже не могу сказать, что ошибся. Такой поворот событий нельзя было предсказать! Прежние методы не помогали, и надо было менять стратегию. Не примириться же с тем, что она навсегда оста-

нется Селиной Бежар из Брюгге. Мы хотели, чтобы пациентка испытала целительный катарсис. Но еще ничего не успели для этого предпринять. Только робко назвали ее по имени! И вот.

– Вы сказали, что располагаете временем и можете здесь остаться. Подождите! Давайте не будем спешить! – обратился к Паше профессор и вопросительно посмотрел на него.

Молодой Мухаммедшин растерялся. Он приехал с твердым намерением действовать. Да, они обсуждали с друзьями ситуацию подробно. Его отец, как странно звучит это слово! Трудно привыкнуть. Он не может это выговорить. Ну, словом, так. Георгий Антонович осторожно старался ему втолковать, что надо быть готовым и к худшему. Эрна уже достаточно давно существует со своей легендой. Она с ней сжилась и старается приспособиться к новой идентичности. Ее сознание защищается, как может. Реальность – воспоминания о прошлом, утраченная личность, способность к критическому анализу, как и прочее, свойственное здоровому человеку, может не вернуться никогда.

Ну что ж, говорил Куприянов, значит, надо подумать, как с этим жить, если нечего изменить нельзя. Ее надо привезти в Москву. А затем решить, может ли она оставаться дома, или нуждается в больничном уходе.

– Послушай, слава богу, об этом тебе не надо беспокоиться, – убеждал Георгий своего сына. – У мамы будет все самое лучшее. Приедешь, и устроим консилиум. А пока оборудуем

для нее дома все как надо. Я дам команду найти медсестру, чтоб приходила на целый день. А лучше двух! И пусть обе работают посменно.

– Но мама. она говорит только по-французски, – вздохнул Паша и озабочено добавил, – и, получается, медсестра.

– Найдем медсестер с французским языком! – не смутился тогда Куприянов и хлопнул его по плечу. – И хорошо, если у нас не будет других забот. Езжай! Главная твоя задача, суметь ее убедить вернуться. Но даже если не получится, тоже не все потеряно. Эрна, к несчастью, – пациентка, с которой работает психиатр. Такие больные не всегда готовы добровольно выполнять указания врача. А те умеют с этим справляться, как ни неприятно. В таких случаях применяют сильные средства подавления.

Синица поддерживал Куприянова. Они оба твердили молодому человеку, что он должен собрать необходимые документы и обдумать, как уговорить маму, – скорее всего, она будет для него мадам Селиной – отправиться с ним в Москву.

– И ничего не предпринимать, никаких резких движений не делать, не посоветовавшись с врачом! – напоследок наказали ему отец, собственные друзья и сотрудники Ирбиса во главе с Петром в один голос.

Он выслушал всех, не возражая, соглашаясь и не соглашаясь одновременно. В глубине души он не верил. Не мог поверить в эту дикую историю. Господи, какая Селина? И

вместе с тем.

Паша был молод и несколько легковесен. Он никогда не страдал повышенным чувством ответственности, однако сейчас и он глубоко задумался.

Врач, опытный специалист, пробовал из лучших побуждений форсировать методы воздействия на больную. И вот результат! И если он примется настаивать на немедленном отъезде, будет прямо уговаривать маму и доказывать, кто она такая. Нет, совершенно исключено! Она сейчас такой хрустальный сосуд, только одно ее настоящее имя подействовало фатально! Нет, он не имеет права необдуманно поддаться эмоциям. Раз Шульце считает, что надо ждать, он обязан набраться терпения.

«Не сделать хуже. Не приведи господи сделать хуже. Не навредить!»

Паша вернулся в отель и поставил портье в известность, что он оставляет номер за собой. Его юрист предложил найти квартиру – не будет ли это удобнее на долгий срок? Что ж, он подумает. Ему надо позвонить в Москву.

– Я посоветуюсь, и тогда отвечу. Эту неделю поживу в отеле, а потом.

– С кем Вы хотите посоветоваться, если не секрет? – любопытствовал его собеседник, информированный о деле, но без особых подробностей.

– У меня там старшие друзья – детективы, – пояснил Мухаммедшин.

– Но тут скорей медицинские и финансовые вопросы, – возразил Марк.

– Да, верно. Как раз, поэтому я лучше спрошу. Я должен... мне надо обсудить дело с тем, кто платит.

– А это – господин Куприянов, – кивнул утвердительно головой Зильбер.

– Да, мой. Верно, это господин Куприянов, – ответил сын.

Шло время. Больная медленно, постепенно приходила в себя. К ней вернулся аппетит. Она снова взялась за чтение. Каждый день начинался теперь для Эрны Мухаммедшиной небольшой прогулкой после завтрака и беседой с ассистентом врача. Она читала медицинские журналы, и они обсуждали вместе прочитанное. Потом она шла на тренажеры, затем следовал обязательный отдых в течение часа. Затем после обеда профессор Шульце попросил ее почитать книгу начинающего молодого автора.

– Он очень застенчивый, – извиняющимся тоном начал профессор, – и не рискнул бы сам обратиться за советом. Он пишет маленькие рассказы. И ему важно, какое впечатление они производят на непредубежденного человека.

У нее же есть время? И она любит литературу, не правда ли? А молодой человек, он рассказывает о своем детстве, городе, где родился, о своих увлечениях и трудностях, об университете. Профессор сказал в заключение, что литератор – его племянник. Он был бы очень обязан глубокоуважаемой

коллеге мадам Бежар, когда бы она. Конечно, если это ее не затруднит!

Цецилия – Селина – Эрна с удовольствием согласилась. Ежедневно она получала теперь листок, который прилежно и старательно читала. И также по-детски старательно записывала свои впечатления. «Рассказы» для пациентки сочинял профессор собственноручно. Для этого Паша тоже ежедневно готовил для него материал. В каждый такой сюжет, нейтральный и несложный, как только можно, вплетались подробности из их настоящей жизни, но без имен!

Эрна читала, как маленький мальчик учится кататься на велосипеде. Как у него ножки не достают до педалей. Но все равно ему очень нравится и хочется еще и еще! Он говорит – мама, поедем, пожалуйста, вместе на скверик, ты посмотришь, как я катаюсь, тебе не будет скучно, я буду с тобой разговаривать!

А вот он уже в школе. Он лучший ученик по английскому, но любит пошалить на уроке. Учительница сердится на него, а он не может остановиться. Но по ночам ему снится эта учительница. Мальчик просит прощения, и плачет потихоньку во сне.

Однажды в рассказе школьник тяжело заболел и попал в больницу. Мама с ним вместе в боксе. Он очень слаб. Мама носит его на руках в туалет. А ему плохо. И он почему-то страшно боится тараканов. Мальчик упал, катаясь с горки, и повредил передние зубки. Научился плавать. Начал играть



на гитаре. Познакомился с девушкой.

Мадам Селина Бежар из Брюгге безропотно изучала творчество своего психиатра. Она пробежала глазами детальные описания своей огромной коммунальной кухни с газовой плитой и тяжелыми чугунными утюгами, встроенного шкафа в комнатухе, где ютились вместе она и ее сын, или ее собственного скромного зимнего пальто, отороченного рыженькой лисой-сиводушкой.

Через несколько дней она невозмутимо сообщила профессору, что у его племянника, определенно, все данные для литературной работы. Но она, пожалуй, нуждается в положительных эмоциях. Ей хочется развлечься. И, знаете что? Она бы с радостью почитала Мольера и Бомарше!

Дни тянулись за днями, ясная сухая погода сменилась глухой тоскливой облачностью, а потом на город опустился туман. Вечером его ледяные капельки проникали за воротник, забирались в рукава и в самую душу.

Мадам Бежар стала снова говорить меньше и ела неохотно. Однажды, отказавшись от прогулки, она опять опустилась на кровать и повернулась к стене. Депрессия вернулась. Селина-Цецилия-Эрна лежала теперь неподвижно равнодушная, безучастная ко всему на свете, и молчала. Когда в палату вошла со шприцем сестра и сделала ей укол, она даже не шевельнулась.

Через два дня профессор Шульце вызвал к себе сына своей пациентки вместе с его адвокатом. Когда они явились,

практикант пригласил их в кабинет и попросил немного подождать.

Скучная аккуратная комната, служащая психиатру кабинетом, была скупо обставлена строго по-деловому. Только на стенах висело несколько репродукций Кандинского. Паша его не жаловал. Он перевел взгляд на окна. Но на подоконнике и у письменного стола топорщились гигантские кактусы, напоминавшие взбесившихся дикобразов. Кактусы он тоже терпеть не мог. И тоскливое чувство ожидания только обострилось. А вошедший врач, сосредоточенно без улыбки поздоровавшийся с посетителями за руку, ничем не нарушил этого впечатления.

Профессор коротко рассказал посетителям, что происходило в последнее время с его пациенткой. О своих шагах: терапии, медикаментах и последней акции «мелкие песчинки памяти», где сын принимал деятельное участие. Он старался быть убедительным и доступным. Но не скрывал разочарования и огорчения.

– Да, я не вправе скрыть от Вас не только наступившее ухудшение. Но также мои неутешительные выводы, – сдвинул брови врач. – Я должен прямо сказать – как это ни печально, мои возможности исчерпаны, и надежды нет. Доктор Эрна Мухаммедшина останется до конца жизни мадам Селиной Бежар. Мы выведем ее из депрессии. Но больше ей оставаться у нас в клинике не имеет смысла. И еще. В таком состоянии не может быть и речи о сознательном реше-

нии больной уехать в Москву. Теперь Эрну надо не уговаривать, а просто оформить документы и увезти, – подвел итоги Шульце и взглянул с нескрываемым сочувствием на сына, который сейчас услышал от него, что мать неизлечимо психически больна.

Молодой Мухаммедшин подавленно молчал. А Зильбер, выдавший всякое на своем веку, быстро оценил обстановку и начал заговаривать Паше зубы. Он засыпал его и Шульце вопросами о важных житейских мелочах. Здорова ли Эрн достаточно физически, чтобы перенести дорогу? Как лучше ехать? Не повредит ли ей перелет? Как долго может продлиться эта атака депрессии? Справится ли один сын или в пути понадобится медик? Нужно немедленно сообщить в Москву об отъезде, или еще подождать? Кто их встретит в аэропорту и куда повезет?

Паша, почти не реагировавший сначала, мало-помалу включился в разговор. Действительно, многое следовало выяснить и решить именно ему. И некоторое время спустя, переговорив с врачом и его помощником и посоветовавшись с юристом, они выработали следующий план. В больнице выведут Эрну из депрессии и подготовят к дороге. Зильбер останется в Мюнхене для выполнения формальностей, организации отъезда и покупки билетов. Паша, измотанный, переставший спать и убитый, уедет на некоторое время из города развеяться. Ему понадобятся немалые душевные силы для поездки в Москву. Адвокат категорически отказался

сопровождать своих клиентов в бывшую коммунистическую столицу.

### **43. А в это время в Москве**

Перед отлетом в Мюнхен Георгий Антонович пробовал уговорить Пашу еще подождать, он опасался, что сын все же недостаточно окреп. Синица пытался выступить посредником. Сначала один на один, а потом вместе с Лушей они приводили разные аргументы, но молодой человек был неумолим. Он должен это сделать один! А Куприянов... Нельзя в таком возрасте так быстро принять человека, который столько лет глаз не казал, сразу как отца. Да, он для него пока Георгий Антонович! А кто еще, черт возьми? И он ему признателен за помощь, как был бы признателен любому знакомому, но не больше.

– Петр Андреевич, я его могу в какой-то мере понять и пожалеть, но тоже как чужого, постороннего человека, – сказал Паша Петру. – Бесспорно, у него своя жизненная драма. Но только. Подумайте – хорошо, у него была депрессия или, как минимум, тяжелый невроз. Но даже не пытаться все эти долгие годы ей помочь! Ну, знаете, просто деньги, что ли, анонимно посылать! Я так не потому говорю, что мы нуждались, а мне, как каждому мальчишке хотелось того – сего. Хоть – нуждались! И конечно – хотелось. Нет, я полностью отстраненно, будто про другого какого человека, словно чи-

таю рассказ, такое поведение взрослого мужика отказываюсь понять! Вот это – не из-за себя, а из-за нее, из-за мамы.

С другой стороны – я сам. Сейчас он через двадцать с лишним лет сына займет. Сына, уже готового, так сказать, получить – взял и захотел.

Но быстро забыть, что он целых двадцать лет такого желания не имел, я не могу!

Петр не нашелся, что на это ответить. Парень был абсолютно прав. Он не отталкивал Куприянова совсем. Он был согласен с ним встречаться, готов присмотреться, постараться привыкнуть, привязаться со временем. Но допустить его в их с матерью семью пока категорически не хотел.

Однако, Куприянов беспокоился не на шутку. Он полагал, что сын нуждается в помощи. И неудивительно.

Молодому Мухаммедшину не удалось вылететь в Брюгге, как он хотел. Когда возбуждение, вызванное приездом в Москву и завершением расследования в «Ирбисе» несколько улеглось, Паша осознал, что о маме пришли неутешительные вести. В Иерусалиме ничего не вышло. Перевод ее в бельгийскую клинику говорит именно об этом.

Неокрепший Паша переволновался, расстроился и слег. Прошел месяц, пока врачи разрешили ему снова вести нормальный образ жизни. Тем временем в Бельгии повторилась то же, что в Израиле. Когда их адвокат Зильбер сообщил, что есть предложение маме перебраться в клинику в Мюнхен, Паша согласился. Он не хотел думать, что это означает

во второй раз. Не позволял, попросту, себе, об этом думать.

Ясно, что люди, каждый из которых перенес такое потрясение, Эрн и Паша, нуждаются в сопровождении и опеке, утверждал Георгий Антонович. Петр был с ним согласен. Мало того. Ему пришло в голову...

– Ребята, – обратился он к своим, – Куприяныч волнуется, и я считаю -для этого есть причины. Он хочет, чтобы мы приглядели за Пашей на расстоянии. Я ему ничего не сказал, чтобы не пугать, но сам вот что подумал. Наш «неведомый злодей» умер внезапно. И он сообщил, что действовал чужими руками. У нас тут в Москве он нанял охранный агентство. Потом тоже кто-то для него работал. Кто – мы не знаем. Как не знаем их полномочий и действия контракта. У этого Найденова было много денег. Когда он раскаялся? И раскаялся ли вообще? А может, он заплатил за дальнейшее? И если да – за какое?

– Петь, я того же мнения, – кивнул Олег. – и тоже не хотел вякать, чтоб не пугать народ. Найденов умер. Все так красиво и удобно закончилось. Пожалуй, самое главное, Эрну нашли физически здоровой. По всей видимости, ее не собирались ни убивать, ни калечить. Иначе они могли это проделать уже сто раз без помех. Ее удалили, стерли личность – и все.

– И там, в Израиле под прицелом едва ли не лучших в мире спецслужб никто не выплыл, не обнаружил себя! Вот это для меня лучшая гарантия, что Эрну оставили в покое! – поддакнула Луша, – но есть одно обстоятельство. Мы до сих

пор об этом не говорили. Шеф, Найденов явился в церковь уже довольно давно. Пришел с разговорами, что раскаивается. А Эрну украли гораздо позже. И потому...

– Да, что-то не сходится, – пробормотал и Олег. – Степан Матвеевич нас обыграл таким способом, что взять реванш просто невозможно. У него не только уже не спросишь, но и со стороны не зайдешь, как мы собрались. Старый человек – жил один, вдовец, нелюдимый, кроме того, в целом рассказал о себе как раз то, что мы пытались выяснить. Он и впрямь преследовал женщину по имени Кира и ее дочь. Документы мы уже разыскали! Можно, конечно, старые связи Найденова прошерстить...

– Только зачем? – пожал плечами Синица.

– Мы же и в самом деле «Муху» завершили. Мы отчитались. Человек найден. Есть близкие, которые его в беде не оставят. Если вдруг, Эрну некому было забрать, я бы не успокоился, пока не убедился, что она здорова, или в больнице, но в нормальных условиях. Человек достаточно натерпелся и заслужил, по крайней мере, покой.

– Петр Андреевич, а Вы? Вы тоже заслужили покой, только у Вас его нет! – сказала Луша.

Олег потер лоб, беспокойно заерзал на стуле и сморщился. Он пытался сосредоточиться и злился, что это не удастся.

– И у меня его нет. Петя, ты тут сказал что-то важное! Я только не могу въехать, что. Вертится, понимаешь, на языке... А вот! Ты только что сказал: «мы не знаем, раскаялся

ли Найденов вообще!» Человек – хитрое создание. Раскаяться? Возможно. А возможно, только хотел раскаяться, соби-рался это сделать. Тоже откладывал на потом. Или напускал тумана нарочно. Составил какой-то план...

– Нет, брось. Что-то слишком сложно, – отмахнулся Си-ница.

– Ладно, зачем дурака валять – искать в темной комнате черную кошку, которой там нет. Мы все считаем, что опас-ность миновала. Принимаю волевое решение! Бесспорно, в этом деле остались белые пятна. Пусть Мухаммедшины вер-нутся домой. Пусть утрясутся житейские дела. Тогда мы, ес-ли понадобится, устроим «доследование». А пока... Пока Куприяныч просил сопровождение. Будет ему сопровожде-ние!

По трезвом размышлении было решено снова послать Ти-мура, но с Расторгуевым. За Тимура говорило знание язы-ков. И хотя Паша знал его в лицо, но военный переводчик умел сливаться с толпой и, если надо, быть незаметным. Па-ша обещал держать постоянную связь как с Синицей, к ко-торому проникся искренней симпатией и доверием, так и с Георгием, чтобы тот не слишком волновался. Значит, не со-ставляло труда узнать, где он находился и что хотел предпри-нять. А опытный оперативник Расторгуев должен был дер-жаться в тени и быть на стреме в качестве поддержки

– Очень разумно, – поддержала Луша эту идею. – На бедо-лагу-Пашу в последнее время свалилось столько всего! Папа



материализовался как феникс из пепла – это раз. И Паше надо понять, может ли он примирится с его историей? Сумеет простить отца или не сумеет?

Георгий хочет найти место в жизни сына. А как мама к нему отнесется? Как им общаться втроем?

Тем временем выясняется, что мама исчезла – и это два. Вообще неизвестно, жива она или нет!

А в-третьих, все это происходит с молодым человеком, который только что вышел из коматозного состояния. И папа Куприянов прав, когда ожидает чего угодно. Вот заберет Паша маму из лечебницы. Она пока со своей легендой и документами Эрны Мухаммедшиной не только беспомощна, но как мы знаем, и подозрительна. И если Паше по дороге, например, станет плохо...

– А если – Эрне? – добавил Олег Майский. – Черт знает, как справиться тогда парень с положением, и что станет с ним самим. Давайте расскажем Куприянову, что мы тут надумали. Если он согласен...

– А я поговорю с ребятами – это им работать, – кивнул Сеница. На том и порешили.

Однако ни Тимур, ни Володя не смогли немедленно уехать из города на неопределенное время. Пришлось искать другие варианты. Подумав, Сеница связался с Мюнхенским детективным агентством и поручил Пашину охрану ему. С тех пор он получал регулярно подробные отчеты, из коих следовало, что с подопечным не случается ровно ничего.

– Ну что? – тревожился Куприянов.

– Ну как? – спрашивала Луша.

– Мои дорогие, да, слава богу, ничего и никак! – смеялся в ответ владелец «Ирбиса», убирая в ящик скоросшиватель с отчетами. Однако, как только разговор в агентстве снова зашел о Мухе, он с сожалением сказал своим друзьям, что не только ее загадка осталась, нерешенной, но и Муха – неизлечимо больной. Когда из Германии снова пришло известие, что профессор в Мюнхене тоже констатировал неудачу, в «Ирбисе» этому никто не удивился.

Утром Луша принесла эту весть своему директору и сказала, что Георгий Антонович хочет с ним поговорить. Паша возвращается. Он должен привести Эрну Александровну. Она не только не выздоровела, но, пожалуй, ей стало за последнее время только хуже.

Георгий пришел, и они долго обсуждали подробности происшедшего и судили-рядили, как лучше поступить. Куприянов надеялся, что сын теперь больше склонен прислушиваться к его мнению. Но особенно, к советам Петра Синицы. Самые различные врачи потерпели полную неудачу. Похоже, он ожидает теперь помощи от них двоих. Возможно, скорей, не помощи, а чуда. Но самое сейчас актуальное – как именно Эрну привезти?

И Куприянов рассказал, как профессор пришел к выводу, что всякое прямое напоминание о ее прошлом пока губительно для больной. Ее называли по имени, и она впала в

депрессию в первый раз. Ей дали почитать материал с вкрапленьями ее собственного прошлого и детства ее ребенка, и депрессия повторилась. Поэтому если Эрн увидит сына, это может оказаться для нее роковым. Мы не знаем, что ей внушено, и чему сопротивляется ее сознание. Что, если она попробует покончить с собой?

– Паша до сих пор видел ее только издали, а она его – ни разу. Значит, надо подготовить ее, уговорить или применить медикаменты и увезти в Москву. И пусть это сделают другие – я думаю, медсестра и детектив, или кто-нибудь еще. К примеру, я, – предложил Куприянов.

– А Вас она не может узнать? Вы слишком хорошо выглядите, мало изменились, – усомнилась Луша.

– Приятно слышать такое от хорошенькой девушки, но в нашем положении это сомнительный комплимент, – невесело пошутил Георгий.

– Вообще-то, у Эрны была хорошая память, в том числе и на лица. Может и узнать, – добавил он.

– Вот Вы и ответили. Значит, исключено. Не только Паша этого не хочет, но здравый смысл тоже не велит, – поддакнул Синица. Он, в отличие от Луши, нашел, что Куприянов выглядит неважно. Георгий был тщательно, аккуратно одет и выбрит, но похудел, осунулся и изнервничался.

– Я думаю, будет самое разумное до Москвы Эрну всячески беречь. Не стоит ей видеть сына, а мужа, воскресшего из мертвых, тем более. И пусть отвезут другие, а Паша держит-

ся в стороне, или вылетит следующей машиной. Мне кажется, медсестра и детектив – просто идеальное сочетание. Давайте последуем мудрому совету Михал Михалыча Жванецкого и будем переживать неприятности по мере их поступления. У Вас полно дел, не правда ли? Вам ведь надо подготовить квартиру и раздобыть надежных медсестер, да еще с французским языком? Хороший уход и без французского – нелегкая вещь. Ищите! Вы будете заняты по горло. Это лучшее лекарство от треволнений, они делу не помогут. Хотите, поговорим вместе с Мюнхеном? – предложил Синица Георгию Антоновичу.

И они позвонили Паше, изложили ему свои соображения и условились найти двух подходящих людей, чтобы их отправить за Эрной. Теперь оставалось лишь готовиться и ждать.

#### **44. Мюнхен. Университетская больница**

Паша провел неделю на Штарнбегерзее<sup>15</sup> в маленьком комфортабельном отеле. Он пил травяной настой, плавал и гулял, но спал в первые дни только со снотворным. Огромный для небольшого озера прогулочный корабль маячил под его окнами. На третий день он сел на него, и тот степенно поплыл, причаливая время от времени к очередной пристани, чтобы забрать новых экскурсантов и высадить отды-

---

<sup>15</sup> Штарнбегерзее – озеро недалеко от Мюнхена. На берегу расположен город Штарнберг. Курортное место.

хающих у мостков. Плескалась вода, прогулочный корабль, словно огромная скорлупка, качался на волнах. Блестело лакированное дерево и металл внутреннего убранства. Мухаммедшин старался честно отвлечься и расслабиться. Ему надо было смириться с мыслью, что его мама. Да, она теперь Селина Бежар, ею и останется. А кто такая Селина Бежар? Что для него, Паши Мухаммедшина, в этом деле основное? Селина врач, и как врач ничего не забыла и не утеряла. Она физически здорова, и это важно. Она ведет себя выдержанно и спокойно. Но у мадам Бежар нет детей! У его матери нет и не было детей! Ему стало казаться, что он медленно сходит с ума.

Является человек ниоткуда и говорит, что он мой отец. Моя мама напротив оказывается бездетной. И если так, меня просто нет. Я фантом. Не покурить ли фантому. Пойду, куплю сигарет, повсюду в Баварии действует запрет на курение в общественных местах, но это под крышей. А на палубе можно!

Паша направился к стойке бара, но по дороге курить раздумал. Вместо этого он купил газету, сел за столик и заказал себе большую чашку шоколада со взбитыми сливками. Молодой человек начал было читать, но через несколько секунд забыл о газете и уставился в пространство невидящим взглядом.

Надо собраться. Я должен взять себя в руки. Через несколько дней мы вылетаем в Москву. А там. Вот, вот, а

что там – об этом следует подумать сейчас. Я должен. как они сказали? Сыграть роль постороннего человека. А это не просто трудно, но нужно еще придумать эту роль. Я лучше сосредоточусь на этом, по крайней мере, что-то определенное. Я думаю, мне подойдет нечто такое, где можно поменьше прикидываться. Скажу ей, что ее банк направил меня к ней как консультанта. И напомним – у нее есть сбережения и недвижимость. Она забыла? Ну, это не страшно. Ведь у меня все записано. И мы можем поговорить, как ей поместить капитал, а я буду давать советы. Попробую! Время покажет, как дальше действовать.

Корабль причалил, и Мухаммедшин решительным шагом направился не в отель, а в город. А когда он вернулся в Мюнхен и встретился со своим поверенным, Зильбер его не узнал. Он скользнул взглядом по молодому человеку с коротко стриженными волосами кроме одной, выкрашенной в красный цвет длинной пряди, падающей на лоб, серьгой в ухе и очках в тонкой металлической оправе и отвернулся. И немудрено. Не только новая Пашина прическа, но и его черные джинсы и куртка из шотландки ничем не напоминали привычную корректную одежду банковского клерка.

– Господин Зильбер, – Паша приветливо протянул адвокату руку и поздоровался. – Не удивляйтесь, это действительно я. Я подумал, будет не лишним немного подстраховаться.

Адвокат внимательно посмотрел на него и кивнул.

– Возможно, Вы правы. Во всяком случае, срок настал. Сопровождающие прибыли. А билеты для всех у меня на руках. Вы летите в тот же день на несколько часов раньше. Таким образом, Вы можете встретить маму вместе с господином Куприяновым, или поступить иначе, как Вы сочтете нужным.

И он протянул Паши компьютерные распечатки, подтверждающие заказ.

– Вам нужно только зайти в больницу и забрать ее личные вещи. Люди из Москвы остановились в Вашем же отеле. Они ждут Ваших указаний.

На следующий день Паша Мухаммедшин отправился в больницу в последний раз. Он шел и думал о том, что постарался изменить свою внешность. И главное, сама его жизнь переменялась радикально. Требуется время осмыслить это как следует. Сейчас он заберет чемодан, отдаст его медсестре – пусть проверит, не надо ли чего в дорогу. А послезавтра – домой. Время у него есть. Что-что, а время.

И тут ему пришло в голову, что он совсем забыл об опасности, которая грозит Эрне каждый день. Петр разъяснил ему перед отъездом, что к чему. Он не счел нужным беречь парня так, как его новоиспеченный папаша.

«Как это я не подумал об охране? Прибыл детектив, пусть бы он начал наблюдение прямо сразу. Как только вернусь, скажу ему. Ладно, не теперь. Вот и больница. О, мне лучше

в арку, а за ней внутренний дворик. Так получится быстрее, можно пройти сквозь корпус и подняться на нужный этаж.»

Был влажный теплый день, как будто весна стояла на пороге. Иногда тихие порывы ветра в лицо приносили запах свежести, совсем непохожий на промозглую зиму. А голубое небо и горячее ласковое баварское солнышко дополняло это впечатление. Больные потянулись во двор подышать, погреться или покурить и расположились кто где вместе с со своими посетителями. Пациенты сидели на скамейках и в инвалидных креслах. Тут же играли дети, а в стороне на ступеньках уплетали пиццу за обе щеки санитары.

«Здесь так свободно. Кто хочет, может запросто в любое время зайти. Ну почему я не беспокоился до сих пор? Петр Андреич тоже ведь, несмотря ни на что, не счел нужным тут в полицию обратиться. А из-за каждого угла можно выстрелить. Тут полно... Да чего угодно – окон, укрытий!» – От этих мыслей он начал нервничать все сильнее и ускорил шаг. Он миновал несколько скамеек, обогнул клумбу, неловко повернулся на каблуках и.. внезапно растянулся на влажном асфальте, больно ударившись коленом о бортовой камень.

Паша вскрикнул. Сумка, которую он нес в руках, отлетела в сторону. Две женщины, медленно шедшие впереди, обернулись на шум и взглянули на него. Молодой человек лежал на спине, неловко подвернув под себя ногу. Его очки съехали на грудь. Ближайшая к нему женщина обернулась, сделала несколько шагов вперед и наклонилась над ним. Она стояла



точно против солнца, и он не видел ее лица.

– Павлуша, сыночек, – сквозь плотный красноватый туман адской боли услышал он, – ты почему катаешься с горки на ногах? Не надо, не плачь. Больно? Ну, это скоро пройдет. Вставай скорей! Не бойся, я тебе помогу. Он все еще ничего не понимал. Даже русская речь не сразу дошла до его сознания. Но в следующее мгновение говорившая покачнулась и медленно стала оседать.

Мама сразу узнала своего большого ребенка. Переодевание и крашеная прядь не помогли. Она упала без чувств – и тут уже закричала медсестра.

Вызванные из Москвы сопровождающие улетели одни. Паша Мухаммедшин дневал и ночевал в Университетской больнице у постели своей матери. А Эрна Александровна Мухаммедшина, как человек, пробудившийся после тяжелого сна, вернее, после беспмятства из-за болезни или несчастного случая, Эрна, которая теперь ничего не знала ни о Селине Бежар, ни о миссии врачей «Поможем вместе» в Израиле, слушала Пашины рассказы словно чужие приключения.

Все переменялось, как будто день превратилась в ночь, словно перевернули песочные часы, слепой прозрел или безногий начал ходить. Доктор Мухаммедшина перенесла потрясение, и память о прошлом к ней вернулась. Но вполне здоровая до сих пор, она теперь страдала от очень низкого давления, головокружений и слабости. Пульс у нее то-

же сделался неровным, плохого наполнения, сон болезненно чутким, а стандартные анализы говорили о сильной анемии. Между тем, она была активна, насколько ей позволяли силы, и просила, нет, скорее нужно бы сказать – требовала, ежедневных бесед о происшедшем. И она с разрешения врача два раза по полчаса слушала Пашу и рассказывала сама.

Эрна хорошо помнила, как бежала от Раи по лестнице вниз и как из темноты выступил незнакомец. Она ощутила боль, похожую на укус, а дальше провал. Пришла в себя она на диване, укрытая одеялом. Двухэтажный кирпичный комфортабельный дом, окруженный высоким забором, где ее поместили, был устроен по-городскому, но ей казалось, что она далеко от Москвы. За ней ухаживала женщина, которая объяснялась только жестами. И вскоре Эрна поняла, что она немая.

Ее не обижали, хорошо кормили и снабжали всем необходимым, но запирали на ключ. А окна, выходящие в небольшой ухоженный сад, были забраны решетками. Эрна помнила, что все время была заторможена и хотела спать. Ей, видно, что-то подмешивали в еду.

Так прошло несколько дней. А потом появился мужчина. Он был врач. В этом она не сомневалась. Ее осмотрели. Взяли кровь, и много – на большой многофункциональный анализ. После этого ей начали делать уколы и внутривенные вливания. Врач приходил, делал укол, а после этого она помнила только, что он садился рядом и негромко, монотонно

что-то говорил.

Эрна поправлялась медленно. Паша спросил Шульце, нет ли опасности, что она снова превратится в Селину. И профессор честно ответил: «Это маловероятно, хотя гарантий нет никаких. Ее следует постепенно готовить к нормальной жизни, но осторожно».

Паша регулярно звонил в Москву и рассказывал о состоянии дел. Но теперь только одному Петру. И снова Куприянов тревожился – «Ну как?» А Луша теребила его – «Ну что?» И Петр однажды подумал-подумал и сказал.

– Доктор Мухаммедшина безусловно снова обрела собственную личность и прошлое. Ее общее состояние ухудшилось, но это ничего. Она приходит понемногу в себя. Теперь можно подвести предварительные итоги. Она ничего не может сказать о том, кто и почему ее похитил.

Мы с вами правильно догадались как. Вкатили наркотик и увезли, а затем под влиянием какой-то дряни квалифицированно внушили ей легенду. Но это все. До этого момента мы и она знаем одно и то же. Это похоже на дверь, которая открылась. По одну сторону двери Селина Бежар, гражданка бельгийского королевства. Она могла изложить, что с ней случилось в Израиле, вполне связно и без ошибок. Про Эрну Мухаммедшину Селина не знала ничего. А по другую сторону двери.

– Которая тут же и захлопнулась, – добавила Луша.

– Точно! Она захлопнулась накрепко без зазора! И тут по другую сторону очнулась Эрна, никогда не слышавшая ни слова о Селине Бежар, – кивнул Синица.

– Ну хорошо, а что теперь будет? Паша перестал звонить, я не знаю, что и думать. Не могли бы Вы мне объяснить... – Куприянов поморщился от неловкости и замолчал.

– Я постараюсь, Георгий. И во-первых, Эрна совсем не хочет в Москву. От всего пережитого остался страх перед городом. Врач считает, что ей лучше попутешествовать.

– Они хотят немного развеяться? И отлично. Почему нет? Если только это не опасно, конечно, – спохватился Георгий.

– Что касается Паши, – продолжил Петр, – он Вам позвонит, когда переварит все, что за последнее время наслучалось. Ему нужно матери рассказать о Вашем появлении. Нужно понять, как она к этому отнесется, научиться. Черт знает, она может потребовать, чтобы сын о Вас и не заикался. Поставить ультиматум! Я думаю, он пока не знает, как себя вести, поэтому не звонит.

– Да я понимаю, – пробурчал Куприянов и замкнулся.

Снова потянулись недели. Эрна постепенно пришла в себя, здоровье ее не внушало больше опасений. Ее перевели в реабилитационную клинику за городом. И теперь уже она ходила на массаж, в бассейн, и на тренажеры. Сын ездил к ней, и они осторожно касались пережитого обоими. Они говорили с новым выстраданным чувством доверия, как может

быть раньше никогда. Ему предстояло найти нужные слова, чтобы сказать ей о Куприянове. Следовало рано или поздно о бедной Рае тоже сказать. Но она о работе пока не спрашивала. И поэтому Паша, посоветовавшись с Шульце, решил эту страшную новость оставить на потом. Мало того, о нем самом, о его коматозном состоянии мама тоже не имела понятия!

Два раза в неделю профессор принимал свою необычную пациентку. Он радовался ее выздоровлению, шутил, что это произошло вопреки всем его усилиям. И очень внимательно наблюдал за ее душевным «посттравматическим» самочувствием.

Он помогал Паше дозировать информацию. Следил за ее реакцией. И учил его в свою очередь не упустить сигналов перегрузки или потрясения, которых следовало тщательно избегать.

Все шло вполне благополучно. И наконец, наступило время, когда Шульце разрешил им отправиться на курорт. Снова похолодало. Но наступила сухая ясная погода, что нечасто балует баварцев зимой. Ненадолго выглядывало даже солнце. Все это только способствовало состоянию подъема и надежды, которое охватило молодого человека. Они уезжали! Мама выздоровела, пусть еще не окончательно. Они оба нуждаются в передышке. Георгий Антонович велел передать, что он на этот раз перевел деньги не Зильберу, а ему самому. И Паша выбрал с помощью врачей санаторий в Ба-

ден-Вюртемберге. А Зильбер отвез их на вокзал.

Эрна чувствовала себя утром бодрой и отдохнувшей. Ее все радовало и интересовало. Она получала удовольствие уже от того, что не надо спешить. В самом деле, когда она вот так ехала вдвоем с сыном без всякой служебной надобности? Они запаслись для нее всем необходимым, и это было приятно – выбрать для себя несколько вещей, не думая о деньгах.

В поезде Эрна сняла новую куртку, которую Паша повесил на вешалку. Она иногда поглядывала на нее украдкой и любовалась. Как и на красивые удобные чемоданы с большими надежными колесами. Она решила ни о чем не думать, не строить планов, а просто отдохнуть. Паша перед отъездом долго разговаривал по телефону, рассылал электронные письма и читал ответы, а потом с кем-то связался по скайпу и перешел на английский.

Она не вслушивалась. Она думала о том, как недавно ей объяснили: если название места начинается словом «Бад», так это настоящий курорт. А они как раз и ехали в Бад-Бль-аубойрен. И вот теперь они в поезде скоростном, самом лучшем, за окном в дымке можно различить предгорья Альп, и, поскольку в соседнем вагоне есть ресторан.

– Пашка, не пойти ли нам пообедать? Я только подкрашусь, и можно отправляться. Дай мне, пожалуйста, косметичку, – Эрна похлопала сына по коленке, и он уставился на нее с веселым удивлением.

– Мама, ты меня извини, но ничего не получится. Мы немедленно наверстаем, как приедем. Видишь, я все же мальчик, а не девочка. Мне просто в голову не пришло.

– Что такое? Ты это о чем? Ты потерял кошелек?

– Да нет, не в этом деле. Видишь ли. Сестра Цецилия, как и мадам Селина Бежар, они обе совсем не пользовались косметикой!

Паша прыснул. Эрна разочаровано наморщила нос. А он, начав, смеялся все громче и заразительней. Не мог остановиться! Ему было хорошо! А еще. Вот приедут на место, и он снова почитает, что ОНА пишет. Она сказала, что у нее есть интересная идея...

#### **44. Говорящая фамилия**

Мила Темочкина сидела в небольшом читальном зале спецхрана и прикидывала, как лучше поступить. Она перепечатывала, что разрешали. Иногда можно было копировать материалы, иногда нет. Но работа двигалась. А ей становилось последнее время все интересней. И хоть заказчик явно про нее позабыл. Ну и пусть! Она напишет статью. По меньшей мере, подготовит публикацию из архивных материалов. А потом обязательно использует ее в своей научной работе. Однако с деньгами следовало что-то делать, и немедленно.

Деньги на ее счет от «Ирбиса» продолжали поступать регулярно. Хотя директор Синица, который нанял ее и поручил

чил собрать материал о полковнике, давно сообщил Миле, что они завершили дело. Никто больше не нуждался в ее отчетах. Не интересовался, что она нашла. По-видимому, они не отменили распоряжение, и банк делает переводы. Очень неприятно. Во-первых, с чужими деньгами дела лучше не иметь - не отмоешься потом. Пойди, докажи, что ты не причем. А во-вторых, искушение, конечно. Лежат же! И не дай бог, потратить! У молодого историка вовсе не было резервов, чтобы в случае чего отдавать долги.

И подумать, как повернулась ситуация. Все шло рутинно и заурядно. Она посылала отчеты, они сделали свое дело, а потом ей сказали вдруг, что розыски можно прекратить.

Милу в суть проблемы никто не посвящал. Она не была сотрудником агентства, не несла обязательств, не давала подписки о неразглашении, а посему доверительной информацией не обладала.

– Это детективы, – вздохнула она, – если у них дело завершено, то ничего не попишешь.

Она, правда, для себя наметила дальнейшие пути розыска и заказала документы. Они пришли. Теперь можно было просто сдать назад архивные папки и поставить на этом точку. Но ей претило чувство незаконченности.

Перед тем, как неожиданно отказаться от ее услуг, Синица проявлял к ее работе горячий интерес. Он требовал выяснить, кто были родители полковника. И для чего-то было важно узнать, где он родился и воспитывался. Полковник



был стар. А потому перед Милой лежали материалы времен отечественной войны. Девушка поколебалась немного и придвинула к себе папки.

Как-то в разгар рабочего дня у Сеницы зазвонил телефон.

– Петр Андреевич, здравствуйте, с Вами говорит Мила Темочкина, военный историк, – услышал он. – Вы мне заказывали. Да, да, это я. Видите ли, я получила по почте извещение, что, да, но деньги продолжают поступать! Я понимаю, что это по ошибке. Как мне теперь поступить, перевести Вам назад, или лучше принести лично? Мне бы хотелось избежать недоразумений. Что? А, ну, конечно. Я так и сделаю. Спасибо, Петр Андреевич! Вы знаете, если Вы не против, я хотела бы получить от Вас отзыв о моей работе. Мой шеф из института просил. Когда? Да, мне удобно. Я обязательно буду. Спасибо Вам большое.

Мила Темочкина договорилась с Петром о встрече. Она смущалась и явно чувствовала себя неловко. Она почти завершила уже разговор обычными вежливыми клише, как вдруг он услышал от нее.

– Петр Андреевич, не знаю, интересно Вам еще или нет, но я продолжила розыск для себя ради логики самой работы. Я заказала документы по тем вопросам, что Вы поставили, пока считали, что они Вам нужны. И оказалось, что Ваш полковник – необычная птица! Ой, только не думайте, что я набиваюсь, или намекаю. – девушка окончательно смеша-

лась.

– Милочка, не волнуйтесь, – помог ей Синица, – я ничего лишнего не подумаю. Приходите! И отзыв Вам напишем. И новые материалы с удовольствием почитаем. И с деньгами разберемся. Бухгалтерия любит точность. А что такое с полковником?

Мила ответила. Она произнесла всего несколько слов. Но Петр, услышав их, изменился в лице. Он быстро переспросил ее о чем-то осипшим голосом, и сел, а потом вскочил.

– Мила! – заорал он, – ради бога, копируйте, переписывайте все о полковнике как можно скорей! Делайте, что хотите, но, чтобы уже сегодня Вы были у меня!

– Вы понимаете, Петр Андреевич, мне вот что показалось странным. Я в старых анкетах о полковнике сначала прочитала, что он из крестьян, родом из-под Рязани и сирота. Тут Вы велели узнать подробности. Я заказала расширенный поиск. И вдруг приходит справка, что Найденов – сын немецких коммунистов, родители погибли в фашистских застенках! Но ни имен, ни подробностей. С другой стороны, он молоденьким парнишкой поступил в разведшколу в нашей оккупационной зоне в Берлине, – рассказывала Мила.

Глаза ее блестели, а на курносый маленький нос, усаженный спелыми веснушками, упала ресничка. Мила встряхнулась, ей сделалось щекотно. А Петр подумал, что она похожа на уютного золотистого хомячка. Щекастенькая плотная

сероглазая девчушка с челкой и хвостиком русых волос на боку.

– Я решила, для разведшколы в юном возрасте в Берлине логичнее второй вариант. Кроме того, я знаю – такая практика существовала. Сирот – носителей нужного иностранного языка отдавали в разведшколы на казарменном положении. И я стала искать, что рассекречено об этой школе.

– Милочка, но сын немецких коммунистов должен был иметь другую фамилию! – возразил в первый раз Синица.

До сих пор он слушал Темочкину, как зачарованный. Он умел очень внимательно слушать, да так, что собеседник порой рассказывал ему больше, чем собирался. Но в этот раз он не подыгрывал, а с нетерпением ждал продолжения.

– Без сомнения, другую! К примеру – Людке, Мольтке, Зоммер. Бюлов на худой конец! Заметьте, не Белов, как у нас, а похоже. И вдруг – Найденов? Но обратите внимание – у него говорящая фамилия! Я вовсе не сразу догадалось, не буду воображать. Но – догадалась, и теперь ужасно горжусь!

Мила Темочкина вскочила со стула, схватила со стола папку и потрясла ее перед носом своего рыжего работодателя.

– Тут все подшито в хронологическом порядке – справки, протоколы и выдержки из характеристик. Но я для Вас обобщила по-людски на нормальном языке. Я, конечно, и для себя это тоже написала, но. Впрочем, Вы лучше почитайте. Я подожду.

И она передала ему в руки синенький скоросшиватель с надписью «п. Найденов».

Через час с небольшим у разбежавшимся по делам сотрудников «Ирбиса» зазвенели, запели, затренькали телефоны. Шеф отдал распоряжение лететь на работу. На робкие возражения он гаркал: «Даю на все сорок пять минут» и отключался. Нечего делать, они безропотно прискакали, двое даже умудрились уложиться в срок. Последней влетела Луша, с ужасом глядя на часы, безжалостно отсчитавшие лишних семь минут. Она залепетала оправдания, но Сеница отмахнулся.

– Садитесь, садитесь, вашу. Ох, я хочу сказать: перекись марганца – Мила и Луша – извините! – выкрикнул в один присест «начальник конторы», никогда, ни при каких обстоятельствах «не употреблявший», с тех самых пор, как стал таковым.

Оторопевшие сотрудники безмолвно расселись, только теперь заметив угнездившуюся во главе стола крепенькую краснощекую девушку в джинсах и красном свободном свитере. Никто из коллег Сеницы с Темочкиной не был знаком. Володя сделал круглые глаза, а Олег еле заметно пожал плечами и вынул ручку и блокнот.

– Вот что, голуби мои, я потом буду дальше извиняться. Пока просто на слово поверьте. Я в своем уме. И «Ирбис» не обанкротился. Вы все сейчас поймете. Позвольте вам представить сначала военного историка Темочкину Людми-

ду Григорьевну. Она работала для нас в архивах. Собира-  
ла материал на Найденова. Когда мы закончили дело Му-  
хи, Миле пришлось распоряжение закруглиться. Но, к счастью,  
она как настоящий исследователь продолжила розыск и по-  
лучила ошеломляющий результат. У вас будет возможность  
узнать подробности. Я дам всем прочесть отчет. Мы его об-  
судим. Но я вам сейчас же кое-что сообщу. Найденов – не на-  
стоящее имя нашего героя. Вы помните, я интересовался, где  
он был крещен? Так вот, мы узнали где. Но об этом немного  
позже. Назвали его Карлом, у него есть еще несколько имен,  
как это принято у католиков. Весьма неожиданно, не правда  
ли? Но нам пока ни о чем не говорит. А вот фамилия его –  
совсем другое дело. И я не буду вас больше мучить. Я сам  
взорвусь сейчас, если не скажу немедленно. Итак, внимание!  
Фамилия этого человека.

Синица встал, его рыжая шевелюра растрепалась, пуши-  
стые усы растопорщились, из круглых веселых глаз, каза-  
лось, летели искры от возбуждения. В руках Петр держал  
синюю папку Милы, и он ею совсем так же, как она гордо  
потряс. Его слушатели невольно тоже повскакали со своих  
мест, а шеф торжественно возвестил.

– Ну, слушайте! Человека, известного нам под именем  
Степана Найденова, на самом деле звали Карл де Коссе! По-  
койный полковник был младшим братом отца Эрны Мухам-  
медшиной! Таким образом, тайный Эрнин враг приходился  
ей родным дядей. И значит, загадка решена!

Несколько секунд стояла тишина, а потом ирбисовцы загалдели все сразу. И тут настала очередь Милы ничего не понимать. Они, перекрикивая друг друга, стремились поскорее узнать, откуда взялся вдруг младший де Коссе. Совсем недавно все были убеждены, что от семьи барона никого не осталось. Да, был младший брат. Гораздо моложе самого барона. Но он.

– Ох, постойте, – хлопнула по столу ладошкой Луша, – младший брат, совсем мальчик, пропал без вести во время войны. Никто не сомневался, что он погиб! Выходит.

– Вот именно, как раз это самое и выходит, – кивнул головой Синица и поощрительно улыбнулся девушке. – Дело было так.

...– Посмотри, дом № 54 всё ещё стоит, а от дома № 35 остался только остов, он полностью разрушен, а балкон так и висит. Жители копаются в обломках. Мемориальную церковь Кайзера Вильгельма разбомбили. Зоопарк и вокзал – тоже. А на Фриденау и на окраине пока всё цело. Почти всё.

Двое офицеров быстрым шагом шли по улице в сопровождении своих ординарцев. Они получили задание завтра выехать из поверженной немецкой столицы и направлялись на ночлег с намерением хорошенько выспаться, отдохнуть, а потом рано утром двинуться в Штутгарт.

– В доме, куда мы идём, наши основательно пограбили. Утащили все часы, даже наружные с фронтона. В сейф стре-

ляли, весь выстрелами изрешетили. Но теперь дом привели в порядок и превратили в небольшую гостиницу. Чисто и удобно. А вообще здесь постепенно жизнь возвращается. Идёт «Трёхгрошовая опера» с Кейт Куль. Театр «Фемина» на Моллендорф-плац ставит «Мою сестру Эйлин». Жалко времени нет, могли бы сходить. Ведь мы только переночуем, а завтра в путь, – заметил старший.

– Вы, капитан, на гражданке где служили?

– Я строитель. Специалист по разъёмным мостам. Очень был востребован поначалу.

– Тут, знаете, тоже для строителя работы хватает, – усмехнулся собеседник, кивнув на окружающие их руины.

Странная картина представилась бы современному наблюдателю, если бы таковой мог хоть краем глаза взглянуть на красу и гордость гитлеровского рейха. Чтобы передвигаться из города в город в оккупированной Германии зимой 1945 года, необходимо было иметь либо пропуск, либо командировочное удостоверение.

«От города осталась только оболочка, уродливая, покрытая рубцами, заполненная людьми, с побитым видом бродившими между развалин. Они низко опускали головы, чтобы скрыть ненависть, горевшую в глазах. Повсюду женщины расчищали завалы. Они аккуратно складывали кирпич, наводя в хаосе разрухи порядок. Мне часто такое приходилось видеть в Италии, но там беспорядочно расчищали дороги. А в Германии складывалось отчётливое впечатление, что каж-

дый кирпич сберегается на будущее, чтобы выстроить новый рейх», – писал позже о Берлине не особенно доброжелательный очевидец.

Прохожие, завидев военных в форме армий-победительниц, вели себя по-разному. Одни отворачивались, стараясь проскочить мимо поскорее, другие бормотали им вслед что-то на берлинском сленге, а иногда кланялись, стараясь придать правдоподобие маске почтительности на лице.

У Бранденбургских ворот раскинулся чёрный рынок. Там можно было поменять, скажем, американские армейские сигареты на свежее мясо, спиртное – на драгоценную морковь, лук и целую буханку настоящего немецкого хлеба. Офицеры обменялись взглядами, младший слегка помедлил, прикидывая, не добавить ли что-нибудь к столу. Но его товарищ сказал.

– Не стоит. Тут совсем близко, мы почти пришли.

И они поспешили мимо, предвкушая предстоящий отдых и ночлег.

Наутро офицеры раздобыли джип и отправились в путь. Дорога была пустынной. По обе её стороны стояли густые сосновые леса. Холод, металлическое зимнее небо, зловещая тишина не особенно располагали к беседе. Все трое – офицеры и водитель были хорошо вооружены, и все же им было неуютно. И они ехали быстро, сбрасывая скорость только у бомбовых воронок. Но поездка благополучно шла без про-



исшествий, пока мотор вдруг не зачихал.

– Ох, только бы пронесло! Подморозило не на шутку. Если, борони боже, тут заглохнем, не заведусь! – чертыхнулся шофер.

– Не каркай, сержант, – оборвал его старший – бритоголовый щеголеватый майор, – газуй, давай, доберёмся. Погоди, а что там впереди? – взгляделся он.

– Между ветвями мелькает – не поймёшь! Остановиться, карту поглядеть... Скоро должна быть переправа.

– Во, я и говорю. Тут как раз и жди фашистских подарочков. Мину, где пришпандорят, или засаду какие-нибудь недобитки заделают... А война кончилась, так и помирать неохота! Глянько, да там вода!

Действительно, прямо за поворотом вдруг открылась водная протока с неожиданно сильным течением под тонким льдом, кое-где около берегов схватившим её поверхность. Через неё был перекинут на удивление полностью сохранившийся мост, закрывавший им в этот момент обзор.

– Видишь, сержант, нам и мосток приготовили. А ты боялся! – хохотнул капитан, желая подбодрить хандрившего шофёра

– Да когда ж я боялся, обижаете, товарищ капитан. У меня «Красная звезда» и «За отвагу», а Вы говорите... А просто примета плохая – мы седни два раза вертались, и птаха в горницу залетела. Я и говорю – пути не будет. А так, я ж пулемётчиком два года на Белорусском оттрубил, а это не...

– Прекратить пререкания, смотреть за дорогой, разговорчики! – прикрикнул майор и вдруг, словно в ответ на его слова из-за моста раздались одиночные выстрелы. Следом выскочили какие-то фигурки -несколько человек, и бросились к машине. В руках у одного из них был автомат, а у других...

– Мальчишки, «Гитлерюгенд»! Давай, ребята, вперёд, задавим! – орал майор.

Машина затормозила, они выскочили и начали азартно отстреливаться. И тут: «Осторожно, у них гранаты! Ложись!» – гаркнул капитан и прыгнул в сторону в кювет, толкнув туда же сержанта. Следом раздался оглушительный взрыв.

Когда они в саже и ссадинах снова выбрались на дорогу и убедились, что целы, офицеры огляделись, ища незадачливых защитником моста.

– Смотри-ка, все полегли. Одного я сам их своего Вальтера, а другие...

– Того, что слева, – указал на парня постарше, лет семнадцати, майор, – я срезал, а другие два сами подорвались. Ничего ж не умеют.

– Товарищ майор, а один жив. Смотрите сами. Желторотый совсем. Его царапнуло и ещё оглушило. Контузия, видать.

Майор нагнулся. Перед ним лежал красивый юноша, совсем мальчик, лет четырнадцати, наверное. Худенькое тело неловко вытянулось, на порванном рукаве виднелась кровь. Он был без сознания, но дышал и никаких видимых повре-

ждений не имел.

– Не ранен, вроде. Очухается. Хотя, постойте, на шее тоже кровь. Может, пуля?

Он расстегнул воротник мальчишки. Нет, это просто ссадина от цепочки.

– Фашисты, даже молодые, вроде, креста не носят! – удивился капитан и тоже наклонился.

– А, это медальон. Наверно, с портретом его зазнобы. Ну-ка, сейчас посмотрим.

С этими словами он расстегнул и стянул цепочку и открыл крышку медальона.

Перед ним была изящно выполненная цветная миниатюра. Красивое спокойное женское лицо с высоко уложенными пышными светлыми волосами поражало сходством с его владельцем.

– Не, это не зазноба, – шофер заглянул через плечо капитана и покачал головой – мать, небось. Глазищи какие синие!

Капитан защёлкнул увесистый золотой замочек. Он хотел сунуть уже трофей в полевую сумку, как вдруг майор спросил.

– А что это за чудо-юдо такое? Гляньте. Да вот, на крышке! Не то зверь, не то птица?

Все трое всмотрелись. Действительно, на ней ювелир изобразил диковинное создание. Хорёк, – предположил капитан.

– А может, соболь? Для песка маловат, на лисицу не по-

ХОЖ...

– Куница это, вот что б мне ни дна – ни покрышки! Я ж охотник! Куница, туды её в качель! – заволновался шофёр и ударил себя кулаком в грудь для пущей убедительности.

– Одного не пойму, пошто у ей крылья? Из-за спины зверька виднелись большие искусно выгравированные крылья.

– Э, «пошто-пошто»! Мало ли фокусов у этих буржуев! Нам какое дело. Ты вот лучше скажи, раз такой умный, а крылья чьи? – осклабился капитан.

– А и скажу! Сейчас... – сержант покрутил золотую вещицу, прищурился и кивнул. – Это мастер делал. Всё в подробности у животины прописал, и пёрья тож. Про крылья я разобрал. Филина – это крылья.

И, глядя на недоверчивые лица офицеров, уверенно повторил.

– Можете не сумлеваться. Я этих филинов... Филина крылья. Больше некому и быть.

Майор в ответ пожал плечами: «Ну и ладно. Нам один хрен, сова там или филин. Ты иди-ка, займись машиной».

И когда тот отошёл, негромко сказал с задумчивым выражением.

– Посмотрите-ка на парнишку. Мне кажется, подходящий! – наморщил он лоб и повернулся к капитану.

– Вполне можно попробовать. А не подойдёт, снова съездим. Время у нас есть. Но, похоже, это просто удача.

– А, была – не была! – решительно добавил майор спустя минуту.

– Ну что, машина на ходу? – строго спросил он у вытянувшегося сержанта.

– Всё в ажуре! – отрапортовал тот, вопросительно глядя на командира. Он не рискнул, однако, больше панибратски болтать, пользуясь обычной привилегией фронтовых шофёров.

– Забираем пленного. Назад в Берлин! – скомандовал тот и через четверть часа два офицера в форме НКВД вместе со своим неожиданным трофеем уже мчались назад по заснеженной дороге.

Мила нашла доказательства, что этот подросток из Гитлерюгенд и был младший брат борона, сбежавший от родных. Он был германофилом и боготворил немецкую историю и военную мощь. А они придерживались совсем других убеждений.

Дальше вот что получилось. Парнишку подлечили и побеседовали с ним. Очень доходчиво побеседовали – это энкаведешники умели. А потом отдали в разведшколу в советской оккупационной зоне, откуда он по истечении солидного времени вышел убежденным коммунистом. Карл де Коссе больше не существовал. Появился Степан Найденев. Что и говорить, не многое пришлось и менять. И надо сказать, ему по-своему повезло, что его тогда вербовщики подобра-

ли. Скорее всего, он сгинул бы без следа.

Нетрудно представить, а то почитать или посмотреть, что тогда творилось со страной. Историки говорят – она лежала в руинах. Но не только. Нет, привычная формулировка была такая: «Германия перестала существовать!» Даже если б он захотел, сохранил прежние иллюзии, куда было бы ему бежать?

Парень рос, его детство забывалась мало-помалу, казалась странным сном. Он старался о нем вообще не думать – это было опасно. А настоящее. Что же, настоящее неплохо отвечало его натуре. Он был военная косточка, человек, из которого что не лепи, все равно выйдет офицер. А разведчик? Так это еще лучше!

Кто он такой, вернее кем был раньше, знали считанные люди. Судя по материалам его дела, юноше об этом не напоминали. Но могли напомнить! Большое преимущество – держать человека всю жизнь на крючке, для тех, кто понимает.

Найденов сделался образцовым офицером. Он был прирожденный военным, как уже говорилось. Поэтому по службе продвигался быстро и хорошо. Блестящий немецкий, конечно, для его работы был просто неоценим. А когда окончательно оформилось послевоенное противостояние, холодная война набрала обороты, разведчик Найденов перешел на нелегальное положение. И однажды в городе Ульме объявился знаток скаковых лошадей Петер Киршнер, владелец коне-

завода и торговец лошадьми.

К счастью, все это – дела далекого прошлого. У нас рассекречивают что бы то ни было очень неохотно, но пятьдесят лет, что ни говори, срок солидный. Еще одна удача – недолгий период свободы, почти анархии Ельцинских времен. Нашлись тогда люди в разных странах – историки и нет – приехавшие в Москву, чтобы поработать в архивах. Они многое разыскали, скопировали и увезли с собой. И когда наша умница Темочкина поняла, что нащупала необычную, просто авантюрную историю, она связалась с коллегами из Германии и Англии. И узнала от них, как сложилась судьба молодого Киршнера в последующие несколько лет, – рассказывал Сеница.

В этом случае помогло то, что он, как видно, не был создан для оперативной работы. Его раскололи. Киршнер много ездил по стране будто бы по делам. У него водились деньги. Он проявлял интерес к таким сведениям и искал знакомства с такими людьми, что довольно быстро вызвал подозрения у контрразведчиков-американцев. Тогда его повели, а он ничего не заметил.

Ну а у штатников дело поставлено так. Есть определенный узаконенный срок рассекречивания подобной информации, который давно истек. Поэтому теперь не составило труда прочитать рапорты тогдашнего резидента. И вот – обратите внимание – Киршнер за время пребывания в ставшей уже «Западной» Германии ни разу не выезжает из страны.

Но в донесениях агентов, наблюдавших за ним, встречается целый три упоминание об Эльзасе и городе Кольмар. Эльзас стал снова французским сразу, как только выгнали гитлеровцев. Киршнер наводит справки, а источник, тогда уже точно знающий, что он шпион, искренне недоумевает. Что может интересовать советскую разведку в имении барона де Коссе?

Не было ли в фамильной резиденции барона секретной лаборатории, работавшей на немцев? Что там скрывается – склад оружия, эвакуированный военный архив? Чем занимался сам барон во время войны? – спрашивает себя и начальство один из авторов.

Этот вопрос не оставили без внимания. Было произведено дознание. В результате американцы выяснили, что барон – летчик, французский офицер, сражавшийся героически в армии союзников. Он жив, здоров, он состоятельный человек. Его небольшое имение в полном порядке и вне подозрений. Обо всем этом составлена подробная справка, которую и подкололи к вышеуказанному отчету в качестве ответа.

Американцы больше не пишут ни слова об этом деле. Самого фигуранта вовсе пока не собирались арестовать. Они хотели продолжить наблюдение. В материалах о Киршнере есть радиоперехваты, агентурные сведения, результаты допросов перебежчиков. Судя по всему, в его задачу входило отыскивать законсервированных агентов. Еще некоторое время его дело продолжало пополняться, но вскоре закрылось. Что же произошло?



Киршнер, разоблаченный противником разведчик, вовсе не сгорел. Его вели, но его быстро, хоть и безо всяких репрессий и последствий, отозвали свои. Может, они все заметили и просчитали? Нет, ларчик открывался совсем иначе. На Киршнера поступил донос. На этот раз его автором был и вправду не вымышленный, а всамделишный немецкий коммунист. Помощник Найденова Цишке – бухгалтер и шофер, возивший своего шефа и выполнявший его конфиденциальные поручения, писал.

«Нижеследующим ставлю Вас в известность, что получил от командира задание, которое считаю подозрительным. Я должен был выехать в Эльзас, город Кальмар и, не привлекая к себе внимания, собрать информацию о семье барона де Коссе. Я выполнил это поручение. Из всей этой семьи в живых остался только старший сын Эрнестус. Он сражался с немецко-фашистскими захватчиками. А после победы однажды даже был в Москве как гость.

Мне рассказали о странных слухах, ходивших об этом человеке. Я применил нужные средства – вокруг большая бедность – и узнал следующее. В сорок пятом году барон приехал в имение с молодой русской военной переводчицей и женился на ней. Имя этой женщины теперь – баронесса Кира де Коссе. После венчания переводчица лейтенант советской армии – отбыла обратно. Священник полагает – в Москву.

Я вернулся. Я сообщил командиру, все, что узнал. А вечером, как всегда, получил материалы для кодирования и ра-

диопередачи в Центр. В них не было ни слова о моих донесениях. Поэтому я считаю своим прямым партийным долгом сообщить Вам о своих сомнениях».

Найденова отозвали. Как его не посадили и почему, об этом можно только гадать. Наверно, он мог бежать. Но даже не пытался.

Чего он ждал? Какие выводы сделал из того, что услышал от Цишке - доносчика? Это останется его тайной навсегда. Зато, несомненно – он знал о браке своего брата. И выследил Киру-переводчицу.

Петр поднялся со стула, подошел к окну и отворил форточку. Он схватился было за свою трубку, но передумал. Времена изменились. Лет десять назад в комнате было бы страшно накурено. А теперь у них с этим дело идет упорная борьба под ковром. Он сам на собраниях группы никогда не курит и не дает другим.

Было тихо. Первой нарушила молчание Луша.

– Ну что же, вот и стали понятны мотивы Найденова. Он разрывался между чувством долга и желанием разведать что-нибудь о семье. По-видимому, женитьба брата пришлась ему не по вкусу. И пусть он сам не пытался доказывать свои права и искать родных, у него возникло чувство горечи и протеста.

– Точно, Лу права, – подхватил Майский ее мысль и продолжил. – Вот представьте. Сам Карл де Коссе, он же Найденов, не может, да и не хочет возвращаться в родные пена-

ты. Однако, он очень молод. Гораздо моложе старшего брата. Возможно, он тешил себя надеждой, когда-нибудь взять, да захотеть. Но нет! С появлением этой женщины, да еще из его собственного лагеря – ведь она тоже советский офицер – эти мысли сделались совсем нереальны.

– Нет, ребята. Не стоит и пытаться. Нам этого не узнать. Такая варварская ломка была у человека. Подумайте, он успел мальчишкой сбежать из дома, побыл восторженным гитлеровцем, потом сделался безупречным грушником, каким и остался до конца жизни. Он, этот Найденов, возможно, думал, что близкие никогда не простили бы его. Они равным образом не приняли б ни фашиста, ни коммуниста. И вдруг – вот те на – женой его брата стала советская переводчица. Я думаю, бес толку спрашивать сейчас, что там произошло в его бедной голове! -вздыхнул Володя Расторгуев.

– Да, человек – сложное животное. Немало таких, что не знают полутонов. Одни меняют убеждения. И всей душой ненавидят прежних идолов. Другие. Ну, да о чем это я! Нам важно, что мы теперь можем ответить на главные вопросы. Не только, кто тайный враг, но и почему.

Итак, этот Найденов был братом мужа Киры и дядей Эрны, и сам хорошо об этом знал. Он стал их врагом. Мешал им, отравлял жизнь, а позже вдруг уверовал и раскаялся. Я думаю, дело Мухи на этом можно, наконец, с чистой совестью закрыть! Осталась приятная обязанность сказать от души спасибо тому, кому мы этим обязаны.– С видимым удо-

вольствием пробасил Синица, поднялся со своего места и торжественно пожал руку Милы Темочкиной, щеки которой сделались пунцовыми от смущения.

## **46. Убийственно комфортабельный поезд**

Долгая зима выдалась в этом году. Ранняя, северная зима! Уже в сентябре было холодно и сухо. И снег падал раза два, да не осенний – пополам с дождем, а какой-то колючий, с серьезными намерениями такой! Он хотел бы остаться. Но все-таки еще не сумел.

Всю осень он собирался с силами. Дождавшись ноября, снег выпал однажды ночью и укрыл город толстой пеленой, пока все еще спали. И утром, когда подморозило вдобавок, с ним было уже не справиться. Он больше уж не ушел. Конечно, люди расчистили себе дорожки машинами. Они оставляли и свои следы на его полях. Животные – городские ушлые собаки, бродячие кошки, даже птицы писали лапками на его страницах свою хитрую, им одним понятную повесть. Но снег был сильнее. Росли сугробы, давно невиданная устойчивая зимняя погода приносила то красивые белые хлопья, а то поземку. А ближе к Рождеству, когда темнеет так рано, а рассветает поздно, взрослые задумчиво поглядывают на елочные игрушки и подумывают, не купить ли вот этих золотых шишечек, или лучше блестящий синий шарик с морозным серебром, а дети прозрачно намекают на подарки,

вечером часов около семи ударил настоящий мороз.

Ирбисовцы расположились у печки, собираясь получить полное удовольствие от жизни. Была пятница, тетя Муся вручила каждому в подарок связанные крючком из деревенской шерсти толстые носки, и они тут же их надели. А у нее на плечах расположилась, свесив лапки, белоснежная кошка. Тетя Муся погладила свой живой пушистый воротник, поправила очки на носу и подняла голову от журнала.

– Я думаю, надо мне для Снежаны родословную написать и на стенку повесить. Шутка ли, моя Святая Бирма была выведена в монастыре и, после скрещивания с турецкой белой ангорской.

– Да нет, тетя Мусечка, это все легенда. Персидскую скрестили с Сиамской специалисты. Они так получили новую линию. И только с пятидесятых годов прошлого века ее считают стабильной и пригодной для разведения. Никаких монастырей! – возразила Луша и тут же пожалела об этом, увидев обиженное Мусино лицо.

– Вы только не огорчайтесь, – затараторила она, – родословную мы обязательно напишем! Сделаем на компьютере или художнику закажем. Будет висеть под стеклом – красивая, на хорошей бумаге. У Лорда есть родословная, а чем Снежана хуже? Такая шкурка, никакой песец не сравнится. И умница, а какая чистюля!

За спиной у Луши раздался подавленный смешок. Она не стала оборачиваться. Шеф, протянувший ноги к печке,

устроился в удобном кресле. Лорд улегся рядом. Синица набивал трубочку. Он любил это занятие. Иногда Петр раскуривал ее, иногда нет. Тактичные соратники давно перестали подтрунивать на эту тему. В «Ирбисе» все любили посмеяться. По неписанным правилам дуться не полагалось. Табу было немного. Но Лорд! Как это ее угораздило ляпнуть, что кто-то, Снежана или нет, может быть не хуже? Да вообще сравнивать его с кем-то уже кощунство! Петр взъерошился, что твой индийский петух, и засопел.

Поэтому Майский и хихикал. Он помешивал половником в большой керамической кастрюле, из которой поднимался пар. В комнате пахло дымком, пряностями и ни с чем не сравнимой Изабеллой, о которой Синица, блаженно закрыв глаза, однажды возвестил.

Нет, братцы, это не лоза. Это Дионисова греза!

Олег внимательно следил, чтоб напиток, борони боже, не закипел. Он подождал немного, снял его с печки, бросил внутрь душистый перец и лимонную корочку, а небольшой пучок трав наоборот вытащил обратно, и закрыл крышку.

– Жалко Изабеллу на мои эксперименты. Я бы взял что-нибудь другое, но в доме ничего подходящего нет, а шеф запретил сегодня выползать на мороз. За окном, кстати, уже минус двадцать три, и температура все опускается. Через пять минут можно уже разливать, когда немножко настоится. Давайте ваши кружки, – распорядился он.

Луша с облегчением принялась доставать из шкафчика

посуду, довольная, что опасная тема осталась за бортом. А Петр и вправду, переключился.

– И правильно запретил, простудится еще кто-нибудь, – подтвердил он. – У нас сегодня пробная ночевка в конторе. Даже хорошо, что такой холодище. Проверим все системы в экстремальных условиях. Запасов у нас достаточно. Сейчас выпьем Олегов волшебный напиток, а через полчаса поужинаем. Что у нас на ужин, глубокообожжаемая домомучительница? Коллектив должен хорошо питаться. С понедельника начинаем плановое наступление на похитителей смарагдов! Звучит-то как! Это вам не контрабанда сигарет или подержанных тархтелок. Ну ладно. Так что едим?

– У нас сегодня болгарские фаршированные перцы. А еще красная фасоль с орехами и шампиньоны в сметане. Ох ты, господи, а я духовку-то выключила? – с этими словами Мария Тимофеевна выскочила из комнаты и понеслась на кухню.

– Смарагды – действительно, отлично звучит. Петр Андреевич, я решила, будет интересно, просто для общего развития, а может и для дела, собрать информацию о зеленых драгоценных и полудрагоценных камнях. Я думала, их очень мало. Но это не так. У нас смарагды называются изумрудами. Они самые редкие, дорогие и относятся к берилловой группе. Выше всего ценятся бразильские. Ну, а потом наши из Колумбии.

Мало кто знает, что гранаты тоже бывают зелеными. Еще

очень занятный камень – александрит. В древности он ценился необычайно. Он поляризует свет и меняется от прозрачного, зеленоватого такого до красного при электрическом освещении.

Полудрагоценные зеленые – жадеит, амазонит, нефрит, яшма и малахит. Можно сюда прибавить и бирюзу. Кстати, прозрачных среди этих камней почти нет.

– Петр Андреич? – Луша подняла брови и укоризненно взглянула на шефа, ни ответившего пока ни слова. – Вы сердитесь все еще? Я больше не буду!

– Ты это о чем? – Синица сделал непонимающее лицо. – Я голодный. А потому даже после горячего вина с пряностями плохо соображаю. Но я тебя слушал все-таки. Могу даже добавить – есть еще рубины! Они тоже разных цветов. Сам я не видел, но читал об этом. Зеленые тоже бывают. Вообще Олег должен лучше знать, он же химик. Я сам помню, что это все корунды, подкрашенные разными окислами.

– А какая разница между рубином и сапфиром? Вроде и сапфиры встречаются не только голубые. Вообще странно все-таки. Это же даже в поговорку вошло: красный как рубин, синий как сапфир. Помните? Сапфировое небо, океанские волны или что-то такое. А вот: кровь, алая как рубин, рубиновые губки!

– Фу, слушай, рубиновые губки – пошлятина какая... Да ну его! А мне совершенно некстати вспомнилось про сапфир. Это любимый камень Эрны. И Куприяныч, который



ожидал их с сыном, когда они, было, собрались назад в Москву, купил ей в подарок гарнитур. Я тебе скажу, он мужик со вкусом. Мне очень понравилось.

– Ой, расскажите, – оживилась крошечная девушка, – ужасно интересно!

– А что, тебе тоже хочется? – ласково глянул на нее Петр.

– Да нет, я. Для меня трудно выбрать украшения. Я ведь такая карманная! Надо очень осторожно, или получится вульгарно. Но полюбоваться, другое дело!

– Понял. Мне нравится делать подарки, и я тоже люблю прикинуть, кому и что может подойти. И ты знаешь, я в магазинах всякого навидался, сам покупал, но это что-то особенное. Мне не описать!

Петр сделал паузу и со значением глянул на Лушу.

– Нет, Вы нарочно дразните меня. Я обижусь и научу Петрушу. Да-да, и у меня даже есть идея. Пусть попугай орет: «Петрррр! Бессерррдечный ррразбойник!» Вот клиентура обрадуется!

– Да ладно, слушай. Это кольцо с одним камнем, оправленным в белое матовое золото, такое же кольцо, серьги и браслет. Камни, сапфиры эти действительно синие, овальные, одинаково обработанные, величиной с ягоду смородины. Я не люблю слишком крупные камни. Тут не в цене дело, просто не люблю, и все. Эти были как раз, какие надо. Одно то, что оправка не блестит, тоже хорошо! Но она сделана в виде плоской плотной змейки. Около главного камня кро-

шечные брильянтики и жемчужинки. Тоже – совсем немного, в самую меру. Я себе представил строгое платье без всяких выкрутасов и такой гарнитур. Здорово -нарядно и благородно.

– А где они сейчас все, кто-нибудь у нас знает? – поинтересовался Олег. – Мы их еще увидим? Я бы не прочь познакомится с Эрной Александровной!

Луша изменилась в лице, глянула не него и тут же отвернулась. За связь с бывшими клиентами отвечала именно она. Было решено обязательно собраться всем в Ирбисе, когда Мухаммедшины вернуться. А пока. Но надо отвечать.

– Где они все? – переспросила маленькая Костина, – Георгий уехал в Киев. Он собирается там предпринять такие шаги, чтобы ничто не помешало перебраться насовсем в Москву. А Муха со своим сыном отправилась на курорт. Они не то едут, не то уже добрались до места. У них все налаживается. Я с Пашей договорилась, что раз в неделю он будет нам писать.

Мария Тимофеевна вернулась из кухни и включила телевизор. Она последила немножко за объяснением героя с героиней в слащавой любовной истории, щелкнула кнопкой и сразу убрала звук – на этом канале раскрашенная дива и женоподобный певец вопили что-то про вечность и мечты. Еще две попытки, и на экране заговорили по-английски. Она хотела уж выключить плоский большущий экран, как вдруг Синица ее остановил.

– Не надо, оставьте, Мусенька. Это СиЭНЭН. Послушаем новости, -попросил он.

Петр открыл полированную деревянную шкатулку, по комнате распространился медовый запах отличного трубочного табака. Он слушал вполуха и лениво перекидывался репликами с друзьями.

– Президент США встретился с сенаторами, которые.

– Олежка, а правда, что сигары принято у любителей хранить в холодильнике?

– Не слышал. Это ведь скрученные табачные листья. Они не должны пересыхать, иначе вкус портится.

– Выступления забастовщиков в Кейптауне. Столкновения с полицией привели к ...

– Вот-вот. И для этого есть специальные боксы. Кедровое дерево. Надо бы узнать и тут у нас завести. Ты вдумайся – портсигар! Это потом в нем стали папиросы носить, а сначала наверно.

– Необычно сильные наводнения. Тысячи людей остались без крова. Китайское правительство принимает срочные меры по спасению населения.

– Прямо в вагоне скорого поезда сегодня утром нападавший ранил свою жертву. Попутчик, пытавшийся ее защитить, погиб. Полиция открыла огонь на поражение. Преступник был убит. Пострадавшая в сопровождении сына доставлена в больницу города Ульма. Мотив преступления выясняется. Раненая женщина-врач, уроженка города Москвы Эрна

М. Вероятность ограбления или семейной драмы...

– Я читала, что сейчас на Севере на Аляске лайки на соревновании бегают по снегу в ботинках, – Луша Костина безмятежно уселась на пол рядом с Лордом и обняла его мощную пушистую шею. Ее слова заглушили конец фразы диктора.

– Какие ботинки? Полярные лайки это тебе не болонки, ты что такое сочиняешь? – хмыкнул Олег.

– Эй, погоди! – рявкнул Петр, – дайте мне дослушать. Какая Эрна?

Но было уже поздно. На экране поплыл заснеженный ландшафт. И бодрый спортивный блондин принялся объяснять, где лучше всего в Альпах сейчас кататься на горных лыжах.

Тогда Синица вскочил, постоял с минуту, обдумывая, что предпринять, а потом принялся командовать.

– Луша, включай немедленно компьютер. Ищи новости из Германии! Нет, погоди, лучше я сам, – и бросился к ноутбуку.

– А ты Олежка звони Расторгуеву. Пусть немедленно вытрясет из своих, что стряслось в баварском экспрессе. Давай, давай!

– Да что случилось? – хватая телефон, изумился ничего не понявший Майский.

– Эрна М., врач из Москвы ранена утром неизвестным преступником. Только что сообщили по СиЭНЭН. Попутчик

хотел ее защитить и попал под пулю. Насмерть!

– Может, не та? – ахнула Луша, впрочем, ни на что не надеясь.

– Они сказали – в сопровождении сына. Я уже нашел. Да, Луш, ты позвони Куприянову. Вот тебе бабушка, и Юрьев день! Найденов этот умер, дело мы завершили...

Синица открыл, тем временем, Гугл, и прочитал, что к этому времени появилось об утреннем происшествии.

– Утром в Криминальную полицию Мюнхена обратился российский гражданин. Тимур Б. Он сообщил, что, по его сведениям, готовится вооруженное нападение на доктора Эрну М., которая едет после лечения в мюнхенской больнице на курорт вместе с сыном. Полиция связалась с больницей, где подтвердили данные о личности указанной женщины. Специальный наряд, севший в вагон на промежуточной станции, не сумел, однако, вовремя обезвредить преступника. Он что-то заметил, заволновался и начал стрельбу. Женщина ранена, а Тимур Б. погиб. В ответ офицер полиции вынужден был тоже открыть огонь. Нападавший убит на месте. При нем обнаружили документы на имя Антона Найденова сорока трех лет так же, как и его жертва, жителя города Москва. Ведется следствие.

– Больше нет сомнений. Это наша Эрна. Я понятия не имел, что ее все-таки страхует Тимур. Видно, сердце Куприянова было не на месте. Выходит, он выследил кого-то и понял. Эх, нет смысла гадать. Подробности мы могли узнать

только у него. И никогда уже не узнаем! Зато, кто такой Антон Найденов, гадать не надо. Это сын полковника. Уж он-то, судя по всему, не раскаивался. Осталось понять, что им руководило, – хмуро выдавил из себя Петр.

– А что с Эрной, как она – тяжело пострадала? – с волнением спросила Луша.

– Состояние средней тяжести. Она потеряла очень много крови.

– Ах, я лопух! – с горечью пробормотал Синица и грохнул кулаком по столу. – Как там Володька меня называет – птичка Синичка? Да нет – ошипанный воробей! Это просто профнепригодность. Ничто иное, черт побери! Мы до сих пор никакого сына Найденовского. Великий боже, да ни в одном глазу! Мы никого не подозревали, ничего больше не заметили!

– Стоп, стоп! Что это я все – мы да мы? Нет, надо – Я! Доктор Мухаммедшина, ее не убили чисто случайно. Тимур там погиб. Погиб! А преступник? Да разве дело, что и он погиб в перестрелке? Его надо было взять! Обезвредить этого гада! Подлец стреляет в безоружную женщину! И пока я.

– Петр Андреевич, ну пожалуйста! Не надо так, мы все, все вместе прошляпили, я... А как Вы думаете, удобно Паше позвонить или лучше его не дергать? – Луша постаралась отвлечь своего шефа, и это ей частично удалось.

– Нет, Пашу пока не трогай. Давай действовать через Георгия. И пусть Расторгуев как можно скорей про этого себе-

рет по сусекам. Его звать Антон. Я помню только, он богатый, сволочь! Он... нет, погоди, Олег дозвонился.

– Георгий Антонович, – услышали они – здравствуйте, с Вами говорит Олег Майский из Ирбиса. Да? Ну конечно, я и не сомневаюсь, Вы меня помните. Видите ли, у нас, к несчастью, плохие новости.

Петр и Луша Костина неслышно подошли к Олегу и взялись за руки. Олег собрался с силами и рассказал все.

## **47. Пациентка Эрна Мухаммедшина**

На этот раз Эрна очень медленно шла на поправку. Ее поместили в огромную многопрофильную больницу на краю Мюнхена, состоящую из разных корпусов. В ней под одной крышей с операционными, лабораториями и палатами имелись даже кафе, магазинчики, газетные киоски, парикмахерская и массажный кабинет. Ходячим тут было, где гулять, для посетителей – залы ожидания и справочные окна. Для иностранных пациентов – специальная приемная с переводчицами. Здесь можно было родиться, прожить всю жизнь, и, не выходя наружу, комфортабельно умереть. В одном из длиннющих коридоров за толстыми стеклянными дверями таился хоспис с палатами, балконами и просторной приемной для родных.

Полиция приходила и уходила. Срочно прибыл незаменимый Зильбер и взял на себя отношения с юстицией. Агент-

ство «Ирбис» вызвалось дать следствию всю информацию, которой располагало.

Эрну оперировали, пулю извлекли, но рана заживала плохо. Огромная потеря крови вызвала сильную анемию. Левая рука плохо слушалась своей хозяйки. Все это вместе с тяжелым потрясением и предыдущими событиями подорвало ее здоровье.

Проходил месяц за месяцем. Георгий Куприянов приезжал и уезжал обратно в Россию. Паша нашел временную работу в фирме, торговавшей недвижимостью, и снял квартиру около больницы. А доктор Мухаммедшина все еще с трудом вставала, чтобы, опираясь на ходунки, немного подвигаться по больничным прогулочным дорожкам и снова в изнеможении лечь.

Пришла весна. Южное баварское солнце быстро согрело все вокруг. Появились крокусы, за ними начали распускаться какие-то желтые нежные цветы прямо на голых ветвях, высаженных повсюду декоративных кустарников. Потом налились бутоны магнолий.

На работу Паша ездил на машине. Это было недалеко, а все же на городском транспорте страшно неудобно. Он собрался взять автомобиль напрокат. Но Куприянов сумел его убедить, что это неразумно, и тут же приобрел сыну подержанный бело-синий Смарт. Теперь Паша приезжал, обедал и шел в больницу. Обычно он что-нибудь с собой приносил. В больнице на редкость рано ужинали – от пяти до шести. И



вечером снова хотелось есть.

Они читали вслух. Вспоминали прошлое и стоили планы на будущее. И если погода позволяла, старались понемножку гулять.

Павел проводил время как человек, осознавший свой долг стать взрослым мужчиной. Он работал, ухаживал за больной, был ей поддержкой и опорой, принимал важные решения. Впервые в жизни он взял ответственность за их семью на себя! Это оказалось нелегко.

Долг – работа. Работа – долг. И только по вечерам. Он включал ноутбук, читал письма, написанные с искренним непритворным интересом к нему и всей его жизни, рассматривал ее фотографии, заказывал статьи и книги, которые она ему советовала прочесть, смеялся над шутками, что она отыскивала специально для него, стараясь его отвлечь, если Эрне не становилось лучше. Паша и не заметил, какое важное место в его жизни заняла девушка с синими глазами по имени Эвелин.

Наступило лето и Эрну перевели в ортопедическое отделение – рука по-прежнему двигалась с трудом. Ее мучили боли. Пришлось делать еще одну операцию. И снова медленно рубцевались швы, и одолевала тошнотворная слабость.

Но время шло, и когда незаметно подкралась осень, зацвели совсем как в Москве золотые шары и поздние георгины, однажды наступил, наконец, перелом.

Она по-прежнему двигались с усилием. Рука болела, го-

лова кружилась, но кризис, определенно, миновал. Еще месяц, и повязки сняли, а с Эрной снова начал заниматься физиотерапевт. Вскоре она перебралась в восстановительный комплекс, где провела время до середины декабря.

– Мама, мы обо всем переговорили. Послезавтра отправляемся. Подумай, что тебе нужно, – объявил в это утро младший Мухаммедшин. У Паши явно было хорошее настроение. Он условился на работе об отпуске. Его очень приглашали остаться насовсем, но он пока не решил. Он не хотел сейчас ничего решать.

Парень тоже совершенно извелся и нуждался в отдыхе. Было особенно трудно рассказывать маме о происшедшем. Что делать, пришлось – и он сумел.

И если молодому Мухаммедшину трудно пришлось, когда он рассказывал, то Эрне не легче было слушать.

Сначала сын осторожно объяснил, что случилось в Базеле. Но Паша был с ней и, слава богу, здоров.

Ее пропавший супруг, оказывается, не только жив, но процветает. Она не очень удивилась. У нее не было душевных сил вникать, как это случилось. Не было уж и горечи. Обида? Да, обида осталась. Возможно, когда-нибудь потом она подумает об этом. Только не сейчас.

Когда Куприянов приехал в первый раз, он попросил разрешения к ней зайти. Он мало изменился. И все же она не испытала потрясения. Другое дело, что разговаривать с ним,

выслушивать объяснения и. Нет, он, возможно, хотел бы сцены примирения и отпущения грехов? Напрасно надеялся. Она разрешила ему здесь появляться, не более того.

Бедная Раечка, невосполнимая утрата, невыносимая мысль, что это из-за нее, пытаюсь ее спасти, погиб родной человек! Эрна плакала, писала письма в Москву, даже просила сына ставить свечи за упокой, хоть никогда не была религиозна и ничего не понимала в церковных ритуалах. Со временем острое горе сменила тихая печаль.

И, наконец, история с ее происхождением. Как к этому отнестись? Да, она Эрна. Но даже ее фамилия вовсе не Мухаммедшина. Папа, которого она почти не помнит, это не ее папа.

Это случилось, когда она уже ушла из дома и жила в школе в подвале. Мать пришла к ней однажды и принесла немножко денег. Она дала бабушке гречку, полотняный мешочек сухого компота и полкило сосисок. А потом, повернувшись к девочке, сунула ей в руку круглую холодную вещь.

– Возьми. Это память об отце. Не потеряй! – глядя в сторону, глухо проговорила Кира. Она чмокнула ее в щеку и быстро вышла. Больше она не приходила.

Эрна сначала не поняла, что это за штука. Но бабушка объяснила, она видела медальоны. Они вместе рассматривали чудную зверюшку на крышечке, гадали, что это такое. Потом старушка убрала ее под замок. А Эрна с тех пор неизменно берегла. Она таких слов от матери отроду не слыхала.

Паша дал Эрне почитать специально для нее написанную историю ее рождения, знакомства ее родителей, их свадьбы, встречи в Москве, дальнейшей судьбы ее летчика отца. Теперь следовало свыкнуться с этой мыслью. Как странно! Она наполовину француженка! Ее настоящего папу звали Эрнестус де Коссе.

Они условились с сыном, когда она окончательно выздоровеет, поговорить об этом подробно. Ей пока даже больше не хотелось. Слишком много всего. Она устала. Надо бы спросить, где жил этот человек. Ах, нет, позже, не теперь. Вообще-то, какая разница, ведь никого давно нет в живых.

– Батюшки, – вдруг подумала Эрна, – что же получается, значит, и мой Пашка на четвертинку француз? Кто бы мог подумать! – она зажмурилась и тихо засмеялась.

– Вот тебе и на! Впрочем, что удивляться – *pater semper incertus*<sup>16</sup>, в то время, как мать – *certissima*<sup>17</sup>.

– Нет, не буду, не хочу ни о чем, – твердила себе она, собираясь в дорогу, – мне надо суметь дальше жить. Судьба никогда не баловала меня. А что теперь? Я ничего никогда ни у кого не просила. Ни за что не боролась. По натуре – не борец. Так почему как раз у меня – неведомые враги? И я всегда была так безнадежно бедна. Как могло случиться, что меня пытались устранить, чтобы нечто получить? Придется разобраться потом. Но позже. Ведь это я – человек, которого

---

<sup>16</sup> Отец всегда сомнителен, лат.

<sup>17</sup> В высшей степени достоверна, лат.

дважды похищали, в которого стреляли, а он до сих пор не знает, почему.

Вот я прочла невероятную мамину историю. Все очень скупо изложено: встретились, познакомились, поженились, жизнь развела, отец давно умер во Франции. Хотя почему – невероятную? В другое бы время... Красавица-переводчица и летчик-герой? Но я себе только что обещала не думать, а отдыхать.

Ее размышления прервала сестра, пришедшая помочь и убедиться, что все в порядке. Вещи уже увез на лифте вниз санитар.

Маленькая ловкая приветливая сестричка помогла Эрне одеться, оглядела комнату в поисках забытых мелочей, и спросила на прощание.

– Герр Павел, Вы собрались путешествовать? У Вас есть определенный план?

– Мы поедем, не торопясь, по Баварии. Будем останавливаться, гулять, ходить, куда мама захочет. Где послушаем музыку, гдеходим в музей. Или просто на машине поедем по окрестностям. Как только она устанет, так обратно в отель. Я зарезервировал номера по интернету. А через неделю... Да, впрочем, там посмотрим! – сказал он, заметив, что Эрна прислушивается, и распрощался.

## **48. Тернистый путь к Рождеству**

Середина декабря в Баварии выдалась прохладная, сухая, но совершенно еще не зимняя. Ночной морозец едва тронул газоны. На деревьях не совсем облетела листва.

Так было не первый год. Здесь стало уже привычно говорить о «Зеленом Рождестве». И все же по вечерам темнело по-декабрьски рано. И тогда повсюду загорались рождественские звезды.

Елки, большие и маленькие, увешанные серебряными и золотыми гирляндами. Прозрачные деревья, усыпанные крошечными лампочками, словно светлячками. Все вокруг было похоже на сказку. На сказку. А еще? Пожалуй, на Таллинн. Когда-то в незапамятные времена она там была. Ей вспоминался одним чохом Андерсен, Диккенс, Эдвард Григ и Снежная королева.

Они бродили по улицам между домами с островерхими крышами. В окнах тоже были разноцветные украшения. На подоконниках горели свечи. По балконам и стенкам карабкались седовласые веселые старцы в красных колпачках с белыми помпонами и мешками в руках.

– Мама, посмотри! Видишь, на доме впереди дед уцепился за подоконник? – показал Эрне сын.

– Это Николаус. На деда Мороза он только похож, хоть у него в мешке подарки. Вообще интересно, я прочитал, что в Баварии по традиции подарки детям приносит Младенец Христос. И он это делает на Рождество. В других землях иначе. Но тут празднуют особый день шестое декабря, когда этот

Николаус тоже дарит подарок. Легенда восходит к конкретному лицу. Самое удивительно, что это не кто иной, как святой Николай, что у православных. Тот самый! Он был епископом в городе Мира. Теперь это Турция, недалеко от Анталии. Тогда была Римская империя, потом стала Византия. С этим святым связано много легенд и чудес. Одно из них называется «чудо о зерне».

В тяжелое время страшной засухи Николай в гавани нашел корабль, нагруженный зерном. Он стал уговаривать моряков отдать часть его голодным. Они отнекивались – зерно, мол, все взвешено и предназначено Императору. Тогда епископ пообещал, что если моряки согласятся, то по прибытии никто ничего не заметит! Так и случилось. А зерна, которое моряки пожертвовали голодающим, хватило прокормить жителей целых два года и еще на посевы. Этого Николая считают еще и покровителем детей.

В Нюрнберге на рождественском базаре Эрна обрадовалась, как ребенок. Она рассматривала елочные украшения и не могла оторваться от этого занятия. Тут были игрушки из дерева, керамики, крашеной соломки, папье-маше, фарфоровые ангелочки, цветные фонарики и канитель. Но Эрна, оглядевшись и подивившись на это многоцветие, вскоре устремилась налево. Там в деревянных резных избушках были развешаны стеклянные блестящие шарики всех цветов, струился золотой дождь, искрились снежинки, а с потолка свешивались алые шпильки для елки и лиловые колокольчики.

– Знаешь, по-моему, тебе очень хочется что-нибудь купить. А? Признайся! – прищурился Паша.

– Видишь ли, у нас ведь елки нет. И потом, только посмотри на цены. Все это страшно дорогое!

– Мамочка, у нас в банке достаточно, чтобы обставить большую квартиру без особенных забот. А если не хватит... Словом, пойдем вот туда. Да-да, где самые красивые капельки, звездочки и прочее. Видишь? Я знаю, ты любишь, когда они сверху обсыпаны, будто сахарной пудрой. И если ты не купишь тут целую коробку...

– Так ты будешь «пакать и кичать»! – Эрна заулыбалась и без дальнейших пререканий принялась выбирать синие и золотые стеклянные игрушки. А вокруг играли шарманки, пахло жареным в сахаре миндалем и глинтвейном, продававшимся тут же рядом. Съестного, кстати, всюду было не перечислить. Жарились сосиски, пеклись тонкие блины, белые воздушные плюшки раздувались на пару в душистое облачко и уплывали в ванильном соусе прямо в руки веселым посетителям. За каждым углом пели, танцевали, устраивали рождественское представление любители, а то и настоящие артисты.

– Пойдем, посмотрим... Стой, а ты не устала?

Эрна помотала головой и с ожиданием посмотрела на сына.

– Тогда выбирай. Мы можем сходить в детскую рождественскую деревню. Или взглянуть на средневековый рынок.



Там ремесленники коуют железо, режут по дереву, коптят рыбу, жарят мясо на живом огне.

– Мясо? А правда, что тут на народных праздниках жарят на вертелах целых поросят?

– Правда. Я бы их поросятами даже не назвал. Прямо кабань.

И они отправились бродить среди шатров торговцев, палаток бродячих комедиантов, стеклодувов и уличных художников. Клоуны на ходулях сменялись фокусниками, выдувающими изо рта пламя. Голубые огоньки на огромной елке мерцали в сумраке. А глиняную расписную кружку детского горячего пунша даже Эрне не возбранялось выпить маленькими глоточками после лепешки, испеченной прямо на углях в белой пастушьей печи.

Паша уписывал крепес – французские блины с ананасным джемом. Еще он любил фрукты, облитые шоколадом. Он как раз отправил в рот банан и примеривался к кусочку дыни, когда Эрна заговорила.

– Здесь изумительно. Мне все время кажется, что они все настоящие. Эти мастера, и дамы в бархатных платьях и рыцари в кольчугах, и продавцы еды. Я могла бы здесь без конца переходить от одного к другому и рассматривать эти кожаные седельные сумки, овечьи шкуры и украшения из самоцветов.

– И отлично. Завтра еще побродим. А сейчас не пора ли нам в отель?

– Нет, ничего. Паш, ты сказал, есть еще детская деревня. А это что такое?

– Тут недалеко. Ты уверена, что не переутомишься? Ну, хорошо, – согласился он.

Они прошли по празднично освещенной улице, свернули в арку и оказались в просторном дворе, уставленном нарядными павильонами. Посередине была устроена круглая деревянная крытая эстрада для духового оркестра. Играла музыка. Веселые горожане с детьми выбирали подарки, ели, пили горячее вино с пряностями и танцевали. Но Паша повел Эрну мимо всех этих развлечений вбок туда, где слышалась нежная негромкая мелодия. Они пару раз повернули, обогнули эстраду и оказались перед шеренгой маленьких бу-тафорских домишек. А когда приблизились, то первым делом увидели сани, запряженные тройкой северных оленей. За кучера сидел дед Мороз. Конечно, Мороз! Ну как его еще называть? Все у старика было правильное – шуба, пушистые борода с усами, вот разве что, на носу очки! Сани – большие, удобные, на полозьях – заполнила ребятня. А рядом суетились родители. Они фотографировали свое потомство, обмениваясь репликами на десятке языков.

– Ну вот, а теперь давай к домикам, и посмотрим, – предложил Паша.

Мелодия, которую они слышали, сменилась другой. Женский голос пел под музыку. «Тихая ночь, святая ночь...» – негромко перевела себе под нос Эрна и подошла поближе.

В зеленом домике на лесной полянке, перед девочкой с длинными косами в фартучке и платочке стоял северный олень. Он наклонял голову, бил копытом и хлопал длинными темными ресницами.

– Какой забавный, – порадовалась она.

Как вдруг пушистый олень заговорил! Они застали середину сказки. Что-то из братьев Grimm. И, как всегда, почти как у нас, но не совсем. Голос у этого оленя оказался низким и ласковым. Сам он – с большими влажными глазами и серебристой шерстью – таким трогательно важным, а сказка – такой милой и знакомой, что у Эрны перехватило дыхание и защипало в глазах. Они постояли и послушали. А потом прошли дальше по рядам, где Красная шапочка несла бабушке гостинчик, Гензель и Гретель убегали от ведьмы, танцевал Белый полярный медведь, неслась на хрустальных санях Снежная Королева и ангелы трубили торжественную песнь. Большие говорящие куклы в человеческий рост старательно играли свои сказочные роли. Детишки радовались. Но еще больше радовались родители, узнавая свои детские сказки.

– Давай, пожалуйста, вернемся к оленю ненадолго, – попросила Эрна своего сына, который один, казалось, был не особенно занят окружающим действием.

Олень все хлопал ресницами. Он собрался начать новую сказку, музыка на минуту смолкла. Когда они подошли, он повернул рогатую голову и глянул Эрне прямо в глаза.

– Милая моя маленькая Эрна! – начал олень.

Взрослая девочка доктор Мухаммедшина потеряла дар речи. Взрослеющий на глазах мальчик Павел вздрогнул и оглянулся на нее.

– Дома тебя ждут папа и мама. Они тебя любят. Там уютно и тепло! – продолжал добрый низкий голос.

У Эрны вырвался тихий стон, а по щекам побежали слезы. Ее сын слышал глухое рыдание. Стоящие рядом люди стали оборачиваться. Кто-то предложил вызвать врача. Паша обнял ее за плечи и, бормоча что-то невразумительное, быстро увел.

Все это время, все больницы, операции, боль, потери и удары Эрны пережила почти без слез. Они набегали иногда на глаза, и только. Но сейчас!

Она плакала, всхлипывала, задыхаясь, терла глаза, вытирала слезы, но они снова лились рекой. Наконец, она перестала пытаться их унять. Она не могла ничего ответить на вопросы сына. Она не хотела отвечать! Но даже если б и захотела. Маленькую Эрну ждут дома? А большую? Вся жизнь прошла под несчастливой звездой «Полынь»! Великий Боже, вся ее жизнь!

Только один раз сын слышал, как она прошептала, сквозь судорожные всхлипывания.

– Ну почему даже у нищих и мерзавцев бывает дом, где тепло, уютно и семья, а у меня никогда. Дома у меня нет, а враг есть! Безжалостный враг! Кто-то проклял меня, от самого рождения проклял, только не знаю, за что!

Они приехали в отель на такси. Эрна не жаловала барбитураты без крайней необходимости. Но тут она согласилась в виде исключения принять таблетку и уснула. А Паша спустился в бар. Он заказал крепкий коктейль, посидел с полчаса – подумал, и спросил у кельнера, где тут интернет. А затем вызвал по Скайпу Сеницу. Поговорив, он взглянул на часы – надо посмотреть почту.

– Ох, в Москве на два часа позже, чем в Мюнхен. А в Лондоне... Вечно я путаюсь с этим делом, ну ничего, еще не поздно, можно тоже по Скайпу, – пробормотал молодой человек.

Через несколько минут на экране появилось милое улыбающееся личико. Паша уселся поудобнее. Морщины на его лбу разгладились, озабоченное выражение сменилось радостным ожиданием

– Эвелин? Ну вот, наконец, и ты!

Эрна почти весь день наавтра пролежала. Они, и впрямь, вызвали врача. Однако все обошлось и постепенно снова вошло в свою колею.

А дня через два Паша после завтрака снова заговорил с ней о пережитом. Он сказал.

– Ты знаешь, я долго думал, что после таких передрыг тебя следует беречь. Объяснить, что произошло, необходимо. Но постепенно. Не вдаваясь в подробности. Я постоянно советовался с врачом. Он меня поддерживал. Тогда это было пра-

вильно! Но время идет. И я вижу, теперь тебя мучает неизвестность.

Я снова посоветовался, но не с врачом, а с человеком, который помог тебя отыскать. Это Петр Андреевич Синица, я тебе говорил. Его сотрудники продолжали все это время для нас работать. И они снова после нападения дознались, что к чему. Мне самому об Эльзасской истории тоже не все известно. Но он обещал теперь остальное прояснить. Словом, он предложил приехать. Я сам с радостью согласился. А тебе не говорил, пока не уверился, что дело не сорвалось. И вот утром Синица прилетел, а в семь хочет встретиться с нами. И если ты не против.

Эрна подняла голову. Она побледнела, но на ее лице появилось новое выражение. Это было внимание и надежда.

– Тот самый Синица? И я, наконец, пойму? Едем! Где вы договорились?

## **49. Антон Найденов**

Они сидели в итальянском ресторане уже два часа, а Эрна все не могла справиться со странным чувством, словно молодой рыжий парень лет тридцати с густой шевелюрой во все не детектив, а ее племянник или старший сын? Его круглые серые глаза в густых ресницах забавно моргали, если он удивлялся. Иногда он сердился, и тогда весь заливался краской, как бывает у белокожих людей с веснушками. Он был

смешлив, и вообще охотно широко улыбался, демонстрируя ряд отличных ровных белых зубов.

Петр держался джентльменом. Он занимал Эрну разговором о Москве. Он рассказывал о премьерах и погоде. Он пересыпал беседы анекдотами. Он лихо, лучше Паши болтал по-немецки, тут же объяснив, что в Мюнхене живет его мать замужем за одним из наших. Они одноклассники. Но он немецких кровей, вот и уехал сюда, и преуспел. Если ей интересно, он когда-нибудь с удовольствием расскажет.

Так он болтал, и Эрну, безумно волновавшуюся сначала и напряженную как струна, через полчаса понемногу отпустило. Она приготовилась слушать про себя. И только тогда, ни раньше и не позже, рыжий хитрец начал свое повествование.

Он рассказал про бравого французского офицера де Коссе. Тот был красив и храбр, жил в свое удовольствие и долго не задумывался о браке. Пока не встретил однажды после великой Победы в незабываемом сорок пятом ее мать. Они полюбили друг друга и поженились во Франции.

Был такой поэт Симонов, сейчас его мало знают. Но его мама. А, Эрна тоже помнит? Ну, тем более! Так вот, у Симонова есть строчка: «Всем смертям назло!» Именно так они и поженились, а еще назло всем запретам и правительствам!

Да, поженились они. А жить вместе, иметь нормальную семью этим людям не пришлось. Кира вынуждена была уехать. Мужа к ней не пускали. Но однажды они встретились. И на свет появилась Эрна.

А затем Петр объяснил, что у ее отца существовал младший брат. Он был гораздо, намного младше первенца Эрнста. Брата считали без вести пропавшим. Но военная странная и страшная судьба занесла его в Россию. Он жил там под именем Степана Найденова, был долго разведчиком и разузнал, что приключилось с его французской семьей.

– Нам удалось по разным фрагментам восстановить примерный ход вещей, – рассказывал Синица. – Нечего говорить, что такие люди, как полковник Найденов, не пишут дневников. Но мы серьезно работали. Вы, Эрнст Александровна, окрепнете немного и сможете прочитать наши отчеты. Наш историк, которая очень помогла установить истинные мотивы полковника, тоже в Вашем распоряжении. Но вернемся к младшему брату. Его грызла досада. И он вредил! Но об этом Вы знаете уже от Паши. Поэтому не будем на нем сейчас останавливаться. Ведь преступник, тот, что устроил Ваше похищение, тот, что стрелял – вовсе не Степан Матвеевич Найденов!

– Ко мне в больницу приходили люди КРИПО<sup>18</sup> и задавали вопросы, – вздохнула Эрнст. – Они обо всем знали больше меня. Комиссар сказал, что при нем нашли документы. Назвали имя. Оно мне тогда ни о чем не говорило. Следствие продолжается. Я только знаю, что стрелявший погиб. А Паша.

– Я старался поменьше об этом вспоминать. Погиб и по-

---

<sup>18</sup> КРИПО – сокращение от „Криминальная полиция“



гиб. Туда ему и дорога, подлецу! – сжал кулаки молодой человек.

– Поковник уже умер, а кто ему этот тип, отчего это все и за что, не знаю сам до сих пор, – закончил он.

– Это его сын. Сейчас объясню, – кивнул головой Петр, – я недаром тут дневники помянул. Разведчики, те дневников не оставляют. А сейчас каждый ведет фотолетопись, выясняет свою родословную, пишет на компьютере жизнеописание и т. д. Так вышло, что мы про гада узнали из новостей, сложили два и два и поняли, кто такой. Остальное было делом техники. Мы, конечно, несколько, того. Да не о том разговор, – несколько смущенно заметил тут Синица.

Узнав о случившемся, Володя Расторгуев быстро нашел адрес Найденковского сына. Тот жил один в загородном коттедже в подмосковном поселке для «слуг народа». Эрна Мухаммедшина, увидев этот дом, его бы сразу узнала.

Антон разъехался со своей семьей. В доме было пусто. Только в сторожке жил дворник с женой. И хоть поселок, как водится, охранялся, проникнуть туда «газовщикам» не составило труда. Они явились вдвоем, потрясли перед носом вахтеров зелеными книжечками с фотографиями и, в присутствии бдительного дворника, осмотрели газовое отопление, ни тронув и пылинки. Только Володин друг, первоклассный хакер, скосил глаза на компьютер и ноутбук. На следующий день у соседей из подземного гаража вдруг повалил черный дым. Дворник поспешил на помощь. Вызва-

ли пожарников. Те к буржуйам не очень торопились. А когда явились, установили, что кто-то подбросил в гараж дымовую шашку.

Ничего не случилось. Тревога улеглась. Соседи и Найденовская обслуга вместе поругали хулиганов, поворчали на неповоротливых пожарных и разошлись.

– А мы пока суд да дело скопировали, что надо. – Довольно хмыкнул Сеница. – У нас есть все, в том числе и жесткий диск. А вместе с ним вся история слежки за Вами, похищения, и, наконец, последнего.

– Акта драмы, хотели Вы сказать, – натянуто улыбнулась Эрна. – Ну вот, а теперь. Верно, любому другому хотелось бы подробно узнать, что произошло. Например, отчего в Израиль? Кто, каким образом и когда? Но. Я понимаю, как Вы удивитесь, если я скажу. Вообще, – она собралась с духом и подняла глаза. – Не сочтите, пожалуйста, это неуважением к Вашей работе. Только я ничего такого не хочу. Вернее, я не могу. Пока – не могу! Но в то же время. я не могу и больше дышать, пока я не пойму, почему! И не узнаю, за что!

Эрна зажмурилась. По ее лицу опять покатались слезы. И она, отвернувшись, принялась судорожно искать платок.

Мужчины растерялись. Паша вскочил, потом вытащил из кармана пузырек с лекарством и принялся капать его в стакан с водой. А Петр коротко кивнул.

Примите, пожалуйста, то, что Паша приготовил. Эрна Александровна, я Вас хорошо понимаю и все сейчас расска-

жу. История эта недлинная.

Антон Найденев был парень как парень. Он хорошо учился. Без труда поступил в университет, занимался спортом и всюду был на хорошем счету. А после окончания неожиданно сам попросился на военную службу. Когда он отслужил два года офицером, уже были на подходе перестроечные времена. Но Антон успел поработать в Горкоме комсомола и заручиться полезными знакомствами. Жизнь скоро закипела, среда вокруг напоминала питательный бульон для размножения колонии бактерий. Бульон пузырился и бурлил. Создавались и распадались фирмы и фирмочки. Эпоха первоначального накопления капитала началась.

Найденев преуспел. Он был толковый, энергичный и образованный человек на нужном месте в нужное время рядом с нужными людьми. Он стал богат. Не прошло и нескольких лет, как у него появились все мыслимые блага. У Антона в распоряжении был собственный банк, несколько заводов по производству сжиженного газа, земля с газоносными горизонтами, перспективные газовые разработки. Он женился, стал отцом двух детей. Некоторое время все шло благополучно.

Но большие деньги – большие соблазны. Постепенно появились проблемы, о которых никто раньше не задумывался. Антон, работавший всегда очень много, редко бывал дома. В семье нарастало отчуждение. Дети избаловались. Жена раздражалась. Она сидела дома с детьми несколько лет. И

наконец, решила, что пора заняться своей жизнью.

– Я бы хотела открыть собственный отель. Не здесь, а в Австрии. Как ты смотришь на это? – однажды вполне мирно спросила она.

Антон и Лина учились вместе. Она специализировалась на управлении. И прошла два семестра в Вене, занимаясь отельным менеджментом. Антон внимательно посмотрел на жену и ответил, что подумает. Но на завтра в банке «Найгаз» рано поутру оказались вдребезги разбиты два зеркальных огромных стекла, а стены черной краской исписаны похабщиной.

Лина получила в тот же день по почте толстый конверт. Из него высыпались фотографии детей – Иры и Алеши, за ними последовало письмо с угрозами. Телефоны дома трезво-нили и отключались попеременно. Шины ее машины, всего несколько минут простоявшей перед домом, оказались проколоты в четырех местах.

Антон не заставил себя ждать. Он был из тех, кому не надо два раза повторять. Уже через неделю Лина с детьми вылетела в Вену, откуда они затем перебрались в Зальцбург. Там вскоре дети поступили в частную школу, где неподалеку у четырехзвездочного отеля сменился владелец.

Молодая его хозяйка собрала персонал. Она сказала, что никто не будет уволен. Она хочет бережно хранить традиции – история гостиницы насчитывает более двух веков. Но уже куплено новое белье, доставлена столовые приборы и посуда,

а скоро начнут постепенно менять старую сантехнику. Еще она пригласила сомелье – обследовать и сформировать перwokлассный винный погреб.

Отдельная личная беседа с шеф-поваром заставила того поволноваться. Корректная красивая черноглазая чертовка вежливо известила его, что к ним в течение двух недель нагрянут специалисты-комментаторы из нескольких журналов, пишущих о кулинарии.

– Мы должны отряхнуть пыль. лучше сказать, отполировать все, что заржавело! Скажите, герр Зандлер, какая Вам нужна помощь. Мы будем завоевывать репутацию. И я готова на инвестиции.

В конечном счете все остались довольны. Фрау Найденофф не имела ничего общего со страшилками «Русские идут». Деловитая и толковая, она и впрямь руководила, а не придиралась. Ее английский язык был куда лучше, чем у любого сотрудника отеля. А уж внешность, манеры, безупречные костюмы.

Антон приезжал иногда и ненадолго. Дети держались отчужденно. Они, определенно, подтянулись и поздоровели. Но... В общем, все было совершенно ясно.

Тем временем, крутые ребята не дремали. Его обложили по всем фронтам. Он сам был вовсе не промах – у него были деньги, друзья и неплохие связи. Но у них тоже! Однако, Антон Найденов, пусть вовсе не святой, был сам не бандит. И не велся напрямую с бандитами. А люди, которым захоте-

лось его проглотить, те жили без лишних предрассудков.

Итак, враги были БЕЗ предрассудков, поэтому Найденов младший вскоре оказался БЕЗ заводов, месторождений, большей части капитала.

Кое-что удалось спасти. Еще, конечно, оставался отель.

Лина повела себя безупречно. Она не требовала развода. Не пыталась делиться. Дела у нее шли очень хорошо. Она стала переводить Антону ежемесячно несколько тысяч на жизнь. Это было невыносимо!

Антон снова принялся за дело. Он начал с нуля, не пытаюсь воевать. Оставшись один, он осознал, что ему как-то не до серьезной личной жизни. Он устроил свой быт, для этого средств хватало. Что касается остального, Найденов навещал под настроение небольшой домик на Таганке, который его прежние знакомцы называли «Китайский чай» за лаковые черные и красные стены, бумажные фонарики да пестрых рыбок в аквариуме. А пуще всего из-за нежных маленьких китаянок, подававших вкусную еду и оказывающих другие нужные услуги.

С родителями у Антона всегда были ровные хорошие отношения. Когда мама умерла, он сделал все, чтобы у отца больше не было ни малейших денежных забот. Это, как раз, прекрасно получилось. Его старики и раньше не нуждались. Но теперь он купил и обставил квартиру в старом доме, у которого были настоящие, а не картонные стены и высокие потолки. Дача у полковника тоже сделалась что надо. А в да-

леком островном государстве на его имя открыли солидный счет в твердой тогда еще валюте.

Антон работал на завтрак, работал на обед и на ужин, в будни и воскресения. Постепенно его дело снова набрало обороты! Но владелец все больше замыкался, чувствовал себя вечерами опустошенным и стал плохо спать. Ночью он лежал часами и глядел в пустоту, стараясь ни о чем не думать. Но цель ни на секунду не забывал! Он будет опять большим боссом! Гораздо больше, чем прежде. И тогда уж сочтется кое с кем. За ним не заржавеет! Впрочем, ряды его врагов редели. Одного, самого крутого, взорвали в роскошном казино собственные дружки. Другой – сластолюбивый крупный жулик – умер от инсульта, нализавшись какой-то гадости, которую он обычно запивал баснословно дорогим виски, и только так! Осталось только двое.

Настали новые времена. Соловьи запели иные песни. Новые ястребки, верно, не посмели бы ползть на сына человека «из органов». Пусть даже этот сын поспел, заколосился и дал хороший, рекордный урожай!

Антон давно уж не получал переводов из Австрии. Наоборот, он стал посылать туда деньги, но Лина, поблагодарив, скоро вежливо отказалась. Теперь она написала ему, что хочет получить развод. О, она его не торопит! Если ему сейчас это неудобно, она потерпит. Пусть только скажет, когда!

Лина собиралась замуж за веселого дружелюбного чадолюбивого Нильса, владельца процветающего ресторана и

знаменитого на весь город кондитера. У него было тоже двое детей. Он был вдовец, его жену горнолыжницу накрыло в Альпах лавиной.

Отцу Антона, полковнику пришло время уйти на покой. Он был давно в отставке, но работал. И вот решил, что достаточно. Степан Матвеевич попытался поговорить с сыном о том, что негоже быть долго одному. Антон еще молод! Тот в ответ пожал плечами и обещал подумать. Он со своей стороны предложил отцу съездить к внукам. И услышал, что дети могут сами его навестить.

Антон обещал подумать. И ему, и впрямь, пришлось крепко подумать, только о другом. Его снова решили сожрать. Теперь это называлось рейдерство – противное новое слово.

На этот раз, обжегшись на молоке, он не дал себя полностью раздеть. В природе существовала Лина. Она получила австрийское гражданство и завела для Найденова легальный счет, оформив его как инвестиционный фонд на свое имя. Бедность Антону не грозила ни в коем случае. Только его теперешние противники. Что там прежние ястребки! Один из оставшихся в живых, кстати, разорился и тихо спивался, сидя у себя дома. Другой, последний – старая развалина, не стоил труда. А вот актуальные враги!

Богатые люди из тех, кого звали нынче силовиками, в средствах не стеснялись. Его снова прижали к стенке. И недвусмысленно дали понять, чтобы не думал трепыхаться. К нему послали гонца, который громким шепотом вещал по-



сле рюмки коньяка.

– Тебя посадят. А что бывает в тюрьме? Кто больше заплатит за «правильное решение», еще вопрос. Об этом можно поспорить. Да ведь до суда, старик, нужно дожить! А все, как известно, под богом ходим. Ну как, я понятно объясняю? – втолковывал толстый, лоснящийся, обычно, самодовольный «гонец», на этот раз явно и непритворно струхнувший сам.

– Ты, может, мне не веришь? – напыжился он.

Найденов верил. Он не пошел домой, а отправился к отцу. Долго он сидел молча. А потом взял и рассказал первую историю подробно. За ней – вторую. Какого же было его недоумение, а потом изумление, когда он услышал от полковника.

– Тебе здесь попросту не судьба! Ты в Австрию не хочешь?

Просто невероятно. Его скупой на слова отец, безупречный патриот! Нет, в Зальцбург он не хотел. Он не желал жить чужим рядом с людьми, которые у себя. Могло быть только наоборот. Дело не в деньгах. Он...

Антон попробовал это объяснить отцу, подыскивая с трудом слова. Он сам для себя пока не нашел ответа. На действующем вулкане он больше жить не хотел. К самоубийству был не готов. Чем с ЭТИМИ бороться всерьез, проще застрелиться. Меньше мороки, унижений и мучений.

Так, где же он мог бы жить, и как?

– Я вижу, что у тебя депрессия. Ты хочешь и можешь, на-

верно, укорениться там, где ты защищен законом и традицией. Но мало того. Где все понимают – ты тут по праву, и что твое, то – твое! – сумрачно сказал отец. И Антон опять удивился. Старик все уловил на лету.

– Я вижу, – сдвинул брови полковник, – пришло время тебе сказать. Что ж, я готов! Садись и слушай, сынок. История не простая, наберись терпения. Но скучно тебе не будет, это я обещаю.

Антон не верил своим ушам. Но не сомневался в отцовском рассказе ни секунды. Он внук барона де Коссе! Это неопровержимо. Вот он, живой свидетель, его собственный отец. А там, в Эльзасе. В Кольмаре стоит, как ни в чем не бывало, их родовое гнездо. Его собственный м-м-м замок?

Вот же оно, решение! Доказать свои права! Они с отцом туда приедут, и все! Выяснилось бы это двадцать лет назад, следовало еще подумать. Но теперь – никаких препятствий! Коммунизм накрылся медным тазом. Отец в отставке. Возможные служебные трудности отпадают. У младшего Найденова просто закружилась голова. Бесспорно, он это заслужил! После всех его испытаний! После горьких дум, что ему, кроме мести, в жизни ничего не осталось!

Все стало на свое место. Смешно его даже сравнивать с выскочками, вчера сидевшими на рынке в ларьках. С разными полуграмотными парвеню. Эти все покупают за свои быстрые «отмытые» деньги. Сами, словно пена после мытья, они напоминают грязные пузыри. Сияют бензиновыми раз-

водами часок и лопаются с душной вонью. Зачем связываться с подобной мразью?

Нет, то ли дело – Антон! Денег у него хватит, да разве дело в одних деньгах? Он будет полноправным французским гражданином, владельцем фамильного особняка в Кольмаре. Он выиграл у судьбы! Антон вскочил, забежал по комнате с раскрасневшимся лицом и засмеялся. Он чуть не бросился своему отцу на шею, но сдержался. У них не приняты были изъявления чувств.

– Папа, давай чокнемся, это грандиозно! Там у тебя из старых запасов что-нибудь. Я знаю, тебе надо осторожно. И я сам не питух. Но чуточку. Хочешь, «Абсолют», или этот подарочный – КВ<sup>19</sup> семьдесят второго года? Ну-ка, давай, по наперсточку. И знаешь, ты меня убедил! Австрийские родственники у нас с тобой приличные люди. Но теперь это пройденный этап. Французы мы или нет? Понадобится, так заведем себе новых!

Он достал маленькие искрящиеся коньячные рюмки, привезенные отцу когда-то прямо с завода из города с чудным названием «Гусь-Хрустальный», таким же звонким, как сам хрусталь. Любовно отделанный вручную, с высоким содержанием свинца хрусталь. Да не прессованный, а с «алмазной гранью»! Редкость по тем временам. Антон налил в них из пузатой темной бутылки, извлеченной из резного маминого серванта.

---

<sup>19</sup> КВ – коньяк выдержанный

Отец не противился. Он улыбнулся, но улыбка вышла невеселая. Когда они чокнулись и выпили, Найденов сказал.

– Антоша, ты еще не все знаешь. Я рад, что у тебя такое настроение. Да только имеется препятствие.

Выслушав все, что мог ему сообщить отец, Антон глубокой ночью отправился домой пешком, оставив машину у полковника в гараже. Его московская квартира была неподалеку – быстрым шагом идти с полчаса. Ночь выдалась холодная и промозглая, но он ничего не замечал. Он думал.

Он выслушал в пол-уха неловкий рассказ отца о его смятении и раскаянии. Как тот жалеет о том, что злился и досадовал на ни в чем неповинную женщину и ее дочь. Жена его старшего брата не знала о его существовании. Тем более, она не сделала ему ничего худого. Все это только судьба. Их всех перемололо жерновами. Каждого по-своему. Теперь он это понимает. Но ничего не вернуть. Пусть Антон не повторяет его ошибок. Он поможет сыну доказать его происхождение! Раз так получилось – это его долг! А все остальное – особняк, земля и что там еще осталось, уже не важно. Деньги есть, права он получит, и тогда его двоюродная сестра Эрна. Это даже хорошо! Вот у него в Москве не было сестер! Между прочим, она, известный специалист, доктор медицины, с такой не стыдно породниться.

И сын внимательно слушал и кивал. Он не возражал, не спорил, только иногда задавал уточняющие вопросы.

– Папа, а ты знаешь, где эта Эрна живет и работает сей-

час? – под конец спросил Антон, а выслушав ответ, довольно быстро засобиравшись домой и распрощался.

Антон Найденов к тому времени прошел огонь, воду и медные трубы. У него были разные знакомые в разных кругах. Он знал, к кому, за сколько, за чем можно обратиться. А тут обратиться было просто и безопасно!

Доктор наук? Тоже мне проблема! Если бы – нефтяной магнат, важный чиновник, могущественный политик! Как ее там, эту двоюродную? Эрна Мухаммедшина? Нет, дудки. Мы ее назовем иначе. Отныне ее зовут – «Помеха». И что делать с помехой – вполне понятно. Помеху следует устранить!

– Эрна Александровна, этот человек в электронном дневнике подробно живописал свои мотивы и поступки, – продолжал Петр. – Ему ведь по-своему фатально не везло. И вот забрезжила надежда все исправить, да еще посмеяться над недругами. И вдруг – такая незадача. Препятствие! Причем, препятствие, с его точки зрения, не серьезное. Всего лишь, беззащитная женщина!

Найденков младший, по-моему, вовсе не кровопийца от природы. Он пишет, что он сначала решил «сестру» просто устранить. Он нанял ребят, и Вас увезли, не особенно обижая. Они Вас отправили подальше.

Придумали эту историю с Израилем. А дальше хотели посмотреть, как пойдут дела.

Антон уже предпринял нужные шаги. Нотариус в Кольмаре начал работу. Полковник дал показания. Подняли ар-

живные дела. Подключили судебно-медицинскую экспертизу. Сейчас такие вещи, как кровное родство устанавливают с помощью анализа ДНК. Да что я Вам рассказываю! Вы это знаете как врач лучше меня самого. Но все это -длинная бо-дыга. Надо было ждать! Он не знал точно, как с Вами поступи-ть. Думал, может, поместить Вас в монастырь. Но в его планы постоянно вмешивался рок.

Вас похитили экстремисты. Он обрадовался – чего же лучше? А Вас спасли! Он был в растерянности. Как теперь повернется? Вы оставались Селиной. Это его вполне устраи-вало. Но однажды и память к Вам вернулась! Тем временем его старик отец все сдавал. И, наконец, умер. Мне кажется, тогда уж Антон совсем съехал с катушек.

Все его действия. Пожалуй, не только действия, но и за-писи, становились все менее рациональны. Вот для начала – разве обязательно было Вас угробить, чтобы утвердиться как де Коссе? Вовсе нет! Его положение не было безвыход-ным. С другой стороны, не был он и ущемленным неудач-ником. Совсем напротив! Антону раньше многое удавалось! Нормальное детство. Хорошее образование. Успех в делах. Но вот когда все стало катиться под уклон... Тут постепенно он делался все более одинок, все сильнее озлоблен. Мне ка-жется, он слишком дорого заплатил за успех. Его высушило, словно солончак. С ним стало холодно жене и детям. Они ушли. А он даже не очень и заметил. В нем самом что-то все умирало и умирало.

Дальше произошло нечто клинически хорошо понятное. У него снова появились враги – сильные, опасные люди. Много сильнее него. Это его почти добило. И вдруг открылась фамильная тайна, и он решил – выход есть! Все устроилось. Можно бросить с ними бороться, не потеряв при этом лица. Тут-то и появляетесь Вы. Помеха! Но вовсе не опасная сама по себе. Ему ничем не грозит!

Ну он и сконцентрировался на Вас. Все зло мира, все, что его до сих пор раздражало и мешало – это Вы! Он Вас уберет, и жизнь наладится! Помеху следует устранить! Заметьте, это гораздо проще, чем властных толстосумов! Устранить мешающую помеху, а не получится, так убить!

– Знаете, Петр Андреевич, слушаю я Вас и вспоминаю Льва Гумилева. Пассионарии, у которых редуцирован инстинкт самосохранения. Насколько я поняла, он о себе больше уже не думал. Опасность для себя самого перестал оценивать. Ведь он же не боевик! А тут решил меня застрелить. О детях не вспоминал – а Вы сказали, что у него дети есть! Он все поставил на карту, чтобы стереть с лица земли Эрну Мухаммедшину. Господи, зачем! Вы удивитесь, а мне жалко этого несчастного психа. Взял, да и погиб.

Вы понимаете, у меня не было семьи. Толком не было родных. А сейчас оказалось, рядом в Москве жили мой родной дядя и его сын. И оба только и мечтали сжить меня со свету, хоть я их ни разу в глаза не видела!

Просто какой-то абсурд! Где-то есть дом, он принадлежит

Найденовым. Ну и хорошо! Так нет же, эти и без того состоятельные люди гнобят на всякий случай меня. Я существую на свете. Так как бы не помешала! А ведь мы... Знаете, Петр Андреевич, квартирка, что мы купили, она пока не наша. За нее еще надо платить. Я успешно работала и хорошо зарабатывала. Если бы все шло и дальше без сучка, без задоринки, через пару лет мы бы погасили долг. Теперь – другое дело. Это безнадежно.

Пока Эрна с горечью, но без всякой аффектации это говорила, на лице Петра появилось удивленное выражение, сменившееся явным недоумением. Эрна опустила голову. Она сцепила руки и смотрела на них. Поэтому она не видела его протестующего движения. Не видела и того, как Паша, вставший у ней за спиной, делал Петру какие-то странные знаки, и наконец, замахав руками, приложил палец к губам.

Эрна переволновалась. Она выслушала Петра, отзываясь всей душой на каждое его слово. Ей трудно было свыкнуться с мыслью, что все это о ней. Так не похоже на ее привычную жизнь, отнюдь не рутинную и безоблачную – сколько она сама перенесла передраг! Ее повседневность – будни оперирующего хирурга, даже обычный прием пациентов – вовсе не тихое болото. И все же она доктор Мухаммедшина. А это – про Эрну де Коссе!

И все же она испытала облегчение. Она поняла!  
– Я Вам благодарна за все, Петр Андреевич. И больше всего, за то, что Вы внесли ясность во все, что произошло. Ме-



ня убивала мысль, что кто-то меня преследует, кто-то ненавидит, а я не понимаю, за что! Ой, извините, я устала ужасно, мне, вероятно, лучше пойти прилечь, -со вздохом сказала Эрна и пожала сердечно Петру руку.

– Паша сказал, Вы побудете немножко с нами. У Вас есть несколько дней. Мы с Вами еще увидимся? – из последних сил улыбнулась она, и мужчины увидели вдруг, как сильно она осунулась, и краски сбежали с ее лица.

– Ну конечно! Мы завтра созвонимся и все решим. А сейчас Вам надо немедленно отдохнуть. Вы с Пашей идите в машину, а я сейчас, -заторопился Синица, – только, Паша, пусть мама спокойно собирается, а я тебе пока дам несколько адресов. Иди сюда, запиши. Это интересные места.

И он отвел молодого человека в сторону.

– Послушай, объясни мне, пожалуйста, как могло получиться, что Эрна Александровна до сих пор не знает. Ведь она не знает, или я ошибаюсь?

– Да, верно. Тут не было никакого умысла. Вспомните, сколько всего за последнее время с нами произошло! Потом случилось нападение. Надо было бороться не с ветряными мельницами, а с огнестрельными ранами. Поэтому родственники, наследство – вы удивитесь, но мы этого просто еще не касались. Я однажды попробовал начать, а мама сказала -подожди, лучше позже. И тут как раз возникла новая мысль. Эвелин предложила. Ну то, о чем мы с Вами недавно говорили.

При этих словах Петр с интересом посмотрел на Павла, а тот, почувствовав этот взгляд, слегка порозовел.

– Петр Андреевич, так Вы же одобрили, Вам понравилось?

– Идея отличная. Я просто не знал, кто ее источник, – замахал руками и Синица, – но мы заговорились, тебе пора, мама заждалась.

Они быстро оделись и уехали. И в этот день больше ничего не произошло. Только когда Эрн уже спала сном праведника, Паша снова долго с кем-то разговаривал по Скайпу, то и дело связываясь с Синицей, тоже не терявшим времени и ведущим активные переговоры с разными людьми.

## **50. Рождественская ночь в городе Кольмар**

Прошло еще несколько дней. Эрн с сыном договорились отложить серьезные разговоры и планы на будущее до Нового года. А пока просто отдыхать. Они переезжали с места на места без особого плана. Останавливались там и сям. И то ходили по музеям, то шатались без цели по городам и весям, с удовольствием пробуя разную кухню в хороших ресторанах, а по вечерам слушая музыку, приуроченную к рождеству, в концертных залах и соборах. До рождества осталось только два дня, когда Паша предложил.

– Мы с тобой двигались все время по направлению к Базелю. Давай, доедем туда на поезде. Я покажу тебе, где я рабо-

тал. А там нас встретит Петр Андреевич. У него есть неподалеку дела. Он мне сказал, что приготовил сюрприз. Он пригласил нас с тобой на Рождество к своим друзьям. Они обещали показать нам много интересного. Мы там погостим, а дальше, как ты захочешь. Можно.

– Даже не продолжай. Лучше не будем загадывать! Петр предложил? Этого достаточно. Этот человек вызывает у меня безотчетное чувство доверия. И потом. Я не припомню за последние десять лет, чтобы мне кто-то делал сюрприз, – ответила Эрна.

Поэтому они так и сделали. Покрутились денек в Базеле, переночевали там в отеле и отправились в гости.

Паша взял напрокат машину – красивую удобную серебристую тойоту. Эрну почему-то разморило перед дорогой, она забралась на заднее сидение и задремала. А когда проснулась, уже стемнело. Они остановились перекусить, и опять поехали. Навигатор в машине скрипучим голосом рулил и занудливо методично сообщал количество метров до очередного поворота. А Эрна, пересевшая вперед, снова прикрыла глаза, но сон не шел. Они молчали. Эрна лениво подумала: «Почему Паша сегодня такой непривычно тихий? Надо бы спросить.» Но тут скрипучка скомандовала остановиться. Машина плавно затормозила. И они вышли.

Эрна в Базеле зашла в парикмахерскую и попросила привести волосы в порядок. Они посоветовались с мастерицей

и решили, что лучше всего подкраситься, ей подойдет цвет молочного шоколада. Получилось хорошо. Волосы, красиво подстриженные, с одной светлой прядью надо лбом, отливали теперь бронзой при свете фонаря. Эрна за время своей болезни очень похудела. Она с удивлением обнаружила, что все тряпки ей велики. И, купив в бутике миланское палевое платье с коричневым кантом на два размера меньше привычного, чувствовала себя девчонкой. На ней была легкая пушистая шубка из канадской белки и теплые сапожки.

– Пашка, далеко ли нам идти? Ой, снег пошел. Шапочка у меня с собой, но.

– Да нет, посмотри, вот дом в глубине сада. Тут две минуты. Они остановились на стоянке около высокой фигурной решетки. Красивые ворота медленно растворились, стоило Паше нажать кнопку, и они вошли.

На улице было холодно, но совершенно безветренно. По сторонам от аллеи все утопало в глубоком снегу. Он, видно, недавно перестал, а сейчас опять пошел. Это были сухие легкие снежинки, совершенно беззвучно, незаметно спускающиеся вниз. Они сверкали в свете старинных фонарей, освещавших хорошо разметенные дорожки. Дом, красивый благородных пропорций особняк, приветливо сиял всеми окнами. Перед входом стояла большая, украшенная разноцветными гирляндами елка в керамической кадке, кроны окружающих дом деревьев светились прозрачным нимбом. Это

были те самые крошечные лампочки, что так нравились Эрне.

– Скажи, а где Петр Андреевич? Он нам адрес дал. А сам уже там? Эрна остановилась на мраморной лестнице, покрытой жестким коричневым шершавым ковром. Ее опушенные мехом сапожки на нем не скользили. Она осмотрелась. Массивные торжественные деревянные двери с правой стороны были снабжены кнопками и переговорным устройством. Эрна окинула взглядом дом вместе с нарядной елкой и по ее лицу пробежала тень.

– Мам, ты о чем сейчас подумала? – спросил Павел.

Эрна досадливо качнула головой и не ответила.

– Нет, ты скажи, – не отставал он, – ты снова вспомнила о детстве? О том, чего не было? Глядя на этот дом, тебе пришло в голову то самое?

– Ох, ну перестань. Я же молчу. И я не хочу.

– Я понимаю. Ты думаешь – вот у других есть. А у тебя не было и не будет.

В этот момент дверь растворилась, и в проеме возник парадно одетый рыжеволосый владелец «Ирбиса».

Да он никак в смокинге! – пронеслось в голове у Паши, пока он здоровался с Петром и, придерживая дверь, помогал маме войти. Действительно, Синица выглядел ослепительно. Его густая шевелюра, ухоженные усы, бабочка и сверкающие туфли – все было безупречно. Он бережно повел Эрну по па-

радной лестнице к гардеробной, помог раздеться и с искренним восхищением, глядя в ее янтарные глаза рассыпался в комплиментах. Он похвалил и заметил все. Он даже уловил, что у нее сегодня другие духи!

– Знаете, Эрна Александровна, бедные Ваши пациенты! Как можно даже заикнуться такой вот женщине, что ты не совсем здоров? – журчал ей на ушко Петр. – Но нам пора. Я вижу, что Вы не забыли мою просьбу, – добавил он, показав на медальон.

– Я даже купила к нему серьги браслет и кольцо. Времени было мало. Но все равно мне доставило удовольствие подобрать вещицы именно к нему.

Эрна и не заметила, как опять отвлеклась от невольного волнения и невеселых мыслей. Они остановились перед раздвижными створчатыми стеклянными дверями. Петр взялся за ручку и пропустил Эрну вперед

В просторной ярко освещенной гостиной горел камин. Тут тоже была елка, она стояла в глубине около эркера, выходящего в сад, рядом с накрытым столом. А около камина на диванах и мягких креслах красного дерева расположились нарядно одетые люди разного возраста, которые тут же вскочили со своих мест и устремились к ней.

Высокий мужчина с седым ежиком вырвался вперед. Он снял дымчатые очки, не глядя сунул их в руки моложавой женщине, справа от себя и в необычайном волнении протянул руки навстречу Эрне. Она всмотрелась. Боже мой, какое

безумно знакомое лицо! Где она могла его видеть? Но что он такое говорит? А он непрерывно говорил! Его голос, который то звучал глухо, то звенел, повторял почти одно и то же на разные лады.

– Здравствуй! Здравствуй, Эрна! Меня зовут Фред. Я так счастлив, что дожил до этого дня и тебя увидел. Вот и ты, моя дорогая! Теперь ты у меня есть. А я у тебя. Ты моя сестра, настоящая сестра! А это моя жена и дети.

Тем временем молодые люди Пашиного возраста или несколько старше присоединились к взволнованной речи своего отца, и совершенно ошеломленная доктор Мухамедшина услышала.

– Здравствуйте, тетя Эрна! Вы позволите нам так Вас называть? Мы Ваши племянники!

Молодая девушка, резвая как жеребенок с такими странно знакомыми глазами, бросилась Эрне на шею и вдруг заплакала.

– Я так рада за папу! У него никогда... Вы не сердитесь на меня? Можно, я Вас поцелую?

– Мои дорогие! Дайте же вашей тете прийти в себя! Вы ей не позволили еще сказать ни одного слова, – вступилась женщина постарше, которую Петр назвал Джоанной.

– Тетя Эрна, мы не всегда такие утомительные. Мы умеем обычно себя вести! – подхватил молодой человек.

– Вы, правда, не сердитесь? Ну что же поделаешь, такая у Вас теперь семья! Родственников не выбирают! – развел

руками молодой человек.

– Господи, вы это все серьезно? Вы моя семья? И значит, это в ваш дом меня пригласили на Рождественский вечер? Я все еще ничего не понимаю, но я.

Эрна беспомощно оглянулась на Пашу и Синицу. Петр открыл рот, но Фред, а это был он, его опередил.

– Да, сестричка! Мы твоя семья. И – нет! Это не мы сегодня пригласили тебя. Этот дом твой, его завещал тебе отец. Ты пришла к себе, вступаешь в свои права и, если захочешь, ТЫ пригласишь нас и, как полагается, встретишь Рождество в кругу семьи. Мы тебе все сейчас расскажем. А пока посмотри, пожалуйста, вокруг.

И он повел ее вглубь комнаты к елке, где на стенах были развешаны фотографии и портреты.

Эрна впервые в жизни увидела красавца летчика рядом со своей молодой матерью. Киру в подвенечном платье, свои... Нет, как же это? Фотографии – их было так немного – детские, сделанные в фотоателье черно-белые фотографии ее и мамы, висевшие когда-то у них дома еще до отчима. Потом они сгнули куда-то, ненужные в его доме никому. И вот они здесь, любовно увеличенные, помещенные под стекло в дорогие рамки. А человек, держащий ее за руку, это ее родной брат! Она всегда мечтала иметь старшего брата, ее ведь некому было защитить! Тем временем, Фред подвел Эрну к зеркалу от пола до потолка и остановился перед ним.

Когда мы готовились к этой встрече, я рассматривал твои



фотографии. Их мне прислал мой племянник Пол. Страшно интересно было. Но чтобы тебя узнать на улице, мне не нужны никакие фотографии. Природа играет в свои странные игры. Я совсем не похож на свою мать!

– А я – на свою, – шепнула Эрна.

– Да, правда! Но мы с тобой вовсе не похоже и на нашего общего отца!

– Да, верно. Я вижу его впервые, но это совершенно ясно.

– Я знаю гораздо дольше тебя, чей я сын. Я сделал альбом, который тебе обязательно покажу. Я точная копия отцовского среднего брата. У них там имелись близнецы. Поэтому была девочка, которая... Знаешь, Эрна, взгляни пожалуйста, в зеркало!

И Эрна, замороженно слушавшая его до сих, пор подняла глаза. Теперь они стояли рядом перед большим зеркалом так, что могли одновременно видеть друг друга и самих себя. И вот оно, это безумно знакомое лицо, янтарные лемурии глаза. Так на кого ж он похож, этот седой человек, ее брат Фред?

– Мама! Вы просто как две капли воды, это невероятно, – ахнул Паша, и остальные подхватили. Это удивительно!

Пробежало несколько секунд или часов? Они все стояли и то бессвязно что-то говорили, то замолкали, не находя нужных слов.

– Фред похож на тебя. На меня. Это мой брат. Это – моя – семья! – твердила себе Эрна Мухаммедшина-де Коссе перед

большим сияющим зеркалом, плача и смеясь.

Она держала за руку своего брата. Слезы застилали ей глаза. Изображение расплывалось и двоилось, однако. Нет, это просто еще одна пара отражалось в этом волшебном стекле.

Молодые люди тоже держались за руки и смотрели друг на друга. Их губы шевелились. Девушка говорила.

– Вот и я! Я надела то самое платье. Ты помнишь? На первой фотографии. Скажи, я такая? Нет, что я говорю! Ты видишь? Все получилось! Сбылось! Я тебе обещала, что случится!

– Неужели это ты! Такая? Ты в тысячу раз. Эвелин, пообещай, ради бога, что-нибудь еще, или я умру!

– Мы не расстанемся, это случится! А теперь посмотри, пожалуйста, сюда. Да нет, на часы!

На камине, на мраморной каминной полке стояли старинные примечательные часы. Большой циферблат был выполнен в виде крылатого диковинного зверя с птичьими когтями. Круглые глаза куницы из темного янтаря и серебряные крылья выделялись на золотом потемневшем циферблате. Стрелки показали как раз ровно семь, и раздалось тихое шипение. Зазвучала мелодия. Колокольчики вызванивали в наступившей тишине.

– Тихая ночь, святая ночь. – услышала притихшая семья давно ушедшего в вечность французского летчика.